

**Светлана КИРИЧЕНКО
Олег ГРЕЧКО
Владимир ТЫЦКИХ**

**КИЕВСКИЙ МОРПОЛИТ
ТРЕТИЙ ВЫПУСК**

**ВЛАДИВОСТОК – АРСЕНЬЕВ
2015**

НАРОДНАЯ КНИГА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА **ВЛАДИМИРА ТЫЦКИХ**
СОВМЕСТНО С ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
АКАДЕМИЕЙ ИСКУССТВ
(РЕКТОР **АНДРЕЙ ЧУГУНОВ**)
РУССКИМ ГЕОГРАФИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ –
ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО КРАЯ
(ПРЕДСЕДАТЕЛЬ **ПЁТР БРОВКО**)

Директор программы **ЭЛЬВИРА КОЧЕТКОВА**
Шеф-художник **ДЖОН КУДРЯВЦЕВ**

СЕРИЯ: **КИЕВСКИЙ МОРПОЛИТ. Вторая книга серии.**

Начало серии положено книгой Александра БОНДАРЕНКО
«Киевский морполит» (Коломна, Инлайт, 2012)

Редактор **Виктор БОГДАНОВ**

Фото из архивов **Владимира Васильева, Олега Гречко, Александра Дьяконова, Николая Егорова, Светланы Кириченко, Валерия Кулешова, Павла Монастырского, Виктора Низина, Владимира Тыцких, Николая Шакина**

Издание осуществлено на личные средства **Людмилы Берестовой, Владимира Васильева, Анатолия Вершинского, Владимира Гаманова, Олега Гречко, Павла Желонкина, Эльвиры Кочетковой, Валерия Кулешова, Рима Самигулина, Владимира Тыцких, Олега Шелудько**

«Третий выпуск» можно приобрести у директора «Народной книги» Эльвиры Васильевны Кочетковой: **haos216@mail.ru**

«Народная книга» благодарна за посильную организационную, творческую и финансовую поддержку. Полученные средства идут на новые издания.

ISBN – 978-5-903735-09-9

© Дальневосточная государственная
академия искусств, 2015
© Авторы, 2015

ТРЕТИЙ ВЫПУСК

ВСПОМНИМ, КАКИМИ МЫ БЫЛИ

Открывая эту книгу, читатель, возможно, удивится: что за странное название – «Киевский морполит»? Но, уже прочитав первые страницы, без труда поймёт, что речь идёт об одном уникальном военноморском учебном заведении Советского Союза – Киевском высшем военноморском политическом училище (КВВМПУ), просуществовавшем с 1967 по 1994 год, и удивительных судьбах его выпускников, офицеров-политработников и воспитателей Военно-Морского Флота Советского Союза и Российской Федерации.

Начало серии положено, как указано в титуле, книгой «Киевский морполит», созданной Александром Бондаренко, выпускником КВВМПУ 1977 года. Книга выдержала уже два издания, приобрела довольно широкую известность не только на флотах, но и в больших и малых городах и селеньях материковой России – везде, где служили и служат, жили и живут выпускники морполита. Именно работа Александра Ивановича подтолкнула и ускорила реализацию давно вынашиваемой идеи отобразить в печатной форме воспоминания бывших курсантов третьего выпуска (1969 – 1973), преподавателей и всех причастных к нашему морскому училищному братству, посвятившему себя ратному делу служения Отечеству.

Вдохновителем, организатором и главным литературным редактором «Третьего выпуска» является мой однокашник Владимир Михайлович Тыцких, капитан второго ранга в отставке, офицер-подводник, военный журналист, член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры России. Несмотря на огромную занятость по работе, активную литературную и общественную деятельность, Володя, одолевая далёкие расстояния и большую разность в часовых поясах, настойчиво и целеустремлённо руководил творческим процессом подготовки сборника из Владивостока: звонил, убеждал, организовывал, собирал и обрабатывал материал, доводил, как говорится, до ума. Низкий ему поклон за все хлопоты.

С чувством светлой грусти читаешь искренние, идущие из глубины романтической души, воспоминания нашего преподавателя по литературе Светланы Николаевны Максимовой-Кириченко. В памяти навсегда остался образ хрупкой, стройной, белокурой «тургеневской девушки» в строгом тёмном костюме и белоснежной блузке, взвол-

нованно и самозабвенно выступающей перед нашей курсантской аудиторией. Спасибо Вам, Светлана Николаевна, за Ваши прекрасные уроки, за верность идеалам и любимому предмету, за Вашу женскую мудрость, терпение и такт, за оптимизм и подвижничество.

Тепло и взволнованно, с большим юмором пишет о стране «Квумпарии» Олег Яковлевич Гречко, сделавший блестящую карьеру офицера-политработника в советское время. Уважаю Олега за его ум, организаторские качества, принципиальность и честность, глубокую порядочность. В этом он похож на своего покойного отца – контр-адмирала Якова Архиповича Гречко, с которым мне выпала честь послужить два года в политуправлении Военно-Морского Флота.

Тяжёлые удары судьбы, личное горе, потеря самых близких и родных людей не сломили Олега. Крепись, боевой товарищ, и готовь новые страницы своих воспоминаний.

Выпуская в свет эту коллективную книгу, мы верим, что живущие и здравствующие однокашники из третьего выпуска КВВМПУ откликнутся, обозначат свои нынешние координаты и, может быть, возьмутся за перо или сядут за персональный компьютер, чтобы дополнить бесценными воспоминаниями и размышлениями о прожитом начатое нами дело – соберут, подготовят к печати следующий выпуск серии «Киевский морполит».

Попутного вам ветра и семь футов под килем, дорогие квумпарии!

*С уважением,
контр-адмирал Александр ДЬЯКОНОВ,
заместитель командующего Северным флотом
по воспитательной работе с 1995 по 2008 годы,
выпускник КВВМПУ 1973 г.*

ВМЕСТЕ С ВАМИ

Отчего так грустно начинать воспоминания о Киевском высшем военно-морском политическом училище? Потому что оно давно не существует, а сохранилось лишь в нашей памяти и в наших сердцах. Сначала не стало Советского Союза, где мы родились, росли, учились и присягнули служить своему народу. И не только вы, военные люди, но и мы, ваши преподаватели. Потом исчезло наше училище как не нужное на «незалежной» Украине, в стране, которую мы по инерции ещё какое-то время называли братской, которая с каждым годом отдалялась от России и, в конце концов, возненавидела всё русское. Дошло до того, что Украина готова объявить России войну. Ну ладно, если б эти идеи принадлежали одному украинскому правительству. Не так обидно. Но и киевляне, подруги моей юности, и их дети, словно заученно, твердят: «Ненавидим Россию, ненавидим русских!» Вы скажете, это результат работы украинских телевизионных каналов. Согласна. Но ведь и голову надо иметь на плечах в таком возрасте бывшим советским людям.

Поезда уже ни в Киев, ни из Киева не ходят. И мы никогда не сможем побывать в городе, где были молоды и счастливы. А я считала Киев своим, потому что жила в нём с семнадцати лет, училась в университете, выходила замуж и рожала детей, более двадцати лет работала преподавателем. В киевской земле лежат мои родные – бабушка, мама, папа, сестра. В Киеве остался совершенно один мой взрослый сын со своими страхами, что не сегодня завтра к нему на работу явятся военные с повесткой, чтобы отправить его на войну. А у него нет там ни семьи, ни хоть плохенького жилья, только работа и съёмный угол. И украинский паспорт, и гордое имя – киевлянин. Скоро и границы с Крымом окончательно закроют.

Боже мой, неужели я больше не увижу сына? Господи, спаси и сохрани его!

28 января 2015 года, Севастополь.

Давно хотела написать

Сразу скажу, что давно хотела написать обо всех дорогих мне людях, кто в разные годы был рядом, и о многих случайно встреченных, оставивших о себе добрую память. Лежат, ждут, ждут мои детские дневники, которые вела с четырнадцати лет, письма и фотографии подруг и друзей, а времени обратиться к потрепанным тетрадкам всё нет и нет. Сегодняшние студенты, возраста моего младшего внука, требуют полной душевной отдачи – большей, чем прежние. И не оправдаешься перед ними, что устаёшь или болеешь. Как говорится: взялся за гуж...

Мы должны быть благодарны технике: Интернет помог нам и найти своё прошлое, и оживить его. Сначала отыскала в Сети трёх-четырёх человек – одноклассников и однокурсников. Порадовались вместе, но, поскольку не были друзьями, отношения не развивались. Живы-здоровы, и слава Богу! А вот когда нашлась уехавшая в 1990-е годы с семьёй в Америку близкая подруга, радость была неопишная. Теперь не спеша она рассказывает мне, как готовит блинчики с капустой, показывает, какие купила новые туфли. Я даже всю комнату её вижу и слышу звук грозы в Нью-Йорке. Чудо!

В группе КВВМПУ обнаружила лишь одну знакомую фамилию. Вызвала расположение фотография: приветливо улыбающийся солидный мужчина в кругу любящей семьи. Никак не могла восстановить в памяти его лицо в курсантские годы, но вежливо поприветствовала. Это был Олег Гречко, и я рада, что это был именно он. Дружелюбен, открыт, сердечен, готов откликнуться. Позже я узнала о его сложной судьбе, о трудностях военной службы и о его удивительном писательском таланте. А когда увидела курсантскую фотографию, сразу вспомнила его на семинарских занятиях: юный мальчик стоит за трибуной, обняв её вытянутыми руками, глаза огромные, выразительные; в чём-то торопится убедить слушающих, жестикулируя правой рукой. Он и помог мне связаться с Володией Тыцких, а Володя своей щедрой душой всех нас объял, приголубил, заново перезнакомил и объединил на большое дело – предложил третьему выпуску (1969 – 1973) написать воспоминания. Ему сам Бог велел! Он хороший организатор, известный поэт, прозаик, журналист, человек неумяемой энергии, вдохновитель разнообразных творческих дел

на Дальнем Востоке. Очень важная черта в его характере – он любит людей и ладить умеет со всеми. После разговора с ним хочется летать!..

Так для кого же мы всё-таки решились писать? Да прежде всего для самих себя. И для нашей истории, которую должны знать идущие вслед за нами и понять, какими были мы, советские люди, свидетели и участники жизни великой державы. А то сейчас некоторые историки пугают нами детей. «Бедненькие, вы ходили в телогрейках и резиновых сапогах, питались чёрным хлебом и водой, родители вас силой выдавали замуж», – жалеют сегодня меня и моих ровесников семнадцатилетние студенты. И попробуй, переубеди их.

Коля Шакин, с которым заново знакомаюсь в «Одноклассниках», мрачно пошутил, что писать надо быстрее, иначе некому будет читать. Грустно, конечно, но, правда, мы все немолоды, не совсем здоровы, хотя и не хотим друг другу признаваться в этом. Наверное, многих уже нет. Ладно, не будем о плохом.

На фотографии в солидном мужчине я сперва не узнала бывшего курсанта Николая Шакина. Потом взгляделась в его выпускной снимок и вспомнила улыбку, скромный характер, предупредительность, воспитанность Коли. Я осмелела и обратилась к нему на «ты». А когда увидела на фото, где он нежно прижимает к груди котёнка, добрейшее лицо Николая, он стал для меня совсем своим. В нашей семье три собаки бассета и два кота, мы их очень любим, ухаживает за ними моя дочь. Недавно я переехала в другую квартиру, всего через два дома, но часто захожу в прежнюю, чтобы пообщаться с животными. Скучаю.

Как трудно мне начать писать, когда прошло сорок лет после вашей учёбы в Киеве (именно в эти четыре года – 1969 – 1973 – работала преподавателем литературы в КВВМПУ): уверена, что хорошо помнят меня, может быть, полдесятка человек, а остальные шестьсот-семьсот бывших курсантов лишь смутно припоминают. Я и не обольщаюсь. Однажды в городе встретила студента, которого учила год назад: «Здравствуй, Витя!» Он очень удивился: «Вы помните, как меня зовут?» «Да, помню. А ты помнишь, Витя, как меня зовут?» Мальчик махнул рукой: «Вас так много преподавателей, разве всех упомянешь!» Недавно пыталась посчитать хотя бы приблизительно,

сколько же было у меня учеников за все годы преподавательской работы в Киеве и Севастополе. Получилось больше десяти тысяч! В памяти невозможно удержать такое количество лиц, характеров, судеб, а вот когда смотришь на фотографии, а их, к сожалению, немного, сразу вспоминаешь имена, какие-то случаи из жизни, написанные сочинения и даже почерк в конспектах. И на улицах сейчас, если вижу знакомое лицо и не помню по имени, а прохожий радостно приветствует меня, значит, когда-то в каком-то вузе или школе учила эту девочку или мальчика. Если позволяют время и место, прошу извинения, что не припоминаю, где и когда встречались. Стоит человеку назвать вуз и имя, можно продолжать разговор как с хорошим знакомым. Только в Севастополе пришлось работать в шестнадцати учебных заведениях. И в этом году у меня было около трёхсот студентов, и всех нужно узнать, правильно оценить, со всеми поговорить по душам или просто, идя по коридору, приветливо поздороваться. Да что я рассказываю, об этом скажет почти каждый педагог.

Я вас сразу узнала

А вот моих курсантов сорок лет спустя вряд ли узнала бы, как, впрочем, и они меня. Мы все уже стали дедушками и бабушками.

Не обидела ли я кого-то из вас? Мужчины долго считают себя молодыми. Как говорил мой отец, когда рождались внуки: «Я не бабушка. Я муж бабушки». Хотя бывали исключения.

Некоторые люди с возрастом почти не меняются. Наверное, лет десять назад в троллейбусе вижу: сидит, по всем приметам с супругой, немолодой мужчина с рыжевато-седыми, но ещё хорошо сохранившимися волосами. Без труда узнала в нём Юру Лебедева. Сердце заколотилось, вокруг люди, как же к нему обратиться, как назвать его, как напомнить о себе, чтобы не напугать ненужными подозрениями его жену, зная, на какие фантазии мы, женщины, способны насчёт своих мужей? И ничего более нелепого не могла придумать, как сказать: «Юра, здравствуй! Я твоя старая учительница по литературе Светлана Николаевна» (слово «старая», правда, произнесла скрепя сердце, боясь обеспокоить спутницу Лебедева). Потом были случайные встречи в транспорте и на улице (мы жили в одном микрорайоне). Юры давно нет, а я с благодарностью вспоминаю, с какой

теплотой он расспрашивал меня о жизни, работе, о новом замужестве, как рассказывал немного о себе. Теперь испытываю чувство вины за свою сдержанность при разговорах с ним. Тогда думалось, что он жалеет меня, оставленную мужем в чужом мне городе Севастополе. Однажды выхожу из троллейбуса, а он собирается заходить в него: «Как живёшь, Светочка?» Делаю вежливую улыбку и вполоборота бросаю вслед: «Спасибо, Юра. Прекрасно!» Ничего прекрасного не существовало в помине. Это гордыня выиграла. Надо бы ответить по-дружески, сердечно: «Спасибо, Юрочка. А как у тебя дела?» Ему-то в тот момент было как раз тяжело, он болел, нуждался в поддержке, и вскоре я узнала, что его не стало. Нужно успевать говорить друг другу хорошие слова.

На сегодняшних фотографиях, в солидных возмужалых фигурах, сразу узнаются Володя Тыцких, Саша Дьяконов, Виктор Низин, Николай Егоров, Володя Мушинский, Владислав Белинский, Павел Монастырский: что-то юношеское навсегда запечатлелось в их лицах и не позволяет им стариться. Поверьте моему женскому взгляду, вы стали привлекательнее, чем в юности. Я порадовалась за вас: достойно прошли свою сложную службу и продолжаете жить и работать так же достойно. Наверняка, таких наших выпускников гораздо больше, но лишь несколько человек объявились в «Одноклассниках» и попали ко мне на страницу.

Саша Дьяконов выслал из Мурманска книгу «Киевский морполит» Александра Бондаренко и несколько раз звонил по мобильному: получила ли бандероль, понравилось ли мне? Провожу занятие, слышу – в сумке тихонечко позванивает телефон, одним глазом заглядываю в него, вижу Сашин номер. Ну как могла не ответить? Извинилась перед студентами и поговорила немного. Даже похвасталась ученикам, что такой взрослый солидный мужчина тоже когда-то учился у меня и всегда только на «отлично». Дьяконов у нас адмирал, наша гордость, деликатнейший и заботливый человек. И семья у него хорошая, и трудится он сейчас на почётной работе. Думаю, он напишет о себе в нашем общем сборнике воспоминаний. А книга Александра Бондаренко удивила меня документальным размахом в описании истории училища, его служб и кафедр, большим списком преподавателей, рассказами о

судьбах прославленных выпускников. Титанический труд. Автор, из младших выпускников, будучи в Севастополе, позвонил мне и уважительно беседовал со мной, конечно, воспринимая меня со слов Володи Тыцких и Саша Дьяконова. Оказывается, его друг и наш выпускник Валерий Кочул двадцать лет живёт рядом со мной, в одном из соседних домов. Я его вспомнила курсантом, но была плохо знакома с ним, как и со многими другими. 9 Мая 2014 года вижу в газете «Слава Севастополя» фотографию парада в честь Дня Победы, и среди участников идёт солидный мужчина в военно-морской форме – Валерий Кочул. Он не общается со мной в «Одноклассниках», но вечером после праздника неожиданно написал поздравление: видимо, немножко выпил и потеплел.

Посмотрела сегодняшние фотографии Виктора Низина. Он почти не изменился за сорок лет. Понравилась его семья. Сам прекрасный человек, жена приятная, чувствуется, что настоящая подруга, красивый мужественный сын и любимый внучок. Есть чем гордиться. Володя Мушинский остался таким же сердечным, открытым, внимательным, таким же правдолюбом. Жизнь и служба у него были сложными, семья у него многочисленная, он *стоит* за всех своих горой и ещё книгу обо всех нас пишет. Сейчас обеспокоен судьбой дочери, молоденькой учительницы, живущей вдали от дома. О себе, думаю, он тоже расскажет.

Двадцать лет назад, ещё в Киеве, жизнь столкнула нас с Сашей Тикуновым и его семьёй. Очень хорошо помнила его курсантом: немногословный, застенчивый, худощавый мальчишка, совестливый и ответственный. В 1991 г. еле узнала его при встрече: он стал представительным, красивым, уверенным в себе, разговорчивым, притом чрезвычайно воспитанным и деликатным мужчиной. После выпуска Саша получил назначение в Севастополь, но у него на корабле случилась неприятность: покончил с собой матрос, и Тикунова затаскали по судам. Ему посоветовали проситься служить в Североморск, куда он и переехал с семьёй. К окончанию службы стал капитаном 1 ранга, но возвращаться в Севастополь, где у него была забронирована квартира, не хотел. Говорил, что не смог забыть служебных разбирательств в этом городе, на вокзале в Севастополе у него даже начинался аллергический насморк, и краснело лицо.

В моей семье имелась своя причина сменить место жительства, уехать из Киева: после Чернобыля часто болела дочь. Обменявшись жилплощадью, мы стали севастопольцами, а Тикуновы – киевлянами. Саша сделал добротный ремонт в нашей бывшей квартире, устроился на работу и внезапно умер от остановки сердца в сорок пять(!) лет... В другой главе я ещё вернусь к этой истории.

Всматриваюсь в альбомные листы, которые мне прислал по электронной почте Владимир Тыцких, уткнулась в экран ноутбука, чтобы разглядеть лица курсантов на круглых маленьких фотографиях для ротных альбомов выпуска 1973 года. Почти всех не видела сорок лет! Смотрю долго, пытаюсь восстановить голос, движения, походку каждого, чтобы фотографический образ задышал, зашевелился, зажил прежней юной жизнью. И получается. Из двухсот лиц, за столько лет забытых, казалось, навсегда, многие стали оживать в памяти. То вспомнишь цвет волос, то улыбку, то характерный жест... Думаю, дальше процесс воспроизведения прошлого пойдёт быстрее. Спешу похвастаться – я хорошо вспомнила уже пятьдесят три человека, не считая тех, о ком пишу отдельно.

Что мешает мне писать

Когда несколько лет назад зарегистрировалась в «Одноклассниках», кроме школ и Киевского университета, где училась, объявила себя и в группе КВВМПУ. Зачем? Ведь после развода с мужем, бывшим курсантом училища, даже на военно-морскую форму не могла смотреть без содрогания. А тут, в Севастополе, куда переехали из Киева, на каждом шагу видишь то матросов, то офицеров. (Обмундирование старого советского образца носил российский Черноморский флот, украинские моряки, которых уже, к счастью, нет в Севастополе, были одеты по-американски). Я понимала, что веду себя по-детски, обидевшись из-за одного человека на весь Военно-Морской Флот. Чтобы избавиться от неприятных воспоминаний, применила придуманный мной психологический трюк: мысленно, усилием воображения, перенесла его и себя на сорок лет назад, когда я была преподавателем, а он курсантом, и мне и в голову не приходило, что может произойти между нами. Потом оставила его образ там, в прошлом, в полутёмных коридорах училища, а сама вернулась в сегодняшнюю

жизнь, свободная и независимая, вычеркнув из памяти совместные семейные годы. И стало легче.

От флота, живя в Севастополе, никак не отгородишься. Мой нынешний муж военным никогда не был, но вот уже тридцать лет (а вместе мы двадцать) работает на вспомогательном флоте ЧФ, где рядом трудятся бывшие офицеры. И, как это принято во многих семьях, все морские дела обговариваем с ним на кухне. Про политику молчу: тут же, у телевизора, бурно обсуждаем события. Долгие годы очень выручает нас ежемесячный продуктовый паёк, к которому привыкли и наши дети. Вот в этот раз получили две курицы, две рыбины заморские, паки молока, сока, банки с кукурузой и горошком, макароны, муку, гречку, рис, масло. Каждый день выдают две буханки хлеба, чёрного и белого. Так что, можно сказать, я тоже флотская. Вскормлена флотом.

Конечно, всегда вспоминала об училище: именно там старшие наставники, офицеры кафедр, научили меня преподавать в высшей школе. О курсантах, моих учениках, не забывала никогда. Они были милосердны и снисходительны к нашей неопытности, к нашим педагогическим промахам, не позволяя себе ставить нас в неловкое положение. Кстати, учителя больше думают о своих учениках, так как общение с ними занимает всю нашу жизнь, и мы с каждым годом пытаемся улучшить это общение. Я работаю теперь иначе, чем с вами, дорогие мои курсанты. «По-домашнему», как с улыбкой говорят мои молодые коллеги. Никакой официальности и строгости. Только с любовью и вниманием. Много смеюсь, шучу. Зато какая отдача! Это труд, профессия, призвание.

Так, благодаря Владимиру Тыцких, приобщилась к содружеству КВВМПУ и решила присоединиться к общему делу – написать, как мы прожили эти четыре года. Если вам покажется, что в чём-то неправа, не обижайтесь. Поправьте меня, и я соглашусь.

Первый год учительской работы

Как всё началось, как попала в Киевское высшее военно-морское политическое училище? Догадаться нетрудно. В военные училища меня устраивал отец. Папа, генерал-лейтенант, начальник Киевского высшего военно-инженерного авиационного училища, Максимов

Николай Александрович. Когда окончила Киевский университет, и моему сыночку было всего три месяца, отец позвонил мне и в форме, не допускающей ни малейшего возражения, сказал: «Завтра пойдёшь в отдел кадров Киевского артиллерийского училища, я уже договорился, тебя ждут. Не для того ты получила образование, чтобы стоять у плиты и растить пузо». Так я стала преподавателем русского языка для военных курсантов-вьетнамцев. Шёл 1968 год, во Вьетнаме – война, страна нуждалась в офицерских кадрах, и солдатиков прямо с фронта отправляли учиться в Советский Союз. Помню до сих пор имена моих учеников, хотя они для нас трудно запоминаемы: Чан Ань Зунг, Нгуен Ван Хыу, Ле Куок Туан, Нгок Ван Тьеу, Нгуен Ван Льеу. Некоторые оставили дома жён и детей, и я стала для них кому старшей, кому младшей сестрой, и они любили меня как родную. Половину стипендии в 120 рублей, назначенной им нашим Министерством обороны, вьетнамцы отсылали на родину в фонд войны. Маленького роста, худенькие, привыкшие у нас питаться жареной картошкой с колбасой, так как любимый ими рис был дороже, они дали себе клятву: пока их народ сражается и терпит бедствия, не выходить за ворота общежития и полностью посвятить себя учёбе. Так они и прожили шесть лет. Я у них работала только год, а они пять лет, живя со мной в одном городе, писали мне заботливые письма, и, получив дипломы, перед отъездом на родину пришли ко мне в гости. Был праздник прощания. Они подарили на память вьетнамскую шкатулку, которую храню по сей день, и крохотную коробочку бальзама-«звёздочки» «от всех болезней» с пожеланиями быть здоровой долгие годы. Я всегда знала, что они меня помнят.

Как-то, через двадцать лет, получила очень хорошее письмо от самого младшего из них, когда он был на стажировке в СССР. С родины писать не могли: тогда Китай, как они мне сказали, контролирующей политику Вьетнама, не разрешал иметь им личные контакты с русскими.

Это воспоминания о моих первых учениках в первый год учительской работы. Но не думайте, что, если папа генерал, меня в любых военных заведениях встречали с распростёртыми объятиями. Отец помогал устроиться на работу, но никогда не вмешивался в отношения в коллективе, воспитывая во мне бойцовские качества. А надо бы и помочь: я могу быть стойкой, терпеливой, но в мире – не боец.

Заведующая кафедрой оказалась бесцеремонной дамой, которая с первого дня заявила весьма откровенно, что готовила вакантное место для своей подруги, и если я не уйду по доброй воле, у меня заболит и умрёт ребёнок. Начались истязания: всё не так и так не этак, держали на работе ежедневно с восьми утра до семи вечера, нагружая всем, что приказывала заведующая. У меня кончилось грудное молоко, тяжело заболел четырёхмесячный сын, я попала в больницу и почти умирала от непонятных болезней, мысленно прощаясь с жизнью в двадцать три года. Мои вьетнамцы всё видели, жалели меня и ничем не могли помочь. Кроме этих переживаний, надо признаться, были и семейные неприятности. Мой первый муж, майор, на десять лет старше меня, адъюнкт училища, в котором работал мой отец, женился на мне, я думаю, по расчёту и вскоре стал проявлять тиранские наклонности. Доставалось и мне, и грудному младенцу, я впала в отчаяние от всего, происходящего в жизни. Детство и юность в родительском доме у меня были счастливыми. Всегдашняя отличница, книжница, мечтательница, перечитавшая в домашней библиотеке тысячи книг, вдруг столкнулась с жуткой реальностью. И тут пришло спасение!

Я буду работать в военно-морском училище

Летом, во время отпуска, прозвучал неожиданный звонок от однокурсницы, с которой мы дружили, часто бывавшей у нас дома: «Света, в морском училище требуется преподаватель литературы. Мы (однокурсницы) посоветовались и решили, что пробить это место может только твой папа». Я начала умолять отца, уверяя, что не выживу больше в артиллерийском, даже могу умереть, хотя по отношению к любимым вьетнамцам чувствовала себя предательницей. Отец уговаривал продолжать бороться с роковой заведующей и учиться преодолевать трудности, пугал, зная мою стеснительность, что в морском училище на занятиях придётся иметь дело не с пятью скромными и тихими вьетнамцами, а сразу с полусотней храбрых молодых людей, почти моих ровесников. Что читать лекции перед большой аудиторией сложно, проще учить пять иностранцев русскому языку на протяжении всего учебного года. Я стояла на своём: «Ну, папочка, ну пожалуйста, ну очень тебя прошу...» Так я шла навстречу судьбе. У

отца, по характеру общительного, дружелюбного, всегда улыбающегося и готового прийти на помощь не только знакомым, но и любому встречному, складывались добрые отношения – служебные и просто человеческие – со всеми начальниками киевских военных училищ, многие из них были его друзьями.

Первый начальник КВВМПУ капитан 1 ранга Фёдор Филимонович Турчин, человек в Киевском округе новый, не отличался разговорчивостью и общительностью. Отец, старший по званию и возрасту, ввёл его в военные круги и стал его хорошим знакомым, но не более. У Турчина довольно сложный и скрытный характер, на мой взгляд, его побаивались, и запросто, как к моему отцу, близко к нему подойти было нельзя. Однако, мне кажется, он умел помнить и делать добро. И вообще, кто я такая, чтобы судить об уважаемом и малознакомом человеке? Я ему обязана дважды и особенно благодарна за поддержку, когда мой отец в 1979 г., уже отставник, оказался неизлечимо болен и, значит, как это бывает зачастую, никому не нужен. Я – без работы после окончания аспирантуры ходила с протянутой рукой по разным вузам Киева. К нему попала совершенно случайно: в поисках вакансии пришла в Институт иностранных языков, как обычно, с дрожащими от страха и неизвестности коленками, и у двери декана факультета увидела табличку со знакомой фамилией: Ф.Ф. Турчин. Принял сурово, без всяких радостных восклицаний и вопросов, обещал позвонить через два месяца, слово сдержал: позвонил, взял на работу, где я трудилась пятнадцать лет до самого отъезда в Севастополь. Надо сказать, к его чести, там, в институте, образовался своеобразный филиал КВВМПУ, душевный, компанейский. Ушедшие в отставку преподаватели училища продолжали служить в инязе на факультете русского языка для иностранцев: Николай Васильевич Сидоров, Станислав Александрович Крутиков, фамилии других, извините, забыла. Они сумели в строго академическом вузе поддерживать дух военно-морских офицеров, проявляя рыцарскую галантность, дипломатию, широту души и открытость во взаимоотношениях с коллегами. Ну а мне не пришлось зарабатывать авторитет на новом месте – приняли радостно как свою, давно проверенную и испытанную в училищной семье, и опекали как младшую по возрасту и рангу.

В 1991 г. вышло постановление правительства об ограничении возраста руководящих работников. Турчину исполнилось семьдесят, он хорошо выглядел и был полон сил. Ему, проректору по работе с иностранцами, предложили должность профессора на кафедре истории. Он обиделся, ушёл из института и вскоре умер. Мы с мамой ходили на его похороны.

Итак, возвращаюсь в 1969-й (мне двадцать четыре года), когда Ф.Ф. Турчин второй год возглавлял училище. В конце августа меня пригласили в учебный отдел познакомиться с обязанностями. Отдохнувшая за лето от ужасов прежней работы, в беленьком платьице, как прилежная ученица, с замиранием сердца подошла к проходной главного корпуса. Молодой человек, по-моему, в мичманской форме, игриво спросил: «Девушка, вы к нам официанткой?» «Боже мой, неужели я похожа на официантку?» – совсем смутилась я и тихо ответила, что нет. Потом узнала, что это был первокурсник Виктор Володин.

Встретил меня Николай Сергеевич Нестеров, заместитель начальника училища по учебной работе, бравый богатырь, шутник, хорошо знавший и уважавший моего отца. (Нестеров умер в один год и месяц с отцом, в октябре 1981 г., и похоронен на военном кладбище в Киеве рядом с моим папой. Этим летом я присмотрелась к надписям на памятниках и удивилась какому-то мистическому совпадению: его жена и моя мама надолго пережили своих мужей и тоже умерли в один год и месяц, в сентябре 2009-го). Он провёл меня по пустым коридорам учебного корпуса, показал аудитории. Мне стало страшно. Как стоять здесь перед курсантами и рассказывать о литературе? Но старалась не подавать виду, осторожно на каблучках шагала по красным паркетным полам, натёртым мастикой до блеска, и боялась поскользнуться. Коридор представлялся палубой корабля. Мне дали программу по литературе и отправили домой готовиться к лекциям. Напоследок Николай Сергеевич спросил: «Ты замужем? Ну, слава Богу, значит, не влюбишься».

Готовлюсь к лекциям

Первую лекцию готовила две недели. Перечитала все имевшиеся под рукой книги о Грибоедове, выучила стихи из «Горе от ума». Полный текст лекции записала на магнитофон, чтобы не было ошибок в

ударениях, и тоже выучила наизусть, вот как боялась растеряться и от волнения что-нибудь забыть. Пошла к отцу, рассказала ему материал от начала до конца. Замечания услышала неожиданные: «Всё хорошо. Но приведи в порядок руки и ногти, ты должна выглядеть опрятно, тебя будут рассматривать десятки молодых людей. Юбка должна быть ниже коленей, иначе юноши начнут гадать, что там у тебя выше. Никогда не поворачивайся задом к аудитории, когда пишешь тему на доске. Все взгляды устремятся на твою попу. Я сам был курсантом и всё знаю». Конечно, я негодовала, обижалась: «Ну, папа, как тебе не стыдно, ты хулиган!» Но и сегодня, когда сорок шестой год стою у доски, и на меня смотрят десятки глаз юных первокурсников, ровесников моих внуков, помню папины советы, тем более что фигура уже оставляет желать лучшего. И ещё отец напутствовал: «Хоть ты идёшь работать в военное училище, не превращайся в солдафона. Оставайся женщиной, будь помягче к курсантам. Строгости у них и так хватает».

Подготовка к занятиям в училище была поставлена весьма серьёзно. Требовалось от руки написать полный текст с темой и поминутно расписанными вопросами на сорока страницах, отдать на подпись начальнику политотдела и только с его резолюцией читать лекцию в аудитории. На каждую тему нам с Евгенией Анатольевной Макаренко, тоже преподававшей литературу, давали две недели, поэтому мы читали поочерёдно и в первой, и во второй роте. Я – Грибоедова, Женя – Пушкина, я – Лермонтова, Женя – Гоголя и т.д. Я занималась в читальном зале Публичной библиотеки рядом с университетом, у каждого писателя перечитывала все произведения, убеждённая, что курсантам нужно знать литературу в подробностях. Считала, что будущие политработники умные и начитанные, поэтому старалась тщательно готовиться – вдруг что-то спросят, а я не смогу ответить. Однажды курсанты, не вспомню, кто и из какого класса, разыграли: спросили, читала ли я французского писателя Рэмонта Абуви. Была смущена, но честно призналась, что нет. «И хорошо, что не читали, потому что некоторые преподаватели сказали, что читали». Как вы можете догадаться, это был произнесённый на французский манер «ремонт обуви». Кроме того, следовало ходить на работу с портфелем тёмного цвета, а в аудиторию являться с чёрной папкой для

лекции, в тёмном костюме с белой кофточкой. На левой стороне папки размещалось очередное постановление ЦК КПСС, вырезанное из газеты «Правда», которое непременно должно прозвучать во время занятия, умело и тонко вплетённое, например, в тему о Пушкине. Это касалось не только постановлений идеологического характера, но и экономических – об угольной промышленности, о реформах в сельском хозяйстве и т.п. Мы были молоды и находчивы, нам это удавалось. Правда, начальник кафедры, офицер, говорил: «Девчата, главное, чтобы вы заранее продумали, как внедрить партийные решения в лекцию, а зачитывать их не обязательно, когда нет проверяющих из политотдела». И ещё политический совет от начальника: если речь заходит о литературах народов СССР, необходимо, чтобы не обидеть представителя какой-либо республики, сидящего в аудитории, перечислять их в алфавитном порядке. А русскую, чтобы не упрекнули в шовинизме, скромно поставить в конец списка, мол, её заслуги от этого не пострадают. Сейчас, я думаю, народы бывших советских республик продолжают привычно следовать этому принципу по отношению к своему русскому брату.

Доскромничались. В ныне действующем законе Украины русский упоминается среди множества языков национальных меньшинств в самом конце, после немецкого и эстонского. Выпускники школ на вступительных экзаменах в вузы сдают украинский язык и историю Украины. Русская литература теперь называется зарубежной, в программе осталось несколько писателей в одном ряду с иностранными. Дети совсем не знают хотя бы классической русской словесности.

Читать лекции требовали обязательно в трибуне (или за трибуной, не знаю, как точно сказать об этой высокой тумбе для лектора). Стоять три пары подряд, почти шесть часов, без движения, скованной стенками деревянной коробки, очень тяжело. Нагрузка у гражданских преподавателей большая. Зарплата – 105 рублей, «чистыми» на руки получали 96. Но мы не думали о деньгах, чувство ответственности за качество преподавания было на первом месте. Заключительная лекционная пара давалась мне из последних сил. Уже начинали болеть ноги. Как-то, нарушив преподавательский устав, я вышла из-за тумбы и что-то увлечённо рассказывала. В перерыве меня окружили курсанты, я подумала, что их заинтересовала тема. Это были ребята

6-го набора, помоложе вас и более непосредственные. «Светлана Николаевна, мы всё время смотрели на вас и удивлялись. Вы заложили локти за спину, а ладошки у вас лежали на животе». Да, наверное, для того придумали это сооружение, чтобы не отвлекать внимание аудитории. Сейчас, к сожалению, я бы не смогла так обхватить себя руками (тогда я занималась йогой по совету преподавателя нашей кафедры Б.Ф. Воронина).

Между парами пить чай и что-нибудь перекусывать не полагалось. А после – ещё и совещания, заседания, политзанятия, поэтому часто до вечера мы оставались голодными, домой возвращались без рук, без ног, выжатые как лимон. Всегда с тяжёлыми сумками продуктов, купленных по дороге. Уложив годовалого сынишку спать, я готовила еду на завтра, вручную под краном делала детские постирушки, потом садилась заниматься. Работа была важнее всего. А утром всё сначала. За всю многолетнюю службу я ни разу не опоздала на занятия и сегодня всегда прихожу в университет на час раньше.

В училище существовал закон: за пять минут до звонка надо с текстом лекции в чёрной папочке стоять у двери аудитории. Со звонком войти, услышать команду дежурного: «Встать! Смирно!», принять доклад о готовности курсантов к занятию и, как будто мы были военные, ответить: «Вольно! Сесть!» Однажды, когда ехала на работу, мой трамвай сошёл с рельсов, это случалось часто и не представляло опасности для пассажиров, но значило, что идущие следом трамваи останавливались до прибытия технической помощи. В вагоне заметила офицера из учебного отдела (помню его фамилию, но не скажу: зачем ворошить прошлое, может, человека уже и нет на этом свете). Его взгляд красноречиво говорил: «Ну, вот ты и попалась, наконец. Опоздаешь обязательно». В руках у меня – тяжёлый портфель с книгами, а туфли – на высоких тонких каблучках, на шпильках, двенадцать сантиметров! Хорошо, когда тебе двадцать четыре года! Добежала до улицы, где ходил троллейбус, доехала по Владимирской до Андреевского спуска, с горы слетела по булыжнику на Подол, до проходной училища. Разделась на кафедре, вытащила из портфеля папку с лекцией, рванула по коридору. У входа в аудиторию уже стоял тот самый офицер, торжествуя победу: ждал, чтобы зафиксировать опоздание. Но... Ура! Поймать с поличным не удалось. Звонок раздался

минуты через две. Да здравствует молодость!.. Между прочим, проверка преподавателей проводилась отнюдь не каждый день. Ну, ничего, простим товарища, все мы продукты своего времени. Однако до сих пор не могу понять, как он, немолодой человек, с одышкой, успел в училище раньше меня? Неужели тоже бежал?

Любопытно, осталось ли у вас в памяти хоть что-то из наших лекций? Или они, ещё по-детски наивные, легко забылись и не пригодились ни для жизни, ни для работы? Одно откровение курсанта очень меня удивило. Почему-то в списках нашего выпуска не нашла его фамилии. Или память изменяет? Калинин¹. Встретила его в лесу, в Лютеже, когда искала дорогу в училищный лагерь. По пути он рассказывал, что любит литературу и мои занятия. Особенно ему запомнилась лекция по Пушкину. Призналась ему, что это единственная не подготовленная мной тема. Её планировала читать Женя. Мне позвонили поздно вечером и сообщили, что коллега заболела. Это сейчас легко, меня не застанешь врасплох после сорока шести лет работы преподавателем. Я веду курсы русской и зарубежной литературы от начала до наших дней. А тогда, в первый год, без подготовки не могла пойти в аудиторию. Но пришлось. Взяла свою любимую, очень большую книгу Пушкина, вместившую почти всё написанное поэтом, с массой красочных иллюстраций. Сделала множество закладок с названиями произведений. Утром, крепко прижав к сердцу тяжеленный том, смущённо переступила порог класса, положила книгу перед собой и начала рассказывать, как Пушкин вошёл в мою жизнь. Как однажды зимой, перед Новым годом, родители привезли меня, семилетнюю, и шестимесячную сестру из далёкого города Уссурийска в уральский городок Кизел, к бабушке (оставить дома было не с кем), а сами отправились в военный санаторий в Сочи. Избушку нашу занесло снегом по крышу, дедушке пришлось вырыть в сугробах коридор, чтобы выбираться на улицу. Уже стемнело, когда постучала к нам почтальон, с головы до ног в снегу, держа большую бандероль, адресованную мне, и даже попросила меня лично расписаться в получении. Это и была книга Пушкина, высланная мамой и папой в подарок к

¹ Вероятнее всего, это наш Володя Калининков, курсант 1 класса 2 роты, очень способный в учёбе, превосходно владевший математикой. Володя ушёл из КВВМПУ по собственному желанию – перевёлся в какой-то престижный гражданский ВУЗ. (Прим. В. Тыцких).

Новому году. На добротной глянцевой бумаге, с цветными картинками, вкусно пахнущими свежими красками в жарко натопленной избе. Я открыла сказку «Руслан и Людмила», прижалась лицом к прохладной странице и нюхала золотистые, голубые, красные цветы в саду Черномора, среди которых стояла красавица-царевна Людмила в великолепном убранстве. Читать я умела уже хорошо.

Именно этот рассказ запомнился юному курсанту, и я благодарна ему: с того дня я знала, что о литературе надо говорить своё, личное, тогда тебе поверят.

Женский взгляд на политику

Конечно, работа, воспитание, учебный процесс в политучилище были пропитаны политикой. И не только там, но и во всех учебных заведениях, однако в военных особенно. Как я к этому отношусь и относилась раньше? Положительно. Родилась в семье фронтовиков – папа и мама познакомились на фронте, вместе воевали, в конце войны поженились. Отец, офицер, после Победы продолжал служить до шестидесяти двух лет. Их многочисленные друзья по Дальнему Востоку, Москве, Киеву тоже носили погоны. Мы с сестрой выросли в военной среде, любили свою большую страну, побывали во всех её концах от Владивостока до Калининграда, от Мурманска, Урала до Киева и Севастополя. Жили в счастливое послевоенное время на освобождённой земле. Моральный кодекс строителя коммунизма с его жизненными правилами ничем не отличался от принципов воспитания в родительском доме. Ужасы сталинизма нашему поколению приоткрывались дважды – в 1960-е и в 1980-е. И хотя в детскую пору, пришедшую на Уссурийск, при жизни вождя, мы пели незатейливые куплеты: «Я, маленькая девочка, / Танцую и пою./ Я Сталина не видела, / Но я его люблю», сегодня я бы ни за что не пошла со старыми коммунистами митинговать под портретами «отца народов» на площади Нахимова (в Севастополе находятся такие ортодоксы). Горькая правда о страшных годах сталинского правления сразу была принята моими сверстниками. На страницах журналов стали появляться произведения, которые ранее запрещались, – так называемая возвращённая литература. За свои необычные рассказы Андрей Платонов расплатился арестом пятнадцатилетнего сына. А в 1943 г.

несчастливого отца вызвали с фронта хоронить единственного ребёнка, погибшего в возрасте двадцати лет от туберкулёза, подвеченного в заключении. Надорвался в лагерях и умер по возвращении поэт Николай Заболоцкий, которого мы знаем по стихам «Не позволяй душе лениться...», словам песни «Зацелована, околдована... драгоценная моя женщина». У Марины Цветаевой расстреляли и мужа, и сына, её дочь и сестра много лет провели в лагерях, сама она от нищеты, унижений и несчастий покончила с собой. Экзотические стихи Николая Гумилёва и женская лирика Анны Ахматовой тоже не пришлись власти по вкусу. Поэт Гумилёв – расстрелян, их сын Лев ответил за родителей – несколько раз отбыл срок в колониях. Я люблю русскую литературу, умную, правдивую, откровенную, и верю нашим писателям больше, чем историкам и политикам.

Мама начала понемногу рассказывать, что происходило в былые годы. Родителей лучшей подруги репрессировали, на комсомольском собрании все одноклассники проголосовали за её исключение из комсомола. «Мама, как вы могли предать свою подругу?» – возмущалась я в детстве. «Мы это сделали для отвода глаз, для протокола, а сами всем классом вместе с комсоргом и классным руководителем помогли ей, пятнадцатилетней девочке, вырастить и выучить трёх младших братьев». Вот так без пафоса и надрыва простые люди обходили острые углы законов и делали по совести своё человеческое дело.

Отец не говорил в семье о таких вещах, хотя ему, наверное, было что рассказать. Один только небольшой эпизод он вспоминал. Когда мы жили в Уссурийске в 50-е годы, папа исполнял должность главного инженера инженерно-технической авиационной службы Приморского военного округа¹. Оттуда (откуда, нельзя говорить), с какого-то аэродрома, Сталин летел в Китай. Отец должен был присутствовать и докладывать о технической готовности машины. Вдруг, за несколько минут до взлёта, обнаружилась серьёзная неисправность. Пришлось доложить Сталину, срочно начать ремонт и снова докладывать об

¹ Приморский военный округ – оперативно-стратегическое территориальное объединение Вооружённых сил СССР, существовавшее в 1945 – 1953 гг. Располагался на территории Приморского края (бывшая Уссурийская область без районов к северу от реки Самарги), включал также войска, находившиеся на территории Северной Кореи и на Квантунском полуострове. Управление округа дислоцировалось в г. Ворошилове (с 1957 г. – г. Уссурийск). 1 июня 1953 г. округ расформирован, вошёл в состав Дальневосточного военного округа.

устранении причин задержки вылета самому водю. Сталин терпеливо ждал в молчании, лицо его не выражало никаких эмоций. Отец нам рассказывал об этом случае, конечно, после смерти водю, в 60-е. А тогда, в тот момент, он мысленно попрощался с жизнью и приготовился выслушать гневные обвинения Верховного Главнокомандующего. Сталин улыбнулся, пожал отцу руку и поблагодарил за работу. Но и потом ещё несколько месяцев отец провёл в ожидании «заслуженного» наказания. Судьба миловала его. Шутя, он говорил: «Я думал, что поседею от ужаса. Не от страха за жизнь, прошедших две войны трудно запугать, а от стыда, что плохо справился со своими обязанностями. Но не поседел, ведь рыжие редко седеют».

Теперь в нашем поколении отношение к прошлому у каждого своё. Многие, сравнивая день вчерашний и сегодняшний, с ностальгией вспоминают 70-е-80-е годы, когда мы были молоды, заняты устройством семейной жизни, погружены в работу. И не замечали, что большую часть необходимых вещей получаем от государства. Да, жили бедновато. А сейчас? Женщине, если она учитель или врач, трудно поднять и воспитать двух детей. Семье необходим муж-кормилец.

Несколько лет назад слышала поучения от пятнадцатилетних школьниц: «Светлана Николаевна, вы ничего не понимаете. Любовь любовью, а замуж надо выходить не по любви, а по уму. Чтобы детей вырастить, выучить, нужен муж с деньгами». В общем, по принципу: «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда». Этот принцип ныне очень популярен. Больше всего меня удручают объявления о сборе денег для тяжелобольных детей. Несчастные родители! Да продай хоть всё и самого себя с потрохами, а 150 000 евро не соберёшь никогда. В маленьком городе Севастополе это особенно заметно: сегодня крики о помощи, завтра некролог в местной газете. Потому мы и хотим обратно в Советский Союз. Мы остаёмся советскими и теперь, не принимая порядка, при котором всё продаётся, но не каждому по карману, умеем бескорыстно помогать людям, знакомым и чужим, кто живёт хуже нас, делиться деньгами, продуктами, вещами. Можем работать бесплатно, если это на пользу другим. Обидно, что нас зовут «совками», «лохами». Хотя, конечно, у каждого времени собственная правда. Извините, что сумбурно излагаю свои мысли. Но с кем же, как не с вами, дорогие политработники, умудрённые

опытом мужчины, побеседовать о том, что не даёт покоя? Мы не разговаривали по душам целых сорок лет.

Понимать по-настоящему, что такое политика, мы, молодые девчонки-преподавательницы, научились в КВВМПУ. Когда-то Ленин упрекнул своего друга, М. Горького, решившего сразу после революции отстраниться от работы в партийной печати: «Политика – это судьба миллионов масс». Мол, неужели пролетарскому писателю, всенародному любимцу, эта судьба безразлична? Слова, конечно, звучат как декларация, как лозунг, но мне они почему-то запомнились на всю жизнь, я и сейчас люблю повторять их. Да, особенно сегодня, когда зачастую, наслушавшись разговоров родителей, молодые люди заявляют, что в наш век надо заботиться только о себе, что никто никому не нужен. Расталкивай всех локтями, хватай кусок послаще! Некоторые циники даже могут хлётко добавить: «А на других мне наплевать!» Вижу в их глазах ожидание услышать обратное, потому что они ещё молоды. Ну, как же отвернёшься от этой политики, прикрывшись возрастом, усталостью, как останешься равнодушным, когда ты почти прожил, в общем-то, благополучную жизнь, а они только начинают её узнавать и хотят счастья, и ждут от тебя помощи? Женщины относятся ко всему происходящему по-матерински. Политика всегда и везде жёстко зависит от экономики, но, даже не зная или не понимая всех её тонкостей, мы будем на стороне тех, кто защитит простых людей, убережёт их дома, семьи, детей от голода, мучений и гибели, в какой бы стороне света они ни жили. Ирак, Сирия, Афганистан – всё в мире беспокоит нас. Жалко всех и каждого в отдельности, примеряешь их судьбы на себя. «Если на земле умирает человек, не спрашивай, по ком звонит Колокол, он звонит по тебе», – мне нравятся эти слова, взятые Эрнестом Хемингуэем эпиграфом к одному из самых известных его романов¹. Извините, если покажусь высокопарной, но я же учитель литературы. И представьте себе сложность работы преподавателем с советской психологией на Украине. Как разобраться, где ложь, где правда? Детям говорят в школе, что Петлюра и Бандера национальные герои. Помните, от

¹ Эпиграф к роману Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол» (1940). Цитата из 17-го стихотворения «Духовных песнопений» («Молиत्व») английского поэта Джона Донна (1572 – 1631).

вокзальной площади в Киеве шла небольшая улица до пересечения с бульваром Шевченко, где стоял памятник Николаю Щорсу? (Украинская Рада постановила снести памятник и поставить на его место монумент Симону Петлюре.) Улица называлась именем Коминтерна. Ну и пусть бы для истории оставалось. Или переименуйте нейтрально. Сейчас она носит имя Петлюры. У меня с этим именем связаны личные воспоминания. В Гражданскую мой сорокалетний дед, вернувшийся с Первой мировой войны, работал на судостроительном заводе в Николаеве: в молодости, проходя военную службу в Белоруссии, он получил профессию оружейника. Да, как рабочий, был на стороне красных, поэтому помогал им в ремонте военной техники. Когда в город вошли петлюровцы, кто-то донёс на деда, его изошрённо, долго молотили прикладами и бросили на дороге. Моя тридцатилетняя бабушка, мама четверых маленьких детей, привезла его на телеге домой. Умирал он мучительно на её руках и на глазах ребятишек. Могла ли я видеть в Петлюре героя? А потом, взрослой, прочитала роман Михаила Булгакова «Белая гвардия» о событиях в Киеве в 1918 г., о зверствах петлюровцев, особенно по отношению к русским и евреям. Помните эпизод, он есть и в фильме, когда казак разрубил саблей молодого еврея? А ведь тот, забыв об опасности, бежал за врачом для своей рожаящей жены... На той самой улице, где жил писатель, по которой мы с вами сотни раз спускались на Подол к нашему училищу или поднимались пешком в центр города, – на Андреевском спуске, названном так потому, что наверху стояла бирюзовая Андреевская церковь.

Вот я и не согласна с политикой современной Украины. Хотя, может, не всё знаю? Пока занималась «демагогией» по поводу взглядов на политику, вспоминая родной для всех нас, прекрасный и вечно молодой Киев, начались события, всполошившие не только Киев и Украину, но, наверное, полпланеты. И эти события уж очень напоминают петлюровские погромы, с мародёрством и безжалостным истреблением всех без разбору, попавшихся под руку пьяным казакам. Страницы «Белой гвардии» до сих пор вызывают у меня страх перед тёмной анархической массой. Год назад на охваченном огнём Майдане журналист российского телеканала увещевал молодого «мирного митингующего»: «Вы же знаете, что нехорошо поджигать здания

на Крещатике, нельзя захватывать правительственные учреждения, нельзя поджигать милиционеров. Европа этого себе не позволяет». «А шо мэни Европа? Я украинец и на своей Украине роблю шо хочю». Вот от этого и всполохнулись Крым и Восточная Украина и рванули в Россию. Слава Богу, мы открестились от «незалежной нэнки». И вовремя. Украинский национализм, возвращаемый столетиями, переродился в фашизм. И всё-таки до боли жалко растерзанную Украину – и в прямом смысле, разгромленную и окровавленную войной, и глядя на произошедший раскол в умах и душах украинских граждан. И Киева нашего жалко, нашей общей прародины, «откуда есть пошла земля русская», как гласит древнерусский Нестор-летописец.

Перечитала свои «умные» размышления о политике и посмеялась над собой: «Света, ты осталась по-детски наивной и непосредственной». Ну что ж, дорогие мальчики, повзрослевшие и поумневшие на военной службе, улыбнитесь вместе со мной. Жизнь так ничему и не научила меня. Помните шутку «Русского радио»? Мудрость приходит вместе со старостью, но иногда старость приходит одна...

Я благодарна училищу за то, что стала интересоваться политикой в своей стране и в других государствах. У нас были политзанятия по понедельникам, как во всех учебных заведениях, в том числе и в школах. Позднее уже своим детям я подыскивала интересные сообщения из газет и журналов, делала вырезки с фотографиями, потому что школьники перед первым уроком в понедельник всегда минут пятнадцать рассказывали о новостях в мире. В студенческие годы читала только журналы, так как мои родители выписывали их множество: «Огонёк», «Науку и жизнь», «Юность», «Иностранную литературу», «Вокруг света», потом, когда вышла замуж и жила отдельно, добавила «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Вопросы литературы», «Русскую литературу» и детские журналы «Весёлые картинки», «Мурзилку», «Одноклассники», «Юный техник», «Юный натуралист» и, конечно, «Семью и школу». А газет для всех членов семьи приходило столько, что каждый день, возвращаясь с работы, видела в почтовом ящике целый букет торчащих из него свёрнутых в трубочки изданий. Интересно, что никто никогда не покушался на чужую прессу, ведь соседские ящики тоже были переполнены, и все как один читали «Литературную газету», хотя в нашем доме жили, в основном, люди без образования.

К газетам я пристрастилась в училище, помимо «Правды», «Известий», «Комсомольской правды» было ещё много других по специальности. Именно пристрастилась, потому что чтение их стало обязательным ритуалом домашнего быта, без него появлялось чувство невыполненности чего-то жизненно необходимого. Даже сформировалась мужская привычка: читать за обедом и в транспорте, если повезёт ехать сидя. За время нашего отсутствия в летний отпуск почту вынимали соседи, а потом вручали нам, как подарок, груды газет, журналов, писем, которые с нетерпением прочитывались. Не зря про нас, советских людей, говорили, что мы самая читающая нация в мире.

Как занимались нашим политическим воспитанием в училище? По понедельникам преподаватели – гражданские и военные – собирались на политзанятия, где слушали и обсуждали животрепещущие вопросы. Темы были интересные и малоизвестные широкой публике. Например, мне запомнилось, что в специальном отделе ЦРУ создавали антисоветские анекдоты, в их числе и анекдоты про Василия Ивановича Чапаева и его ординарца Петьку, в которых они оба представлялись необразованными и глупыми людьми. В программу по литературе входил роман «Чапаев» Дмитрия Фурманова, служившего комиссаром в дивизии и хорошо знавшего своего командира. Для меня явилось откровением, что Чапаев был грамотным, образованным, умным, талантливым в военном деле, отличным товарищем и семьянином. Может, и правда, анекдоты создавали те, кто не уважал нашу историю и сознательно делал всё, чтобы наши дети тоже смеялись над ней.

В училище я вступила в партию – по убеждению, с желанием жить и работать для блага людей, в заявлении упомянула слова писателя Н.А. Островского. Помните, как мы наизусть учили в школе: «Самое дорогое у человека – это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, смог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире – борьбе за освобождение человечества».

Никогда не забывала напутствие мамы: «Трудись, доченька, честно, и люди будут уважать тебя». На том и стою до сих пор. Иногда

молодые люди с удивлением или даже с ужасом смотрят на меня, когда узнают, что я двадцать лет была коммунистом. Вроде на мне клеймо палача, зачинщика кровавых насилий. Спрашивают: «Зачем вы вступали в партию? Что вам дала партия?» Конечно, в материальном смысле, в карьере, в деньгах – ничего. Но зато мы получили право избранных – делать нужную работу, когда другие не могут или не хотят. В институте, где работала, преподавателям вменялось в обязанность раз в месяц с 19 до 23 часов дежурить в студенческом общежитии. Это важно – мы лучше узнавали жизнь своих студентов иностранцев, беседуя с ними в их комнатах. А они нас встречали как дорогих гостей: родные – далеко, нам же можно не спеша рассказать обо всех трудностях и радостях. У многих из них во время учёбы появлялись детишки, с которыми они оказались надолго разлучены. Я очень любила эти встречи за чашкой вьетнамского, лаосского или арабского чая. Приносила с собой угощения. Знаете, как потом легко с ними заниматься, ты для них уже – близкий человек. А вот в праздники (длились они по три-четыре дня) никто из преподавателей дежурить не хотел. И наступало время коммунистов. Помните стихотворение Александра Межирова «Коммунисты, вперёд!»? Кстати, сам поэт, несмотря на такие патриотические стихи, в 90-е годы эмигрировал в США. Тогда нас это возмущало. Сейчас начинаем привыкать, что у каждого свои причины уезжать за границу, и нам, посторонним, не всегда дано знать их¹.

Дежурия по праздникам в общежитии, я брала с собой двоих детей, которые тут же растворялись где-то в недрах девятиэтажного здания, так как иностранцы, жившие вдали от семей, скучали по братикам и сестричкам и с удовольствием нянчили маленьких гостей. Как наши афганцы, африканцы, вьетнамцы, кубинцы ждали нас! С тортами,

¹ Александр Петрович Межиров – офицер-фронтовик, выпускник Литературного института им. Горького, лауреат Государственной премии СССР, лауреат Государственной премии Грузинской ССР, лауреат Премии имени Важа Пшавелы независимого Союза писателей Грузии (1999 г.), удостоенный Награды президента Соединённых Штатов Америки (1994 г.). 25 января 1988 г. в Москве на Ленинградском шоссе сбил машиной актёра Юрия Гребенщикова, с места происшествия скрылся, не оказав помощи пострадавшему и забросав его тело снегом. Юрий Гребенщиков, не выйдя из комы, умер в мае того же года. Межиров эмигрировал, с 1992 г. проживал в США, скончался в мае 2009 г. в Нью-Йорке, похоронен на Переделкинском кладбище под Москвой. (Прим. ред.)

фруктами, чаем. «Преподаватель, приходите к нам в комнату обязательно. Будем пить чай и разговаривать», – говорил мой афганский студент. Это особенный ритуал в их странах – неспешное чаепитие и спокойная беседа со старшими обо всём. Вот это и называлось для нас – «коммунисты, вперёд!» Так разве мы что-то теряли? По-моему, больше получали, чем отдавали. Дети мои выросли на моей работе, и это воспитание, мне кажется, пошло им на пользу. Они трудолюбивы и безотказны, их любят и уважают окружающие.

Во время прохождения кандидатского стажа я вышла замуж за курсанта нашего третьего выпуска, не уведомив партком и политотдел о вступлении в брак, и потому очень волновалась, примут ли меня в партию. Перед днём приёма выучила наизусть Устав КПСС, знала все новейшие события в мире, отец накануне экзаменовал меня по сложным партийным вопросам. Готовилась я зря. На партсобрании долго, несколько часов, допрашивали, почему я скрыла от товарищей по партии факт замужества, насколько близкими были наши отношения до брака и многое другое, отчего я стояла красная и смущённая, почти в полуобморочном состоянии. И больше думала не о себе, а об отце: не повредила ли его репутации, не отразится ли это на его службе, ведь он был начальником КВИАВУ, в общем, не опозорила ли его. Как ни странно, всё закончилось благополучно: меня приняли, поздравили, но попросили в будущем ничего не утаивать от коллег. С тех пор в стенах училища чувствовала себя неловко: казалось, что все смотрят с укоризной, что я окончательно пала в их глазах. Позже поняла: товарищами руководило обыкновенное человеческое любопытство и ничего более. Хотя участились проверки занятий из политотдела одним и тем же человеком (не скажу, кем), с дальнейшими, не очень приятными проработками. Я уже трудилась в училище к тому времени третий год, прошла многочисленные комиссии. Видимо, у него была какая-то личная цель или неприязнь ко мне. Пусть это останется тайной. А может, причиной всему моя мнительность? До сих пор теряюсь как девочка, когда кто-то сидит на последней парте и со значительным выражением лица делает записи в блокнотик.

Напоследок, когда увольнялась с работы в июле 1973 г. и пришла в отдел кадров за трудовой книжкой, услышала себе вслед знакомый голос: «Посторонним освободить территорию училища!» Хотя шла

совершенно одна по пустому плацу, с грустным лицом, мысленно прощаясь с училищем, теперь «по гражданке» – не в чёрно-белом одеянии, а в цветном летнем платье, он узнал меня. Было горько, что ещё не перешагнула порог проходной, а уже стала посторонней. Девчонка, по сравнению с ним, не понимаю, где, когда и как могла перебежать ему дорогу? Почти двадцать лет спустя мы встретились на похоронах Ф.Ф. Турчина, он обнял меня со слезами: «Мы же свои», и я простила. Он прав, мы всё равно свои.

Политические казусы

В программе по литературе темы лекций пронумеровывались. Однажды я перепутала очердность и прочитала лекцию по Н.Г. Чернышевскому, а надо было по Н.А. Добролюбову. По наивности и простоте душевной, извинившись, сказала об этом курсантам. И получила хороший «урок». Спрашивается, кто тянул меня за язык? Какой урон я нанесла русской классике? И кто бы из курсантов заметил, с какой лекцией пришла на занятия, если бы сама не проговорила. Едва прозвенел звонок с пары, у дверей меня встречает взъерошенный от полученного нагоняя начальник кафедры. «Светлана Николаевна! Что у вас произошло? Зачем вы сказали, что будете читать другую тему?» Я похолодела от ужаса, понимая, что кто-то в пятиминутный перерыв сбежал то ли в учебный отдел, то ли в политотдел и доложил о «страшном», возможно, дисциплинарном, а то и политическом, проступке Светланы Николаевны. Неужели среди курсантов были такие осведомители? Или стояли прослушивающие устройства? История умалчивает. Но Влас Антонович Решетник, начальник кафедры, человек прекрасной души и большого благородства, отец наш родной, увидев моё полуобморочное состояние, мгновенно бросился на помощь: «Да не волнуйтесь так, всё хорошо, я уже всё уладил».

На кафедре марксизма-ленинизма у Власа Антоновича мы с Евгенией Анатольевной работали год. Влас Антонович – исполнительный и прямолинейный, остро и бурно воспринимающий несправедливость, в нерабочее время весёлый и непосредственный. Таким я видела его на свадьбе нашей лаборантки Любочки, вышедшей замуж за курсанта. Помню, как самозабвенно пел он песню «Я люблю тебя, жизнь, И надеюсь, что это взаимно». Через несколько лет, когда

училась в аспирантуре Киевского университета, случайно увидела его бегущим вверх по лестнице, задыхающегося, бледного, взволнованного. Я знала, что он после увольнения в запас пошёл преподавать в университете. С одной стороны, была рада, что он смог найти работу на гражданке, но, с другой, переживала за него, зная его характер. Работать в университетской среде, по моему мнению, могут только её воспитанники, выпускники, с юности «свои», глубоко усвоившие, «что такое хорошо и что такое плохо» и, тем не менее, любящие свою альма-матер. Отношу к ним себя, испив сладость и горечь многих лет общения с родным Киевским университетом. Мне хотелось подойти к Власу Антоновичу, поздороваться, поговорить, но он, видимо, очень спешил. Потом узнала, что у него был конфликт. Вскоре он умер. Как-то, посетив могилу отца на военном кладбище, отошла немного в сторону, читая на надгробьях фамилии папиных сослуживцев. И вдруг – знакомое лицо на камне. Сердце сжалось: «И вы тоже здесь, Влас Антонович. Мы помним вас»...

Урок я усвоила: поменьше откровенностей с курсантами, не все тебе друзья. Урок следующий: никому из коллег не рассказывай, что у тебя бывает на занятиях – ни хорошего, ни плохого. Держи всё в тайне. Однажды (любимое моё слово) во время семинара обсуждался вопрос о литературе Великой Отечественной войны. Один из курсантов (до сих пор помню его имя и фамилию и мысленно в сотый раз прошу у него прощения!) сказал, что победу в войне мы одержали благодаря штрафбатам. А я-то в 1969 г. ничего не слышала об этом, но мальчик объяснил мне, что это такое, поэтому диспут не состоялся. Опять, по своей доверчивости, решила проконсультроваться у старшей наставницы, женщины солидной и опытной. Она, по-видимому, тоже с кем-то посоветовалась. Бедного курсанта, затронувшего запретный вопрос, затаскали по кабинетам разных отделов. Что там у него спрашивали, о чём с ним беседовали, никто не знал. Слава Богу, не отчислили. А у меня на занятиях теперь постоянно присутствовала комиссия, наверное, следившая за моими политическими взглядами, хотя почему проверяющие молча с блокнотиками сидели за последними столами, мне не объясняли, но от ужаса, как говорится, язык к нёбу прилипал. Наконец, всё утихло, а какого это стоило страха и скольких бессонных ночей... И урок третий: никогда на

работе не распространяйся о личной жизни – пойдут сплетни, потом всё обернётся против тебя. Этот урок, к счастью и несчастью, я усвоила ещё на прежней службе в артиллерийском училище, где моё неудачное замужество обсуждалось всеми женщинами-доброхотами. И когда развелась, работая уже в морском училище, на кафедре два года никто ничего не знал. Курсанты же, не задавая никаких вопросов, дружески посмеивались: «Вы можете нам ничего не рассказывать, мы всё равно знаем о вас больше, чем вы сами».

Наши культурно-воспитательные мероприятия

Не подумайте, что участие в них было в тягость: мы чувствовали себя причастными к воспитанию курсантов не только на занятиях, но и вне учёбы. Понимали, какое назначение имело политучилище: воспитать самых культурных, самых эрудированных, самых трудолюбивых, самых честных, самых совестливых, самых преданных, самых-самых лучших офицеров на флоте. Почти все мальчишки внушали надежду на достижение этой цели: отбор при поступлении был очень строгим. Мы с Женей каждое лето читали в лагере лекции для абитуриентов и принимали вступительные экзамены. После школы в училище шли, в основном, дети военнослужащих, им всегда отдавалось предпочтение: они стремились быть похожими на отцов и хотели продолжить их дело. А после срочной службы поступали с направлениями из воинских частей, с партийными и комсомольскими характеристиками ребята, имеющие представление о своих будущих обязанностях.

До сих пор храню красивую, вечную – с годами она не постарела – кожаную обложку для книги с закладкой. Книга давно исчезла, хотя бережно отношусь к домашней библиотеке, а там была подарочная надпись и фамилии курсантов одного из классов, по-моему, 1-й роты. Ребята выбрали художественную книгу о военных моряках и предложили мне принять участие в её обсуждении. Дискуссия проходила бурно, в романе – и подвиги, и верная дружба, и настоящая любовь, а вот название его, к сожалению, забыла. Светлые души совсем ещё юных курсантов тянулись к романтике морской профессии, готовили себя к трудностям службы и не боялись их. И, конечно, всем хотелось встретить единственную любовь, на всю жизнь, чтобы любящая и

верная жена поехала за мужем хоть на край света. Один из курсантов задал мне вопрос, по-видимому, как умудрённой (в 23 года!) опытом женщины: «Светлана Николаевна, а вот если бы ваш муж был военным моряком, отправились бы вы с ним в дальний гарнизон на Севере?» «Да, без всяких раздумий», – а как ещё могла я, дочь военнослужащего, ответить, если перед глазами – семейная жизнь моих родителей. После окончания двух войн отца направили в авиационную часть в Воздвиженке, потом в штаб Приморского округа в Уссурийске, на следующее повышение – в Москву, затем в Киев. (Хочу вспомнить сейчас Сашу Скрыпника, он служил на Дальнем Востоке и писал нам первое время письма. Зная, что я жила маленькой в Воздвиженке, а там было всего два дома, с удобствами на улице, и небольшой аэродром, окружённый стогами сена, он прислал мне фотографию 70-х годов, на которой я увидела город с многоэтажками. К сожалению, следы Саши затерялись.) Мама никогда не оставляла отца, ехали все вместе, с багажом, кастрюлями и горшками, даже рыбок в аквариуме перевозили. Мама умела и любила складывать вещи в ящики, аккуратно заворачивая тарелки, чашки, фарфоровые фигурки в одежду, так что всё доставлялось целым. Квартиры давали не сразу, жили и в гостиницах, и в съёмных комнатах, делали ремонты, мебель брали казённую, свою не заводили, чтобы легче переезжать. Вместо матраса на кровать родители стелили себе фронтальной спальный мешок – в память о начале семейной жизни. А уж мы с сестрой как рады были переездам! Радостная суматоха собирания вещей, многосуточная дорога в поезде, мелькание за окном купе городов, лесов, рек, людей на платформах, борщи в судочках из вагона-ресторана, покупка новых книг и игрушек на остановках, распивание чая в дребезжащих подстаканниках. Как интересно!..

Запомнилось празднование Дня Парижской коммуны в марте 1971 г. Меня тогда приняли кандидатом в члены КПСС и дали партийное поручение – организовать литературно-музыкальный вечер, посвящённый столетнему юбилею исторического события. Я нашла имена поэтов-коммунаров, написанные на их слова «Марсельезу», «Интернационал», и мы с курсантами начали готовиться к концерту. В помощь нам назначили оркестр училища. Вечер проводился в актовом зале, рано утром, после завтрака, в воскресный день, когда в

училище, кроме нас, участников, народу находилось немного. А жаль, что не было других зрителей! Курсанты, вдохновлённые высокой поэзией Франции, выступали прекрасно. Гремел оркестр, боевая торжественная музыка поднимала настроение. Потом я всегда, где бы ни работала, обязательно ставила литературные спектакли: школьники или студенты исполняли роли поэтов, писателей, проживали на сцене их жизни – воевали, любили, дружили, сочиняли стихи. В память об училище я готовила роль поэта-подводника Алексея Лебедева, молодым погибшего на подводной лодке в 1941 г. в Балтийском море.

*Превыше мелочных забот,
Над горестями небольшими,
Встаёт немеркнущее имя,
В котором жизнь и сердце – Флот!*

*Идти над пеной непогод,
Увидеть в дальномере цели
И выбрать курс, минуя мели, –
Мысль каждая и сердце – Флот!*

*В столбах огня дай полный ход,
Дай устремление торпеды.
Таким в боях идёт к победе
Моряк, чья жизнь и сердце – Флот!*

Вдумайтесь, как верно сказано, ведь, выбрав профессию, вы навеки становитесь моряками, и на службе, и в семье, и в любых житейских ситуациях умеете отличить главное от второстепенного, ваше призвание и поглощает всю вашу жизнь, и наполняет её высоким содержанием. Гордимся вами!

Знаменательной вехой в культурной работе училища стала постановка спектакля по пьесе Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия», состоявшегося благодаря энтузиазму и таланту одного человека – курсанта Григорьева. Его нет в списках выпускников. Как сложилась его судьба после отчисления из училища? Реализовал ли он свои способности? Что бы там ни было, хочу добром

вспомнить имя этого юноши. Он не просил помощи ни у кого, сам был режиссёром, курсанты играли революционных матросов, а роль женщины-комиссара поручили работнице кухни – повару. Спектакль получился прекрасный! Напечатали пригласительные билеты, пришли из города друзья и знакомые наших актёров. Меня попросили встать за кулисами в качестве суфлёра, ведь артисты не были профессионалами, поднялись на сцену первый раз в жизни, и многие от волнения забывали слова. Сергей Белокобыльский не мог вспомнить, что дальше говорить, и вопросительно смотрел на меня в ожидании подсказки. А я тоже суфлировала впервые, не знала всех тонкостей этой работы. Конечно, с выражением прошептала слова из текста пьесы. Белокобыльский молчит. Я снова, более выразительно, проникновенно глядя ему в глаза, прочитала слова, но он так их и не повторил. «Почему?» – с недоумением спросила его после спектакля. «Светлана Николаевна, вы так громко шептали, причём дважды, что вас хорошо слышали даже в последних рядах. Мне уже неудобно было произносить за вами в третий раз». Вот так я оказала медвежью услугу. Извините. А ведь интересно мы жили, правда?

Каждая кафедра планировала не только учёбу, но и воспитательные мероприятия для курсантов вне занятий. Начальник кафедры педагогики и психологии, где работали преподаватели литературы, Юрий Павлович Зуев на собрании коллектива предложил прочитать первокурсникам лекцию о любви и браке. «Кому же мы поручим это ответственное задание?» – Юрий Павлович пытливо оглядел подчинённых, все сразу опустили головы, а потом посмотрели на меня. «Предложим Светлане Николаевне, она у нас проходит кандидатский стаж, и это ей зачтётся при вступлении в партию». Коллеги облегчённо вздохнули, а у меня бешено заколотилось сердце. Тема уж больно щекотливая. Одно дело – рассказать о любви литературных героев: Лариной и Онегина, Карениной и Вронского, Печорина и Бэлы, и то очень сложно разобраться в психологических проявлениях любовного чувства. Помню, в арабской аудитории насчёт Анны Карениной убеждённо прозвучало: «Её надо зарезать!» А как говорить о сегодняшней любви молодым людям, морякам, будущим политработникам?

Отнеслась к заданию серьёзно. До сих пор храню пожелтевшие машинописные листы с названием: «Любовь и семья в обществе

развитого социализма». Эта лекция – мой первый труд, где проанализированы примеры из художественной литературы, по преимуществу, о военных моряках. Оказывается, более сорока лет назад я прочитала много таких книг – А. Ёлкина «Атомные уходят по тревоге», А. Первенцева «Остров надежды», Г. Скульского «Не все штормы позади». Самая любимая среди курсантов в те годы – «Песня синих морей» Константина Кудиевского. О необыкновенно романтической любви, прошедшей испытания разлукой, войной, блокадой Ленинграда. Вот на чём мы воспитывались, именно «мы», то есть, вы, юные курсанты, и мы, молодые учительницы литературы: «В поисках любви человек проходит землю из края в край, чтобы, остановившись где-то на грани планеты, крикнуть во всю вселенную: «Где же ты?». Не найдя, человек всё равно придумает её, создаст из солнца, из песен, из моря...» Мы верили в эти слова и мечтали воплотить их в реальность. Не станем сегодня смеяться над высоким стилем писателя. Многие из вас нашли себе верных и любящих жён, поехавших за вами на край света, вырастивших вам хороших детей и заботящихся о вашем здоровье. Я убедилась в этом, разглядывая ваши семейные фотографии. И не нужно, наверное, винить книги и обижаться на весь мир, если на жизненном пути мы сами совершили ошибки и не встретили свою единственную любовь. Для тех, кто очутился в подобной ситуации, в моей, написанной более сорока лет назад (в 1972 г.), лекции есть и утешительные слова: «Любовь не является главным условием, а лишь одним из условий человеческого счастья. Творческий труд во имя счастья народа, борьба за победу коммунизма во всём мире есть высшее счастье человека».

Вдохновило меня на эти слова чтение ленинских высказываний о любви, в них можно найти для себя успокоительный рецепт. Да и каждый знает: работа спасает от безысходности. А всё равно плохо, когда без любви...

Моё выступление перед курсантами сводилось к теме: «Что значит счастливая семья для военного моряка, который избрал для себя трудную, героическую профессию?» Но поскольку слушатели, будущие моряки-политработники, ещё не имели семейного опыта, то, выслушав мою декларативную и пафосную речь, первокурсники ни о чём не спросили. Дискуссия не состоялась. Возможно, мне просто

поверили на слово. А вот сегодня, уверена, вы смогли бы ответить на этот очень важный вопрос вполне компетентно.

Наши преподаватели

Их было много в училище, и военных, и гражданских. К сожалению, не всех могу вспомнить, потому что передо мной нет их фотографий с именами и фамилиями. Это недоработка командования училища: для фотографирования на выпускные альбомы надо бы приглашать всех. Сейчас это важно. Нельзя пропустить ни одного человека, ведь мы вместе трудились долгие годы. Женщин было меньше, в основном, математики, физики, преподаватели иностранных языков. У них, по-моему, существовала отдельная кафедра в соседнем корпусе, мы редко виделись, хотя и неплохо знали друг друга. Запомнила только тех, с кем чаще всего разговаривала, то есть более общительных по характеру. Перковская Ирина преподавала английский. Красивая, всегда приветливая, улыбающаяся. Я думаю, в военной среде такие учителя смягчают общую строгость. Тихомирова Галина Михайловна – немецкий. Её очень хорошо запомнила. Мягкий, душевный человек, курсанты уважали её. Она не выдержала измены мужа, с которым прожила много лет, и покончила с собой. Началось следствие. Муж пытался обвинить в её гибели училище, но свидетельства наших преподавателей и офицеров, до единого, пришлись не в его пользу, так как потрясённая горем женщина почти всем рассказала о поступке пожилого супруга. Она застала его прямо в спальне.

Такой же сердечностью, как Галина Михайловна, отличалась математик Валентина Ивановна Корицкая, чрезвычайно скромная, по-матерински относившаяся к курсантам, воспитывавшая тогда двух сыновей-подростков. Мы с ней поддерживали добрые отношения, пока я жила в Киеве. Запомнился Константинов Александр, физик или математик, молодой обаятельный мужчина, всегда готовый поговорить и пошутить. С Гетманцевым Владимиром Даниловичем, заведующим кафедрой математики, я виделась чаще, чем с другими: мы жили в одном дворе, в начале ул. Урицкого. Бывало, вместе шли на службу или домой и когда я уже работала в инязе. Правда, шли только до остановки, поскольку я садилась на автобус или трамвай, а Владимир Данилович всегда, на протяжении многих лет, ходил туда

и обратно пешком, наверное, для поддержания физической формы и здоровья. Хотя путь от вокзала до Подола неблизкий. Гетманцев – удивительно умный и интересный человек. Внимательно относился ко мне, к моим детям. Хочется верить, что и сейчас он жив-здоров и ещё работает.

Мои воспоминания о преподавателях получились краткими. Всё-таки работа у нас была серьёзная, поэтому, в основном, встречи с сотрудниками других кафедр ограничивались «здравствуйте и до свидания». Думаю, бывшие курсанты тоже скажут доброе слово о своих учителях: они виделись с ними чаще и лучше могут оценить их профессиональный труд.

Литература относилась к идеологическим дисциплинам, потому нас с Евгенией Анатольевной сначала определили на кафедру марксизма-ленинизма к Решетнику Власу Антоновичу, а потом перевели на кафедру педагогики и психологии к Зуеву Юрию Павловичу, где мы и работали три года. О Власе Антоновиче я уже сказала как об одном из самых прекрасных людей и педагогов. С Крутиковым Станиславом Александровичем после училища ещё пятнадцать лет трудились в Киевском институте иностранных языков, где факультетом русского языка для иностранных студентов руководил Фёдор Филимонович Турчин. Крутикова любили за дружелюбный, открытый характер. Всегда улыбающийся, приветливый, внимательный, он нравился нашим студентам-иностранцам, именно таким, в их понимании, должен быть учитель. Галантностью он привлекал внимание женщин, но был однолюбом и познакомил с коллегами свою красавицу жену.

На кафедре Юрия Павловича Зуева нас с Евгенией Анатольевной приняли приветливо и старались помочь нашему профессиональному становлению. Юрий Павлович, как психолог, использовал в отношениях с коллегами приём поощрения: хвалил нас по любому поводу, не скупился на комплименты. На открытых занятиях, в присутствии сотрудников кафедры, мы хоть и волновались, но знали – все удачные моменты в лекции будут отмечены как наши достоинства. Замечательный педагог, он понимал, что чрезмерная критика, строгий анализ работы неопытных молодых преподавателей могут не просто огорчить, но и напугать, лишить уверенности в своих силах, радости

творческих поисков, и мы больше не захотим идти в аудиторию. Хорошо, что в начале пути нам встретились умные наставники: работа и с иностранцами, и со школьниками, и со студентами была всегда мне желанна, приносила удовольствие, да такое, что я и сейчас продолжаю трудиться, и хочется работать до бесконечности. Помню, после лекции о Чехове Юрий Павлович восторгался: «Светлана Николаевна, когда вы читали письма Чехова, мне казалось, я вижу перед собой самого писателя, слышу его голос. Это так впечатляет». Спустя двадцать лет, в Севастополе, завуч школы, где я преподавала, посетив мой урок, сказала мне почти то же самое, но с иной оценкой: «Когда вы рассказываете, я вижу перед собой то Ахматову, то Цветаеву. Вы что, артистка? Кто вас просит это делать? Ученики должны слышать один голос – своего учителя!» С радостью слушала её критику, потому что когда-то меня за артистизм хвалил Юрий Павлович. Работа учителя – действительно, театр одного актёра. Только особенный – глаза в глаза, душа в душу, и потому очень правдивый.

Замечательно к нам, девочкам, относился Михальчук Владимир Иванович, который читал педагогику. Мягкий и добрый, любящий жену и детей, он и к нам был неизменно доброжелателен. Выпало нам счастье познакомиться с Борисом Фёдоровичем Ворониным, человеком общительным и деятельным. Он взялся за наше физическое совершенствование, давал всевозможные советы, как быть здоровыми и красивыми. Во время службы на кораблях Воронин занимался йогой, пропагандировал её среди военных моряков, особенно подводников, так как они в замкнутом пространстве лодки ограничены в движении. Борис Фёдорович подарил мне с автографом свою книжку по йоге для подводников, и я начала делать эти упражнения. Здесь, в Севастополе, передала дорогую мне книгу другому, тоже замечательному человеку, моряку-подводнику Тихоокеанского флота Гурьянову Юрию Анисимовичу, организовавшему в Матросском клубе «Севастопольский центр йоги». Юрий Анисимович стал учителем и наставником для многих севастопольцев, независимо от их возраста. А вот связь с Борисом Фёдоровичем утеряна. Он действительно выглядел моложе своих лет, гибкий и подвижный, всегда улыбающийся. Говоря о полезности йоги, шутил: «Мне сорок четыре года, все дают тридцать четыре, а я хочу выглядеть на двадцать четыре». Почему он

скоро ушёл с кафедры, нам неизвестно. Неужели причина – его увлечение этим, тогда ещё не официальным, видом занятий? Всё может быть.

Среди офицеров, кроме Нестерова, помню Юрия Васильевича Москалюка. Мы ровесники, по характеру он общительный, лёгкий человек, с чувством юмора, по-доброму относился ко всем. Из командиров роты живо сохранился образ интеллигентного Телина Ивана Степановича. Он постоянно обращался к нам, преподавателям литературы, с просьбой быть снисходительнее в оценке знаний курсантов, рассказывал о каждом только хорошее, знакомил нас с трудностями их службы и учёбы. Мы были принципиальны, спорили, но потом всё-таки уступали, понимая, что если юноша, выросший в деревне, не читал толстенную «Жизнь Клима Самгина» Максима Горького, то в училище уже не найдёт для этого времени.

Я хотела бы рассказать и о других преподавателях, да, к стыду своему, не могу восстановить в памяти их фамилий, имён, не все фотографии есть в выпускных альбомах. Жени и меня в них тоже нет.

Мало кто знает, что у нас существовала комсомольская организация для сотрудников училища, куда входили девушки всех служб – лаборантки кафедр, машинистки, работницы кухни ... Комсоргом была Валя, по-моему, чертёжница, а я – её заместителем. По возрасту мы с Женей являлись членами этого, довольно большого молодёжного коллектива. Но, честно говоря, наши пути на работе почти не пересекались, мы редко виделись с девочками-комсомолками: им хватало своих обязанностей, а наше время занимали партийные поручения кафедры. Запомнился курьёзный случай. Проходили занятия по гражданской обороне, по оказанию медицинской помощи. Девушкам, в том числе мне, надлежало по двое на скрещенных руках выносить «пострадавших» из «зоны поражения». Молоденький первокурсник смотрел испуганными глазами и ни за что не хотел садиться мне на руки, держать за шею, но по строгому приказу руководителя учений мы с кем-то из девчонок подхватили его силой, потащили в медчасть. Курсант оказался тяжёлым, от ужаса оцепенел, мы еле оторвали его от себя...

Напишу о Жене, Евгении Анатольевне Макаренко, тогда начинающем преподавателе литературы, сегодня – докторе политологии,

профессоре Киевского университета им. Т.Г. Шевченко. Конечно, расскажу не всё, что знаю, – кому бы понравилось читать о себе всё дозволенное и недозволенное. Надо бы спросить её разрешения и для начала хотя бы разыскать её. Мы всегда поддерживали хорошие отношения – и как коллеги, и, главное, как однокурсницы. У нас был на редкость сплочённый коллектив, два отделения филологии – украинское и русское, всего сто человек. В те годы действовало распоряжение правительства принимать в университет выпускников сельских школ, даже с тройками, чтобы они по окончании вуза поехали работать учителями в родные места. Из Киева взяли студентов немного: сдавших вступительные экзамены на отлично и предоставивших на конкурс школьный аттестат с большинством пятёрок. На курсе учились, в основном, девочки из украинских сёл, скромные, трудолюбивые и дружные. Особенно близко мы сошлись, когда нас до 15 октября каждый год отправляли в совхозы и колхозы на уборку урожая: картофеля, помидоров, огурцов, свёклы, моркови, лука. Самый тяжёлый труд – на картошке: ползали на четвереньках по полю (в наклон спиной не выдерживали) и собирали в две корзины – мелочь в одну, крупные клубни в другую – полный световой день. Норма – 500 килограммов. Работали в телогрейках, резиновых сапогах, в тёплых платках (экипировку приобретали самостоятельно), кормили нас совхозные повара постными супами с картофелем и лапшой, а также молочными кашами. Всё время хотелось есть и спать. Ночевали в деревянных бараках, на полу, на набитых соломой матрасниках (тоже своих), мылись на улице холодной водой. И не болели, хотя ночи под Киевом уже случались с заморозками. Мечтали об одном – скорее вернуться домой, в город, отмыться, отоспаться и забыть о кошмаре. Лишь на 4-м курсе нам выпало счастье: повезли на уборку яблок. Каждому надлежало собрать 400 кг в день. Поскольку яблоки предназначались для Мурманска, снимали их с дерева бережно, чтобы не было вмятин, в маленькие корзинки, а потом – перемещали в ящики, перекладывая соломой. Яблони под Киевом метров под десять, залезали наверх по высоким лестницам, но мы радовались – это легче, чем работать на картошке, согнувшись до земли. Такой «экзамен» на выносливость девочкам-филологам приходилось сдавать каждую осень. Дружба с однокурсницами завязывалась крепкая, проверенная

суровым трудом на полях Киевской области. Все сто человек, мы тепло и заботливо относились друг к другу. Но, конечно, не все были закадычными подругами. Девчонки из сёл и маленьких городков Украины обитали в общежитиях, можно сказать, одной семьёй. Ругались, мирились, занимались по одним книгам и конспектам, жарили на общей кухне картошку с салом, привезённые из родных мест. Нас, городских, на курсе было мало. В основном, девочки из образованных семей, скромные, любящие литературу. Тесно сходились всё-таки по два-три человека, это те друзья на всю жизнь, которым звоню в Киев и сейчас, через пятьдесят лет. Мы словно не расставались. Обязательно видимся, когда приезжаю в столицу. Нам хочется поговорить, и поговорить есть о чём.

С Женей мы сохраняли добрые отношения, но не настолько близкие, чтобы постоянно поддерживать общение. Она приехала учиться с Черниговщины, из Прилук, до университета год работала на фабрике и была немного старше меня. Умная, очень энергичная, настойчивая, решительная. Мы разные по характеру, но это не мешало нам, когда преподавали в училище, доверять друг другу, помогать в делах и в разных ситуациях держать, в случае чего, круговую оборону – убеждена, именно потому, что мы однокурсницы. После окончания университета прошло сорок пять лет, а мы до сих пор не теряем связи со многими нашими выпускницами, почти все они в Киеве. Я в «Одноклассниках» увидела «наших», с которыми мало общалась вне студенческих аудиторий, а теперь мы дружим, вспоминаем о юности. Один «мальчик» семидесяти пяти лет, ещё работающий в деревенской школе под Пензой, спрашивал, чтобы вспомнить меня: «Это не ты ли та девочка, стройная блондинка?» Он старше нас, мы смотрели на него, с его философскими рассуждениями на семинарах, как на кудаковатого дядьку. «Да, это я, только давно не девочка, не блондинка и не стройная», – написала в ответ, а про себя подумала: зато теперь могу оценить его оригинальный ум и взгляд на жизнь. И в Америке нашла двух однокурсниц, уехавших туда в 90-е, с которыми почти не общалась по окончании университета: пишем через океан о литературе, о детях и, как водится в нашем возрасте, о разных оздоровительных рецептах. Как я раньше не додумалась? Ведь мы – русские филологи, а это уже братство!

В училище у Жени случилась неприятная история, я не была её свидетелем, так как пришла в КВВМПУ на год позже. Расскажу лишь то немногое, что, наверное, не являлось тайной для других и о чём вкратце, без подробностей, Женя поведала мне сама. Она влюбилась в курсанта первого или второго набора, я его никогда не видела. Потом они поссорились. Что, как произошло, не знаю. Помню, с её слов, что стихи, которые он посвящал ей, оказались стихами Роберта Рождественского. Наверное, имело место ещё что-то, заставившее её разочароваться в нём. Однако было поздно что-либо изменить: она ждала ребёнка. Они поженились, но при выходе из загса Женя дала супругу пощёчину, и больше они вместе не жили. Правда, после рождения сына отец приходил к ней в общежитие, просил прощения, стирал пелёнки, но Женя осталась неумолима. Ф.Ф. Турчин помог ей получить в Киеве квартиру, куда я часто ходила навестить маму с малышом. По окончании училища муж уехал служить, по-моему, на Север, облучился и умер очень рано, лет в тридцать-тридцать пять. Второй раз Женя замуж не вышла, давно работает в университете, защитила кандидатскую и докторскую диссертации, вырастила сына. Мы не виделись много лет: она переехала на новую квартиру, оставив прежнюю сыну, поэтому, вероятно, не отвечала на мои письма. Подруги говорят, что она жива-здоровая и до сих пор преподаёт. На мой характер, я бы простила мальчика-мужа, возможно, всё бы и наладилось. С другой стороны, со мной тоже произошла в училище похожая история с неутешительным концом. Наверное, Женя поступила правильно.

Какими вы были тогда

Любопытно, какими мы с Женей были для вас тогда. А какими мы видели вас? Я уже призналась, что неодолимо люблю свою работу и никак не могу расстаться с ней. Сама не в силах понять, ну почему так тянет рассказывать всё интересное, что знаю о языке и литературе. Что наблюдаю вокруг себя ежедневно, – поступки людей, разговоры в маршрутках и на улицах; что читаю в газетах, вижу в спектаклях, – всё несу с собой в аудиторию, связываю с темой лекции, делюсь своими размышлениями, спрашиваю студентов, что любят они, чем интересуются. И в подсознании, что ни делаю, устремлено к

одному – удивить молодых многообразием и чудесами окружающей жизни, пробудить в них внимательность к каждой мелочи большого мира, желание участвовать в самых его интересных и разнообразных делах, приобщить их к огромному счастью – жить на этой прекрасной земле. И ещё всё время даю понять каждому, что он дорог не только мне, но и другим: человеку всегда необходима уверенность в своих силах.

А раньше? Я тоже так думала? С первого класса твёрдо решила – буду учительницей, а в четырнадцать лет сделала запись в дневнике: «Прежде чем ты станешь учителем, ты сначала сама роди детей, стань матерью». Мама, видимо, подчитывала мои откровения, поделилась с отцом, они напугались и высказали свои планы насчёт меня: «Нет, дорогая, сначала мы тебя выдадим замуж, если не захочешь, свяжем и выдадим, а потом рожай. А то ещё в подоле нам принесёшь в шестнадцать лет». Серьёзные мысли дочери, девочки-подростка, обеспокоили родителей, а я поняла саму себя позже, будучи взрослой и уже мамой: всё правильно думала в детстве. Каждый твой ученик для его мамы, каким бы ни был, как бы хорошо или плохо ни учился, всё равно любимый ребёнок, при любых обстоятельствах. Здоров он или болен, двоечник или отличник, шумный или тихий, примерный или хулиганистый, правдивый или обманщик, значения не имеет. Вот и учительница должна относиться ко всем ученикам, как мама, а уж потом давать знания. Может, я не совсем права? Готова выслушать ваши советы.

Работая в училище, мы не могли претендовать на роль матерей для юных курсантов. Но на уровне подсознания, как сейчас модно говорить, мы чувствовали себя ими. Поэтому все четыре года я отмечала очень уважительное отношение к себе. Никогда никакого намёка, что мы молодые женщины, никакой фамильярности в обращении, никаких двусмысленных улыбок или шуток и почти никаких вопросов о личной жизни. Только однажды мне показалось, что нравлюсь юноше с младшего курса, помню его фамилию, а имени не запомнила. Худенький, высокий, совершенно рыжий, лицо в конопушках, синеглазый, он стеснялся меня и не мог хорошо отвечать на семинарах. Было жалко его.

Ещё мы преподавали офицерам, приезжавшим на курсы повышения квалификации. Один-единственный раз слушатель курсов, тоже

помню его фамилию, пригласил меня в театр. Симпатичный молодой человек, невысокого роста, с волнистыми светлыми волосами, застенчивый... Я понимала, что из уважения женщину-преподавателя в театр не приглашают, и, хотя мне не хотелось обижать его, отказалась. Бедный, как ему было неловко... Надеюсь, что судьба его сложилась счастливо.

Не считая этих эпизодов, ни в одном взгляде ни у одного из восьмисот курсантов в аудиториях КВВМПУ я не увидела какой-то особенной заинтересованности, заставляющей женщин смущаться. Меня бы это обидело. Сама я, несмотря на неудавшуюся семейную жизнь, не воспринимала курсантов, в том числе моих ровесников, как молодых людей. Мне нравились такие отношения. Старалась быть серьёзной, мало улыбалась, боялась проявления лишних эмоций, чтобы не дай Бог кто-нибудь не подумал, что я легкомысленна. Зато теперь могу оставаться собой в любой аудитории: пошутить, посмеяться, обнять заплаканную девчущку и поцеловать в макушку непоседливого мальчугана. Возраст имеет свои преимущества. Десять лет назад одна моя знакомая передала мне слова сына, моего студента, обо мне: «Нормальная тётка!» Это наивысший комплимент от восемнадцатилетнего парня. Недавно мой внук поинтересовался у друга: «У тебя преподаёт моя бабушка. Как она тебе?» Отзыв мальчика-первокурсника порадовал: «Оптимистичная бабуля!» Ну, слава Богу, я ещё в форме.

Итак, какими были вы в нашем представлении? Серьёзными, призванными готовиться к особо ответственной миссии на службе и в быту – становиться всё безупречнее и распространять эту безупречность в окружающем пространстве. Мы находились под гипнозом слов «будущие политработники», звучавших в училище на каждом шагу. Они производили магическое действие на всё – на содержание лекций и темы дискуссий, на праздничные события и повседневные дела.

Верю, что и в семейной жизни, и в воспитании собственных детей вы соответствовали высокому смыслу избранной профессии.

Помнятся и курьёзы. В одном из классов нашего выпуска на семинарском занятии я вдруг заметила, что курсант, сидящий за предпоследним столом, подмигивает мне правым глазом. Мы понимаем: это означает нечто вроде заговорщически-фамильярного жеста. Я

забеспокоилась: что-то не так говорю или делаю? Подмигивание продолжалось. Решила не смотреть в его сторону, но невольно отмечала, что курсант подмигивает. Наконец, занятие кончилось. Делаю запись в журнале, вдруг подходит этот мальчик и извиняется, что, видимо, от простуды у него случился нервный тик, и он никак не может остановить дёргающееся веко. Стало легче на душе. Может, он пошутил, однако я верю, что он сказал правду.

Обычно на занятиях все сидели тихо, вдумчиво слушали и записывали, такая дисциплина бывает только в военных заведениях. А представьте, когда перед вами почти сто первокурсников, вчерашних школьников, полных энергии и готовых проказничать друг перед другом! Вот завтра читаю им лекцию по лексикологии. Как и чем завлечь этих детей, чтобы они молча слушали, непрерывно, полтора часа? Каждый раз вхожу в аудиторию с опасением не оправдать их ожиданий.

В 1-й роте за последним столом, у стенки, сидел совсем юный курсант Олег Букатый. Я его побаивалась: он посмеивался над всем, что говорила. Это очень смущало, зачастую я теряла нить рассказа. Так и не нашла в себе смелости поговорить с Олегом с глазу на глаз. Возможно, мальчик усмеялся без злого умысла, по причинам, меня не касающимся, а я, принимая всё на свой счёт, переживала. Знал ли он об этом?

Они тоже с нами

На отдельный лист я выписала имена тех, кого уже нет. Наверняка, не все. От многих давно никаких известий, и мы ничего не знаем об их судьбах. Грустная, но неизбежная, предопределённая *само*й жизнью, разобшённая училищного братства. Я дважды делала списки ушедших от нас, и дважды каким-то мистическим образом они исчезали со стола. И я поняла: ведь пишу воспоминания о курсантах, тогда они были живы-здоровы, полны планов на будущее, и им в голову не приходило загадывать для себя сроки жизни. Расскажу о нескольких наших товарищах.

Первое известие об утрате в третьем наборе мы получили сразу после окончания учебного года: преподаватели ещё не успели уйти в отпуск. Принесли его молоденькие девочки, лаборантки кафедр, с

которыми, как с равными, курсанты дружили и делились новостями. Погиб курсант 1-й роты, по-моему, староста одного из классов, Судаков Славик, любимый всеми преподавателями за покладистый, мягкий характер, скромность, исполнительность, трудолюбие, открытость. Мы не могли сдержать слёз, не могли одолеть потрясение, охватывающее, когда беда обрушивается внезапно. Одноклассник уговорил Славу на каникулах поехать сначала в гости, на недельку, а потом уже домой. Так вышло, что накануне я разговаривала с Судаковым в учебной аудитории после зачёта, когда все разошлись. Разговор получился душевный, мальчик выглядел немного грустным. Может, оттого, что его с нетерпением ждали родные, а он обещал поехать к другу. Почему-то спросил о моём замужестве, и я, считая, что с учениками, даже очень хорошими, не следует откровенничать на личные темы, покривила душой. Не вдаваясь в подробности, ответила, что замужем, муж майор авиации, у нас есть сын. В свою очередь, заинтересовалась, есть ли у него девушка. Его слова вспомнились мне после его гибели: «У меня нет девушки, я ни с кем не встречаюсь, считаю, что судьба сама найдёт меня». Слова оказались пророческими: на отдыхе у друга купался в реке, нырнул и ударился о дно¹.

Другая беда стряслась вскоре после выпуска, когда вчерашние курсанты были не так разлучены, как сейчас. Максимочкин – запомнила его фамилию, похожую на мою. Вижу его улыбающимся во весь рот, высоким и худым нескладным мальчишкой. Служил на корабле, на Северном флоте. То ли условия выдались тяжёлыми, и молодой лейтенант не выдержал, то ли приболел и оказался слаб здоровьем, – жизнь оборвалась внезапно в *самом* начале пути. Какое горе для родителей!

О Юре Филиппове, что его давно нет, мне сказал Володя Тыцких, но и он толком не знает, что произошло с Юрой. Володя в память о друге опубликовал стихи его дочери Оли в журнале «Сихотэ-Алинь». Найти маму и дочь, Зину и Олю Филипповых, помог Интернет. Жаль, бесконечно жаль Юру. Он запомнился удивительно живым и

¹ Эта история имела немисливо трагическое продолжение. Младший брат Судакова, в том же году принятый в КВВМПУ по просьбе родителей, чтобы заменил старшего, погиб в самом начале учёбы. Вместе с другими курсантами делал приборку на тихой улице за забором училища, подметая вдоль бордюра опавшую осеннюю листву, и был насмерть сбит одинокой машиной. (Дополнение В. Тыцких)

деятельным мальчиком, перед которым жизнь открывала большие возможности. С Зиной мы были немного знакомы, я написала ей письмо в «Одноклассниках», и она ответила. Зина помнит и любит Юру до сих пор.

О Сидоренко узнала от Николая Шакина совсем недавно. Посмотрела на курсантскую фотографию и вспомнила – серьёзный, обстоятельный, красивый парень, староста класса. Почему он рано ушёл из жизни? Наверное, так же, как у Максимочкина, – сердце.

В списке курсантов третьего выпуска напротив фамилии Белова увидела запись – покончил с собой. По-моему, он был небольшого роста, светленький. Серьёзный юноша, хорошо учился. Что же произошло? Какая трагическая случайность заставила его наложить на себя руки? Неприятности по службе или неудачи в личной жизни? Мы теперь, конечно, не узнаем истинных причин трагедии. Некому было остановить его, вот что печально.

О севастопольцах Саше Тикунове и Юре Лебедеву я уже писала. С Юрой я довольно часто виделась на улице, так как мы жили рядом, в районе проспекта имени Генерала Острякова. Слышала, что тяжело заболел, чем не знаю, а потом его не стало. У него две дочери, с женой и детьми я незнакома, поэтому подробностей о нём мне никто не мог рассказать.

Случайно узнала о Валерии Красникове, тоже служившем в Севастополе. Как-то мы с внуком пошли на дачу и пригласили с собой его одноклассника с мамой. Дети, ещё маленькие, резвились и веселились, а мы с новой знакомой, несмотря на разницу в возрасте, разговорились по душам. Оказалось, гостью мою в раннем детстве удочерил Валера Красников. Долгие годы Юля не подозревала, что он ей неродной отец. Как много добрых слов я услышала от неё о Валерии, вашем скромном однокурснике! В семье, кроме дочери жены, был общий сын, но когда девушка выходила замуж, Валера подарил ей квартиру, доставшуюся ему от родственников. Юля до сих пор благодарна приёмному отцу за этот поступок. Тогда же я узнала от неё, что Валерия давно нет.

Мучает меня мысль, что могла бы увидеться в Севастополе с В. Черновым, очень хорошо запомнившимся с курсантских лет. Серьёзный и приятный юноша, отлично учился. Он, вероятно, занимал в

Севастополе высокую должность, потому что меня попросили уделить больше внимания одной школьной ученице – Черновой, способной и умной, но немного неуравновешенной девочке. Мне и в голову не приходило, что это дочь нашего выпускника. У Черновых произошла трагедия – был похищен и так и не найден маленький сын. Вскоре я узнала, что папа девочки внезапно ушёл из жизни. Какая беда! Только сегодня, через двадцать лет, просматривая списки всего выпуска, присланные В. Тыцких, обнаружила напротив фамилии Чернова запись о том, что его нет. И догадалась – это тот Чернов, папа моей ученицы, не перенёсший потери сына. Господи, как бы мне хотелось ошибаться!..

Вот всё, что могу сообщить о наших ушедших друзьях. Как ни горько об этом думать, сегодня их больше, чем я назвала. О многих ничего не знаю. Но те и другие сорок лет назад были живы и молоды, и считаю, что они тоже остались с нами.

Про любовь

Честное слово, говорю вам как на духу, если бы я в молодости, будучи юной учительницей в КВВМПУ, прочитала книгу Александра Бондаренко «Киевский морполит» и «Страну Квумпарию» Олега Гречко, я бы не вышла замуж за курсанта.

По их рассказам, даже те, кто пришёл в училище из армии и с флота, в сущности, оставались мальчишками, выросшими в казарме, и, наверное, ещё не готовыми к серьёзным супружеским отношениям, любящими приключения, озорство, дружеские пирушки. Хотя огульно я не имею права судить обо всех, не хочу обидеть ребят, ставших верными мужьями, внимательными отцами, заботливыми дедушками. Но всё-таки воспоминания наших выпускников приучают смотреть на курсантскую жизнь не так наивно и прекраснодушно, как прежде. Передо мной мало примеров достойных офицерских семей, потому что после выпуска я ничего не ведала о вашей дальнейшей жизни. А семьи, которые знала, виделись мне прочными и дружными.

Мой бывший муж дружил с Васей Лысенко, мы общались с ним, с его близкими. Жену Лину Вася знал с детства, они росли в одной деревне в Черкасской области, учились в одной школе. Лина после

окончания института получила направление на Морской завод, вступила в жилищный кооператив, и Вася при распределении попросился в Севастополь, где уже работала жена и имелась квартира. Он мечтал служить в ансамбле Черноморского флота, но до пенсии работал особистом, ходил на гидрографических научных судах в разные стороны света и в свободное от плавания время, как он шутил, ловил шпионов. У них рос сын, которого они безумно любили и баловали. Жили в достатке, в 80-е годы приобрели машину – белую «Волгу», обзавелись хорошей дачей за городом, и всё это благодаря их совместным усилиям. Лина и Вася были очень хозяйственными, их объединяло общее рвение довести домашний быт до совершенства. Маленькая двухкомнатная квартира содержалась ими в образцовом порядке, сверкала чистотой, уютно и красиво обставленная, с массой экзотических морских сувениров. Лина прекрасно готовила, супруги любили и умели принимать гостей, со вкусом сервировать стол. На даче работали так же самозабвенно, как дома, выращивали фрукты-овощи, на зиму запасали множество банок с разнообразными вареньями и соленьями. Я никогда, даже прожив двадцать лет в Крыму, не пробовала таких огромных сладких персиков, тающих во рту, как у них. Однажды они привезли в Киев трёхлитровую банку протёртого свежего кизила с сахаром. Чтобы пропустить через мелкое сито такое количество ягод, нужно потратить несколько часов, это подвиг. Они понимали друг друга с полуслова, и, видно по разговору, юмору, шуткам, их связывала не только многолетняя дружба, но и настоящая, пожизненная любовь. Лина рассказывала, как Вася из далёких морей писал ей нежные письма, которые она берегла и любила перечитывать в ожидании мужа...

В кухне Лысенко, под батареей, обитала морская свинка больших размеров. Не в клетке, как принято, а на свободе. Хозяева преданно любили своего Сусика, ставшего членом семьи, научившегося общению с людьми и прожившего длинный век – одиннадцать лет. Долго горевали, когда его не стало, и не смогли взять в дом другое животное...

Лина ушла рано, после тяжёлых страданий, наверное, лет в пятьдесят. Вася больше не женился, оставил квартиру семье сына Юры, сам, чтобы не мешать, ушёл жить на дачу, с любовью обустроенную его руками и руками Лины. Восемнадцать лет я ничего не слышала о

нём, беспокоилась, что он, прежде весёлый, неунывающий, деятельный, сломался, потерял смысл жизни. Такое бывает.

Володя Тыцких недавно через его сына, которого нашёл в «Одноклассниках», передал Васе привет, и Вася плакал от счастья, что друзья помнят его. Это слёзы одиночества.

Удачным показалось мне супружество Кати и Саши Тикуновых. Именно с ними мы поменялись квартирами: они въехали в мою киевскую, в 28 квадратных метров на 9-м этаже, с лифтом и горячей водой, в пяти минутах ходьбы от вокзала, а мы с дочкой – в их севастопольскую, тоже в 28 метров, но на 5-м этаже, без лифта и с холодной водой один раз в сутки на два часа. Но зато на море. Очень помогли нам в обмене Володя Ермолаев, в ту пору начальник отдела кадров КВВМПУ, и Вася Лысенко.

Саша был прекрасным семьянином, необыкновенно привязанным к жене и сыну Серёже. Сын окончил наше училище, недолго послужив на Балтике, вернулся к маме в Киев. Катю Саша любил безоглядно, причём с его стороны любовь и преданность оказались намного сильнее, хотя Катя играла главенствующую роль в их союзе с первых дней знакомства. Об этом мне рассказывали доброхотливые соседки по этажу в Севастополе.

В 1991 г. Саша прилетел из Североморска в Киев решить вопрос об обмене квартир и сокрушался, что дни отпуска проводит вдали от любимой Кати, оставшейся дома. Когда формальности завершились (обе стороны менялись жилплощадью не глядя), Саша пришёл посмотреть освобождённое нами жильё и, глядя на облупившуюся масляную краску на стенах, обои столетней давности и продырявленный линолеум, подивился: «Светлана, вы жили здесь одна с детьми или с мужем? Я не вижу присутствия мужчины в вашем доме». Настроение у него было приподнятое: служба закончилась, ожидала новая жизнь в Киеве, которая грезилась праздничной. Особенно он восхитился видом с балкона 9-го этажа на соборы и парки Киева. Сразу начал строить хозяйственные планы: заставил меня пойти с ним к соседям посмотреть перепланировку комнат, уже мысленно подбирал плитку для ванной, туалета и кухни, собирался застеклить балкон и постелить новые полы. Через год я навестила Катю и не узнала своей бывшей квартиры. Саша выполнил задуманное: квартира

преобразилась до неузнаваемости. Да только жить Саше в ней не пришлось. Сказалась долгая служба на подводной лодке на Севере: сердце остановилось мгновенно, по дороге на работу.

Катя работала медсестрой в Киевском военном госпитале и несколько раз пыталась устроить личную жизнь с вполне достойными людьми, тоже офицерами, проходившими там лечение. Но все её очередные мужья вскоре уходили вслед за Сашей, и, в конце концов, Катя уверилась, что ей не удастся опять обрести счастливое супружество. «Саша слишком любил меня и потому не хочет, чтобы я жила с другим мужчиной», – поделилась она со мной. Хотя едва ли тут есть какая-то мистика. Её избранники были пациентами госпиталя – больными, израненными или изношенными службой. Так она и осталась одна. Когда мы переехали в их севастопольскую квартиру, в которой они почти и не жили, я обнаружила в кладовке большой кулёк с письмами Саши и Кати за многие годы, начиная с самого знакомства. Катя сказала, что они им не нужны, я могу их выбросить, но я сочла своим долгом привезти их в Киев. Стыдно признаться (простите меня, Саша и Катя), но письма я прочитала и убедилась в нежной и долгой любви Тикуновых. Сын у них вырос замечательный, работает в Киеве, во всём помогая маме.

Я никогда не видела семьи Володи Ермолаева, по училищу помнила его как серьёзного и делового курсанта, поэтому не удивилась, что его в 1990 г. назначили начальником отдела кадров КВВМПУ. Семья его сразу не переехала в Киев, оставшись в Североморске, так как Володя ещё не получил квартиру. Ермолаев жил прямо в училище, наверное, это удобно для временного холостяцкого быта: всё под рукой – и работа, и койка, и еда. Главное, при его обстоятельном и ответственном характере, – возможность полностью посвятить себя новой должности. Однако в конце каждого месяца он летал в Североморск, нагруженный чемоданами с продуктами и подарками, чтобы порадовать близких заботой. Мне кажется, редкие мужья способны на подобные чудеса преданности. Честь и хвала ему! Таким был и мой отец. Володя быстро связал нас с Тикуновыми, и мы договорились об обмене, помог оформить полагающиеся бумаги. Шутил: «Не надо благодарить меня. Пока Тикуновы будут год дослуживать на Севере, я перевезу семью в Киев, и мы поживём с комфортом в вашей квартире». Так оно и произошло.

И о первой семье Володи Тыцких тоже не могу не написать, хотя у него уже давно новая семья. Вижу по фотографиям, очень милая жена Оля, которая родила ему двух красавцев-сыновей, обеспечивает тыл нашего друга, что наверняка нелегко. И тыл этот надёжный и добрый, судя по творческому вдохновению и неиссякаемой энергии Володи. Хорошо работается, свободно дышится, когда дома тебя ждут и любят. Прости меня, Володя, что затрону грустную для тебя тему, но сделаю это не ради тебя, а ради светлого ангела в твоей жизни – Танечки.

Володя Тыцких в училище был любимчиком у преподавателей литературы, то есть у Евгении Анатольевны и у меня, мы этого и не скрывали от других: всегда спокойный, дружелюбный, рассудительный, любил читать, внимательно слушал лекции, умно отвечал на семинарах. А ещё он показывал нам тетрадки со своими и чужими стихами, мы гордились его доверием к нам, хвалили талантливого мальчика, ставили ему заслуженные пятёрки. Я до сих пор помню стихотворение Норы Яворской, которое он записал в одной из своих тетрадей и читал нам:

*Ворониха учила сына:
«Как жениться, бери ворону,
Мол, вороны-то – домовиты...»*

*Ворониху сын не послушал,
Мол, вороны – они растрёпы.
Присмотрел себе соколиху.*

*У нее соколиные очи,
У нее соколиное сердце,
У нее соколиные крылья!..*

Дальше было поэтично описано, как ворон постепенно уничтожал всё, что ему нравилось в ней. Заканчивалось стихотворение так:

*Соколиные выел очи,
Соколиное вынул сердце,
Соколиные вырвал крылья.*

*Нацепил ей вороны перья,
Поглядел на неё и... бросил.
Улетел искать соколиху.*

От этих стихов у меня сжалось сердце в предчувствии, что и в моей жизни может произойти подобное. Я заплакала от жалости к себе.

Предчувствие сбылось: и первый, и второй мужа взяли меня в жёны из хорошей семьи, романтическую девочку, начитавшуюся книг о любви, унижали, мучили, издевались, по-моему, даже испытывая наслаждение – так ей и надо, генеральской дочери! А потом бросили её и детей на произвол судьбы, оставив без средств к существованию... Но стихи, конечно, тут не виноваты.

Однажды, когда курсанты на перерыве, как обычно, обступили преподавательский стол и завели разговор сначала о литературе, а затем о жизни, о любви, о девушках, Володя сказал, что у него есть невеста. Причём сообщил это с гордостью, видимо, подчёркивая, что у него всё серьёзно и всё решено. Так мы узнали о Тане, которая ждала его на родине, в Восточном Казахстане. Потом, когда она уже приехала в Киев, мы встретили их вместе на Подоле, около училища. Меня поразили её нежное выражение лица, слегка раскрасневшегося от смущения, мягкость во всех движениях и в манере разговаривать, открытая улыбка и ласковый взгляд, обращённый на Володю. Вот такой и должна быть невеста, подумалось мне. За всю жизнь я лишь несколько раз видела Таню, но этого было достаточно, чтобы понять: мягкость и нежность в её характере распространялись на всё и всех и особенно на близких. В Лиепе, где жили они с Володей в 70-х годах, я слышала, как она ласково разговаривала с мамой, приехавшей навестить дочь и зятя. Таня только что пережила горе, потеряв новорождённого ребёнка, о котором так мечтала их семья, но виду гостям не показывала. Она так же нежно улыбалась и старалась приободрить себя: «Ты посмотри, Света, как я сильно похудела, теперь у меня фигура стала лучше, и я смогу носить брюки». От жалости хотелось заплакать, я хорошо понимала её состояние: на больших сроках в Германии, где прожила первые годы после КВВМПУ, трижды теряла детей, и тоже мальчиков. И лишь по возвращении домой, в родной Киев, я смогла родить дочь. Мама Тани, как все мамы на свете, видя

страдания дочери, пыталась отвлечь её от мрачных мыслей и немного порадовать – шила ей обновки. Не все взрослые дочери умеют быть внимательными к своим мамам, относиться к ним с детской любовью, а Таня делала это очень естественно, как само собой разумеющееся. Как удалось родителям Тани хорошо воспитать своих детей по отношению и к матери с отцом, и к другим людям? Я никогда ещё не встречала таких прекрасных юношей, воспитанных, нежных, открытых, как брат Тани – Борис. Я просто влюбилась в него.

Вспоминается встреча с Таней на вокзале в Киеве, в августе, когда поезд из Севастополя привёз третьекурсников после практики в Средиземном море. В беленьких рубашечках, загорелые, радостные, счастливые, они сразу попали в объятия своих жён. Для них практика, полная впечатлений, пролетела как один день, а ожидающим их жёнам это время показалась вечностью. Вижу виноватое лицо Володи и нежное личико Тани: «Ты представляешь, Света, я так волновалась за него, ждала писем, а он не написал мне ни разу!» «Ну что это такое! Чему ты радуешься? Ты неисправим», – но выражала она недовольство мужем, нежно и ласково поглядывая на него, всем было понятно – это сказано просто так, для формы, а на самом деле она несказанно рада и счастлива, что он снова рядом, жив и невредим. Редкостной доброты и нежности была Танечка, а ещё – выдержки и мудрости, которых зачастую не хватает нам, женщинам, когда мы переполнены эмоциями.

Очень рано прервалась её жизнь. Горе родных было безутешным.

Таня любила своего мужа таким, каков он есть, и чувствовала себя с ним счастливой. Их обоих было, за что любить. Володе повезло, что рядом с ним шла по жизни светлая спутница. Светлая ей память!

Прости меня, Володя, если что не так сказала. И пусть Оля не обижается на меня. Всё идёт своим чередом. Будьте счастливы, Володя и Оля! Будьте счастливы все, наши дорогие курсанты! Любите и берегите своих жён, детей, внуков и радуйте их подольше своим вниманием!

Мои истории любви и замужеств

Ниже расскажу неприятную для меня историю о том, как я вышла замуж за курсанта 3-го курса из 21-го класса Николая Кириченко. Без этого нельзя приступить к воспоминаниям о службе на Балтийском

флоте, за границей, в Европе, из-за пряничных посулов которой сегодня разгорелся не только Майдан в нашем с вами Киеве, но и запылилась вся Украина.

Прочитала стихи о любви курсанта нашего выпуска Валерия Кулешова, написанные им уже в зрелом возрасте и, видимо, навеянные личным опытом. И поэтические строки Валерия, и философские его рассуждения посвящены вечной теме, так или иначе волнующей каждого из нас. Стихи понравились: талантливы и умны наши политработники!

В юности мы влюблялись без оглядки, выключая охраняющее нас от ошибок сознание, а с годами стали размышлять: что же мы наделали со своей жизнью? Наверное, это касается не всех, лишь тех, кому не повезло с делами сердечными, и в первую очередь я говорю о себе.

Сколько людей на свете, столько и пониманий любви. Да, признаюсь, я прожила жизнь без любви, вернее, без взаимной любви, учительницей-трудягой, как называл меня папа – промокашкой, у которой руки постоянно в чернилах (о Боже! мне скоро семьдесят лет, а я рада работать и веселиться с учениками; вчера на празднике играла со студентами маму-козу в шуточной сценке «Волк и семеро козлят»). Но всегда была и остаюсь любящей и беспокойной матерью, заботливой бабушкой, и в этом вижу своё женское предназначение и счастье. И удивляться нечему: росла девочкой-книжницей, затворницей, любила Толстого и Тургенева, мечтала не просто о любви, но о хорошей семье с несколькими детьми.

Первая любовь

Влюбилась впервые в пятнадцать лет в одноклассника, с одного взгляда, как только он вошёл в класс – невысокий, светленький, с улыбающимися глазами. А иначе и не могло быть, ведь недавно мы изучали «Евгения Онегина», и я помнила, как Татьяна Ларина, увидев своего будущего избранника, тоже сказала: «Это он!»

По характеру мягкий, отзывчивый, Володя Юрков – мой герой – занимался спортивной гимнастикой, стрельбой, а с учёбой у него не ладилось. Классная руководительница поручила нам с подружкой подтянуть его. Наши папы были офицерами, мы жили в квартирах большого многоэтажного дома напротив Военно-воздушной академии

им. Н.Е. Жуковского и думали, что все одноклассники живут так же. А Вова обитал в бараке, в длинных коридорах которого по обе стороны располагались крохотные комнатухи с пятью-шестью жильцами в каждой, а кухня и все удобства – в конце коридора. Зашли мы к Юрковым и ужаснулись тесноте и бедности: взрослые дочь и сын с родителями ютились в полутёмной клетушке. Мы узнали: мать Володи работает уборщицей; отец, лётчик-фронтовик, сильно пьёт. Уж какие тут уроки!

Мальчишка чувствовал себя пристыженным и, прощаясь, словно клятву дал: «Я буду учиться в военном училище и стану лётчиком!» Мало кто из учителей поверил бы этому, а он действительно стал военным лётчиком: и училище закончил в Тамбове, и авиационную Академию в Монино, участвовал во многих войнах, получил тяжёлую рану в Афганистане, дослужился до полковника и вернулся в родную Москву, продолжая работать в авиации.

В далёкие 60-е не принято было встречаться мальчикам и девочкам, когда они нравились друг другу. Недаром бытовала среди детей дразнилка: «Тили-тили тесто, жених и невеста!» Мы любили тайно, в душе, видеться могли только в школе. Но от одноклассников ничего не скроешь: все знали о наших чувствах и в то же время понимали, что у нас нет никаких свиданий.

Я помогала ему с переводами на английский, писала сочинения, а он за меня делал ненавистное мне черчение – рисовал какие-то металлические детали в трёх проекциях. По субботам старшеклассники отправлялись в школу на вечера, на танцы: так, наверное, устраивали досуг учащиеся не только в Москве. Я приходила с подругой и, конечно, ко мне был привязан мой вечный «хвостик» – семилетняя сестра, бесившаяся с ребятами среди танцующих пар. Во многих семьях было тогда принято младших детей оставлять на попечении старших.

Танцевали исключительно парами. И если мой любимый Вова весь вечер приглашал танцевать одну меня, а потом провожал на место, к подружке, и подходил через минуту, когда снова начинала играть музыка, всем окружающим становилось ясно – эти двое влюблены. Существовал и другой вид признания. Летом в качестве трудовой практики старшеклассники сами ремонтировали школу. Наш класс в спортзале

красил полы, мы покрыли их первым слоем и заперли помещение на замок. А утром увидели нарисованный чёрной краской во всю длину зала очень узнаваемый портрет: неизменная косичка с бантиком, острый подбородок и очки. Я обомлела от смущения, но, странно, никто не произнёс ни слова, пол просто опять покрасили.

С моей же стороны любовь выражалась в стихах и записях в дневнике, которые храню до сих пор. Но – ничего у нас не сложилось. Как признался он через много лет, я казалась ему слишком серьёзной, недоступной, и ещё он побаивался дочери генерала. По соседству с Вовой, в бараке, жила девочка попроще, бойкая и раскованная. Он рано женился, в далёкие гарнизоны супруга с ним не ездила, оставаясь в Москве, пока он не застал её со своим другом в их квартире. И вот он поставил меня на пьедестал Прекрасной Дамы (хотя, думаю, стихов Александра Блока не читал) и поклонялся мне как идеалу на протяжении сорока пяти лет! Где бы я ни находилась, приезжал с подарками для всей семьи, на час-два, не больше, чтобы не скомпрометировать меня, поздравлял с праздниками и днём рождения, и, когда у меня уже было двое детей, позвонил, возвращаясь из Афганистана: «Света, выходи за меня замуж. Не волнуйся, я воспитаю твоих детей как своих». И хотя я была несчастлива в браке с Николаем Кириченко, не решилась. Моя взрослая дочь, сама давно мать, по сей день корит меня: «Ну почему ты не вышла за дядю Вову Юркова? Зачем сохраняла ненужный брак? Папа всё равно оставил нас».

Последний раз мой одноклассник позвонил 17 марта 2014 года, когда Крым присоединился к России: «Теперь я обязательно прилечу, нам надо увидеться». «Ну что ты, Вова, зачем, мы не виделись лет тридцать, у нас семья, ты увидишь не девочку-одноклассницу, а старую бабушку...» Зря так застенялась, теперь жалею. Нет его больше на земле. И я даже не знаю, когда его не стало. Сердцем почувствовала беду в день рождения – Володя впервые в жизни не поздравил меня. Замолчали все его телефонные номера. Навсегда.

Зачем я рассказываю эту историю вам, мои дорогие курсанты? О совсем постороннем для вас человеке... Я считаю вас близкими людьми, свидетелями моей молодости, друзьями, которым доверяю. Эти строки воспоминаний о моём друге детства – мой реквием по юности, по любви, по прошедшей жизни... Мне больше некому об этом рассказать.

Первое замужество

Родители мне внушили, что девушкам следует обязательно в срок выходить замуж. И мама определила время – 4-й или 5-й курс. Почему? Во-первых, необходимо получить высшее образование, дети и замужество могут помешать этому. Во-вторых, раньше после обучения в университете полагалось отработать три года в сельской школе. Но родители мои не деревни боялись, они сами были из бедных семей. Папа говорил: «Уедешь в деревню, выйдешь замуж за тракториста, который до тебя перещупал десятки девок, нарожаешь кучу детей. Придётся тебе выращивать картошку и разводить свиней, чтобы прокормить семью, а муж твой будет пить да гулять ночами. Хочешь такой жизни? Поезжай.» От этой картины становилось страшно.

Четыре университетских курса я проходила в одном костюмчике, меня ситцевые кофточки и свитерки, а к двадцати одному году мама начала заботиться о моей одежде. Вокруг стали появляться молодые офицеры, дети сослуживцев отца, наиболее смелые приглашали меня в кино, в театры, но мне это было в тягость – поддерживать разговор с чужими людьми, к которым я ничего не испытывала. Им тоже, наверное, досталось дело нелёгкое – ходить со мной и думать, как ково это оказаться зятем начальника училища. Так я и продолжала учиться, читать книжки, а гулять с подружками мне представлялось интереснее и веселее. Я не знала, что ко мне подбирается опытный ловелас, на десять лет старше меня, слушатель папиного училища, уже несколько лет обхаживающий моего отца. Заметил, что отец ходил с друзьями в парную на площади имени Толстого, в квартале от нашего дома, познакомился с ним в бане, обворожил его умными речами, широкой улыбкой, добродушным смехом и стал его другом. Нам с мамой отец много рассказывал о нём: «Парень замечательный, но домой не приглашаю, он ведь разжён (то есть разведённый), а у меня две дочери». Но всё равно его замечательный друг нашёл повод прийти к нам – просить направление после учёбы в Крым, в Феодосию, военпредом на военный завод. Я ещё не входила в его планы, но увидел меня и, наверное, подумал: «А почему бы и нет?» Открывается хорошая перспектива. И начал активно ухаживать, приглашать в филармонию на музыкальные программы, в театры и в кино, всем видом показывая, что ценит во мне серьёзность и ум. Уехав на службу,

часто писал длинные письма, приезжал на праздники... Через полгода попросил у родителей моей руки и сердца. Всё выглядело, как в старинных романах, действовало подкупающе и на меня, и на маму с отцом. Сыграли свадьбу, мужа взяли в адъюнктуру (аспирантуру). Ему сначала нравилось хвастаться молодой женой. Я и училась отлично, и диплом писала, и пироги печь успевала. Но с рождением сына, когда я почти сразу пошла работать преподавателем в артиллерийское училище и падала с ног от усталости, его как подменили. Страшный в гневе, всё громил и рушил, детская кроватка летала от стенки к стенке, доставалось и нам с сыном. Приступ агрессии заканчивался истерическим плачем, уговорами, мольбой: мол, любит нас и просит простить. И так до следующего раза. И, к моему ужасу и позору, бил каждого мужчину, который оказывался рядом со мной, пусть даже это был случайный прохожий, спрашивающий у меня дорогу. И угрожал, что если вздумаю развестись с ним, он убьёт меня, выбросит с девятого этажа, где мы жили. Пришлось папе перевести зятя в Ленинград, в военный НИИ, чтобы хоть как-то усмирить его свирепый нрав выгодным назначением, задобрить, чтобы тот перед отъездом оставил меня в живых. Ради спасения дочери и внука отец решился на обман – уговорил его не брать с собой семью, пока не закончится учебный год. Мне было 25 лет, сыну 2 года, второй год я работала в КВВМПУ. Мы не поехали в Ленинград, и, несмотря на страшные угрозы мужа, для меня уже бывшего, которые он излагал в пространных письмах на десяти страницах, я развелась с ним заочно. Ходила измученная и истерзанная, а нужно было работать в морском училище, читать лекции о литературе, делать бодрый вид, внушать своим и чужим, что всё у тебя хорошо. Бедный отец, сколько ему пришлось пережить из-за моих замужеств, сколько лет жизни я отняла у него... Прости меня, папа, свою заблудившуюся дочь!

Мой муж – курсант 321-го класса КВВМПУ

Именно в эти тяжёлые для меня времена появилась на горизонте фигура Николая Кириченко, курсанта 221-го класса. Я вела журнал, общий для всех учебных групп, в котором выставяла оценки и отмечала пропустивших лекции. Фамилии отдельных курсантов обводила. Тех, в чьём присутствии мне было трудно вести занятия: я

видела, чувствовала, что они недолюбливают меня. Когда встречала их взгляды, становилось как-то неуютно на душе, забывались нужные слова, уходило вдохновение. К счастью, таких нашлось немного, может, три-четыре человека на две роты.

Возможно, я излишне мнительна и неуверенна в себе, но и сегодня, встретив насмешливый взгляд какой-нибудь девчухи с последней парты, теряюсь, и настроение портится на весь день.

В 221-м классе лишь один курсант приводил меня усмешками в замешательство – Николай Кириченко. Едва ли кто-то, включая и меня саму, мог предположить, что он станет человеком, чью фамилию я ношу уже больше сорока лет, из них двадцать находясь с ним в разводе. Не потому, что память о супружестве дорога мне, а потому, что мой сын тоже Николай Кириченко, и я хочу иметь с ним и с внуком общую фамилию.

Меня очень удивило, когда юноша, с которым у меня не было личных разговоров, после окончания первого курса, скромно постучав в дверь кафедры, зашёл с большой банкой мёда. Покраснев от смущения, сказал, что это подарок для моего маленького сына. Конечно, я отказывалась, сразу почувствовав какой-то подвох, ведь подарки можно принимать только от близких. Но всё же ничего особенного не подумала. Потом произошло значительное событие: родила ребёнка Евгения Анатольевна. Ко мне в классе подошёл Володя Тыцких и попросил сходить с курсантами в роддом, поздравить преподавателя: вроде как одним мальчишкам идти туда неудобно. Я согласилась. Взяла с собой двухлетнего сына, большую часть пути его нёс на плечах Володя. В группе ребят был и Кириченко, по-моему, тогда уже старшина роты.

На этом моя внеклассная работа с первым взводом не закончилась. Володя опять предложил навестить Евгению Анатольевну, проведать маму и малыша после выписки. С сынишкой и курсантами я поехала искать общежитие, где поселилась Женя. Мы поздравили её, попили чаю, и снова Володе пришлось на руках тащить моего маленького сына. Кириченко молчаливо сопровождал нас.

Вскоре Володя и Таня Тыцких пригласили меня в театр. Я долго отнекивалась: мы не были близкими друзьями, с моей стороны совместный культпоход являлся данью вежливости. Рядом с семейной

парой неожиданно для меня оказался Кириченко. Тыцких посадили нас на соседних местах. Тут я совсем впала в отчаяние, чувствовала себя неловко, еле домучилась до конца спектакля, даже не запомнив, что показывали. Скорее всего, Володя уступил просьбе сокурсника позвать меня в театр вместе с ними. В следующий раз, когда Тыцких и их друг Кириченко уговаривали пойти, по-моему, во Дворец Спорта, я отказалась, сославшись на то, что не с кем оставить ребёнка, как будто ничего не заподозрив. И больше меня не беспокоили. Не обидела ли я Таню и Володю? Думаю, нет. Они были молоды, виделись мало и, конечно, дорожили временем, которое удавалось провести вдвоём.

Миновала зима, к весне я немного стала приходить в себя после разрыва с прежним мужем. Накануне любимого праздника 9 Мая курсанты опять позвали в гости к Жене – отметить День Победы. Точнее, Женья сама всех пригласила, позвонив и мне. Я наотрез отказалась. Сочла неудобным часто встречаться со своими учениками вне стен училища, да ещё в застолье. Это не гордыня, я не ханжа, просто по уставу нам не полагалось этого делать. Заседания парткома помните? И по этикету молодой женщине не всё позволено. Одно дело, когда твои ученики – школьники, дети, а тут – молодые мужчины. Думаю, вы меня поймёте. Вот если бы сейчас пригласили меня выпить чего-нибудь слабенького, сладкого винца, как обычно (крепкое ни разу не пробовала), за нашу дружбу, я бы с удовольствием согласилась. Но, наверное, уже и вы не все можете позволить себе даже это. Давайте хоть мысленно поднимем бокалы шампанского: «За нашу дружбу! Долгую память о годах юности! За нашу страну, воспитавшую нас!»

Я дорожу вашей дружбой и вашим вниманием ко мне. Коля Шакин, Олег Гречко, Володя Мушинский, спасибо за письма и поздравления! Спасибо Саше Дьяконову за посылку с книгой, за телефонные звонки. И тебе, дорогой наш друг, Владимир Михайлович Тыцких, – самая большая благодарность, что разыскал всех нас и объединил добрыми воспоминаниями...

Дальше, как легко догадаться, натиск со стороны Кириченко продолжался: взял у Жени мой адрес и пришёл ко мне домой – попросить почитать книжку, рекомендованную на лекции... Моё отношение к нему постепенно менялось. По сравнению с бывшим мужем-тираном

он казался добрым, мягким, внимательным, скромным, надёжным – в общем, тем человеком, с которым можно построить настоящую семью. И я поверила, что счастье есть и для меня. Ну а потом так же постепенно разочаровывалась, сталкиваясь с жёсткостью, чёрствостью, грубостью, лживостью в каждом слове, безразличием к дому, к семейной жизни, к детям, зато с беспредельной любовью к алкоголю, ресторанам, гуляньям, женщинам и с решимостью расправиться с любым мужчиной, очутившимся рядом со мной. Откуда всё это взялось в деревенском мальчишке из многодетной семьи? Остаётся загадкой. Помню: Володя Ермолаев ещё тогда, в 1972-м, сказал: «Светлана Николаевна, зачем вы вышли замуж за Кириченко? Вы бы хоть с нами посоветовались». Так до сих пор и не поняла, что он имел в виду.

В доме нашем словно не существовало ни мужа, ни отца, ни, конечно, денег, ведь разгульная жизнь требует расходов. Домой являлся за полночь или вообще не приходил неделю. Вот только друзей у него настоящих я не припомню. Пожалуй, самым верным оказался Вася Лысенко, но, как я поняла из слов Володи Тыцких, живя в одном городе Севастополе, они давным-давно не видятся. Зато у Кириченко есть выгодные связи. Почти всю службу, как генеральский зять, провёл в КВВМПУ, работал командиром роты, в строевом отделе, учиться дальше, как многие другие однокурсники, не захотел. В Севастополе в 1992 году ушёл от нас, и мы начали устраивать жизнь самостоятельно, без его помощи. Получилось даже очень неплохо, но бедновато. Что может заработать учительница? И дети мои без отцовской помощи и внимания не смогли устроиться, как следует.

Я не виню Николая, сама обманулась или хотела быть обманутой. Мы совершенно разные люди, люди разной породы. В этом главная причина нашей неудавшейся совместной жизни. Ну, может, «разная порода» – звучит грубо. В конце концов, мои родители простые люди, вышли из бедных рабочих семей. Можно выразиться высоким стилем: мы оказались планетами, вращающимися на разных орбитах. Я крутилась вокруг работы и детей, он предпочитал удовольствия. Я будничная человек: праздников не люблю, они отвлекают от дел, а ему нравились шумные застолья. В общем, виноватых нет. Одно радует: дети и внуки получились красивыми! И умными! Я очень их люблю и дорожу их дружбой со мной. Пусть будут здоровы

и счастливы мои бывшие мужья, ведь их кровь течёт в моих детях и внуках!

Когда мы после выпуска уезжали из Киева, я уже понимала, с каким человеком придётся жить, но ещё верила, что всё может уладиться: люди с годами часто меняются к лучшему. Я просила его, чтобы мы поехали служить на Север, о котором он так интересно любил рассказывать. Но он поддался на уговоры моей мамы: служить за границей было мечтой многих военнослужащих, а родители хотят своим детям счастья. Так мы оказались в Германии, в ГДР, в маленьком сказочном городке на севере страны, рядом с Данией, в Заснице, где находился советский военно-морской дивизион. Но провели там не пять лет, как положено, а лишь два года, не оправдавшие желаний мамы сделать нас богатыми и счастливыми. Зато навсегда запомнилось, что такое заграница, и как свободно вдыхаешь воздух родины, свой, неповторимый, уже в Бресте, на вокзале, когда возвращаешься домой.

Мы поехали в Европу

Сначала – знакомство с Прибалтикой. Попутное, мимолётное. В августе 1973 года, по дороге в Калининград, куда мы отправились в штаб Балтийского флота за получением назначения. Конечно, за несколько часов в Вильнюсе нельзя было составить представление о литовцах. Да мы тогда и не делили советских людей на русских, латышей, грузин. Нам думалось, что повсюду в СССР все народы дружат и любят друг друга.

Вылезшие из вагона «Киев-Вильнюс», голодные и уставшие, с пятилетним ребёнком, в поисках туалета и столовой мы напрасно зывали ко всем встречным на улицах столицы Литвы, никто не удостоил нас ответом. Просто отворачивались и показывали всем видом нежелание разговаривать. Мы ходили, как потерянные в стране глухонемых, – советский лейтенант в новенькой военно-морской форме с женой и маленьким сыном. Старая уборщица в городском сквере, и та на вопрос «Где найти туалет?», презрительно оглядев нас, молча отвернулась и ушла. Выручило обоняние – по запаху вышли, куда нам требовалось, но оскорбились местонахождением общественного заведения. В центре города его расположили под памятником

Черняховскому, нашему киевскому земляку, герою, освободителю Литвы от фашизма. Вильнюс, конечно, город чистейший, с зеркальными витринами, вымытыми улицами и тротуарами, вычесанными газонами, опрятными прохожими, но оказался очень неприветливым.

В Калининграде остановились в военной гостинице, я ещё заметила, рядом с библиотекой им. В. Маяковского; там полно собралось наших выпускников, прибывших на Балтийский флот. Жили, по-моему, около месяца, в спартанских условиях, с удобствами в конце коридора. Два раза в неделю ходили в ближайшую баню, в семейный номер с ванной, где, посадив сына на лавочку и надев соответственно купальник и плавки, за оплаченные два часа стирали бельё, а потом и мылись. Мы единственные ринулись к месту службы всей семьёй, жёны других ребят не отправлялись в неизвестность – выезжали, когда муж обустроивался и получал квартиру. Наверное, они правы, так и нужно поступать, но для меня всегда примером была жизнь моих родителей – мы переезжали все вместе, с книгами, игрушками, посудой, животными. Сначала жили в съёмных квартирах или военных гостиницах, храня ящики с вещами на складе, и с радостью воспринимали новые впечатления, не обращая внимания на неудобства. Зато не расставались, и отцу это нравилось.

В Калининграде в гостинице нам дали отдельный номер на троих, а одинокие лейтенанты селились в общих комнатах. Однажды ночью, когда муж и сын спали, к нам постучал Николай Вихарев, одноклассник Кириченко по училищу, и попросился на ночлег, прихватив с собой раскладушку. У него начинался приступ астмы, и Коля не хотел, чтобы кто-то узнал о его болезни. Я впервые увидела, насколько беспомощен человек в этом состоянии, всю ночь меняла ему горячие грелки и давала таблетки, удивляясь, почему мой супруг делает вид, что спит, не желая помочь товарищу. Рано утром Вихарев ушёл, больше я никогда его не видела. Уже от Володи Тыцких недавно узнала, что всё-таки его комиссовали по болезни.

В конце августа, получив назначение, мы, наконец, поехали в Германию, прикупив еды в дальнюю дорогу, так как немецких денег у нас не было. От Франкфурта предстояло проехать на электричках с пятью или семью пересадками до самого севера Германии, острова Рюген, где находился наш дивизион. В Германии на вокзалах, на

перронах и в кафе, продавались очень ароматные сосиски с горчицей и маленькими белыми булочками-бротхенами, но мы, помня, как сурово нас принимала Литва, жевали советский батон с колбасой – до конечной станции, города Засница.

Нас встречают на бербазе

Прибыли на место, нас представили командованию дивизиона, и замполит торжественно вручил ключи от квартиры: «Мы приготовили к вашему приезду самую лучшую жилплощадь!» После этих слов то, что мы увидели, перешагнув порог своего нового жилья, просто напугало нас. В обшарпанной комнате в 10 квадратных метров с обвалившейся штукатуркой и прогибающимися при каждом шаге половицами киевская хрущёвка показалась мне раем. Из удобств – холодная вода на кухне, где и мылись, и мыли посуду, да туалет с маленьким окошком. Отопление печное, печки стояли в комнате и на кухне (облицованные кафелем предназначались для обогрева, еду готовили на отдельной плите из металла), а я в жизни не растапливала их. Здесь нас ждал заграничный сюрприз – топят в Германии не углём, а угольными брикетами, небольшими, с ладошку, овальной формы, они легче разжигаются, но пахнут горелой резиной. В подвале – сарайчики для хранения топлива, которое нам под окно кучей, конечно, за плату, сбрасывали с машин немецкие рабочие. Потом нужно дожидаться мужей, чтобы перетаскали брикеты вниз. Ещё в подвале находилась ванная комната для шести квартир подъезда, с титаном на тех же брикетах. Там было холодно и сыро, но самое страшное – жили гигантские крысы зеленоватого оттенка, размером с упитанную кошку, которые чувствовали себя хозяевами и не боялись людей. Если крыса сидела на ступеньках в подвал, никакие крики и уговоры не могли её спугнуть, она недовольно поворачивала голову на голос, но не уходила. Разве только, если бросить что-то тяжёлое. Немцы, наверное, считали этих созданий обязательными жителями подвалов и не боролись с ними. Поэтому мылись мы редко, на кухне топили печку и размазывали грязь в тазаках. Жили мы, женщины, одни с детьми, так как корабли почти всегда стояли в Балтийске. Их было немного, все небольшие: два или три катера и два МПК¹. Они приходили домой

¹ МПК – малый противолодочный корабль.

раз в три-четыре месяца на неделю-две, и тогда мужчин вечерами по очереди отпускали в семью.

Советские семьи селили без гарнизонных заборов и охраны – среди немцев. В Заснице много гражданских моряков. Иногда по ночам раздавался громкий стук в дверь, на вопрос испуганной женщины «Кто там?» звучал ответ на ломаном русском: «Открёй! Я твой мушь!» Со временем мы перестали бояться незваных ночных гостей и отвечали в том же шутовском тоне: «Домой! Нах хаус!» Мы ждали возвращения своих мужей. С их появлением начиналась в подвальной ванне великая стирка накопленного белья и всеобщая семейная помывка.

Дивизион владел и другими квартирами, с горячей водой и отоплением. Но мы, несмотря на неудобства, быстро освоились и поняли преимущества проживания в старых домах, построенных ещё в XIX веке, видимо, для бедных. Мы жили в центре городка в десяти минутах ходьбы от бербазы, а в Заснице в те годы общественного транспорта не существовало и в помине. Город растянулся на несколько километров вдоль морского побережья под склонами глинисто-песчаной горы: до вокзала из конца в конец идти пешком часа два. Многие немцы имели маленькие автомобили с серым корпусом, напоминавшим картон, очевидно, недорогие, и у всех были велосипеды.

Мы, жильцы стареньких двухэтажных домишек, постоянно находились в курсе событий дивизиона. Бербаза располагала и библиотекой, и клубом с киносеансами три раза в неделю, организовывала всевозможные праздники для детей и взрослых, которые мы сами готовили. И врачи, в случае чего, рядом, и тут же работал маленький военоторговский магазинчик.

Почему нравится служить за границей?

В чём заключался смысл службы с семьёй в странах соцлагеря? Поглядеть чужие края, пожить в хороших условиях, закупить заграничных вещей (многие жёны умудрялись вывозить их в большом количестве, чтобы втридорога продать землякам), сэкономить советскую зарплату, которую откладывали на сберкнижку. Я видела, как соседки выгадывали на всём, чтобы не тратить немецкие марки на питание и предметы быта. На бербазе полагался ежемесячный продуктовый паёк: 1,5 килограмма мяса с костями и жиром, прогорклые крупы,

комбижир, подгнившая картошка, два десятка яиц, серая мука. Некоторые женщины стремились обходиться этой пищей, мылись хозяйственным мылом, чтобы купить на продажу побольше немецких вещей. Я ни в коем случае не осуждаю наших хозяек, их практичность и дальновидность продиктованы заботой о будущем семьи. Моя нынешняя семья уже более двадцати лет питается подобным пайком, понимая, что в магазинах, в так называемых супермаркетах, продаётся низкокачественная еда с различными добавками и консервантами. Но в Германии было такое изобилие товаров, невиданных в СССР, что глаза разбегались, и деньги тратились, порою, на пустяки. Однако мало кто знает, что экономили жёны наших офицеров и мичманов не зря: в выгодных условиях находились только береговые военнослужащие. Корабельным морякам, едва они пересекали морскую границу с ГДР, прекращала поступать зарплата в немецких марках, и семья, оставшаяся в дивизионе, вынужденно урезала траты до прибытия мужей. Многие молодые женщины, жёны военных, живя в больших городах и имея хорошие профессии, не хотели попасть в такие захолустные места, где, кроме как телефонистками, нечем работать. Некоторые бывали наездами, как гости, и счастливые мужья гордо представляли их сослуживцам. Я понимала их прекрасно. Чем могла заниматься, к примеру, пианистка после ленинградской консерватории на нашей бербазе, чтобы не терять профессиональных навыков? В моём случае, совершенно не показательном, совсем не имело смысла жить в «земле обетованной», занимать чьё-то желанное место. Каждый раз, когда корабли на несколько месяцев уходили в Балтийск или Лиенау, мы с сыном тоже собирались в дорогу. К нам присоединялась соседка с двумя детьми. В маленькую сумку складывались документы и деньги, в рюкзачок сыну – бутерброды и чай, и начиналось путешествие к месту, где служили мужья. Из-за частых поездок туда и обратно в Заснице мы тратили марки, а на родине – накопленные советские деньги. Остались в памяти впечатления, воспоминания, мы обзавелись новыми друзьями. Из-за границы я привезла лишь одну ценную вещь – печатную машинку, которая пригодилась мне для написания диссертации.

В Германии мы провели два календарных года, а фактически, я посчитала, прожили там чуть больше половины этого срока. Никогда не

имевшую пристрастия к материальным благам, меня тянуло домой, в Киев, к работе преподавателя. И мы вернулись.

Партийное поручение

В дивизионе хотелось активной деятельности. Я ведь, в какой-то степени, воспитанница КВВМПУ, член КПСС с 1972 года, и отчасти могла считать себя политработником.

На партсобрании замполит торжественно, как в своё время ключи от лучшей квартиры, вручил мне ключи от библиотеки, и моя работа, из-за отсутствия штатной должности, стала партийным поручением – «нести свет просвещения и культуры» матросам и семьям военнослужащих. Я взялась за неё с радостью и с благодарностью командованию за доверие. Пусть денег не получала, зато в моём распоряжении находилась небольшая библиотека в светлой комнатке в 15 квадратных метров, с видом на море из окна и с горячими полами, потому что внизу располагалась пекарня.

Книг было мало, классика давно исчезла с полок, осталась русская советская литература и литература братских республик. Но для меня, любительницы чтения, и это стало целым сокровищем! Кроме того, почта ежедневно доставляла свежие газеты и журналы, подшивки которых я раскладывала на столах, покрытых красным кумачом. В среду, субботу и воскресенье в библиотеку и в кино приводили с кораблей матросов, среди них оказалось много читателей, и я для них заранее готовила новинки. Журналы «Октябрь», «Звезда», «Москва» и другие несла домой, читала до глубокой ночи, потом самые интересные разносила по домам нашим женщинам, занятым маленькими детьми. В дальнейшем мы вместе обсуждали прочитанное. Периодически читала морякам лекции о текущей литературе. Ещё в библиотеке в дневное время с детьми-дошколятами занималась чтением, рисованием, пением и танцами. Малышей было всего человек десять, в том числе и мой сынок, и мне эти встречи доставляли удовольствие. Сама я не имела никаких талантов и способностей, но у меня был маленький чемоданчик-проигрыватель (помните, за 28 рублей?) и куча пластинок с песнями и стихами, привезённых из дома. Этого хватало, чтобы подготовить концерт и в праздники показать мамам и особенно папам. Отцы, почти не видевшие детей, плакали от умиления,

когда гуськом выходили на сцену их чада – от полутора до шести лет, пели хором, читали стихи, танцевали.

А ещё мои тогдашние обязанности – мытьё полов, окон, поливка цветов. За работу меня награждали почётными грамотами, сажали на собраниях в президиум, а от матросов я получила заслуженное звание – «библиотекарша». В трудовой книжке оно не значится. Но мне по-настоящему дорого.

Как мы говорили по-немецки

В Заснице, живя рядом с немцами, приходилось изучать их язык – хотя бы на бытовом, разговорном уровне. Знали мы его неважно. Как-то решили сделать ремонт в квартире, и соседи посоветовали побелить стены специальной краской, смешанной с клеем, чтобы побелка не осыпалась со стен. Как мы ни пытались объяснить продавцу якобы по-немецки, что нам нужно, он не мог понять ни меня, осваивающую язык по самоучителю и разговорнику, ни мужа, изучавшего немецкий и в школе, и в КВВМПУ. Тогда мой «сообразительный и находчивый» супруг, в чёрной флотской шинели, подошёл к стене и стал тереться об неё плечом, пронзительно глядя в глаза удивлённому немцу и чётко, громко, с каким-то кавказским акцентом, приговаривая: «Кряска! По-ны-маешь? Кряс-ка! Штоб нэ пач-ка-лос!» Но смущённый продавец так ничего и не понял, и мы ушли от него без покупки.

До сих пор в нашей семье бытует фраза: «Штоб нэ пач-ка-лос!», хотя и ситуации другие, и муж другой, и сын был тогда маленький, а дочери, которая чаще всего это повторяет, вообще не было в помине.

Со мной тоже происходили подобные недоразумения. В булочной хотела попросить свежий кекс, перепутав слова «фриш» (свежий) и «фиш» (рыба). Продавщица только руками всплёскивала, извиняясь, что у них нет «фиш кекс», то есть рыбного кекса, и, наверное, удивлялась вкусам русских людей.

Какие они, немцы?

У нас, советских женщин, впервые попавших за границу, складывалось своё мнение о быте и характере немецких семей, иногда не в нашу пользу.

Они организованны и трудолюбивы. В небольшом городке на берегу Балтийского моря жители просыпались очень рано, затемно, часа в 4 утра, мешая нам, советским frau, спать тарактенъем прогреваемых моторов машин. В это время немецкие жёны топили печки на кухне и в комнатах, готовили еду на целый день, убирала квартиру, протирали стёкла окон. Ежедневно! Работа и учёба начинались с 7 утра. Традиционный завтрак: бутерброды из маленьких булочек – на одну половинку кладётся прозрачный ломтик колбасы, на другую намазывается тонким слоем так называемый джем, почти бесцветный, с красителями и добавками. И чашка кофе. Суррогатного, похожего по вкусу на наш ячменный, чуть подкрашивающий воду. Всё. На работе пьют такой же кофе с бротхенами. Натуральный принято подавать лишь по праздникам. Обед в будни – всей семьёй дома, в 4 часа. Немного смотрят телевизор и в 7 вечера город затихает, окна становятся тёмными, немцы спят.

Из-за экономии отапливались только кухня и гостиная. В спальнях не топили, укрывались пуховыми одеялами. На работу ходили все почти одинаково одетые, в простых брюках, дешёвых куртках, в недорогих туфлях на низком каблучке. Организованны, экономны, энергичны, бодры, трудолюбивы. В пятницу муж и жена на машине приезжали в магазин, закупали продукты на выходные и следующую рабочую неделю. Две корзины – всего понемногу: джем в пол-литровой банке, несколько плавленых сырков (крошечных треугольничков), ячменный кофе в пакетике, кусочек колбасы. Мясо, хлеб, овощи приобретали в специальных магазинах, овощи и фрукты, заранее расфасованные в бумажную упаковку, не взвешивали. Очередей не существовало. В рабочие дни магазины пустовали, в выходные вообще все торговые заведения – и продуктовые, и промтоварные – закрыты. Дни отдыха проходили без хозяйственных хлопот, вся домашняя работа выполнялась по будням.

В субботу и воскресенье на окраине города в небольшой палатке можно было купить печенье, конфеты, консервы, пиво, воду и сигареты. Хлеб там не продавали. В основном, туда шли мужчины-холостяки, гражданские моряки и курильщики, оставшиеся без табака. В выходные немцы отдыхали, ели, смотрели телевизор, всей

семьёй выходили на прогулку, демонстрируя красивые наряды. Летом отправлялись к морю – подышать и размяться.

Они экономны и любят советские товары. ГДР встретила нас разнообразием продуктов и вещей, образцовым, в сравнении с Советским Союзом, порядком и чистотой. При всём изобилии и низких ценах немецкие женщины не были расточительными. Знакомая немка, учительница русского языка, при мне долго выбирала в магазине сумку. Это у меня глаза разбегались от множества форм и расцветок, она же объяснила мне свою разборчивость так: «Я ищу такую, чтобы по цвету подходила и к летней, и к зимней одежде, была удобной, вместительной и прочной».

Когда у меня поломался каблук на немецких босоножках, красивых, но дешёвых и совершенно новых, я хотела выбросить их. «Что ты, Света, ты сходи, посмотри, какую обувь сдают в ремонт немцы», – посоветовали соседки. И правда, в сапожной мастерской на полках стояли почерневшие, искорёженные от старости мужские и женские туфли, что ещё раз подчёркивало не свойственную нам бережливость немцев. В советские годы в нашей стране люди жили по-разному, обувь и одежду, конечно, чинили, передавали «по наследству» от старших младшим, многие вещи перелицовывались, использовались до износа. Однако и в не слишком зажиточных семьях почти новые детские туфельки, сапожки выросших детей выбрасывали на помойку и покупали другие – по размеру. Стоили они рублей 5. Предлагать кому-то ношенную обувь считалось неприличным.

Экономность немцев, кажущаяся нам, советским, скупостью, сказывалась и в еде. Женщин из нашего дома часто приглашали на дружеские встречи в небольшой коллектив планового отдела местного фиш-комбината (рыбоконсервный завод), и эти встречи тяготили нас. Перед каждым собеседником ставили чашку с кофе и блюдце с пирожным, а разговаривать приходилось часа два. Беседы не клеились: мы плохо знали немецкий, они – русский. Зато у нас с моей подругой Наташей Каплиной завязалась дружба с немкой – Ифой, жившей недалеко от нас и запросто приходившей к нам в гости. Она стучалась ко мне в дверь на первом этаже, я, в свою очередь, колотила шваброй – наш условный сигнал – по потолку живущей над нами Наташе. Мы с подругой выкладывали на стол всё, чем богаты.

У предусмотрительных русских хозяек были домашние котлеты и пироги, кофе московский, натуральный, покупные пирожные, конфеты. Вот тогда беседа выходила оживлённой и весёлой. Особенно гостя любила советское сгущённое молоко из военторговского магазинчика.

При изобилии собственных продуктов, на наш взгляд, совсем невкусных, немцам нравилась вся наша еда. Вечером, когда начальство уже не работало, около проходной бербазы стояли немцы, зная, что наши женщины пойдут с детьми в кино мимо военторга. Совали нам в руки деньги, просили купить советские конфеты, варенье, колбасу, сгущёнку и растворимый натуральный кофе. Мужчины спрашивали, не привезли ли туфли и ботинки ленинградской фабрики «Скороход», которым сносу нет. В Германии ценилась советская продукция: натуральная, вкусная еда и вещи, изготовленные без синтетики. А жёны наших моряков набросились на одежду из искусственных тканей, ярких, лёгких, хорошо стирающихся и дешёвых, таких ещё не видели на родине. «Вы не то покупаете, не туда смотрите, это вредно для здоровья», – объясняла мне немецкая учительница. Она подвела меня к стойке, где висели платья, сарафаны, ночные рубашки из сжатого ситца с мелким цветочным рисунком: «Это делается в вашем русском городе Иванове, у нас очень ценится и продаётся дороже».

Однажды нас возили на экскурсию в немецкую воинскую часть, и молодой офицер, показывая новые танки, говорил об их боевых возможностях. «Ах, как прекрасно сделано в Германии!» – восторгались мы, женщины. Офицер улыбнулся в ответ: «Вся техника, которую вы видите, сделана в СССР».

Они чистоплотны и аккуратны, но рожать лучше в СССР. Я уже упоминала о необыкновенной чистоплотности немцев. Рядом с нашим стоял точно такой же ветхий двухэтажный домик. Немцы, в основном, пожилые, мыли, скоблили до белизны и натирали бесцветной мастикой некрашеную деревянную лестницу в его подъезде. У дверей в квартиры лежали вязаные коврики, на окошке между этажами стояли горшки с цветами, висели тюлевые занавески. Дверь в подъезд, наполовину стеклянная, запиралась на ночь на ключ. У нас тоже было чисто, командиры с бербазы ежемесячно проверяли

порядок в наших квартирах. Но лестница покрыта густым слоем коричневой краски, уличная дверь – всегда нараспашку.

Мне пришлось месяц лежать в немецкой больнице, просто поразила меня чистотой и опрятностью. В ГДР – социализм: медицина бесплатная, больница старенькая, скромная. Целыми днями медсёстры-практикантки протирали полы, стены, тумбочки; в туалете пол застилался ковриками, унитаз сверкал чистотой, висели рулоны бумаги и дезинфицирующих салфеток, никаких запахов хлорки, а только приятные ароматы моющих средств. Белоснежные пододеяльники и простыни аккуратно заштопаны. Мне выдали две рубашки. Одну, староватую, но чисто выстиранную, на будни. Вторую, новенькую, с цветочками, на выходные, когда к больным приходит родня. Хотя меня некому было проведать, я всё равно её надевала, так как соседку по палате навещала семья.

Найдя неполадки в моём организме, немецкие врачи, несмотря на слёзные просьбы, вызвали искусственные роды на большом сроке и не стали сохранять жизнь новорождённому мальчику, ждали, когда он умрёт, чтобы беспристрастно сообщить: «Тотен» (умер). Тогда в Германии не выхаживали недоношенных детей, не оказывали им помощь, считали, что выжить должен сильнейший. С какой благодарностью я вспоминаю киевский роддом, где пахло хлоркой, застиранные простыни и пелёнки имели коричневый цвет и грубые санитарки кричали: «Разлеглись, коровы!» Именно в таких условиях появились на свет сначала мой сын и через десять лет там же – дочь.

Они служат в армии по-другому. В немецкой больнице я познакомилась с девушкой-медсестрой, жених которой служил в армии. Очень удивилась, когда она рассказала, как живут немецкие солдаты. Молодой человек из воинской части, расположенной в соседнем городке, в пятницу вечером на мотоцикле приезжал домой, а рано утром в понедельник возвращался обратно. Я видела его: свеженький, розовый, весёлый, он заезжал к невесте по дороге домой... И – мой сын, служивший под Москвой в стройбате, с синяком под глазом (дедовщина и национальные разборки), в грязном белье, с нарывами на руках... Школа жизни! Спасибо, хоть живой вернулся. Возможно, не везде так, нам просто не повезло.

Они не воруют. Ещё приятно удивило: немцы не воруют, возвращают потерянные вещи, сумки с документами, кошельки с деньгами, которые мы, растерявшись среди чужого люда, оставляли на прилавках магазинов. Со мной лично случались такие неприятности, я холодела от ужаса, где-то забыв сумку с паспортом и партбилетом (замполит предупредил: выйдем домой в 24 часа!), и всё находилось, даже не верится. Немецкие продавцы, в отличие от наших отечественных, никогда не обсчитывают покупателей, ни на пфенниг, в это нам долго не верилось. Подъезд нашего дома оставался открытым днём и ночью, никаких ключей и замков. Мой пятилетний сын иногда, не дожидаясь моего прихода, одевался и сам выходил гулять, ключ от квартиры прятал под половой коврик, предупредительно оставляя для меня в дверях записку: «Ключь пот половиком». Краж не было.

Они оптимистичны. Немцы не любят показывать другим свои неприятности. К нам приходил снимать показания счётчика бравый, всегда улыбающийся мужчина лет пятидесяти. Однажды вместо него появилась женщина. «А где тот мужчина?» – спросила я. «Тотен», – чуть ли не с радостью сообщила она и засмеялась. Слово произошло что-то будничное, точно человек взял и вышел в соседнюю комнату. Её реакция была непонятна мне. Узнала, что хоронят они своих близких ночью, при свете факелов, бесшумно, незаметно, чтобы не напоминать лишний раз окружающим, что это печальное событие произойдёт с каждым. Жить надо весело, с улыбкой на лице и не вызывать беспокойства у людей унылым видом.

Они любят жить красиво. В Германии умеют жить уютно, удобно, любят свой дом, украшают быт. Благополучие семьи у немцев на первом месте. От всяких красивых штучек, одежек, посуды, сервизов, ковров, штор, игрушек, дешёвых и нарядных, у нас, советских женщин, глаза разбегались. Практичные хозяйки покупали нужные вещи для себя и на продажу по приезде домой. Непрактичная, как немногие другие, я, к примеру, накупила красивых больших и маленьких кукол; маленькую дочь, пока росла, распотрошила, а большие уже сорок лет сидят у меня на спинке дивана, как дети.

Запах родины

Маленький Засниц считается местом отдыха: две-три улицы, протянувшиеся вдоль моря на пять-шесть километров, с другой стороны – чистый лес с ягодами и грибами. Но всё казалось нам здесь не таким, как дома: море, которое мы любим с детства, совсем не пахло морем, лес тоже без привычного для нас запаха листьев, земли, и даже грибы не пахли грибами. У роз, цветущих в палисадниках почти круглый год, отсутствовал аромат. Словно нас лишили обоняния. И вот мы едем в отпуск, домой. Через Белоруссию, хотя в Советском Союзе мы не различали, где Белоруссия, где Украина, где Россия – всё было нашей родиной. Доезжаем до Бреста, выходим из вагона, сразу слышим запах земли, травы, пусть она ещё только собирается расти или уже повяла, или под снегом. Запах берёзовой коры чувствуется в любое время года. На вокзале пахнет родными жареными пирожками и семечками. Вдыхаешь и думаешь про себя – ну, наконец-то, дома! Никто не смотрит пристально в спину, будто намереваясь выстрелить в тебя. Теряешься на вокзале в толпе, запиваешь пирожки с капустой жидким буфетным чаем. Дома!.. Позже я где-то прочитала, что запах каждой страны состоит из запахов традиционной кухни, парфюмерии, моющих средств, топлива и даже телесных запахов жителей этой земли, питающихся определёнными продуктами. То есть запах родины – не фантазия. Это знакомый, привычный нам запах родного края, где легко дышится, где тебе хорошо и спокойно.

Отношения с Европой

Наши отношения с Европой всегда были сложными.

Мама рассказывала: в конце апреля 1945 года армия, в которой они с папой воевали, освободила Латвию. Их часть располагалась в небольшом месте под Ригой – в Цесисе, городе роз. Весна, радость победы и окончания войны, молодость, любовь и надежды на счастливую жизнь – с таким настроением они решили пожениться и вместе с фронтowymi друзьями отпраздновать свадьбу. Не сразу заметили, что латыши относятся к ним не как к освободителям, а как к врагам. Родители, собрав деньги в складчину, двинулись на рынок, где, по словам очевидцев, было полно разных продуктов, от которых солдаты отвыкли за четыре года войны. И очень удивились тому, как по мере

их приближения к продавцам прилавки мгновенно пустели. Не помогали никакие уговоры, никакие деньги, торговцы делали вид, что не понимают по-русски. Даже светлого платяшка для невесты не продали латыши при виде девушки в солдатской гимнастёрке. Всю войну мама хранила в вещмешке чёрное шёлковое платье и чёрные туфельки, взятые из дома на фронт. Их невеста и надела, вопреки суеверьям. Это ничуть не омрачило счастье молодожёнов и радость гостей. Привычная солдатская еда на праздничном столе: суп, каша с тушёной, хлеб и в придачу разбавленный спирт для мужчин, песни под гитару и добрые застольные речи – всё было в избытке, как полагается на свадьбе.

В 1959 году, школьницей, я познакомилась с проявлением недружелюбия к нашей стране со стороны польского мальчика, моего ровесника, сына офицера из Польши, проходившего в Москве стажировку. Лешек, так звали рыжеватого четырнадцатилетнего подростка, приехал в Москву из Варшавы по нашему приглашению и остановился у нас дома. Я познакомила его с подружками, и мы все удивлялись привычкам заграничного гостя. Он привёз с собой баночки и бутылочки с разными кремами и лосьонами, перед тем, как лечь в постель, тщательно всё это втирал в разные части тела. «Как девчонка», – посмеивались мы. Спал он только в полосатой пижаме. Перед самым сном выпивал бутылку кефира, потом наливал в уже пустую посуду кипячёной воды, взбалтывал её, ополаскивая, вновь выливал содержимое в стакан и выпивал. «Экономный», – опять удивлялись мы, думая, что в Польше голодают. Мы водили его в музеи, в театры, развлекая достопримечательностями столицы. Но мне не нравилось, что он всё время выискивает что-нибудь нехорошее, с его точки зрения, в жизни наших людей. «Почему многие женщины ходят в платках и телогрейках? Они некрасивые, без причёсок, как старые». «Немногие, – защищалась я, – это или рабочие, или колхозницы». «Почему у вас такая скучная музыка? Вот у нас – модная, американская». «А нам нравятся свои эстрадные песни», – парировала я. «У вас серая, неинтересная жизнь, вы только трудитесь, а мы умеем развлекаться, весело и красиво жить». «А ты разве не знаешь, что во время войны у нас погибло двадцать миллионов человек, что женщинам теперь приходится много и тяжело работать? Что многие города были совсем

разрушены, и надо очень много трудиться, чтобы построить всё снова», – продолжала я наши бесконечные споры, оправдывая родную страну. Конечно, я делала это по-детски наивно, неуклюже и, порой, недипломатично, забывая, что польский друг у нас в гостях. Однажды, раздосадованная его нападениями на всё и вся в нашем государстве, я, четырнадцатилетняя патриотка, дочь своих родителей, допустила в разговоре несдержанность, в общем-то, самую настоящую грубость: «Да знаешь ли ты, если в нашем Советском Союзе каждый человек плюнет на вашу Польшу хоть один раз, ваша Польша утонет». И на этом русско-польская дружба закончилась. Лешек уехал в Варшаву, не написал ни одного письма, и до сих пор я ничего не знаю о его судьбе. А было бы интересно узнать. Осталась на память маленькая фотография, где он стоит, обнявшись с мамой около машины, а папа, видимо, их фотографирует. Лешек, если ты жив-здоров, прости меня! Я не хотела обидеть тебя. Я, как могла, защищала свою страну, свой многострадальный народ.

Почему нас не любят?

И правда, почему? Многие из нас, прожив большую часть жизни в СССР, сейчас, в эти жуткие дни войны украинцев с самими собой, восплавленными ненавистью к русским, к России, недоумевают. Ну почему политика нашего государства всегда была направлена, в ущерб его экономике, на помощь всем «братским» народам и всем странам мира в их трудные минуты, а реакцию на эту отзывчивость не назовёшь дружественной? Чем это вызвано?

Помогаешь бескорыстно, значит, ты слабый и пресмыкаешься перед сильным? Или виноват перед тем, кому помогаешь? Или «подкармливаешь» его авансом, чтобы сделать другом? Непонятно. Пятьдесят лет я жила на Украине, в Киеве и Севастополе. Украина всегда была более зажиточной и обеспеченной, чем Россия. Газеты, журналы, учебники, театральные постановки – на украинском языке? Пожалуйста! Украинский язык повсеместно – в школах и вузах? Пожалуйста! Памятник Тарасу Шевченко в Севастополе, где он никогда не бывал, за 380 тысяч долларов? Обязательно! И результат – киевляне (не правители, обычные люди) твердят: «Ненавидим Россию, ненавидим русских!» В 60-е годы в Грузии, в Тбилиси, нам, русским

девочкам-студенткам, мужчина-продавец не захотел отпустить хлеб, глядя на нас ненавидящими глазами. На улице торговец персиками не сдал сдачи с большой суммы, разразившись криками. В трамвае здоровенный кондуктор-грузин на просьбу дать сдачу с рубля (билет стоил 3 копейки) бросил в лицо мелочь со словами: «Нате, жрите!» И это знаменитое грузинское гостеприимство?

Чему удивляться, когда недавно в осетинско-грузинском конфликте грузинский катерок стрелял прямо в лоб российскому кораблю, провоцируя ответный выстрел?

И что мы хотим от немцев, собиравшихся покорить нашу страну и весь мир? Не получилось! Всё ещё злятся, готовы и сегодня хоть куснуть нас.

Дружба и «дружбы»

В Германии мы с первого дня поняли главный смысл политики СССР по отношению к немцам: крепить дружбу с бывшими недругами. Для этого организовывались различного рода встречи, которые назывались «дружбами». Выражение «пойти на дружбу» означало пойти на это мероприятие. «Дружбы» были разные – маленькие, скромные и большие, с размахом. Нас, женщин, человек 5-6, часто приглашали на дежурные встречи в небольшие женские коллективы на немецких предприятиях. Час-полтора проводили за столом с чашкой кофе и одним пирожным, нам предлагалась программа: «Эссен (кушать)» и «Будем разговаривать». Мы натянуто улыбались, не знали, как положено у немцев есть твёрдое пирожное – руками или ложечкой, плохо понимали друг друга из-за незнания языка и с чувством выполненного долга, раскланиваясь с хозяйками, с радостью заканчивали церемонию. Те, в свою очередь, наверное, испытывали то же самое. На подобные «дружбы» наши замполиты, когда корабли стояли в дивизионе, водили матросов. Тогда к кофе и пирожным предлагались ещё медленные парные танцы немецких девушек с нашими моряками. Я не раз слышала от фрау, что им нравятся советские офицеры, особенно украинцы, как более ласковые. Эти откровения удивляли, потому что за границу направляли служить только женатых, а за связь с иностранцами, как нас пугали, немедленно, в 24 часа, высылали на родину. Одна немка, хорошо подвыпив на большой

«дружбе», призналась мне, что немецкие мужья очень хозяйственные, надёжные, обязательные, чадолюбивые, с ними легко строить семейную жизнь, но и в проявлениях чувств они тоже размеренны, спокойны и пунктуальны. Наши мужчины немцам нравились больше. Для души... Интересно другое. В Киеве, где в каждом вузе училось много иностранцев, и каждая советская девушка могла сделать свой выбор, самым привлекательным считался брак с немецким студентом. И я часто убеждалась в прочности таких союзов. Вот и поди разбери женские вкусы... Намучились наши женщины от вредных привычек своих мужей, от разводов, от безотцовщины.

Молоденькие немки стремились познакомиться с советскими матросами, но тем никогда не давали отдельных увольнений, только в группе и обязательно вместе с замполитом. А вот служившие на бербазе умудрялись обходить строгие законы: бросали на колючую проволоку забора бушлаты, и девушки перелезали к ним на свидания. Если командование узнавало о происшествии, нарушителей действительно отправляли в «Союз», как мы называли нашу страну за границей. Если же случалась беременность у немецкой девчонки, советское правительство выплачивало ребёнку алименты до совершеннолетия. Это очень привлекало отчаянных и смелых немков.

Самые значительные «дружбы» проводились по большим праздникам – 7 Ноября, 9 Мая, 23 Февраля – на нашей территории, на бербазе, куда приглашались советские семьи и немецкие офицеры, начальники города, директора предприятий – тоже с семьями. Заранее привозилось множество продуктов, спиртное. Праздничные блюда – горячее, закуски, салаты и бутерброды – готовили все наши женщины, столы накрывали на сотню и более человек. Как правило, застолье продолжалось чуть ли не до утра. Экономные у себя, немцы в гостях отводили душеньку, так наедались и напивались, что их укладывали в бербазовский автобус и развозили по домам. Вот тут-то в неразберихе и «терялись» некоторые немецкие жёны...

Были и у нас «вздыхатели» немцы, но мы, занятые хозяйством, детьми, работой и вечным ожиданием кораблей с мужьями, оставляли их без внимания. Хотя видели, что за нами наблюдают, ищут возможности познакомиться.

В дом по соседству часто заходил молодой мужчина в фуражке и синей шинели гражданского моряка, и я заметила, что он караулит, когда выйду из подъезда, чтобы просто приветливо поздороваться. Обычно я вставала около окна в квартире, подсматривая сквозь штору, и ждала, когда незнакомец уйдёт. Однажды несла тяжёлую сумку, у меня сломался каблук на сапоге, я в растерянности остановилась, беспомощно оглядываясь по сторонам. Вдруг кто-то сзади взял сумку, поднял каблук, подхватил меня за локти и почти понёс в соседский подъезд. Я узнала этого немца. От такой бесцеремонности оторопела, стала вырываться и возмущаться. Симпатичный моряк смеялся, что-то лопотал по-своему. Он привёл меня к знакомому старичку-сапожнику, который быстро починил каблук. Они спрашивали, кто я: «Полиш (польская) фрау?» Я была тогда тоненькая и светленькая, с неизменной косичкой, меня часто принимали за польку. «Нет, – гордо ответила я, – советиш (советская) фрау». Лица у моих собеседников потускнели, улыбки и смех исчезли, и со словами «эндшульдигэн зи биттэ» (извините) меня отпустили восвояси. Понятно, почему мы не нравились немцам. И побаивались они нас, на всякий случай.

Иногда нас ненавидели

И вот теперь я расскажу о том, что нас не просто боялись, и это понятно, ведь прошло лишь 28 лет со дня окончания войны, и были живы в Германии её участники и вдовы участников. Официально к нам относились хорошо, а исподтишка – ненавидели и старались напакостить.

Новый 1974 год мы с соседками-подружками и нашими детьми встречали без мужей, собрались на квартире, у хозяйки которой был грудной ребёнок. Накрыли на стол, расселись, мне досталось место у окна, закрытого плотной шторой. Мама попросила поддержать новорождённую девочку, и едва я наклонилась к её личику, как мимо моего уха просвистел большой бульжник, грохнувшись прямо посреди стола. Я застыла от ужаса, не за себя, хотя камень мог попасть мне в затылок, а за крошечного чужого ребёнка. Если бы он погиб у меня на руках, не было бы жизни ни у меня, ни у матери девочки. Новый год встретили как-то невесело, остро почувствовали, что такое чужбина. Мы с сынишкой ночью пошли домой и увидели неосвещённые окна

нашего подъезда – все разбитые. Видимо, соседи ушли праздновать Новый год к друзьям. Окна квартиры, выходящие во двор, остались целы, но могло достаться и нам.

Наши дети обычно гуляли за домом, куда выходили два моих окна – кухни и комнаты, и я никогда не оставляла пятилетнего сына без присмотра на улице, всюду брала с собой. Зимой, хотя настоящих зим в Заснице не бывает, темнеет там рано, часа в три. Уже смеркалось, когда прибежал сын. Плачет, под глазом синяк. К нему подошёл немецкий мальчик и что-то спросил. Мой грамотный сын отвечает: «Ферштее нихт (я не понимаю). Ихь русиш (я – русский)». Ах, русиш, так получай! Немчонок ударил его кулаком в лицо и убежал. «А ты, Коля, почему промолчал?» «Что ты, мама, разве можно? С немцами надо дружить, ты же говорила». Мы никому не рассказали об этом случае.

Отправилась группа наших женщин и матросов на экскурсию в Берлин, поездка была долгая, так как часть находилась на самом севере Германии. Посетили, конечно, в первую очередь, Трептов-парк, где захоронены тысячи советских освободителей, поклонились их памяти. Лежат они, бедные, вдали от родной земли, от своих близких, и не очень-то скорбят о них немцы. Весь мемориал и памятник солдату с немецкой девочкой на руках сделан на средства СССР советским скульптором Вучетичем.

Но самое сильное впечатление произвёл музей-концлагерь Равенсбрюк. Здесь во время войны находились женщины и дети из всех стран мира. Нужно такие вещи смотреть воочию и объяснять некоторым, кто сейчас думает: «Вот покорились бы мы немцам, Гитлеру, и жили бы зажиточно, как Германия», вообще бы не жили на земле, случись такое!

Трасса от Берлина идёт гладкая, белая. Её строили заключённые концлагеря. Сначала укладывали мелкие камешки, а потом, впряжённые в многотонный каменный каток, укатывали дорогу. Сил на этой каторге хватало ненадолго. Полуживых, узниц обёртывали промасленной бумагой, чтобы лучше горели, и сжигали в печи, очень похожей на обыкновенную духовку с противнем. Педантичные, экономные немцы подсчитывали прибыль: от построенной дороги, от зубных коронок, от женских волос (для матрасов), от кожи (для

абажуров), от пепла (для удобрений на полях). Детей тоже сжигали, забрав у них всю кровь для раненых немецких солдат.

Поднимались мы и на знаменитую телевизионную башню Берлина, по-моему, в 300 метров высотой, откуда открывается вид на столицу. Там со мной приключился неприятный случай, с которым, как мне казалось, я справилась достойно. На первом этаже высотного сооружения продавались сувениры, я решила купить шариковые ручки в виде телебашни, в подарок соседке, оставшейся дома присматривать за моим сыном. Я уже говорила, что немцы меня не раз принимали за польку и потому относились ко мне благосклонно. Наверное, и продавщица, старая жилистая немка, не распознала во мне русскую. Я обратилась к ней заученными фразами из разговорника, меня вежливо обслужили, я расплатилась и повернулась спиной к прилавку. В этот момент подошли наши матросы, в парадной форме, конечно, в бескозырках, и попросили меня посоветовать, какой сувенир лучше купить на память. Я, библиотекарь бербазы, была со всеми знакома. Стала показывать покупки, говоря на русском, всё так же стоя к прилавку спиной. И вдруг... сзади, из-за прилавка, удар! Сильный, жёсткий, прямо в позвоночник, между лопатками. Дыхание перехватило, из глаз брызнули слёзы... Хорошо, что была в затемнённых очках. Смотрю на матросов, улыбаюсь, но не могу вымолвить ни слова. Всё произошло в мгновение, никто, кажется, не заметил. В голове закрутилось: если сейчас пожалуюсь комдиву, а он стоял неподалёку, начнётся разбирательство, испорчу себе и людям поездку. Видимо, на это и рассчитывала немка. Какой реакции ожидала она от меня, советской фрау, дочери фронтовиков? Я должна обернуться и вцепиться ей в волосы? Закричать страшными словами? Заплакать? Я даже не дрогнула, как говорится, и ухом не повела, сделала вид, что ничего не случилось. Пришла в себя, снова заговорила с ребятами, засмеялась и, как ни в чём не бывало, вместе со всеми направилась к выходу. Вспомнила слова Владимира Маяковского: «Я в восторге от Нью-Йорка города, Но кепчонку не сдеру с виска: У советских собственная гордость – На буржуев смотрим свысока!»

Интересно, окажись мы с этой злоющей немкой один на один, без свидетелей, как бы я поступила? Да ещё в чистом поле? Не знаю.

Наверное, начала бы искать оправдания для её ненависти, уговаривать её жить в мире. Ну а дальше – по обстановке.

Уже в 2000-е годы. Возвращаюсь из Киева в Севастополь, побывав на конференции и повидав маму, сестру, сына, подруг. Сестра дала в дорогу половину жареной курицы, ещё какую-то еду, хотя знала, что я в поезде никогда не ем. В купе попала с людьми, которые очень любят угощаться у русских. Два молодых немца из бывшей ГДР, скромно одетые, воспитанные, как подобает учёным, прекрасно говорящие на русском, пожаловались, что после разрушения Берлинской стены и соединения Восточной Германии с Западной их жизнь ухудшилась. «Лучше бы не объединялись», – убеждённо восклицали они, родившиеся в 70-е и воспитанные в социалистической ГДР. Появились наркотики, безработица, преступность, богатство и нищета, платная медицина и образование. Но самое неприятное, рассказывали немцы, что раньше существовали понятия коллектива, бескорыстной помощи, считалось, что «человек человеку – друг, товарищ и брат», а сейчас всем руководят только деньги. Я с удовольствием отдала им жареную курицу и всё, что собрала мне в дорогу сестра. Это были «наши» люди.

В 2004 году познакомилась, опять в поезде, с двумя молодыми немцами из Западной Германии, ехавшими в Орёл по приглашению их русского друга. Они, нормальные, в общем-то, ребята боялись России, купили себе советские матросские бушлаты, бескозырки, разделись, как ряженые. Их угощал ехавший с нами в купе офицер Черноморского флота, тоже молодой парень, одетый по гражданке, форма его лежала в сумке под полкой. На троих они выпили 5 литров пива, обнимались, клялись в дружбе, шумели всю ночь, даже проводница сделала им замечание: «Ребята, дайте отдохнуть женщине, хватит веселиться». Думаю, что наш моряк, образованный юноша, любящий книги по философии, в чём я убедилась ранее, когда беседовала с ним, поил и кормил немцев и прикидывался своим в доску по исконно русской традиции: мол, не бойтесь нас, русских, мы хотим дружить с вами.

Так почему нас не любят Европа и Америка?

Возможно, потому, что уж очень большая и богатая наша русская земля, и всем соседям хочется откусить от неё лакомый кусочек, а

не получается. Кто только не шёл на нас войной... Но никогда, со времён Древней Руси, не могли покорить наш народ. Разрушенная, казалось, уничтоженная, страна не раз восставала из пепла. Никогда ни от кого не зависела, ни в ком особо не нуждалась, никому ни за что не была обязана. Незлопамятна, миролюбива – готова простить своих врагов и забыть обиды. Участлива, добра – придёт на помощь по первому зову. И назло недругам-завистникам, ненавидящим нас, продолжает оставаться собой. Многие лета тебе, Россия!

Домой хочется

Возвращаюсь к нашей службе в Германии. Вспомнила слова героя фильма «Суeta суeta», сыгранного Фрунзиком Мкртчяном, которого любовница, чтобы привязать к себе, кормила фаршированной уткой с орехами и изюмом. «Нэ хачу утку. Хачу абыкновэнную магазинную катлэту за 13 капэек!» И ещё на память пришёл эпизод из фильма Андрея Тарковского «Солярис». Герои, намучавшиеся ужасами и фантазиями разумной планеты-мозга, удерживающей их на межпланетной станции исполнением заветных желаний, не сразу, но всё-таки поняли: «Пора собираться домой! На свою родную землю, со всеми её печалью и радостями». Вот так и мы. Не нужно нам изобилие заморских продуктов и заграничных тряпок, если душе тягостно жить среди чужих, да ещё не любящих нас. Да, освободили Германию и другие европейские страны от фашизма, от концлагерей, от войн и разрушений. Положили в чужую землю наших солдатиков, а нас не любят и называют оккупантами даже сегодня.

Мы, вкусив заграничных прелестей, поехали домой, в Киев, к родителям, тосковавшим без нас, к друзьям, которых так не хватало на чужбине, к соседям, что тоже ждали встречи с нами, к любимой работе, в свою маленькую квартирку на 9-м этаже напротив вокзала, но с видом на золотые купола Владимирского собора. И питались, в основном, котлетами по 11 копеек (на Украине они были на 2 копейки дешевле, чем в Москве), картошкой по 9 и квашеной капустой по 20, потому что муж был лейтенантом, родилась дочь, и стало двое детишек. Зато *дома!* «Воздух родины, он особенный, не надышишься им!»

В заключение

Вот и закончился наш разговор. Можно ещё многое вспомнить, и интересное, и серьёзное, и комическое. Но надо спешить, время торопит, нас становится всё меньше и меньше, хотя мы «в тельняшках». Дорогие мальчики, курсанты 1969 – 1973 годов, спасибо, что вы помните меня, пусть я и занимаю очень скромное место в вашей жизни. Дорогие уважаемые мужчины, заслуженные офицеры, выпускники 1973 года, спасибо за вашу дружбу, за моральную поддержку, за внимание. Истинное рыцарство военных моряков! Вы много значите для меня. Я рада, что мы остались единомышленниками, особенно в такие тяжёлые времена. Извините, что мало знала о вас в ваши молодые годы и не обо всех знаю сегодня, но, глядя на юные лица в выпускном альбоме, о каждом, без исключения, вспоминаю с теплотой. Все с надеждой смотрели в будущее, и только сейчас мы видим, как сложились наши жизни. Не будем унывать. Жизнь продолжается. И я, как раньше, остаюсь **ВМЕСТЕ С ВАМИ**.

*Ноябрь 2014 – январь 2015, Севастополь,
Svetlanikir@yandex.ru*

Олег ГРЕЧКО

СТРАНА КВУМПАРИЯ

Страна КВУМПАРИЯ...

Что за странное название? Откуда оно взялось и что означает?

Кто именно придумал его – неизвестно. Это, как говорится, плод устного народного творчества. А родилось оно в столице Украины, в стенах Киевского высшего военно-морского политического училища, уютно размещавшегося с 1967-го по 1996-й год на древнем Подоле¹ по адресу Красная площадь², дом 4.

Память

Сейчас здесь мало что напоминает о прежних временах. Красная площадь стала Контрактовой, а в корпуса училища, в которых когда-то был штаб Днепровской военной флотилии, на смену крепким ребятам в тельняшках пришли степенные студенты Киево-Могилянской академии – будущая интеллектуальная элита Украины.

О недавнем прошлом свидетельствуют лишь мемориальная доска на так называемом «циркульном корпусе», гласящая, что тут готовили комиссаров – главную опору тоталитарного советского режима, да мозаичное панно над входом в учебный корпус с ленинским призывом «Учиться военному делу настоящим образом».

Изначально площадь и называлась Контрактовой, а ещё со времён Киевской Руси на ней собирались шумное «торговище» и народное вече. Что же касается строений нашего училища – это бывшее подворье Братского монастыря со своим главным храмом – Богоявленским собором, воздвигнутым в конце XVII века. Именно на этом подворье размещалось самое знаменитое в истории не только Украины, но и всего славянского мира учебное заведение – Киево-Могилянская академия. В академии преподавали известные просветители Иов Борецкий и Мелетий Смотрицкий, её очень поддерживал Киевский

¹ Подол (укр. Поділ) – исторический район Киева в составе Подольского района, получивший своё название из-за расположения у подножия киевских холмов на берегу Днепра.

² Ныне Контрактовая – площадь, одна из старейших в Киеве: возникла ещё во времена Киевской Руси. После разрушения Верхнего города монголо-татарами и до XIX века оставалась центром города. В разное время называлась Александровской, Красной.

митрополит Пётр Могилла, в честь которого она и стала впоследствии называться.

Срок обучения составлял 12 лет, а число студентов доходило до двух тысяч. Вспомним строчки из бессмертного гоголевского «Тараса Бульбы»: «Они были отданы по двенадцатому году в Киевскую академию, потому что все почётные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям...»

В разное время академию закончили философ Григорий Сковорода, реформатор церкви Феофан Прокопович, композитор Дмитрий Бортнянский, канцлер Российской империи князь Александр Безбородко, писатель Василий Капнист, художник Григорий Левицкий, историк Николай Бантыш-Каменский. В ней учились и Михайло Ломоносов, и 14 гетманов Украины (включая печально известного Ивана Мазепу).

...Каждый год, в середине лета, на бывшем училищном плацу собираются те, кто гордо называет себя КВУМПАРЯМИ. Тут и первые выпускники 1971-го – убелённые сединами ветераны, прошедшие все моря и океаны Земли. Тихонько позвякивают их ордена и медали, закрывающие всю грудь. Они сжимают в крепких объятиях одноклассников, а затем, вскинув головы, с озорным блеском в глазах, забыв о возрастных недугах, проходят торжественным маршем под славным Военно-морским флагом, отдавая дань памяти родной Квумпарии. Здесь и куда большее по численности собрание солидных мужчин средних лет, многие из которых и послужить-то на флоте толком не успели, в чём не их вина.

На долю тех и других выпали нелёгкие времена, именуемые сейчас «лихими девяностыми», когда даже само слово «политработник» воспринималось как ругательство, как несмыслимое клеймо, и означало чуть ли не причастность к преступлениям. Поколение постарше помнит, конечно, знаменитый массовый митинг у Белого дома после провала ГКЧП¹, на котором наш выпускник, квумпарь, комсомольский работник с Северного флота по фамилии Ненашев, пламенно

¹ Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) – самопровозглашённый орган власти в СССР, существовавший с 18-го по 21-е августа 1991-го года. Был образован из первых государственных и должностных лиц Советского правительства, которые выступили против проводимых Президентом СССР М.С. Горбачёвым реформ.

призывал к разгону политорганов и к ликвидации политработников в Вооружённых Силах.

Что ж? Ломать – не строить. Вот и наломали. Нет больше единого и могучего Советского Союза, нет сильного Военно-Морского Флота, нет общенародной собственности, нет авторитета в мире, нет доступного бесплатного образования и здравоохранения, нет мира и согласия среди живущих на этой земле наций и народностей, нет безопасности и должной защиты от преступников и террористов... Много чего нет! В том числе, и политработников в армии и на флоте...

Ну и что, лучше стало?! А что взамен мы и видим, и ежедневно на собственной, как говорится, шкуре ощущаем?! Больно, несправедливо, обидно, да ещё как – до кома в горле!..

В начале 1990-х я часто вспоминал роман Алексея Толстого «Хожделение по мукам», где один дьячок рассказывал, как его регистрировал допущенный к власти революционный матрос, записавший: «Образование – лженаучное, сословие – жеребьячье, профессия – паразит». Судя по творившейся в те годы вакханалии – массовым сокращениям, увольнениям и пр., – сей афоризм не так уж далёк и от российской действительности конца XX века.

Опять с мыльной водой из корыта выплеснули в канаву и ребёнка. Ведь все эти люди в первую очередь служили своей стране, государству и народу, а не одной коммунистической партии, как пытаются представить некоторые. Их место не занял никто, а точнее – его заполнили бездуховность, аполитичность, корыстолюбие, национализм, индивидуализм и равнодушие.

Но не пропали, не сгинули, не сломались квумпари! Среди них и крупные политики, вплоть до лидеров фракций в Государственной Думе, и служащие разного уровня – до министров включительно, и руководители спецслужб и правоохранительных органов, и дипломаты, и известные предприниматели, и научные работники, и писатели, и артисты... Пожалуй, и нет других военных училищ, чьи выпускники были бы так хорошо адаптированы к современной жизни и столь в ней успешны. А почему? Наверно, потому, что далеко не самые плохие молодые люди поступали в КВВМПУ.

Что значило в конце 1960-х получить направление в высшее военно-политическое училище? Нужно было действительно соответствовать,

являться одним из лучших, пройти строжайший отбор через несколько фильтров: обязательны безупречные анкетные данные, хорошие оценки в аттестате, успехи в спорте, активное участие в общественно-политической жизни.

Поступить в политехникум «с гражданки», после окончания школы, очень сложно – это удавалось единицам. В основном, туда поступали солдаты и матросы, сержанты и старшины – послужившие, поносившие пороха и вполне осознанно сделавшие этот выбор, многие уже и с партийным билетом в кармане.

Конкурс 5-7 человек на место считался обычным. Тут кстати напомнить, что в те годы в большинстве военных училищ конкурса при поступлении не было вообще, а зачастую был и недобор.

И потом: кто учил и как учил! Вот здесь нам крупно повезло. Училище совсем молодое, созданное в 1967-м году в соответствии с постановлением ЦК КПСС «О мерах по улучшению партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском флоте», но и преподавательский, и командный состав подобрали в него исключительно сильный. Отсюда – высокая воинская организованность и, естественно, качество самого учебного процесса. Свою роль играло и месторасположение – красавец Киев, «мать городов русских».

Через много лет довелось услышать прибаутку: «Что такое Москва? Все знают, что это столица страны. Что такое Ленинград? Все знают, что это колыбель революции и город-музей. А что такое Киев?.. А вот в Киеве жить хорошо!» А поскольку в Киев люди стремились, отыскать на флотах лучших высококвалифицированных офицеров для службы в училище не составляло труда.

Костяком заведения стали и опытные офицеры, направленные в Киев с факультета политсостава Высшего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе в Ленинграде, – самого славного и заслуженного военно-морского ВУЗа страны, ведущего своё начало от гардемарин-Петра I. Да и с привлечением хороших гражданских преподавателей и персонала, учитывая возможности столичного города, особых проблем не возникло.

На первом курсе одним из преподавателей кафедры ТУЖЭК (теории, устройства, живучести и электрооборудования корабля) был капитан 2-го ранга Григорьев – в прошлом командир электромеханической

боевой части (БЧ-5) первой советской атомной подводной лодки¹. Так вот, одна из его любимых присказок: «Лучше ездить на «Победе» в Киеве, чем на «Волге» в Североморске!» Сказано немного цинично, но выразительно и соответствует правде жизни.

Кстати, довольно часто говорили: мол, училище военно-морское, а от моря расположено далеко, потому де настоящих моряков оно подготовить не может. Это чушь! Как будто курсанты любого из военно-морских училищ Ленинграда, или Севастополя, или Владивостока днюют и ночуют на кораблях! Да они точно так же, как и мы, живут в казармах, постигают науку на береговой учебной базе, а на кораблях бывают только в период практики. И тут хоть Киев, хоть Севастополь – без разницы: учёба и есть учёба. Что касается практики, у нас она проходила в такие же сроки и на тех же кораблях.

Военное училище – не пансион благородных девиц и не санаторий: учёба в нём тяжела и напряжённа. Это не каждому по плечу. С непривычки, особенно после школьной скамьи и жизни в семье, выдержать большие физические нагрузки, военную муштру, несение нарядов, шагистику парадов, неизбежное ограничение личной свободы, соблюдение субординации, строгую дисциплину, казённое питание, жизнь на виду в казарме, необходимость беспрекословного выполнения грязных тяжёлых работ и пр. могли не все. К вышеперечисленному надо прибавить ещё и само учение как таковое.

К примеру, мои школьные друзья окончили гражданские ВУЗы. И у них нет столь трепетного отношения к однокашникам, нет чувства локтя, нет взаимопомощи, нет дружбы на протяжении всей жизни, как у военных. Скажу больше: всё это им не шибко важно и не очень-то нужно. Их и упрекнуть-то нельзя. Да мало ли что было сорок лет назад в период учёбы в МИФИ или в ленинградском Военмехе²!.. Меня они не понимают, а точнее – воспринимают мои связи и контакты с товарищами по училищу как блажь, чудачество.

У нас, квумпарей, всё не так.

Когда, в силу не зависящих от тебя обстоятельств, ты находишься рядом с человеком круглые сутки в течение четырёх лет, вместе с ним

¹ АПЛ К-3 – «Ленинский комсомол». Спущена на воду 9 августа 1957-го.

² Балтийский технический университет имени В.Ф. Устинова («Военмех», БГТУ), Санкт-Петербург. Основан в 1871-м как училище, затем – техникум, институт – с 1930-го.

стоишь в строю, сидишь на занятиях, задыхаешься на бегу во время марш-бросков, драишь до сияния раковины в умывальнике и дучки в туалете, маршируешь на парадах, кушаешь из одного бака, спишь в одном кубрике, моешься под одним душем, справляешь естественные надобности в одном гальюне, вместе идёшь в редкое городское увольнение..., ты знаешь об этом человеке всё. Привычки, способности, характер, прошлое и планы на будущее, знаешь буквально каждую родинку на его теле. Такой человек скоро становится близким, родным. Поэтому вовсе не для красного словца мы называем друг друга братанами.

Кстати, такая жизнь очень хорошо учит терпимости, взаимоуважению, умению прощать слабости и недостатки. Отсюда и наши тесные связи, и дружба, пронесённая через всю жизнь.

В 2013-м исполнилось сорок лет нашему выпуску, третьему по счёту. Кто смог, приехал в любимый Киев. А смогли уже немногие. Пусть у всех молодые души и озорной блеск в глазах, да вот только «шкурки поизносились». Редкий месяц проходит без очередного печального известия: «в последнее плавание» ушёл ещё один из твоих товарищей... Именно поэтому хочется успеть рассказать, какими мы были, и как всё было. Рассказать, чтобы помнили.

В отдельных историях, изложенных ниже, есть элементы домысла и даже художественного вымысла, но в своём подавляющем большинстве они достоверны и имели место в реальной жизни.

Начало

Вообще-то на флоте политработников не любили: кто-то считал их не нужными на борту пассажирами, кого-то раздражала настойчивая и агрессивная пропаганда коммунистических ценностей и идеалов, уже начинавших шататься, кого-то не устраивал неусыпный партийный контроль и строгий спрос за состояние дел на порученном участке, бывало, что и сам политработник проявлял себя негативно.

Этот факт многие из нас, к сожалению, осознали лишь тогда, когда, сверкая новыми золотыми офицерскими погонами, преисполненные честолюбивых планов, получили первые назначения на корабли. И готовы к нему оказались не все (в училище нас о таком раскладе не предупреждали). Как не все сумели пройти проверку на честность,

порядочность, скромность, принципиальность. Впрочем, всё здесь глубоко индивидуально и на один аршин не меряется. Служба и жизнь во всём их многообразии, ход истории и те события, порой трагические, что переживала страна, окончательно расставили все точки над «i», показали, кто чего стоит.

Когда в середине 1990-х мне довелось работать в центральном аппарате Государственного таможенного комитета России, у нас пользовалась популярностью следующая шутка: «Почему таможенники так уважают и любят друг друга? Да потому, что больше их не любит никто!». Шутка шуткой, а доля истины в ней есть.

Объективные обстоятельства, в первую очередь – широкие полномочия при руководстве всемогущими партийными организациями, без участия которых не решался ни один мало-мальски важный вопрос, выделяли политсостав как бы в отдельный клан, причём очень сильный и хорошо сбитый внутри воинских подразделений. Даже кадровые службы у политработников были свои, не зависимые от общих управлений кадров. Конечно, некоторым это не нравилось – особенно тем, кто усматривал в сложившемся положении дел подрыг своего единоначалия. Тема эта непростая, спорная, многоплановая.

И потом, что такое «не любили»? А многие ли у нас любят, скажем, милицию-полицию, или налоговых инспекторов, или проверяющих санитарных врачей, да и тех же таможенников? Но никто не будет отрицать необходимость и полезность их труда для общества.

Так и с политработниками, которые – в большинстве случаев – выполняли чрезвычайно нужную и ответственную работу: воспитывали личный состав, спланивали воинские коллективы, стояли на страже законности и правопорядка. Хотя на каждом конкретном участке всё зависело от отдельной личности.

Вот и стали одни из них душой и совестью коллектива, настоящими инженерами человеческих душ, теми, к кому люди тянутся со своими заботами и проблемами, теми, кто готов вступить в бескомпромиссный бой за справедливость, честь и достоинство человека. А иные действительно сделались ненужным балластом, пустыми балаболами, подменившими золотой принцип «Делай, как я!» на «Делай, как я сказал!».

Были и третьи: со временем они стали подобны карающим мечам, эдаким Торквемадам¹ в погонах. Их боялись и старались держаться от них подальше, ведь в те годы не существовало ничего тяжелее партийной ответственности и вытекающих из неё последствий.

Однако и первые, и вторые, и третьи – бывшие квумпари. Они учились вместе, в одних стенах, у одних преподавателей. Только одним школа пошла на пользу, а другим – нет. Что, на мой взгляд, ярко подтверждает: для настоящей работы по обучению и воспитанию людей необходимо иметь призвание, генетическую predisposition, талант. В принципе, любому можно дать минимальный набор навыков и знаний, которого, наверное, достаточно для того, чтобы, скажем, стать инженером. Для того же, чтобы сделаться инженером человеческих душ, этого набора, конечно, мало.

Память – вещь весьма любопытная. Иногда из её потаённых уголков всплывают такие воспоминания и подробности, что и сам диву даёшься. Вот и сейчас она переносит меня в жаркое лето 1969-го...

Позади лихорадка вступительных экзаменов, перед строем уже зачитан приказ о зачислении, и нас, состоявшихся курсантов, собрали в зале клуба. Рядом сидят пока ещё малознакомые парни, с которыми мне предстоит провести ближайшие четыре года.

Молодёжь, то есть тех, кто поступил в училище с «гражданки», видно невооружённым глазом: все пострижены машинкой «под ноль» – налысо, причём добровольно. Таких – процентов двадцать, не больше. Лысым сижу и я.

Что касается остальных, в глазах рябит от разнообразия погон различных родов войск на песочного цвета гимнастёрках армейцев, от голубых форменных воротников-гюйсов флотских парней. У большей половины на погонах – сержантские или старшинские лычки. Есть в зале и человек семь сверхсрочников.

Перед нами выступают наши будущие командиры, преподаватели и, начав с поздравлений, затем малость страшат ожидающими нас трудностями и испытаниями, той ответственностью, что отныне, вместе с курсантскими погонами, ложится на наши плечи.

¹ Томас де Торквемада (исп. *Tomás de Torquemada*; 1420 – 1498) – основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании.

Меня же и страшать не надо: и без того страшно и тревожно. Однако из всего, что в тот момент происходило, на всю жизнь врезались в память слова тогда ещё капитана 2-го ранга Г. Жукова – в дальнейшем командира нашего первого курсантского батальона: «Запомните, парни: стране и её народному хозяйству всякие нужны, каждому Жоржику своё применение найдётся. Но истинная опора государства и советской власти – это ВЬ!»

Потом всех поступивших разделили на две роты. В роте – четыре класса в среднем человек по тридцать. Обе роты первого курса вошли в первый батальон училища наряду с двумя ротами третьего курса (то есть первого набора), которые ещё не вернулись с корабельной практики на Черноморском флоте.

Командиром нашей роты был назначен капитан-лейтенант Григорий Куприянович Дмитрашук, вскоре получивший звание капитана 3-го ранга. Мы тогда, конечно, и догадаться не могли, как же нам повезло.

Кэп

Хоть и прошло с той поры более сорока лет, но и сейчас он стоит перед глазами: высокий, крепкий, русоволосый. На все годы учёбы стал он для нас не просто командиром и начальником, а вторым отцом, другом, наставником, защитником, советчиком.

Если сегодня меня спросить, каким должен быть настоящий офицер, первым, о ком вспомню, будет наш командир роты, наш Кэп, как любовно мы его между собой называли. Всегда подтянутый, всегда аккуратно выбритый, всегда начищенный и отутюженный, сдержанный и немногословный, тактичный и отзывчивый. Он стоял за нас грудью, никому и никогда не давая в обиду ни одного своего курсанта. И для нас тоже было немислимо подвести нашего командира. До сих пор помню, как при каждом увольнении в город, после раздачи увольнительных записок и отпуска строя, кто-нибудь обязательно выкрикивал: «Мужики, только кэпа не подводите!».

Григорий Куприянович во всём показывал личный пример. Вот первый курс. Марш-бросок с полной выкладкой на десять километров. Пот застит глаза, противогаз бьёт по боку, автомат, ставший тяжеленным грузом, оттягивает плечо, ноги уже не слушаются и

подкашиваются, дыхалка сорвана, и меня выворачивает прямо на бегу... Рядом бежит командир роты – бежит, хотя и не обязан, а может спокойно поджидать нас на финише. Бежит и подбадривает: «Держись, родной, дыши... дыши... носом... Вот так... Немного осталось!..» Это дорогого стоит!

А вот четвёртый курс, ноябрь 1972-го, свадьба Лёни Малькова, проходившая где-то в районе Дарницы в квартире обычного жилого дома. Приглашён весь класс, но во главе стола – наш Кэп. По окончании свадьбы, глубокой ночью, он строем приводит нас в училище, а потом заботливо укладывает наши нетрезвые тела по койкам. И сам, сидя на стуле, остаётся спать здесь, в кубрике...

Примеры выдержки и самообладания, которые в дальнейшем очень пригодились на службе, нам тоже подавал командир роты.

Начало мая 1972-го, конец третьего курса, цветут зелёные символы Киева – каштаны, наш класс заступает дежурным подразделением по киевскому гарнизону. В принципе, ничего нового и необычного – заступали и ранее. Как правило, принимали участие в официальных мероприятиях (типа возложения венков к Вечному огню или какому-то памятнику) в качестве почётного караула. Но главным было наше присутствие на похоронах – в качестве того же караула, отдающего воинские почести усопшему троекратным залпом из автоматов и прохождением торжественным маршем. Киев ведь город большой, военных, в том числе отставников, много, и хоронить их положено именно так. Этим целям, в основном, и служило дежурное подразделение.

И вот – ночь, давно был отбой, большинство ребят спит, как вдруг – «Боевая тревога!!!» Ну, нас-то ничем не удивишь – все тёртые, подготовленные, почти три года службы за плечами. Споро одеваемся, получаем в оружейной комнате автоматы, выбегаем строиться на плац. Здесь уже наш комроты и дежурный грузовик с заведённым двигателем.

Инструктаж короткий:

– Сынки, я и сам всех подробностей не знаю. На заводе «Арсенал» работали «партизаны» (так тогда называли солдат, призванных из запаса на переподготовку), им или не заплатили обещанного, или недоплатили, вот они и напились да бузу в городе устроили около КПП завода: стёкла бьют, хулиганят... Милиция особенно вмешиваться не

хочет: мол, пусть военные с ними разбираются. Короче, едем туда и действуем по обстановке. Слушать мои команды и никому не высываться! В машину по одному – бегом марш!..

Подъезжаем к КПП «Арсенала» и видим: все стёкла побиты, асфальт в радиусе пятидесяти метров усеян осколками. В окнах окрестных домов горит свет, из них кое-где торчат головы напуганных жителей. Из-за угла осторожно выглядывают человек пять милиционеров с пистолетами в руках. Неподалёку лежит на боку патрульный «УАЗик». Рядом с КПП – толпа пьяных солдат, человек семьдесят. Доносится такой мат, что даже у нас «уши вянут».

Выпрыгиваем из машины. Слышим крик:

– Зырь, матросики приехали! Ничо, щас узнают, чем ж... пахнет!

Дмитращук внешне совершенно спокоен, но я вижу, как вздулась и пульсирует у него на виске артерия:

– В две шеренги становись!

Мы слаженно выстраиваемся.

– Первая шеренга – полшага вправо, вторая шеренга – полшага влево... Разомк-нись!..

Я делаю полшага вправо, стоящий мне в затылок Славка Русанов – полшага влево, и так весь строй, все двадцать шесть человек.

Следующая команда:

– Примкнуть штыки!

Срываем с плеч автоматы, с лязгом примыкаем штыки, и наш строй сразу становится похож на большого ежа, а штыки под луной сверкают весьма зловеще.

– Оружие – к бою... Заряжай!

Мы передёргиваем затворы автоматов, хотя патронов у нас, конечно, нет. Но хулиганы-то об этом не знают!..

– Медленно, вперёд, шагом ма-а-рш!

И тут... что это?!.. Такого дружного топота я ещё никогда не слышал! Через двадцать секунд у КПП не было ни одного человека, только пыль столбом. Подошли милиционеры, поблагодарили и попросили помочь поставить на колёса машину. На «раз-два» подняли её. Лишь после этого Кэп снял фуражку и вытер платком лоб. Такой вот Человек. Воистину, прямо по Лермонтову: «Слуга царю, отец солдатам...»

Григорий Куприянович был командиром нашей роты все четыре года учёбы, до самого выпуска 12-го июля 1973-го. Выпустив нас, он служил недолго: ушёл в запас капитаном 2-го ранга в 1977-м. Работал секретарём парткома киевского объединения предприятий бытового обслуживания «Свитанок». Не стало нашего Кэпа 4-го февраля 1990-го. Похоронен он в Киеве, на Лесном кладбище.

Вечная память!..

13-й класс

Моим классом был 13-й, а точнее – 113-й, где первая единица – 1-й курс, вторая единица – 1-я рота, 3 – третий класс. И так последовательно: 113-й – 213-й – 313-й – выпускной 413-й. К окончанию училища нас осталось в нём 26 человек, и мы в шутку называли себя «26 подольских комиссаров».

Первым делом нам, салажатам с «гражданки», предстояло пройти в течение примерно сорока дней «курс молодого бойца» и перед началом занятий (1-го сентября) принять военную присягу. Часть новопришедших курсантов, поступивших в училище со службы, на время этого курса стала нашими младшими командирами и инструкторами, а другая – задействована в строительных и иных работах (училищу шёл только третий год, и оно активно обустроивалось).

Для меня «курс молодого бойца» оказался очень тяжёлым, и помнится он смутно, как в тумане. Ежедневно – несколько часов строевой подготовки на раскалённом солнцем плацу. Ежедневно – подготовка физическая: бег на несколько километров, плавание (это уже полегче), гимнастические упражнения на снарядах. Ежедневно – изучение уставов: дисциплинарного, внутренней службы, гарнизонной и караульной службы, корабельного. Изучение флажного семафора. Изучение автомата Калашникова – сборка, разборка и пр.

Помню лишь то, что постоянно хотелось есть, а заснуть от усталости мог даже стоя. Вечером, после проверки, сон наступал мгновенно, едва ухо касалось подушки, и – мнилось, что буквально через минуту, – вновь звучала команда: «Рота, подъём! Выходи строиться на физзарядку!»

Правда, немного разнообразия в этот процесс внесло наше участие в подготовке к спартакиаде армий дружественных государств – стран

Варшавского договора¹, проходившей в Киеве в конце августа 1969-го. Однако оно было не очень серьёзным: сидя на трибунах, мы по команде поднимали и разворачивали перед собой разноцветные флажки, из которых в целом составлялись какие-то большие красочные картины.

К завершению курса нас вывезли на гарнизонное стрельбище, где все выполнили полагающиеся стрельбы из автомата. Я, по старанию и наивности, сразу с трёх патронов выбил зачётное число очков, о чём пожалел, потому как хитрый Володька Чичков якобы и с пяти заходов не смог выбить положенное и настрелялся всласть...

Когда «курс молодого бойца» практически был пройден, случилось ЧП. На последних строевых занятиях – репетиции церемонии приёма присяги – мне стало плохо: потемнело в глазах, и я рухнул в обморок. Испуганные ребята на руках перетащили в кубрик, обтёрли холодной водой, вызвали врачей. Доктора никакой болезни не обнаружили, но в ходе обследования поставили меня на весы и ахнули: за сорок дней я похудел на пятнадцать кило!

В итоге всё, конечно, обошлось. Но во время приёма присяги у Вечного огня недалеко от меня за строем дежурил училищный фельдшер с нашатырём. Так, на всякий случай.

Новых, ранее не знакомых, трудностей надо было преодолевать очень много. К примеру, после зачисления нам выдали так называемый вещевой аттестат. В его составе: брюки суконные чёрные, форменка суконная синяя, форменка фланелевая, форменка белая летняя, роба (куртка и брюки) синяя, бушлат, шинель, бескозырки белая и чёрная, зимняя шапка-ушанка, форменные синие флотские воротники – гюйсы, галстуки под бушлат или шинель, именуемые среди курсантов слюнявчиками и сопливчиками, синие форменные носки, прозванные на флоте «карасями», трусы синие, тельник тёплый, тельник с длинным рукавом обыкновенный, майка-тельняшка, кальсоны белые (всеми презируемый атрибут, за годы учёбы ни разу не надетый), полотенца вафельные для лица и для ног, мочалка, ботинки

¹ Варшавский договор (Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи) от 14-го мая 1955-го года – документ, оформивший создание военного союза европейских социалистических государств – Организации Варшавского договора (ОВД) при ведущей роли СССР, явился ответной мерой на присоединение ФРГ к НАТО. Прекратил существование в июле 1991 г.

хромовые, ботинки яловые, или «гады», или «прогары», плюс различная фурнитура – погончики, якорьки, нарукавные курсовые галочки со звёздочками...

А теперь представьте, что всё это нужно привести в порядок, в соответствии с уставом и правилами ношения военной формы одежды: пришить погоны, галочки на рукава и прочее! Кому-то покажется, что это элементарно. А если ты ещё никогда в жизни не держал в руках иголку с ниткой? Если сама процедура продевания нитки в ушко для тебя сродни сложному цирковому аттракциону?..

Ребята опытные, служивые, с задачей справились легко и быстро. А мы... Руки, исколотые в кровь, состояние близкое к истерике. Вот, кажется, что-то получается... Ан, нет – погон пришит криво, и всё надо делать заново. Главное здесь – терпение и упорство: сцепи зубы, сопи, злись, но продолжай. С третьей-четвёртой попытки приходит навык, иголка начинает слушаться, даже вырабатывается своя методика шитья: тот же погон, чтобы сидел ровно, сперва прихватываешь толстой ниткой по всем четырём углам, а потом спокойно пришиваешь по периметру... Элементарно – да, но это нужно выстрадать. Через год, пришивая на погон первую заслуженную лычку, а на рукав уже две галочки, вспомнишь пережитые муки с улыбкой.

Военно-морскую форму любили все: ею гордились, её берегли, за ней ухаживали и носили её с лихостью. Помню, как ребята, поступившие в училище с флота, объясняли нам, салагам, да и армейцам тоже, предназначение и историю того или иного предмета одежды.

Вот – флотские брюки. Они без традиционного гульфика, без застёжки спереди, а с клапаном, застегивающимся сбоку и откидывающимся в случае необходимости. Сразу же старшина 1-й статьи Судаков рассказывает всем, что это придумано во времена парусного флота для спокойного передвижения вдоль корабельных рей на высоте – чтобы ничего не цеплялось.

Вдруг в рассказ вмешивается балагур, в недавнем прошлом – водолаз-глубоководник, Коля Ратушняк со своей версией:

– Государь Пётр Алексеевич идёт ночью по строящемуся Санкт-Петербургу и видит: в кустах что-то белое движется вверх-вниз, вверх-вниз... Царь подходит ближе, а это матрос занимается

любовью с какой-то крестьянкой! Ну, огрел он его палкой по голой заднице да приказал изменить фасон флотских брюк, дабы впредь не позорить флот непотребным видом...

А вот форменный синий воротник – гюйс. Оказывается, три тонкие белые полоски по его периметру – три великие победы русского флота: Гангут, Чесма и Синоп.

Хотел бы ещё поведать из личного опыта о форменных повседневных яловых ботинках, которые на флоте называют «прогарами» или «гадами». Тяжёлые, сделанные из грубой кожи, с металлическими заклёпками по бокам, с кожаной лентой вместо шнурков, – казалось, они не сапожником сшиты, а вырублены топором древнего человека из камня. На вторые же сутки их ношения, после строевых занятий, ноги несчастных новобранцев, особенно пальцы и пятки, были растёрты в кровь.

Пронырливый Мишка Филаткин протоптал тропинку в училищную санчасть, раздобыв там пузырёк зелёнки и моток лейкопластыря. Вечером, перед отбоем, мы стали залечивать первые «боевые» раны... И тут подходит к нам бывалый моряк, послуживший на эсминце Северного флота, – Борис Денисов. Смотрит на наши волдыри и произносит вещие слова:

– Да-а-а, ножки-то нежные, детские ещё... Кожица мягкая, розовая... Ну ничего, помаршируете в «прогарах», покроется ступня рабочей мозолью, и всё придёт в норму. Вот как, например, у меня!..

Накаркал! Мозоли у нас образовались через месяц, а через четыре года сделались такими, что никакой педикюр не помогает. До сих пор мучаюсь и периодически поминаю «ласковым» словом как сами «прогары», так и Бориса.

И ведь что поразительно: четыре года ежедневной носки с утра до отбоя, четыре парада с двухмесячной строевой подготовкой к каждому, кроссы и марш-броски, тяжёлые физические работы, наряды... – а «прогарам» хоть бы хны!..

На второй день после выпускного нужно было подъехать в училище и получить в каптёрке у бывшего уже старшины роты Анатолия Борзова отпускные деньги, предписание о прибытии по окончании отпуска к месту службы, а также сдать остатки курсантского вещевого аттестата. И, когда я сдавал свои ботинки, обратил внимание: у

них только чуточку стоптались края каблуков, а так – как новые! Вот тебе и «гады»...

Эх, наряды...

Какая военная служба, в том числе и учёба, без нарядов, вахт, караулов? Начались они с первого дня пребывания в стенах училища и, естественно, продолжались до выпуска. Наряды, конечно, были разные, тяжёлые и не очень, но все необходимые. Самые трудные физически, самые грязные и непрестижные – на первом и втором курсах. Это настоящая школа мужества, проверка на стойкость.

Скажем, камбузный наряд. Помню, как, едва мы перешли на третий курс, Славка Маляр, будучи дневальным, забрался на подоконник и, размахивая мокрым тельником как флагом, закричал нам, стоявшим внизу на плацу в строю:

– Мужики, нет больше камбузного наряда!!! Ура-а-а!..

Мы сорвали с голов бескозырки, подкинули высоко в воздух и тоже грянули «Ура-а-а!» Наш Кэп стоял перед строем, не пресекая это нарушение устава, и улыбался.

Попавших в камбузный наряд распределяли в большую посудомойку, в варочный цех, в малую посудомойку и хлеборезку. В посудомойках, как правило, оказывалась молодёжь. Самым «страшным» местом была большая посудомойка, в которой обычно работало два человека. Для меня она стала одним из главных кошмаров первого курса, а попадал я в неё не реже одного раза в две недели.

Задача трудившихся там, понятное дело, – мытьё всей посуды после трёхкратного приёма пищи курсантами училища. Для этого в помещении оборудованы две большие, обитые железом раковины. Одна – для мытья грязной посуды, другая – для ополаскивания. Вдоль стен размещались огромные стеллажи – на них ставилось вымытое.

Рабочие посудомойки передевались в какие-нибудь старые штаны, на голый торс надевали прорезиненные фартуки. На ногах – родные «прогары». Из подсобных материалов – тряпки, которые мгновенно пропитывались жиром, сухая горчица в пачках или сода.

Поступавшую в приёмное окошко посуду сначала очищали от пищевых отходов – их сбрасывали в специальные лагуны. Отходов выходило много, особенно когда готовили перловку или пшёнку, чуть

поменьше – когда на столы шли картофель, рис или гречка. Первого блюда тоже всегда оставалось изрядно. Заполнившиеся доверху лагуны с помоями надо аккуратно, чтобы не расплескать (за что от шеф-повара можно и по шее получить!), вынести на хозяйственный двор и перелить в большие железные бочки, которые отвозили в подсобное хозяйство училища в Лютеже¹ – на корм свиньям.

Процесс мытья выглядел так. Будь то бачок, миска или чайник, они сперва попадали в раковину, заполненную почти кипятком с растворённой в нём горчицей. Здесь их драили с помощью тряпки. Затем посуду перебрасывали в раковину с более прохладной водой для ополаскивания, а оттуда – на стеллажи для просушки.

Вода в раковинах, естественно, очень быстро становилась грязной и жирной, её приходилось периодически менять. Полностью отмыть жир было невозможно, это не удавалось никому и никогда. Однако и оставлять его нельзя, поскольку в посудомойку могут наведаться твои же товарищи или – что ещё хуже – старшекурсники со следами твоего брака на бачке или миске... Нет, никакого рукоприкладства не существовало, но выскажут тебе такое и так, что на всю жизнь запомнишь!..

А теперь представьте себе объём работы. В общей столовой питалось три курса. Каждый курс – две роты, в каждой роте – в среднем 120 человек. За столами – по 10 человек. На стол ставили: бачок с первым блюдом, бачок со вторым, чайник с компотом, 10 глубоких мисок, 10 мелких мисок, 10 кружек, 10 ложек, 10 вилок, тарелку с хлебом, тарелку с закуской, прибор для специй...

Простой арифметический подсчёт показывает: два посудомойщика после каждого обеда или ужина отмывали, как минимум, 144 бачка, 1440 мисок, 72 чайника, более 3000 ложек, вилок, ножей и прочего.

Это, наверно, походило на муки в преисподней: пар клубами, всё в липком жире, жиром постепенно покрываются тело, волосы, кажется, что он проникает даже под кожу, жутко «благоухают» пищевые отходы, мутно мерцают сквозь пар лампы освещения, в ушах непрекращающиеся лязг и журчание... Прямо хоть к Босху на гравюру!..

¹ Лютеж (укр. Лютіж) – село, входит в Вышгородский район Киевской области Украины. Расположено на берегу Киевского водохранилища. Там же располагались летний лагерь и учебная катерно-шлюпочная база КВВМПУ.

Грязную посуду после обеда едва успевали домыть к ужину, а после ужина – и к отбою не всегда укладывались. Уставали так, что иногда валились на койку в кубрике лицом вниз, не имея сил раздеться.

Второй по степени тяжести на камбузе – варочный цех. Здесь рабочий был на постоянных вводных и побегушках: подай, принеси, вынеси, вымой котёл, нарежь овощи и так далее. В варочном царствовал шеф-повар Лебедько Николай Андреевич (или просто Андреич) по кличке Косой. Говорят, его привёз за собой в Киев первый начальник училища капитан 1-го ранга Фёдор Филимонович Турчин. Андреич был мичманом, правда, в форме мы его практически никогда не видели – всё время в белом поварском костюме и в колпаке. Он, действительно, сильно косил на один глаз. Ходили слухи, что Андреич даже успел повоевать и матросом в войну служил на катерах Черноморского флота.

Камбузный наряд шеф-повар гонял беспощадно. Точно не помню, но, по-моему, наш курсант Валерий Перепелицын на мотив модной тогда песенки сложил куплеты, которые мы распевали: «Рабочий варочного, рабочий варочного, тебя Андреич мыть котёл зовёт и отдохнуть тебе, как полагается, косой м...к минуты не даёт! Рабочий варочного, рабочий варочного, вари, тащи и подавай обед. Рабочий варочного, рабочий варочного – страшнее слов на белом свете нет! Вспомнятся мне годы молодые, вспомнится мне камбузный наряд, и слова шеф-кока в белых брюках до сих пор в ушах моих звучат: рабочий варочного...».

В 2003-м, на 30-летие нашего выпуска, в элитном ресторане на Старой площади¹ собрался наш «московский куст» квумпарей, подъехало и несколько питерцев. Так мы там эти куплеты хором спели – никто не забыл!..

Тяжкие будни варочного цеха скрашивало присутствие в нём молодой поварихи Гали, нанявшейся на работу практически одновременно с нашим поступлением. Как на грех, она тоже косила, но совсем

¹ **Старая площадь** – площадь в восточной части Китай-города в Москве. Фактически, закрытая для автомобилей улица от площади Ильинских Ворот до площади Варварских Ворот. В разговорной речи – синоним высшего руководства: в советский период в доме № 4 по Старой площади располагался Центральный комитет КПСС, в настоящее время это же здание занимает Администрация Президента Российской Федерации.

немного, и получила кличку Галка Косая. Была она крепко сбита, фигуристая, грудастая и... не самых строгих правил. Может, потому так ни за кого в училище замуж и не вышла, что со слишком многими любезничала.

Чуть легче работалось в малой посудомойке: там крутилась посуда, положенная исключительно выпускному курсу. Четвёртый курс питался в двух отдельных залах, уже за столиками на 4-х человек, вместо алюминиевых мисок и эмалированных кружек им полагались миски из нержавеющей стали и кружки – фарфоровые. Что, конечно, правильно и мудро, поскольку без пяти минут офицерам было необходимо овладеть навыками поведения за столом и общения во время приёма пищи (а кому-то – просто вспомнить эти навыки). Ведь впереди большинство из них ждали кают-компании кораблей... Перемыть 200 комплектов нержавеющей стали уже не так сложно, а по времени это занимало два-три часа после каждой еды.

Самая лёгкая – работа в хлеборезке. Нарезать хлеб, отмерить и порезать масло, отсчитать в каждую тарелку на стол положенное число кусков сахара. Вот, в принципе, всё. Но молодёжь в хлеборезку, увы, не попадала. А заведовала ею фигура довольно колоритная – женщина лет тридцати, с ярко-ярко нарумяненными щеками, всегда в цветастых коротких платьицах и с огромным, как у первоклассницы, бантом на голове. Хорошо помню, как она приходила на работу с вафельным стаканчиком мороженого, не спеша лизала его и плотоядно разглядывала маршировавших мимо курсантов. Мы все её почему-то не любили.

Макс

Тот, кто нёс камбузный наряд, прежде чем попасть на камбуз, обязательно проходил малоприятную, но необходимую и безболезненную процедуру – так называемую «сдачу посева» на бактериологическое исследование. Думаю, почти все знают, что это такое... Однажды при этом случился курьёз из разряда «курсантских шкод», которых за годы учёбы было немало.

Дело в том, что как раз в это время производилось расселение двух жилых домов по улице Волошской для передачи зданий и территории училищу. В конце второго курса наш батальон перебрался в

отремонтированные помещения, а кубрик на третьем этаже стал нам родным домом до самого выпуска. Кстати, на Волошскую переехала и училищная санчасть.

Освобождённые от жильцов дома требовалось привести в порядок, и нас периодически отправляли туда на работу. Мы выносили строительный мусор и кучи ненужного хлама, брошенного бывшими обитателями. И чего там только не осталось: и ветхая мебель, и кипы газет и журналов, и посуда, и масса старых детских игрушек. Многие тогда заметили большую и очень красивую куклу с оторванной рукой. Кукла при наклоне умела произносить какие-то слова, закрывая и открывая огромные голубые глаза с длинными чёрными ресницами...

В санчасти идёт процедура взятия посевов у камбузного наряда. Человек двадцать ожидают очереди нагнуться и раздвинуть ягодичы. Дело доходит до весельчака-киевлянина Володи Максимочкина – Макса. Он наклоняется... Молодая медсестра с намотанной на тонкую палочку ваткой вдруг издаёт тонкий и долгий визг: «И-и-и-и!!!..» На крик в процедурную влетает всеми любимая врач Ленина Михайловна Гензик, смотрит «туда», а «оттуда» – на неё не моргая глядит большой голубой глаз с длинными ресницами.

– Тыфу, балбес здоровый... А ну давай, доставай!..

Макс, Макс... Ты всегда был инициатором всяческих проказ, сохранял чувство юмора даже в сложных ситуациях, когда всем не до смеха. Высокий, худой, но жилистый и мускулистый, хороший спортсмен. Таким ты и остался в памяти, став одной из первых наших потерь.

По выпуску он попал на один из больших противолодочных кораблей в Североморске, но послужить успел совсем недолго. Как-то вечером, вернувшись на корабль с берега, лёг спать в каюте, а наутро сослуживцы нашли в постели его окоченевшее тело. Остановка сердца. Смерть дикая и нелепая, но такая, видать, судьба...

За каждой курсантской ротой на камбузе закрепляли свою официантку из наёмного гражданского персонала. Все четыре года нашей официанткой была Нина Павловна – полная женщина лет сорока пяти с добрейшей душой. Всех нас она знала по именам, но обычно называла «зятьками». Она хорошо изучила наши вкусы и всегда старалась чем-то угодить, сделать приятное. Например, увидев, что я люблю гречневую кашу, Нина Павловна ставила на наш стол

дополнительную миску, а сверху клала салфетку, на которой писала: «Гречка для Гречки».

Молодые официантки долго у нас не задерживались – наверно, слишком много было у них соблазнов. Вторую роту одно время обслуживала некая Наташа, но у неё быстро закрутилась любовь с нашим курсантом. Всё кончилось тем, что вечером, в каком-то тёмном камбузном закоулке, влюблённых застукал дежурный по училищу, и Наташа вылетела с работы. Правда, у этой истории было продолжение, потому как её героиня устроилась в вагон-ресторан поезда «Киев – Севастополь», и наши ребята, следовавшие в том направлении, скажем, в отпуск или на практику, имели в поезде самый тёплый приём...

А вот у второго выпуска официанткой работала Бэла – женщина лет тридцати, статная, огненно-рыжая и строгих правил. На втором курсе произошёл забавный случай. Я закончил работу в малой посудомойке и решил ополоснуться в камбузном душе. Душевых кабинок, отделённых друг от друга тонкими перегородками высотой в пару метров, всего три. Как на грех, все оказались заняты. Стою, жду, когда какая-нибудь освободится. Вдруг раздаётся возмущённый крик:

– Ах ты, бесстыдник! Да чтоб у тебя глаза повылазили! Да я тебе сейчас яйца оторву!..

Дверь одной из кабинок распахивается. С видом нашкодившего кота, лихорадочно блестя глазами, из неё пулей вылетает мокрый Слава Романов. Прносясь мимо меня, успеваешь бросить задыхающимся голосом: «Титьки – во такие!» и делает характерный жест.

Через несколько секунд из другой кабинки выскакивает красная, разъярённая, полуодетая Бэла:

– Где этот поганец? Ах, извращенец паршивый! Я его всё равно поймаю!..

Поймала или нет, до сих пор не знаю.

Бедные кролики

Каждую осень в училище проводили кампанию по заготовке овощей на зиму: на колхозные поля несколько раз в неделю на огромных «Уралах» с прицепами выезжала курсантская бригада. Руководил ею начпрод майор Ткаченко.

Ездили далеко, километров за сто пятьдесят. Дорога в колхоз занимала более двух часов, а обратно, с грузом, и все четыре. Возвращались глубокой ночью.

Потом наш Андреич квасил капусту, засаливал огурцы и помидоры. Главным же заготавливаемым овощем, конечно, была картошка.

Попадал в состав этих бригад и я с друзьями. Тогда произошла история, которую товарищи мне ещё долго припоминали.

Прибыв на место, все обычно отправлялись работать в поля, где, следуя за комбайном, выбирали картофель, складывали в мешки и забрасывали в грузовики и прицепы. Работы много, в лучшем случае, заканчивали её не раньше семнадцати часов, трудясь без перерывов на обед и перекуров. Одного человека мы оставляли в походном лагере под открытым небом – для приготовления пищи.

С собой нам выдавали сухой паёк, состоявший из хлеба, тушёнки, чая и сгущённого молока. А дармовых овощей было под ногами в избытке. Оставленный кашевар к окончанию работ готовил два блюда. В огромном котле делал своеобразное рагу из большого количества картошки, капусты, моркови с добавлением всей тушёнки из банок. Потом эта вкуснотища томилась под крышкой на малом огне. Во втором котле требовалось заварить крепкий чай и влить в него сгущёнку.

Но была ещё одна задача, о которой знали все, но широко её не афишировали. Что такое в середине октября провести целый день в поле? Грязь по колено, холодный ветер, морозящий дождь и влага, пропитывающая всю одежду. Уставали сильно, промерзали до клецанья зубами. Поэтому, кроме приготовления еды, оставшемуся на хозяйстве полагалось раздобыть в селе самогон. Граммов по двести на человека. Для чего все мы сбрасывались по пятьдесят копеек. Это, конечно, нарушение устава и нехорошо, но многих самогон спас от тяжёлых простуд и воспалений.

И вот, в одну из поездок мы, наработавшись, наконец-то расположились вокруг костра, выпили из кружек свою дозу вонючего, но в данной ситуации целебного зелья. Потом от души поели аппетитное рагу, запили горячим чаем со сгущёнкой и начали собираться в обратную дорогу.

Уже сильно стемнело. К майору Ткаченко подошла группа колхозников. Они стали просить довести их до Киева: утром продать на

рынке какие-то продукты с личных подворий. Ткаченко им, понятно, не отказал, и они погрузили свои пожитки в кузова машин. Тронулись в сторону города. От самогона и обильной трапезы всех начало клонить в сон. Тяжело гружёные автомобили с прицепами ехали медленно, убаюкивая.

Мы прикинули, что таким темпом ехать часа четыре, не меньше. Тогда я пролез в самую глубину кузова, почти к водительской кабине, чтобы устроиться вздремнуть. Там лежал один из мешков наших попутчиков, в котором шевелились мягкие тёплые кролики. Я прижался к ним, пригрелся и крепко заснул...

Проснулся уже в Киеве – от того, что кто-то запустил мне в ногу картофелиной и произнёс:

– Эй, Алёна, просыпайся!.. Подай, там где-то есть мешок с кроликами!..

Я стряхнул с себя остатки сна и, к своему ужасу, обнаружил, что лежу на мешке, но только кролики в нём холодные и не шевелятся... Подав мешок, я тут же застучал в кабину водителя и жестами показал ему: мол, трогай, трогай быстрее...

Наверно, месяца два после этого ребята звали меня «Алёна – душитель кроликов». Столько лет прошло, а перед теми колхозниками до сих пор стыдно!..

А ещё был такой, тоже вроде наряда, вид работ на камбузе: дежурное расходное подразделение. На него заступали классами первый, второй и третий курсы примерно по разу в месяц. Главная задача подразделения – чистка овощей на следующий день. Что означало: к концу самоподготовки – к 21.00 – нужно явиться на камбуз, получить ножи и перечистить все овощи.

Хорошо, когда в меню не было картошки на обед или ужин. Тогда приготовленная для чистки гора картофеля – маленькая, всю работу можно успеть завершить хотя бы к полуночи. А вот если в меню картошка... Тогда и до трёх ночи не уложиться! Имевшаяся в наличии стационарная электрическая картофелечистка, как правило, была неисправна. Но даже и после неё приходилось вручную вычищать «глазки» у каждой картофелины. Когда же приступали к репчатому луку, у всех в три ручья текли слёзы, как ни смачивай нож в воде. Ночью, за работой, всем страшно хотелось есть. Иногда удавалось

раздобыть немного чёрного хлеба с солью, и все дружно хрустели луком, пока он не становился поперёк горла.

Случается, те, кто мало меня знают, увидев, как мою посуду или чищу овощи, от удивления округляют глаза: откуда, мол, такое мастерство и такие профессиональные навыки?

Челюсть

Эта история произошла в начале третьего курса – осенью 1971-го. Военно-морское училище в Киеве, естественно, было одно, и квумпарей в городе любили и привечали. Редкое увольнение проходило без того, чтобы Кэп не объявлял о полученных приглашениях на какие-нибудь вечера отдыха или студенческие огоньки в различных ВУЗах, техникумах и других заведениях. Так и в тот раз: человек семь из нашего класса отправились на огонёк, организованный в столовой мединститута.

Вечер почему-то не задался. Чопорно сидели за столами, пили плохо заваренный чай с пирожными, нехотя участвовали в каких-то нехитрых конкурсах. Для поднятия тонуса выгребли все копейки, у кого что было в карманах. Витя Авдонин (Фима) сбегал в ближайший гастроном и купил две бутылки портвейна. Чтобы спокойно распить их, мы нашли пустую незапертую аудиторию на втором этаже здания. Когда дело было закончено, осмотрелись и увидели стоявший в углу скелет...

Что делает нормальный пацан (а мы ведь, по сути, были ещё пацанами!), увидев скелет? Он втыкает ему в зубы папироску, а на череп надевает кепку, ну а в нашем случае – бескозырку.

Подурочившись таким образом, вернулись в столовую. Вечер сразу пошёл интереснее, начались танцы, знакомства с девушками... К положенному времени, без замечаний, все вместе прибыли из увольнения и легли спать.

На следующий день, после занятий, когда до обеда остаётся минут двадцать свободного времени, отзывает меня в сторонку Фима:

– Смотри!

Гляжу, а у него в руках – челюсть. Явно от вчерашнего институтского скелета.

– Ну и какого... ты её спёр?!..

– Да и сам не знаю... Чёрт попутал!..

– А дальше что?..

– Есть план...

На камбузе завершается подача обеда: подвахтенные дневальные, под руководством ротных официанток, разносят по столам горячие баки, над которыми поднимаются клубы пара.

Мы с Фимой, как два диверсанта, пробираемся в столовую и, уловив момент, когда из соседнего обеденного зала первого курса и дневальный, и официантка уходят, бросаем челюсть в бачок с первым крайнего стола – хорошо видно нам из нашего зала. Челюсть только булькнула и скрылась в глубинах борща под слоем плававших на поверхности капусты и комбижира. Мы же, как ни в чём не бывало, выбежали на училищный плац, где вскоре началось построение на обед.

Минут через пятнадцать, обедая, мы с Фимой украдкой наблюдаем за соседним залом. Вот разложили по мискам первое... Пока тихо... Вот стали кушать... Вдруг раздаётся громкий возглас: «А-а-а!» И мы видим полные ужаса взгляды первокурсников, прикованные к миске однокашника... Кому-то делается плохо, и он, зажав рот, выскакивает из-за стола и бежит к выходу... В соседнем зале, как морской прибой, нарастает глухой ропот: какое-то «У-у-у...» Слышны выкрики: «Где дежурный?! Андреича сюда!»

Нам с Фимой уже не до смеха – дело пахнет жареным.

Появляется дежурный по училищу, заглядывает в миску, и, видимо, ему тоже становится нехорошо: он бледнеет...

И тут в зал, в белых штанах и высоком поварском колпаке, входит Андреич. Смело протягивает руку, вынимает челюсть из миски, с неё свисает капуста и капает борщ. Первым делом Андреич достаёт спички, зажигает одну и начинает подпаливать челюсть с краю. Повисает зловещая тишина. Такая, что слышно, как в стекло бьётся случайно залетевшая муха... Андреич принохивается к дыму, затем берёт край челюсти на зуб, прикусывает и изрекает:

– Та це ж пластмасса!

У-у-ф...

Потом было, конечно, и расследование. Шутника искали активно. Думаю, если бы нас поймали, запросто могли выгнать из училища. Но нам повезло...

Фима

Эх, Витька, Виктор Авдонин, а для нас – Фима...

Коренной одессит, среднего роста, темноволосый, худощавый и подвижный, как ртуть, он был душой класса. Верный и надёжный друг, заводила во всех наших начинаниях в редкие минуты отдыха, бескорыстный, готовый поделиться с товарищем и последней сигаретой, и последним рублём... Его особый одесский говор, шутки, розыгрыши вносили что-то очень доброе и светлое в наш достаточно суровый быт. Фима отлично пел под гитару. Нельзя сказать, что обладал сильным, хорошо поставленным голосом, однако хрипловатость и неповторимые интонации этого голоса завораживали. Так пели Утёсов, Бернес и Азнавур – от сердца.

На четвёртом курсе, осенью 1972-го года, даже произошла такая история. На одной из улиц Подола, недалеко от училища, был ресторан «Хвиля» («Волна»).

Рестораны мы практически не посещали: мягко говоря, нам это не рекомендовалось, да и средствами на это не располагали. Выход в город у выпускного курса – свободный, по так называемым «аусвайсам» – запаённым в пластик удостоверениям, подтверждающим наше право находиться за пределами КВВМПУ в будние дни. В принципе, выходить мы могли по окончании самоподготовки, то есть с 21.00, но при необходимости и раньше. И вдруг Фима пригласил нас, группу однокашников, в «Хвилю» к 20.00, предупредив, чтобы о деньгах мы не беспокоились – дескать, он угощает.

К назначенному времени пришли в ресторан, где уже ждал накрытый стол. Быстро расселись и с молодым аппетитом стали уплетать выставленные закуски. Тут на ресторанной эстраде появился небольшой оркестр, заиграла музыка, и на сцену вышел... наш Фима!

Он спел «Шаланды, полные кефали...», весь зал взорвался аплодисментами. Потом были и «Поспели вишни...», и «Без Подола Киев невозможен...», и «У нас в Одессе это не едят...», и «Друзья, купите папиросы...»... Зал неизменно долго и бурно аплодировал, а кто-то уже сбегал к эстраде с купюрами в руке, чтобы заказать любимую песню.

И ведь что выяснилось?! Пару дней назад Фима гулял с какой-то девушкой по парку. Им встретила целая компания её однокурсников

с гитарой. Фима, сидя с ними на лавочке, исполнил несколько песен. Рядом случайно оказался директор «Волны». Он-то и предложил Авдонину три раза в неделю выступать в ресторане, посулив за это хорошие деньги. От денег Фима отказался, однако договорился, что для его друзей в дни выступлений будут накрывать стол с закусками и горячим блюдом, но без спиртного.

В тот день триумфально прошло первое Фимино выступление, ставшее, к сожалению, последним.

Примерно через час к нам тихонько подошёл официант и украдкой показал на столик, за которым сидели два майора и подполковник – армейцы. Он предупредил, что один из майоров только что звонил в комендатуру и вызвал в ресторан патруль. Естественно, мы сгребли Фиму в охапку и быстро ретировались. На этом его сольная карьера закончилась, ибо молва о выступлениях курсанта училища в ресторане ничего доброго Авдонину не сулила.

Отец Витьки – известный лётчик, генерал авиации, поэтому вскоре после выпуска Авдонин перевёлся в ВВС. Понятно, что при таком раскладе служить он попал в Германию. С должности замполита батальона аэродромного обеспечения и в звании капитана Фима поступил на педфак академии имени Ленина. Я тогда тоже учился в ней, только на факультете заочного обучения по военно-морской специальности, и мы общались ежегодно – во время моих приездов в Москву на сессию.

По окончании академии Фима остался в столице преподавателем в одном из ВВУЗов¹, женился, у него родился сын. Вроде бы всё хорошо – живи и радуйся. Однако сгубила его распространённая страсть: не мог он отказаться от рюмки. В итоге – уволился в запас подполковником, семья развалилась, работал сторожем на автостоянке.

Последний раз мы виделись в июле 2003-го, когда живущие в Москве однокурсники собрались на 30-летие выпуска. На встречу он приехал уже хорошо поддатый. Увидев меня, кинулся обниматься и буквально запрыгнул мне на руки. Я поднял его на вытянутых руках, одновременно и поразившись, и ужаснувшись: он был лёгкий как пёрышко.

– Фима, ну ты что, дотерпеть не мог?

¹ ВВУЗ – высшее военное учебное заведение.

– Извини, Алёнушка, не могу, – ответил он и заплакал, уткнувшись мне в шею.

К середине вечера Фима напился. Он вышел на середину зала и начал медленно танцевать. Это был какой-то страшный танец – танец-гротеск, танец-китч. Затем сдёрнул с себя потрёпанный коричневый вельветовый пиджачок и принялся крутить его над головой. Потом ушёл в пустой угол зала, сел на стул и заснул.

Вскоре его не стало. Мы узнали об этом слишком поздно и даже не проводили Фиму в последний путь.

Да, «злодейка с наклейкой» погубила многих.

Во второй роте нашего курса учился Сергей Проскурня – отличник, передовик, активист. Ему прочили большое будущее. А в итоге на Северном флоте, по-моему, не дослуживши и до звания старшего лейтенанта, он был за пьянство уволен в запас и почти сразу умер.

Или, из этой же второй роты, прекрасный парень Коля Гавриленко. Одним из первых наших выпускников его наградили на Северном флоте орденом «За службу Родине в ВС СССР»¹ III-й степени. Он тоже покатился по наклонной, потерял семью, опустился и рано ушёл из жизни.

Дневальство

Разновидностью суточного наряда, который мы несли все годы учёбы, было дежурство по роте. Наряд не самый тяжёлый, но муторный.

В него заступали четыре человека. Как правило, кого-то из старшин назначали дежурным. Его главным атрибутом был большой морской палаш в чёрных, выдавших виды ножнах, болтавшийся сбоку. Дежурный отвечал за поддержание порядка в ротных помещениях и на закреплённой территории, а также за соблюдение распорядка дня.

Дежурному по роте подчинялись трое дневальных: они по четыре часа каждый выстаивали на самом видном и проходном месте – обычно у входа в ротные помещения, рядом с тумбочкой, на которой стоял телефон.

¹ Орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» – советская воинская награда. Имел три степени. Награждение орденом I степени было произведено всего 13 раз, что делает его самым редким орденом СССР – более редким, чем орден «Победа».

Задачи дневального у тумбочки: следить за порядком, при появлении начальников подавать команду «Смирно! Дежурный на выход!», громко объявлять о построениях, вечером выкрикнуть долгожданное «Рота, отбой!» и потушить свет в кубриках, утром же – громким и как можно более противным голосом проорать «Рота-а-а, по-о-одъём! Выходи строиться на физзарядку!»

Правда, к третьему курсу мы дружно договорились не травмировать нежные заспанные души товарищей и подавать эту команду негромко и ласково: «Роточка, подъёмчик, родная... Просыпайтесь потихонечку и на зарядочку выходим». Стало куда приятнее.

Из вооружения дневальному у тумбочки полагался штык-нож, висевший на ремне рядом с бляхой. Наш легендарный ротный штык-нож был не от автомата Калашникова, закреплённого за каждым курсантом и вписанного в военный билет, а от какого-то невероятно древнего карабина: длинный и узкий, весь покрытый боевыми зазубринами, в старых потёртых стальных ножнах. И чего только им не делали: и в цель безуспешно метали, и консервные банки вскрывали, и хлеб с колбасой резали, и гвозди забивать пытались...

Дневальные, сменившиеся «от тумбочки», считались подвахтенными. Их задачей было поддержание порядка в ротных помещениях – кубриках, коридорах, умывальнике, туалете. Ещё они помогали ротным официанткам: перед каждым приёмом пищи носили бачки с едой от раздаточной к столам.

Подвахтенные дневальные были главной «мишенью» старшины роты Анатолия Борзова. Он просто патологически не выносил одного вида ничего не делающего дневального и всегда выдумывал для него какую-нибудь работу. В очередной раз помыть и без того сияющие полы коридоров, надраить до золотого сияния соски кранов в умывальнике, с помощью специальных широких палок довести до идеального состояния и так хорошо заправленные койки.

Сами же дневальные тихо и безнадежно его ненавидели, стараясь где-нибудь «зашхериться» и урвать энное число минуток для вожделенного сна – «похрючить», если по-нашенски. Тут им лучше всего подходила стоявшая за трёхстворчатым казённым шкафом, в котором на плечиках висела наша парадная форма, койка Алексея Халдушкина. Правда, самому Лёше это очень не нравилось.

Дневальными по роте заступали все курсанты по графику с периодичностью один раз в две недели. Наиболее неприятными были наряды, выпадавшие на выходные и праздничные дни, когда твои товарищи, надраенные и начищенные, выходили в город, получив увольнительные записки. Безмолвно страдая от своей горькой участи, ты, стоя у тумбочки, рисовал в воображении красочные картины их прогулок по Киеву, развлечений, знакомств с девушками... Утешало одно: в следующий выходной на этом месте будет стоять кто-то другой.

Дневальство, как, впрочем, любой наряд, несколько выбивало из учебного графика, поскольку по объективным причинам дневальный отсутствовал на лекциях, которые специально для него потом никто не повторял. Что особенно ощущалось в период сессий, когда и так не хватало трёх-четырёх дней, отпущенных на подготовку к очередному экзамену. Хотя дневальный мог, улучив момент ночью или в часы, когда вся рота на занятиях, почитать учебник или конспект. Во время же камбузного наряда это абсолютно исключалось.

Были у нас и те, кто нёс дневальство значительно чаще других, – в силу определённых обстоятельств. В нашей роте таких оказалось двое: Георгий Голенко, или Жора, и Сергей Бородавка, или Бородавка-справка, или Буля.

Они всегда стояли дневальными, пока остальные отбивали себе ноги на изнурительных двухмесячных подготовках к параду, и в праздничные дни, когда проходил сам парад, и когда мы участвовали в каких-то строевых мероприятиях вне стен училища. Это происходило потому, что поставить их в общий строй было нельзя.

Жорик

Итак, Георгий Голенко. У любого, кто видел Жору впервые, возникал вопрос: «А что делает этот мальчик в военном училище?».

Небольшого роста, щуплый, с торчащими из-под бескозырки большими ушами, с сильно выкаченными водянисто-голубыми глазами, весь в угрях и красных прыщиках.

Беда в том, что Жорик не только был неразвит физически, но у него ещё и абсолютно отсутствовала координация движений. Это стало понятно при прохождении «курса молодого бойца». Сколько с ним

ни бились – и старшины, и однокашники – всё бесполезно. Его тело не слышало команд, посылаемых мозгом, и поэтому, вопреки общеизвестному правилу строевой подготовки, когда со взмахом правой руки должна подниматься левая нога, руки Жорика могли двигаться лишь одновременно, в паре. Создавалось впечатление, что он имитирует катание на лыжах, а не идёт строевым шагом. Исправить это было невозможно. Мало того, вскоре выяснилось, что у Жоры, пусть и не часто, но случаются припадки, похожие на эпилепсию.

Понятно, что такой парень не мог так просто поступить в училище, и все знали: его отец – очень большой начальник в городе Николаеве, но какой именно, для всех осталось секретом. Жора эту тайну хранил свято, ни разу не расколовшись, как бы у него её ни выпытывали.

Впрочем, все относились к нему хорошо, поскольку был он безобидным, добрым, нежадным. Все понимали: бесполезно требовать от человека то, что он в принципе не в состоянии сделать.

Жорик вечно попадал в какие-то истории, как комичные, так и не очень. Случай, который произошёл с ним у меня, до сих пор вспоминаю с пробегающим по спине морозцем.

Весной 1970-го года, в конце первого курса, я отправился в городское увольнение один. Так сложилось, что друзья по разным причинам в город выйти не могли. Ближе к вечеру ноги привели меня в парк на Владимирскую горку¹. Там, на аллее, недалеко от знаменитой танцплощадки, именуемой киевлянами «Жаба»², я встретил Жору. Дальше гуляли вместе и дошли до колеса обозрения. Решили прокатиться, тем более что на колесо курсантов пропускали бесплатно. Мы сели в открытую кабинку, набросили на крючок лёгкую цепочку, якобы закрывающую вход-выход, и наша кабинка стала не спеша подниматься на высоту. Когда были уже достаточно высоко, случилось страшное.

Жора вдруг побледнел, выгнулся дугой, затрясся, начал махать руками и сучить ногами, на его губах выступила пена, изо рта обильно потекла слюна. Его бескозырка слетела с головы и спланировала на

¹ Владимирская горка (укр. *Володимирська гірка*) – парк в Киеве площадью 10,6 га, заложенный в середине XIX века.

² «Жаба» – происхождение этого названия установить не удалось.

землю. Он бился в приступе в нескольких сантиметрах от тонкой цепочки, за которой зияла бездна...

Честно говоря, я и сам высоты побаиваюсь: не могу смотреть вниз – начинает кружиться голова. До сих пор не пойму, как мне удалось в тот момент перебраться на сторону, где бился в припадке Жорик. Я крепко обхватил его сзади, со спины, заблокировав машущие руки, – сомкнул свои на его груди в борцовский замок. Ноги Жоры выписывали кренделя, а голову мотало так, что затылком он сильно разбил мне верхнюю губу. Кровь стала капать на белую форменку, моя бескозырка тоже полетела вниз.

Персонал аттракциона и отдышавшие в парке люди, поняв, что наверху происходит нечто неординарное, столпились под колесом, что-то кричали и размахивали руками.

Мне тогда показалось, что через целую вечность, хотя фактически, видимо, минуты через две, наша кабинка опустилась к земле. Колесо остановили, мне помогли вытащить Жору и положить на лавочку. Вскоре он пришёл в себя. Вероятно, так на него подействовала высота, иного объяснения происшедшему у меня нет. Немного посидев, мы пошли в училище – всё равно увольнение было испорчено: моя белая форменка закапана кровью, да и Жора во время приступа весь перепачкался.

Учился Голенко, конечно, слабо и, когда все радостно отправлялись домой в долгожданный курсантский отпуск, задерживался в стенах училища для пересдачи того или иного предмета. Однако училище он всё-таки окончил, получив вместе со всеми диплом, погоны и кортик.

Распределён он был поближе к дому – на Черноморский флот, но прослужил недолго – буквально месяц-два. Я потом пытался его отыскать, расспрашивал наших черноморцев, но никто ничего не знал. Никаких его следов не нашлось и в Интернете...

Иногда, если хочется развееселиться, вспоминаю одну историю, произошедшую с Голенко во время его дневальства.

На третьем курсе мы проходили так называемую шлюпочную (или катерную) практику. Нас вывезли в летний лагерь училища, в Лютеж, в лес рядом с Киевским морем. Место сказочное: красные от земляники поляны, пустынные песчаные берега водохранилища... Целые

дни курсанты проводили на свежем воздухе: орудовали тяжёлыми вёслами на шестивёсельных ялах, учились ходить под парусами, управляли катерами, вязали морские узлы и т.п. Погода стояла чудесная, за три недели все загорели, как на курорте, наплавались, окрепли.

Лагерь тогда ещё строился. Мы жили в большой сборно-щитовой казарме, питались под открытым небом из полевой кухни, умывались из висевших на деревьях рукомойников. Туалет тоже был соответствующий – деревянный лёгкий сарайчик, поставленный на вырытый в земле глубиной метра в полтора ров. Внутри сарайчика – помост, в досках которого вырезано четыре или пять круглых отверстий. Полагаю, всем понятно их предназначение. Этот туалет был один и для курсантов, и для офицеров. Иногда делалось даже как-то неудобно: заходишь по нужде, а на помосте в «позе орла» сидит твой командир батальона, капитан 1-го ранга. Конечно, что естественно, то не безобразно, но тут с чувством «естественности» было несколько затруднительно.

В летнем лесном лагере тоже несли дежурства по роте: у тумбочки в казарме стояли дневальные. Голенко дневалил чаще всех, что вполне объяснимо: не мог он совладать с тяжёлым веслом яла, которое надо ворочать обеими руками, а на завершающем этапе гребка сильным рывком как бы выбрасывать из воды. В первые дни практики, когда учили гребле, Жора был вместе со всеми, на своём месте в шлюпке. Но потом начались дальние походы на вёслах и шлюпочные гонки, а с этим он уже не только не мог справиться, но и подводил товарищей. Вот потому и стоял дневальным.

В тот вечер всё шло, как обычно. Уставшие за день ребята поужинали, кто-то лёг отдыхать, кто-то лесной тропинкой вернулся к причалу. Это было разрешено. Здесь всю ночь горел костёр, а заядлые любители могли рыбачить и ловить раков.

После отбоя – он в лагере на час раньше, как и подъём – дежурить выпало Жоре. Спустя какое-то время Голенко ощутил дискомфорт в животе, с каждой минутой усиливавшийся. Бросив пост, кинулся к заветному сарайчику, лихорадочно расстегнул ремень и клапан рабочих брюк, присел... И тут раздался всплеск...

Жорик впопыхах забыл о штыке, который висел на ремне. И теперь – о ужас! – штатное оружие дневального медленно погрузилось

в вонючую тряси́ну. Живот у Жоры сразу прошёл, Голенко бегом вернулся в казарму. Растолкав уже успевшего задремать дежурного по роте Славу Елистратова, рассказал о случившемся. Слава понял, что «дело пахнет керосином», разбудил старшину роты главного корабельного старшину Борзова. Тот отреагировал немедленно и вполне адекватно: «Да вы что, спятели?! Это же утрата оружия, да ещё и на посту! Да тут уголовным делом пахнет! В общем, что хотите делайте, но штык доставайте».

Деваться некуда. Елистратов отыскал где-то в лагере химкомплект – цельные с бахилами резиновые штаны по грудь на помочах через плечо и резиновую куртку, которая надевается поверх штанов и, благодаря специальным застёжкам на руках, исключает контакт тела с внешней средой. На кисти рук также надеваются чёрные огромные резиновые перчатки. Противогазы в лагерь все взяли штатные, так что это изделие довершило экипировку Жоры для предстоявшей операции.

Честно говоря, даже при свете дня человек в таком снаряжении выглядит жутковато, а уж ночью в лесу – и подавно.

При свете фонарика, запинаясь о корни деревьев, Голенко довели до места его невольного преступления. В своём облачении Жорик в дырку не пролазил, и бедному Елистратову пришлось, корчась от брезгливости, выломать несколько досок.

Жорик сначала сел на помост, потом свесил ноги в пролом и, наконец, оттолкнувшись, устремился в глубину... Когда его ноги коснулись грунта, оказалось, что содержимое рва, медленно колыхаясь, доходит ему до груди. Попытки нащупать штык ногой к успеху не привели. Стало понятно, что искать надо руками, а для этого – погружаться в жижу чуть ли не с головой.

Однако ведь нужно ещё и как-то дышать, потому коробку противогаса (через которую и всасывается воздух при вдохе), соединённую гофрированным шлангом с маской, требовалось поднять повыше. Сначала её держал Елистратов, но вскоре верх взяли присущие ему чистоплотность и чувство брезгливости. Тогда он крепко зафиксировал коробку, просунув её между оставшимися досками. Сам же выскочил наружу, чтобы жадно глотнуть свежего ночного воздуха.

И вот – надо ж было произойти такому стечению обстоятельств! – именно в это время в туалет приспичило дежурному по нашему батальону капитану С. (фамилию не называю специально – не хочу обидеть).

Вообще курсанты его не очень любили и дали ему кличку Капитан Чоп – за его постоянные угрозы тому или другому «вставить этот самый Чоп по самое не могу».

Итак, представьте картину. Капитан С. вбегает в туалет, снимает, что необходимо, и замирает на корточках. Ночь, тишина, электрического освещения, конечно, нет... И вдруг где-то рядом с ним сперва раздаются звуки, похожие на бульканье, а затем – чьё-то фырканье... Прямо из вонючих недр отхожего места на помост начинает выбираться страшное чудовище...

Капитан завопил так, что разбудил часть спавших далеко в казарме курсантов. С низкого старта, выбив лбом закрытую дверь, со спущенными до колен брюками, он бросился наутёк, оглашая криками ночной лес... С дежурства его сразу подменили, дав возможность прийти в себя. Очевидцы говорят, что заикался он до обеда следующего дня. Потом – ничего, отпустило.

Но это ещё не конец истории.

Штык-нож Жорик на дне отыскал. Теперь нужно было приводить в порядок себя. Кое-как стянув с головы противогаз, он побрёл ночной тропой к водохранилищу на омовение, оставляя за собой резко пахнущий след. Когда вышел на берег, где у костра подрёмывали наши рыбаки, у тех, понятно, случился шок. Обошлось, правда, без криков ужаса, поскольку со снятым противогазом Жору всё-таки смогли опознать в полумраке – по торчащим, будто у Чебурашки, ушам.

Однако, забравшись в воду, Голенко ухитрился угодить в поставленную на ночь рыбаками сетку и запутаться в ней. Одно слово – бедалага.

Бородавка-справка

Другим штатным дневальным был, как я уже писал выше, Сергей Бородавка. Однокашники называли его Бородавка-справка – за виртуозную способность всячески уклоняться от тяжёлых и грязных работ, каким-то особым чувством угадывать предстоящую ночью

учебную боевую тревогу с марш-броском и заранее обзаводиться на этот случай медицинской справкой, освобождавшей от таких мероприятий. Но чаще все звали его Булей.

В принципе, он являлся почти полной противоположностью Жоре Голенко. Высокий, белобрысый, с крупными чертами лица, здоровенный, как бык, он не принимал участия в тех же парадах вовсе не потому, что был не способен. Причина иная: для своего возраста он был не то что упитан сверх меры, а откровенно толст. При росте 185 Буля весил порядка 125-и килограммов. Поставить такого курсанта в общий строй, да ещё, в соответствии с ростом, в первую шеренгу парадного расчёта, немислимо. По контрасту с остальными в шеренге это не вызвало бы у окружающих ничего, кроме смеха. Вот и стоял Буля дневальным, пока мы часами маршировали на репетициях парада.

Родом Сергей из Днепропетровска, до поступления в училище успел окончить первый курс какого-то местного технического ВУЗа. Учился он хорошо, а в точных науках и навигации был одним из лучших в классе.

Несмотря на свою комплекцию, Буля достаточно быстро двигался. Отлично играл в баскетбол и даже входил в состав нашей ротной команды. В качестве зрителя было очень занятно наблюдать за тем, как Буля с мячом трусцой прорывается к кольцу, а противники при столкновении с ним тут же оказываются сидящими на мягком месте или отлетают в стороны, словно теннисные мячики от стенки.

Совершенно анекдотично выглядело участие Були в первенствах училища по тяжёлой атлетике, которые обычно проходили не в спортзале, а в клубе. Специально для штангистов на сцене строили помост из толстых досок, на который они с грохотом опускали снаряд. Дело в том, что соперников в училище у Були не имелось – тяжеловесом он был в единственном числе, а потому, какой бы малый вес ни поднял, всё равно становился победителем в своей категории.

Все зрители с нетерпением ждали последнего участника состязаний и его сольного выступления. Наконец, чуть ли не под фанфары, на сцене картинно появлялся Буля в спортивных трусах и форменной полосатой майке. Долго раскланивался, приветствуя публику, показательно размахивал руками, разминал мышцы, тяжело и глубоко дышал, якобы в нерешительности стоя перед штангой...

И вот оно – свершилось: в воздух взлетает снаряд весом в 40 килограммов! Под гром аплодисментов Буля вновь становится чемпионом!

Он совершенно не комплексовал по поводу своей неординарной внешности, а мы к нему настолько привыкли, что тоже этого не замечали. Правда, довольно обидный случай произошёл в самый праздничный и долгожданный день. Когда на главном построении при вручении офицерских погон и кортика дошла очередь до Серёги, и он вышел строевым шагом, в толпе гостей раздался громкий смех. Больно и неприятно было даже нам, а у оскорблённого Були в глазах стояли слёзы. Получив кортики, мы вернулись в ротное помещение, чтобы переодеться в парадную офицерскую форму, – для последнего в стенах училища прохождения торжественным маршем. Вместе с нами, ни на кого не глядя, переоделся и Буля. Только в обычную повседневную летнюю форму – в кремовую рубашку с галстуком.

– Буля, ну прекрати, не дури! Чего в жизни не бывает!.. Ну что ты так близко к сердцу каких-то д...в принимаешь!.. Мы все тебя любим...

Но Серёга был неумолим и лишь пыхтел, засовывая вещи в большую сумку. На общее торжественное построение он так и не явился – уехал домой. Не пришёл он и на выпускной банкет.

Меня же сблизил с ним один случай.

Пусть не самый тяжёлый, зато самый ответственный наряд в училище – несение караула. Недаром в уставе сказано, что караульная служба является выполнением боевой задачи в мирное время. Заступали на неё с личным оружием и боевыми патронами. Разновидностей караула было две: гарнизонный караул и караул внутренний.

Сложнее и тяжелее – гарнизонный. Его несли в городской комендатуре и на гауптвахте рядом с метро «Арсенальная». Выпадал он нашим курсантам нечасто (лично я попал в него всего один раз): училищ и крупных воинских частей в Киеве квартировало много, так что пока дойдёт очередь до военморов... Однако готовили к нему основательно, требования предъявлялись жесточайшие: знать наизусть основные положения Устава гарнизонной и караульной служб, иметь идеальный внешний вид, начиная с короткой стрижки и заканчивая острой стрелкой на брюках и сияющими хромовыми ботинками,

чётко действовать по команде «В ружьё!», уметь грамотно выполнять самые различные вводные и пр.

Подготовкой гарнизонного караула занимался сам командир роты, наш Кэп. Гонял он нас так, что до сих пор, разбуди меня ночью и спроси, к примеру, права и обязанности часового или порядок применения оружия, ответу слово в слово по уставу. Такая подготовка, конечно, вполне оправданна ещё и потому, что в те годы именно киевская комендатура и гауптвахта (на которой, между прочим, сидел в своё время Котовский¹) славились на всю страну жёсткостью требований и неукоснительным соблюдением уставов. Один старшина гауптвахты, знаменитый Иван Лютый, полностью соответствовавший своей фамилии, чего стоил!

Внутренний караул в училище несли все курсы, кроме выпускного, и быть в его составе практически каждому квумпарю довелось неоднократно. Я, как правило, стоял у знамени училища – на посту, расположенном в фойе напротив центрального входа. Через него мог свободно проходить только один человек – начальник училища. За спиной часового находилась маленькая незаметная дверь в помещение с большим сейфом – так называемым «денежным ящиком училища». Оно также бралось под охрану.

У знамени стояли в три смены – по два часа каждая. Днём это не слишком муторно, поскольку мимо проходили и курсанты, и преподаватели, отдававшие знамени честь. Караульный в такие моменты тоже вытягивался и принимал стойку «смирно». Другое дело – ночью: тишина, по фойе гуляют холодные сквозняки, с улицы раздаются какие-то подозрительные звуки, а время течёт очень медленно.

Единственный раз мне довелось нести караульную службу на плацу училища: охранять склад боепитания, кафе и другие объекты. Именно тогда и произошла история, о которой хочется рассказать.

К началу второго года занятий, к 1 сентября 1970-го, обе роты нашего курса вернулись в Киев с Черноморского флота, где прошли корабельная штурманская практика, а затем – практика в полку морской пехоты.

---

¹ Григорий Иванович Котовский (12 (24) июня 1881 – 6 августа 1925) – советский военный и политический деятель, участник, легендарный герой Гражданской войны. В описываемые автором времена был всенародно известен и представления не требовал, сегодняшнему молодому читателю приходится пояснять, о ком идёт речь. (Прим. ред.).

В это время в южных областях страны случились вспышки холеры, и нас, по инициативе начальника медицинской службы училища подполковника Небукина, после более чем полуторамесячной корабельной жизни и рытья окопов под Севастополем, по прибытии в родные пенаты ещё и посадили на трёхнедельный карантин по принципу «как бы чего не вышло». Приятного мало, но ничего не поделаешь.

После долгой разлуки, с единственной целью – повидаться, ко многим, а в первую очередь, естественно, к киевлянам, под училищные стены потянулись девушки, друзья и родные.

В самом конце плаца, у кирпичной стены, стояла трансформаторная будка. За будкой оборудована курилка с лавкой, вплотную придвинутой к забору, что оказалось очень удобным для его форсирования в случае необходимости. За забором же раскинулась обширная территория Подольской районной больницы – с зелёными аллеями и массой укромных уголков. В общем – идеальное место для совершения «самоходов», свиданий с девушками в неурочные часы и т.п.

Так вот, сначала из кирпичной стены, прямо из её середины, на уровне человеческого роста, кто-то ухитрился выбить кирпич. Потом – два, потом – пять... В итоге образовалась дыра размером с небольшое окно, в которую можно просунуть голову. Затем, рядом с первым, появилось второе «окно». Через них и проходило общение с визитёрами (визитёршами).

Интересно было наблюдать: с одной стороны стены – девушка, а с другой – наш курсант, просунув голову в дыру, целует её в засос. Или киевлянин из 12-го класса, Славик Романов, протиснувшись в «окно», поедает домашнюю украинскую колбасу из рук матери, и чесночный аппетитный запах разносится до середины плаца, вызывая обильное слюноотделение у невольных свидетелей.

В один из таких карантинных дней мы и заступили в караул. Уже давно был отбой, время к полуночи, а я на плацу с автоматом несую службу. Вдруг из-за трансформаторной будки раздаётся сильный грохот. Взяв автомат наизготовку, бегу туда и вижу: стена рухнула, большая груда кирпичей, над которой ещё не осела пыль, шевелится... За проломом, на территории больницы, стоит какая-то девушка, испуганно прижав ладони к щекам. Смотрит на меня и наставленный на неё автомат с откровенным ужасом. И тут из-под кирпичей

выбирается Буля, весь в пыли и кирпичных обломках. Отряхивается на манер собаки, вылезшей из воды, машет девушке рукой: «Алка, уходи скорей!», трусцой бежит мимо, жалобно заклиная: «Ты меня не видел!.. Ладно? Договорились?..»

Конечно, все мы знали, что во время летнего отпуска Буля женился в своём родном Днепропетровске – женился одним из первых на курсе. Жена пришла к нему ночью на свидание – дело молодое, гормоны играют...

Буля хотел перелезть через забор, взялся за верхний край, потянул на себя, и нарушенная из-за выбитых кирпичей конструкция не выдержала.

Дождавшись, когда Буля скроется из вида, я объявил тревогу. Караул поднят «в ружьё», прибежал дежурный по училищу: ах... ох... как же так?! Докладываю ему, что, мол, услышал грохот, прибежал и увидел пролом в стене. Почти достоверно. Все ведь знали о дырах в заборе и что курсанты периодически через него перелезали.

У пролома выставили дополнительный пост, буквально в течение следующего дня стену восстановили. Булю я не выдал.

Бородавка, понятно, был мне благодарен и решил завязать со мной и с моими близкими друзьями – Питоном, Фимой и Васькой – товарищеские отношения. Вскоре, когда карантин сняли, а увольнения в город возобновились, он пригласил нас в гости и познакомил с молодой женой.

Булина жена – Алла Л. (она сохранила за собой девичью фамилию) – тоже из Днепропетровска. Тогда она училась на третьем курсе стоматологического факультета Киевского мединститута. Её родители были известными в своём городе стоматологами-ортопедами, работающими с золотом, и, судя по всему, людьми далеко не бедными. Они основательно помогали дочери. По крайней мере, Буля с Аллой могли себе позволить снимать двухкомнатную квартиру на седьмом этаже элитного кирпичного дома, стоявшего на берегу канала в районе, который называют киевской Венецией, – Русановке.

Всё в мире взаимосвязано: в соседнем подъезде этого дома, на девятом этаже, жила моя будущая жена, с которой, поскольку они были однокурсницами, только из разных групп, меня познакомила Алла. Так, с лёгкой руки Були и его супруги, в январе 1973-го года в Киеве создал семью и я, а киевская Русановка – до сих пор моё самое любимое место в этом прекрасном городе.

В 1972-м у Були родился сын, и в увольнении он гордо катал коляску во дворе дома или вдоль канала. Иногда мы гуляли вместе, и как-то я увидел на вязаной шапочке лежавшего в коляске ребёнка брошь удивительной красоты и попросил её посмотреть.

Мне протянули драгоценность и обратили моё внимание на клеймо: брошь была тяжёлая, из червонного золота, с россыпью бриллиантов на внешней стороне и царским гербом на внутренней. По словам Аллы, эта вещь из личной шкатулки императрицы. Да, днепропетровские зубники-ортопеды о своих отпрысках заботились...

Однако вскоре безбедная жизнь у Були кончилась. Как он ни пытался сей факт скрыть, стало известно, что Аллины родители арестованы, и всё их имущество – тоже. Обыск с частичным изъятием вещей, в том числе и той злополучной броши, прошёл даже на киевской съёмной квартире Були и Аллы, с которой они сразу съехали. Видимо, молодой семье с тех пор приходилось несладко. Весной 1973-го мне довелось наблюдать в нашей столовой картину: в выходной день, когда более половины роты отсутствовало на ужине, Буля собирал со столов нетронутые порции масла и сахар...

После выпуска я Булю никогда не видел, но его судьбой, естественно, интересовался. У наших тихоокеанцев удалось узнать вот что.

По окончании училища всем молодым офицерам дали отпуск на тридцать суток с последующим направлением к первому месту службы. Буля отгулял в нём лишь две недели и с женой и сыном приехал во Владивосток, чётко рассчитав: у первого прибывшего выпускника будет больше возможностей для выбора подходящей вакансии. Отчасти он был прав и, получается, вновь обхитрил однокашников, оправдывая своё училищное прозвище.

Идти на корабль он сначала не захотел, мотивируя это наличием маленького ребёнка. Ему предложили должность в какой-то береговой части. Послужив там недельку, Буля понял, что дал маху: и оклады невысокие, и так называемых «плавающих» надбавок нет, и контингент личного состава не лучший, да и особых перспектив служебного роста на берегу не было. Тогда Буля опять отправился в отдел кадров политуправления Тихоокеанского флота, «посыпал голову пеплом», сказал, что глубоко заблуждался, и попросился на корабль.

Ему снова пошли навстречу – назначили замполитом на корабль 3-го ранга (видимо, малый противолодочный), здесь же, во Владивостоке. Однако вскоре корабельная служба Булю вконец разочаровала: на корабле ведь надо «пахать», нести ответственность за людей, жертвовать своими интересами. Точно не знаю, сколько он там выдержал, но не более года.

К тому времени они уже отправили маленького сына на попечение бабушек и дедушек в Днепрпетровск, Алла устроилась стоматологом в санчасть плавучего рыбоперерабатывающего завода и ушла в море сроком минимум на полгода. После этого Буля с корабля пропал: просто не вышел на службу – день, другой, пятый, десятый...

Его начали активно искать в городе, но всё впустую. Примерно через месяц командир корабля за какой-то надобностью зашёл на владивостокский «чёрный» рынок (или, как ещё говорили, «толчок»). И что же он там увидел?! Его замполит, небритый и в гражданской одежде, торгует импортными бритвенными лезвиями!..

Конечно, были скандал и разбирательство, в итоге Булю, не поднимая шума, уволили в запас. В дальнейшем он развёлся и с женой.

По непроверенным данным, спустя несколько лет Буля стал директором городского рынка, а потом вернулся на родину и работал директором крупного рыбного магазина. Говорят, по Владивостоку он ходил в верблюжьем свитере под горло и пользовался большой популярностью у местных «ночных бабочек», которые дали ему кличку Генерал.

Мочалки

Уже к началу второго курса стало очевидно: кто из нас чего стоит, кто к чему имеет склонность, кто сумеет пробиться, а кто явно пошёл не по своей дорожке, ошибся в выборе профессии. Если в вопросе (по которому мы иногда спорили на старшем курсе), способен ли тот или иной наш товарищ достичь успеха, сделать карьеру и даже, возможно, дослужиться до адмирала, были разногласия, поскольку здесь многое зависит от Его Величества Случая, от расклада, от везения, от способности в нужное время оказаться в нужном месте, то в том, кто же из нас создан для деятельности научной, сомнений не возникало.

В 13-м классе учился Коля Лабуш – коренастый, светловолосый, скромный и скупой на слова белорус. Пожалуй, не было среди нас более

усердного и серьёзного в учёбе, более усидчивого и трудолюбивого, более ответственного и надёжного курсанта. Колины конспекты всегда были лучшими и, написанные его мелким убористым почерком, шли нарасхват, особенно в жаркий период подготовки к экзаменам. Если в часы ежевечерней самоподготовки почти все позволяли себе побездельничать, поболтать, почитать художественную книгу или вздремнуть, то Лабуш трудился, не давая себе никаких поблажек. Помню, после второго курса, на корабельной практике, я попал с ним на один корабль – средний десантный, стоявший у одного из причалов Балтийска.

Командир корабля принял нас очень хорошо, просил помочь в работе с личным составом, и мы, в общем-то, помогали, многое делая за корабельных офицеров. Однако я, ничуть не мучаясь угрызениями совести, днём мог придавить ухом подушку эдак часика на два, а вот Коля – никогда. Он всё время был чем-то занят: рисовал стенгазеты (а рисовал он отлично), оформлял корабельную наглядную агитацию и т.п. Мне иногда становилось перед ним неловко за своё ничегонеделанье. И вот прошло 40 лет...

Николай Сергеевич Лабуш – капитан 1-го ранга в отставке, доктор философских наук, профессор кафедры конфликтологии философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета – учит молодое поколение, то есть те кадры, от которых зависит будущее России.

Или, скажем, Валера Кулешов из 11-го класса. Он был нас постарше. Уроженец Архангельской области, Валера успел поработать на строительстве узкоколейной железной дороги и помощником машиниста паровоза. Затем – «от звонка до звонка» – три года срочной службы на Северном флоте, на легендарной «букашке» – подводной лодке 641 проекта. И только после этого поступил в училище. Всегда серьёзный, немногословный, с густыми рыжеватыми усами, старшина 1-й статьи Кулешов нам, молодёжи, казался чересчур суровым. Он смотрел на курсантские забавы и шалости чуть свысока, как взрослый, состоявшийся мужчина смотрит на резвящихся подростков. К учёбе относился очень ответственно. Кроме того, в училище Валера начал писать стихи, и я пару раз наблюдал, как он, с блокнотиком, где-то в неприметном уголке, терзается муками творчества.

Теперь капитан 1-го ранга в отставке, доктор философских наук Валерий Кулешов преподаёт – уже как штатский профессор – в стенах

ставшего ему родным Тихоокеанского высшего военно-морского училища имени С.О. Макарова. Валера – автор нескольких сборников поэзии, а в 2001-м году занял первое место в международном литературном конкурсе «Моё прочтение советской классики».

В одном из московских университетов работает профессор, доктор исторических наук Валерий Осташкин – один из лучших наших ротных волейболистов. В Киеве, в Национальной академии обороны Украины, – доцент, кандидат исторических наук Александр Левченко.

Этот список далеко не полный.

Что же касается училищных нарядов, выше названы лишь самые массовые и распространённые. Кроме них были дежурство по КПП, дежурство по автопарку, дежурный по столовой (только четвёртый курс), помощник дежурного по училищу (по преимуществу, четвёртый курс), патрули и пр. Был даже один такой, что его и нарядом-то нельзя назвать, – так, дополнительная нагрузка: дежурные пожарники.

Эту службу – тоже по классам и согласно графику – курсанты несли исключительно в ночное время, парами – по два часа каждая. В 23.00 заступившие на смену появлялись с личными противогазами через плечо у комнаты дежурного по училищу и докладывали о готовности к патрулированию. Затем надо было поэтапно произвести обход всех внутренних помещений училища, заглядывая во все санузлы, курилки, кладовки и т.п. Потом по периметру осматривали территорию внутри училища, а в заключение, по прилегающим к ней улицам, – весь внешний контур. На это как раз и уходило – тютелька в тютельку – два часа. В случае обнаружения какого-то не порядка или возгорания полагалось самостоятельно принимать меры к их ликвидации и бить тревогу. Также действовала каждые два часа новая пара курсантов. Трудно дежурным пожарникам только под утро – с 03.00 до 05.00, когда сильнее всего хочется спать. Зато тех, кто попадал в смену с 01.00 до 03.00, ждал один приятный момент.

Недалеко от училища работал хлебозавод, и если в это время появиться под его забором, девчонки, выкатывавшие из цехов тележки со свежее испечёнными круглыми караваемми, всегда перебрасывали нам каравай два-три. Ох, как же вкусны и ароматны они были! Горячие, с хрустящей корочкой... Когда, сменившись с патрулирования, их приносили в спящий кубрик, головокружительный запах мгновенно

распространялся по всем углам. Наиболее чуткие просыпались, отламывали краюху, жевали, не открывая глаз, и опять засыпали.

Достаточно строгий отбор в училище, постоянные высокие физические нагрузки, спорт и закаливание играли свою роль – болели курсанты редко и мало, а каких-либо эпидемий вообще не было. Если кто и заболел, то в основном ОРЗ. Случались и травмы.

Для приболевших имелся лазарет – небольшой, но уютный, прямо какой-то домашний, с внимательным и участливым медперсоналом. За четыре года мне довелось полежать в нём только дважды – с сильными простудами, однако были и такие – Буля, Мишка Филаткин, Володя Атласов, – чьи «болезни» «обострялись» чуть ли не перед каждым предстоящим ночным марш-броском и более всего походили на «воспаление хитрости».

До 1971-го начальником медицинской службы училища являлся подполковник Небукин. Когда мы поступали, он был ещё майором, но вскоре получил очередное звание, к которому никак не мог привыкнуть, и поэтому первые полгода даже по телефону представлялся так: «Майор медицинской службы подполковник Нябукин слушает...». Общались мы с ним мало, но запомнился он как человек заносчивый и до смешного косноязычный.

В те годы многие кафедры и отдельные преподаватели издавали в типографии училища собственные учебные пособия – как говорится, для внутреннего пользования. Написал и издал пособие и подполковник Небукин. Назывался этот шедевр «Медицинская подготовка курсантов». По вечерам наш класс читал небукинский трактат вслух, периодически прерывая чтение взрывами хохота, словно над книгой Ильфа и Петрова. Помню, к примеру, что одна из глав начиналась следующими словами: «У советского курсанта, как и у человека, во рту 32 зуба».

Те, кто порасторопнее, вовремя догадались и сделали это пособие своей частной собственностью. Может, и по сей день оно украшает чью-нибудь персональную библиотеку, а в училищной стало редкостью уже месяца через два после издания. Мне его не хватило, а жаль...

Кстати, благодаря «высокому» авторитету Небукина среди курсантов, я получил мои первые и последние «трое суток ареста», отбывать которые, к счастью, не пришлось.

На дворе – октябрь 1971-го. Мы на третьем курсе. Позади – два самых тяжёлых года. На смену угловатой неумелости пришли необходимые навыки, уверенность в своих силах и даже некоторая лихость. Рота на занятиях, я скучаю у тумбочки дневальным. Настроение прекрасное, хочется чего-то эдакого...

К тому времени у нас появился младший подшефный курс – первый. Он размещался здесь же, в здании на Волошской, только этажом ниже. Я откашливаюсь, стараюсь придать голосу басовитости и набираю телефонный номер роты первого курса:

– Дневальный одиннадцатой роты курсант Королёв слушает...

– Хм, это подполковник Нябукин...

– Слушаю вас, товарищ подполковник, здравия желаю!

– Значит, соберите сейчас в роте все мочалки и доставьте их в санчасть для проведения дезинфекции.

– Есть!

Минут через двадцать вижу из окна бытовой комнаты, выходящего во внутренний двор, как двое дневальных первого курса тащат в сторону санчасти два обрезка (тазика, по-сухопутному), наполненных мочалками. Ещё через пять минут наблюдаю, как они несут мочалки обратно – странно озираясь и, судя по шевелящимся губам, не совсем цензурно комментируя происходящее...

И как меня вычислили, ума не приложу?! Ведь рядом никого не было! Да если бы и были, не заложили бы. Подозреваю училищную АТС: видимо, отследили звонок.

Вечером того же дня, на поверке, старшина роты зловеще произнёс:

– Ну а теперь – о наших шутниках-юмористах...

Под всеобщий хохот от имени командира роты мне объявили трое суток ареста. Конечно, отправлять меня на «губу» никто не собирался, но неделю «без берега» я просидел.

«Питон»

Через годы жизнь показала, что не все из нас были так уж здоровы. Одно из подтверждений чему – судьба моего лучшего училищного друга Николая Алифанова. Коля был нахимовцем, а всех нахимовцев на флоте называют «питонами». «Питоном» на нашем курсе он был единственным, хотя суворовцев, которых называли «кадетами»,

училось несколько человек. Мы подружились ещё во время сдачи вступительных экзаменов: наверное, нашему сближению способствовало то, что оба – москвичи.

Вообще-то практически везде, в том числе и на флоте, москвичей не жалуют. Они как бы находятся в орбите родного города, который многие считают городом, незаслуженно живущим лучше других за чужой счёт. Это не очень приятно, но ничего не поделаешь. Зато это вынуждает москвичей группироваться, поддерживать друг друга, вместе отбиваться от едких реплик на тему «как Москва, а, следовательно, и мы, её жители, жируем благодаря провинции». И ведь что интересно? Больше всего на нас нападали именно те, которые потом изо всех сил пробивались на столичные паркетные и, в итоге, сами стали москвичами. Правда, земляки (или, как говорят на флоте, «зямы», «земели») из других регионов тоже всегда старались держаться вместе. Вот и получилось, что практически с первого дня учёбы самый тесный круг общения составили москвичи: Питон, Миша Филаткин, Боря Денисов.

Конечно, вскоре этот круг значительно расширился. Многие новые наши товарищи, не бывавшие в Москве, даже в отпуск иногда ездили не домой, а с нами – в столицу, где жили у наших родителей, что считалось вполне нормальным явлением.

Что касается Питона, роста он был выше среднего, темноволосый, смуглый, широкоплечий и крепкий. И неплохой спортсмен: отлично играл в баскетбол, в настольном теннисе вообще не имел себе равных. Коля хорошо учился, но легче всего ему давался иностранный язык. Английский знал лучше всех в роте, в чём, кстати, немалая заслуга Нахимовского училища и его преподавателей. Отец Питона тоже был военным – полковником, служил в элитной Академии Советской Армии (её ещё называют военно-дипломатической), старший брат – окончил МАИ¹ и уже трудился в Туполевском КБ (впоследствии стал известным авиаконструктором), а сестра работала врачом.

На втором курсе Питон женился. Я был свидетелем жениха на свадьбе (потом, в 1973-м году, он был свидетелем на моей свадьбе в

¹ МАИ – Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет). Основан 20-го марта 1930-го года. В советское время – Московский ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции авиационный институт имени Серго Орджоникидзе.

Киеве). Жена Коли, Ирина С., – младшая дочь известного заслуженного тренера СССР, в те времена – главного тренера женской сборной страны по гандболу.

Здоровье у Питона начало давать сбои уже в училище. Сначала стало ухудшаться зрение – так резко, что читать без очков он практически не мог. Помню, как Витя Васютенко не слишком тактично, по-мальчишески шутил: делал комбинацию из трёх пальцев и издалека показывал Алифанову со словами: «Питон, смотри!». Николай щурился, вытягивал голову, чтобы рассмотреть.

Весной 1973-го, буквально за пару месяцев до выпуска, мы сидели рядом на лекции по тактике ВМФ, которую читал капитан 1-го ранга Мажный. Вдруг Питон побледнел, поднял руку и попросил разрешения выйти из аудитории. Однако до двери дойти не успел: потерял сознание и упал, врезавшись лбом в стену. Мы привели его в чувство холодной водой, проводили в лазарет. Обследование выявило у Коли язву желудка, вопрос о дальнейшей службе в плавсоставе с неизбежностью отпал.

Впрочем, сразу после женитьбы Питон сильно изменился. Если раньше мы часто говорили с ним о нашем корабельном будущем, то потом сделалось заметно: на корабле он не очень-то и рвётся. Красивые дефицитные шмотки «из-за бугра», импортные пластинки мировых знаменитостей, недоступная большинству теле- и аудиоаппаратура, окружавшие его, делали своё дело. В итоге, когда все мы разлетелись по флотам, Питон получил назначение в части центрального подчинения ВМФ и остался в Москве. Наши пути разошлись на многие годы: слишком разными были жизнь, служба, да и интересы тоже.

Осенью 1990-го с должности начальника политотдела дивизии морских десантных сил Северного флота я был назначен в Москву на должность заместителя начальника политотдела Главного штаба ВМФ и управлений Главкомандующего ВМФ.

В конце зимы 1991-го, когда начался процесс выделения партийных организаций КПСС в Вооружённых Силах в самостоятельные структуры, уже будучи капитаном 1-го ранга, принимал участие в организационной партийной конференции тыла ВМФ. Сидя в президиуме и рассматривая зал с делегатами, вдруг увидел знакомое

как будто лицо – немолодого капитана 3-го ранга. Присмотрелся... да это же Питон! В перерыве он подошёл ко мне, мы обнялись, разговорились.

Жизнь московская явно не пошла ему на пользу. Менее года назад Коля ещё и перенёс тяжелейший инсульт, и у него оставался немного перекошен рот, а речь временами – не вполне внятной. Учитывая состояние его здоровья, и служить его направили поближе к медицине – секретарём парткома Центрального военно-морского госпиталя в подмосковной Купавне. Там он успел получить звание капитана 2-го ранга, чтобы после событий августа 1991-го, подобно многим, уволиться в запас.

В начале 1993 года мы созвонились, и я спросил, как он живёт и чем занимается.

– Как живу?! Выживаю, как все... Пенсии, конечно, не хватало, но ты же знаешь мою Ирку – она боевая. Сняли в аренду часть подвала в соседнем доме. Закупаем у производителей оптом белую эмалированную посуду, так называемое «бельё». На специальном станке наносим на эту посуду всякие цветные рисунки и распихиваем её по разным хозяйственным магазинам на реализацию. Со своей накруткой в цене, естественно. Сам понимаешь, на этом деле не разбогатеешь, но на жизнь хватает...

А через несколько месяцев раздался страшный звонок: Коля умер от инфаркта. Было ему всего 43 года.

Ира кричала мне в телефон:

– Олег, как же так? Как же так?! Ведь везде якобы строгие комиссии – нахимовское училище, высшее военно-морское училище, ежегодные плановые диспансеризации... И никто ничего ни разу не обнаружил!..

При вскрытии у Коли нашли врождённый серьёзнейший порок сердца, с которым не то что на флоте служить, а дышать можно только через раз, и то с опаской.

Примерно через год набрал номер Иры, чтобы узнать, как она живёт, не нужна ли какая помощь. На звонок по-хозяйски ответил незнакомый мужчина. Я повесил трубку и больше не звонил.

Ещё мне вспоминается замечательный парень – Слава Бобровский, учившийся на нашем курсе. В 1974-м он отличился в ходе выполнения

задач боевого траления, был награждён, поступил в академию. О нём даже писали в газете «Правда», в репортаже «Тревожные галсы». А году в 1978-м, во время физкультурного кросса в академии, он скоропостижно скончался от остановки сердца. И у него тоже обнаружили серьёзный врождённый дефект.

Так что медицинские заключения о пригодности к тому или иному виду деятельности – вещь весьма относительная.

«Пельмень» и «Рыба»

Жизни многих наших однокашников оборвались рано, трагически. Наверное, где-то там, наверху, в небесной канцелярии, существует разрядка: столько-то – скажем, из ста человек – должно умереть молодыми по болезни, столько-то – стать жертвами несчастных случаев, столько-то – суждено дожить до благородных седин.

В 12-м классе учился Александр Черняев, или Шура-пельмень. Настоящий, как мы говорили, «кадет», он окончил СВУ в Казани, а прозвище Пельмень получил за пристрастие к этому кушанью, которое в училище не готовили. Каждое увольнение в город Шура начинал с ближайшей пельменной, где зараз уминал по несколько порций.

Он хорошо учился, в спорте отдавал предпочтение тяжёлой атлетике, с упоением жонглируя двухпудовыми гирями и выжимая неподъёмную штангу. Среднего роста, с волосами цвета выгоревшей на солнце соломы, крепко сбитый и накачанный, всем своим видом он буквально источал здоровье. Шура был немногословным, имел репутацию абсолютно надёжного человека и верного товарища.

После выпуска я встретил его единственный раз абсолютно случайно: в 1975-м году в Москве, в фирменном универмаге «Ленинград», где стояла длинная очередь за финскими женскими сапогами.

Было жарко, Шурик, в короткой синей майке, открывавшей его мускулистые руки, с тоской смотрел на очередь – там, ещё далеко от прилавка, толкалась его жена – и лениво лизал мороженое... Мы долго и крепко сжимали друг друга в объятиях, поражаясь такой неожиданной и радостной встрече в многомиллионном городе. Я стал зазывать Шуру с женой к себе в гости, даже пельмени на столе гарантировал, да где там: на руках у них куча пакетов с покупками, и не все магазины по списку пройдены, а на вечер – уже билеты на поезд до Хабаровска, где

Шура служил на известной дивизии речных кораблей, сформированной после вооружённого конфликта с Китаем на острове Даманский.

Не прошло и года, как получил тяжёлую весть: Александр Викторович Черняев трагически погиб в Хабаровске. Шура отправился искупаться в Амуре, прыгнул с мостков в воду – и неудачно...

В 1980-м в Балтийске в результате несчастного случая погиб Иван Келеп, поступивший в училище сверхсрочником.

В 1984-м в Киеве погиб Юра Павлов.

Геройски и трагически погиб на боевом посту наш однокашник Александр Викторович Пономарёв – Шурик-рыба, как звали мы его в классе. Родом из Севастополя, сын военнослужащего, он был невысокого роста, кругленький, как колобок, с редкими тёмно-русыми волосами на ставшей рано лысеть голове. Весёлый, компанейский, дружелюбный и открытый. Учился он посредственно, но и без провалов. Спортом особенно не увлекался.

Была у Шуры слабость – любил выпить, но пить не умел, да и организм его не воспринимал алкоголь, отторгал наружу. Иногда ночью, после увольнения в город, когда все уже засыпали, под Шурой начинала «кружиться» койка. Она «вертелась» всё быстрее и быстрее... Поняв, что до галюна добежать не успеет, Шурик хватал полотенце, оставлял в нём всё выпитое вместе с нехитрой закуской и прятал под кровать. Ладно бы, когда полотенце было своё, но случалось ему схватить и чужое, и не чьё-нибудь, а соседа по койке Славки Русанова – Слона, мастера спорта по боксу в полутяжёлом весе.

Содеянное ночью обнаруживалось утром, после физзарядки, когда все шли умываться, и Слон, не найдя своего полотенца на штатном месте, находил его под кроватью Шурика.

– Рыба, гад, убью!

Шурик тут же скакал по койкам в угол кубрика, а Слон с рёвом бежал за ним. Казалось бы, зажатый в угол, Рыба должен смириться с неминуемой гибелью, но он с поразительным проворством нырнул под койки и полз в противоположный угол помещения. Слон под койку влезть не мог – не помещался. Он ревел, как ревут боевые слоны индийских магараджей, и могучими руками начинал раздвигать кровати в разные стороны:

– Рыба, трус несчастный, вылезай и умри достойно, как мужчина!..
Посмотри в глаза своей смерти!..

Обычно этот спектакль, который всеми со временем стал восприниматься почти спокойно, прерывала команда выходить строиться на завтрак. Потом Рыба застирывал следы своего преступления, и конфликт утихал. До следующего раза.

...В июне 1978-го года крейсер управления Тихоокеанского флота «Адмирал Сенявин» выполнял в море артиллерийские стрельбы главным калибром. На девятом залпе корабль содрогнулся от мощного внутреннего взрыва, из носовой орудийной башни повалил густой дым...

Проведённое расследование установило, что при подаче электро-сигнала на производство девятого залпа правое орудие башни № 1 не выстрелило. В заряженное орудие был ошибочно послан очередной заряд. В результате произошло воспламенение заряда в камере – части зарядного механизма орудия. От вылетевшей назад струи газов вспыхнули другие приготовленные к стрельбе заряды, и в башне практически мгновенно произошёл страшный пожар...

Тогда погибло 37 человек – весь боевой расчёт башни. В их числе и замполит дивизиона главного калибра крейсера Александр Пономарёв. Вместе с ними, там же, в носовой башне, погиб и замечательный человек, талантливый журналист Леонид Клименко – посткор газеты «Красная звезда» по Тихоокеанскому флоту.

На восточном берегу России, на крутом взгорке над бухтой Абрек в заливе Стрелок, над братской могилой погибших моряков-тихоокеанцев стоит обелиск. Под ним покоятся и останки нашего однокашника.

В день гибели Александра Пономарёва у него родился сын.

Коша-никотин

До сих пор не укладывается в голове то, что произошло вскоре после выпуска с самым, пожалуй, физически слабым и безобидным курсантом нашего класса Михаилом Лысенко – Мишкой-никотином, или Кошей.

Михаил родом из Белой Церкви, из семьи потомственных врачей. Его старший брат учился в Киевском мединституте на третьем курсе и иногда приезжал к Мише на свидания.

Михаил был не просто худым, а очень худым, и, если раздевался, вполне мог служить пособием по анатомии. Он был выше среднего роста, с карими глазами немного навывкате, с крупными желтоватыми зубами, которые так сильно выпирали вперёд, что казалось: они видны даже тогда, когда Миша молчит.

Он курил, причём, в отличие от многих, курил с упоением и без остановки. Дымил как паровоз, прикуривая новую сигарету от окурка предыдущей. Поэтому своего курева ему обычно не хватало, он постоянно «стрелял» его у однокашников. К тому же, Миша плохо выговаривал букву «р», и его попытки разжиться сигаретой выглядели анекдотично:

– Слушай, ко.ешь, оставь поку.ить!..

– Ну нет, я и сам поку.ю.

– Фу, ду.як, ну что ты д.азнишься...

К нему сразу как-то сама собой приклеилась кличка Никотин. Но Миша не обижался и на каждом перерыве лихорадочно затягивался очередной сигаретой так, что его и без того впалые щёки уходили куда-то далеко вглубь, а глаза, окутанные клубами дыма, блаженно закатывались.

Несмотря на удобу и малый вес, он не мог ни толком подтянуться на перекладине, ни поднять гирю, а о беге и говорить нечего, поскольку его отравленные табачным дымом лёгкие категорически отказывались работать при малейшей нагрузке.

Успехами в учёбе Лысенко тоже не блистал, но на «троечки» тянул. По сей день не понимаю: куда смотрели и медицинская, и мандатная комиссии, когда решали вопрос о его зачислении в училище? Однако по характеру он был добрым, безобидным, уживчивым.

Как-то в выходной, когда по какой-то причине не было увольнения, в клубе крутили фильмы. Среди них (это же надо придумать!) взрослым парням показали детскую сказку «Кашей бессмертный» режиссёра Роу. Наш Никотин оказался так похож на Кашея, что с того вечера заимел вторую кличку – Коша.

Над ним постоянно подтрунивал мой друг, балагур и неунывающий оптимист Витя Васютенко: вздёргивал правое плечо, как в фильме это делала невеста Кашея – Баба-яга, строил томные глазки

и ласково окликал: «Коша-а-а...» Далее диалог продолжался примерно так:

– Коша, а ты знаешь, как на украинском будет «Кашей бессмертной»? Нет? Эх ты, а ещё из Белой Церкви! «Чахлик невмирущий» – во как!.. Коша, а народная молва баёт, что ты вчера с кем-то из местных подольских девиц познакомился на танцах в Пентагоне (ДК «Пищевик») и даже до дома провожал. Целовался, небось?

– Да-а, насосался, как клоп!

– Коша, да ты у нас просто сексуальный маньяк какой-то... А знаешь, как на украинском будет «сексуальный маньяк»? Нет?! «Писюнковый злодий»!

– Фу, ду.як!

Кто бы тогда мог предположить, каким зловещим пророчеством окажется эта безобидная шутка!

На третьем курсе брат познакомил Кошу со студенткой – медичкой Таней Лобач – стройной, белокурой, остроглазой и смешливой молдаванкой, четверокурсницей санитарно-гигиенического факультета. Однако Витя Васютенко, случайно встретив Никотина вместе с ней в городе, как только увидел Таню, так сразу и пропал, утонул в глубине её карих глаз. Таню он, конечно, у Коши отбил, а в начале четвёртого курса женился и прожил с ней в любви и согласии до последнего вздоха.

После училища Михаил был направлен на Черноморский флот, попал служить на один из больших противолодочных кораблей, базировавшихся в Севастополе. В принципе, назначение отличное. Мало кому так повезло: большинство ожидали окружённые сопками дальние гарнизоны Приморья или мерцанье полярного сияния под пронизывающим до костей ветром Арктики. Вскоре его корабль пошёл на боевую службу, и молодой лейтенант Лысенко несколько месяцев провёл в море. Тоже нормально, даже можно сказать – хорошо: многие о таком лишь мечтали.

И вот Кошин корабль возвращается из дальнего похода и швартуется к родному причалу. Куда в малознакомом городе пойти молодому холостому лейтенанту, да ещё с полными карманами денег, накопившихся за время плавания? Конечно, в ресторан!

Дальше всё понятно: шашлычок под коньячок, приятная музыка и стройные женские тела, ритмично танцующие под южным звёздным небом, полная релаксация, обычно заканчивающаяся в ресторанах или дракой, или так называемым «разводом», когда две особи разного пола, пришедшие поодиночке, покидают заведение уже вместе и не расстаются по крайней мере до утра... Как говорили на кораблях: «Кто кого сгрёб, тот того и ...»

В общем, Коша познакомился с молодой, симпатичной и разбитной девицей. Откуда ему было знать, что той исполнилось только семнадцать?.. Под тёплым солнышком у ласкового моря половое созревание идёт быстро, по улицам наших южных городов фланирует немало таких акселераток.

Как стало известно потом, знали её в городе многие, особенно – в ресторанах, и репутацией девушки строгих правил она не пользовалась.

Миша, разумеется, вызвался проводить её домой, а когда дошли до подъезда, выяснилось, что к себе на чай она его пригласить не может – дома родители. Уютно устроились на лавочке в ближнем сквере. Что там между ними было – покрыто мраком, свечку, как говорится, никто не держал. Однако, хорошо зная Кошу, практически уверен: он никогда не пошёл бы на какое-то насилие.

Через часок молодые мило распрощались, девица юркнула в подъезд, а Коша отправился на родной корабль...

Его арестовали утром, сонного, прямо в каюте!

Выяснилось: придя домой, девица разделась и встала под душ, а тем временем её мать обнаружила на нижнем белье дочери несколько пятен крови. Естественно, последовал допрос с пристрастием: «Кто? Где? Когда?». Понятно, что доченька для матери – всегда сама невинность и жертва похотливых самцов. Девица маме подыграла: «Да, приставал, угрожал... Зовут Миша, служит там-то...»

Коша попал в КПЗ, началось следствие. Вроде бы ему предлагали варианты, в частности – жениться (девка и её родители были не против), но он упёрся. Итог – 12 лет колонии строгого режима...

Через пару лет кто-то из наших видел его маму, сломленную горем и сильно постаревшую. Она рассказала, что у неё на пороге не так давно появлялись какие-то подозрительные личности и требовали вернуть якобы сделанные Мишей карточные долги.

Больше никто никогда ничего не слышал о нашем Никотине – сгинул без следа. Ужасно, просто ужасно...

Вокруг и около спорта

Спорту в училище внимания уделяли много, даже, мне кажется, слишком много. Посудите сами. Каждое утро начинается с физзарядки и пробежки. Минимум три раза в неделю – плановые занятия согласно учебным программам кафедры физподготовки и спорта. Периодические марш-броски и кроссы, строевые занятия и парады, по нагрузке мало отличавшиеся от занятий спортом (с 1-го сентября по 7-е ноября – ежедневно не менее двух часов), наряды, общехозяйственные работы и т.п. Физическая нагрузка очень большая. К вышеперечисленному можно добавить работу различных спортивных секций, участие в которой, конечно, уже являлось делом сугубо добровольным.

Секции – на любой вкус. Пожалуй, не было только футбольной – видимо, ввиду отсутствия у училища своего стадиона с полем. А так, кроме общего спортзала, оборудованного необходимыми снарядами, имелись зал тяжёлой атлетики, спортплощадки на улице и, созданный через пару лет, борцовский зал.

В одном из укромных уголков главной зоны отдыха в Киеве – Труханова острова – находилась училищная водноспортивная база с яхтами и ялами. А на занятия плаванием курсантов и зимой вывозили в открытый бассейн стадиона «Динамо».

Активно работал клуб любителей бега, коих оказалось немало. Особенно запомнились двое из них: из нашей роты – Александр Бондарь, а из второй – Владимир Сорокин. Они бегали профессионально, на уровне мастеров спорта, лидируя на всех марш-бросках и кроссах. Володя Сорокин в итоге «добежался» (в хорошем смысле слова): сначала возглавил ЦСК ВМФ, потом стал начальником физподготовки и спорта всего Военно-Морского Флота.

Кроме того, существовала и так называемая «Группа здоровья» – дополнительные ежедневные занятия для тех, кто не укладывался в установленные нормативы или не мог выполнить какие-то упражнения на гимнастических снарядах. Эти занятия проходили вечером, в часы самоподготовки. Они были не обязательны, однако настоятельно

рекомендованы, а их посещение контролировали офицеры – преподаватели кафедры физподготовки и спорта.

Я занимался в составе этой группы все годы учёбы. Что, на мой взгляд, являлось следствием несправедливой уравниловки: всех «причёсывали под одну гребёнку», поскольку стандартные, общие для всех нормативы не учитывали антропометрических данных курсантов.

Например, мой вес, при росте 189 сантиметров, был 92-95 кг. И таких нас подобралось несколько: Буля, Слава Русанов, Павел Монастырский, Слава Маляр, Валера Осташкин... Ну, не могли мы «белочкой» крутиться на перекладине, да и бегать нам было тяжело. Одно дело – худощавый мускулистый Николай Лаптев, который легко вытягивал свой вес, а выход силой на перекладине делал раз десять, другое – мы с нашими ростом и массой! Слава Русанов, имевший звание мастера спорта по боксу, и тот получал оценки не выше «удовлетворительно». Я ещё кое-как выполнял подъём переворотом, а вот выход силой – вообще не мог: висел как «сосиска». А ведь, сверх всего, за годы учёбы дважды пришлось сдавать экзамены по физподготовке! Кому-то она была в радость, а для таких, как я, – постоянной головной болью, причиной тревог и переживаний.

Я пытался спорить с этой системой, но – без толку. Как-то на занятиях в запальчивости заявил майору Блохину:

– Дайте мне двух, даже трёх ваших лучших гимнастов, и я их заломлю за минуту!

На что Блохин усмехнулся и вновь повторил: нормативы для всех одни.

Правда, «неудов» преподаватели «физо» не ставили, но нашим уделом по сей дисциплине было вечное «удовлетворительно». К примеру, мой результат экзамена, на котором требовалось выполнить тот самый выход силой, выглядел так: «Подход к снаряду – «отлично». Выполнение упражнения – «неудовлетворительно». Отход от снаряда – «отлично». Средний балл – «удовлетворительно». Да, очень обидно, но ничего не поделаешь...

В конце второго курса тем, кто хорошо (без «троек») учился и не имел серьёзных нарушений воинской дисциплины, присваивали старшинские звания. Так наш командир роты даже на общем собрании объявил, что делает исключение из этого правила только для

меня, поскольку практически по всем предметам у меня было «отлично», лишь по физкультуре «удовлетворительно».

Большие физические нагрузки и недосыпы после нарядов часто приводили к тому, что некоторые из нас засыпали прямо на занятиях. А после таких мероприятий, как ночные репетиции парада или ночные марш-броски, на лекциях спало, наверное, более половины присутствовавших. Однако тут тоже не всё просто: чтобы поспать, была нужна определённая методика.

У задремавшего курсанта голова время от времени падала, и он её периодически вздёргивал, как лошадь. Одновременно правая рука с зажатой в пальцах ручкой выводила в конспекте какие-то непонятные каракули, которые мы называли «диаграммой сна». Это состояние не оставалось незамеченным преподавателем, всегда существовал риск, что он поднимет тебя с места, и до конца лекции придётся слушать стоя.

Другое дело – принять позу глубокомысленных раздумий, подперев левой рукой голову и прикрыв ладонью глаза. При этом ручку в правой руке необходимо направить пером в конспект, изображая старательное записывание услышанного. Но и в таком случае, при погружении в более глубокий сон, рука, поддерживавшая голову, иногда подламывалась со всеми вытекающими последствиями.

Со временем появилась усовершенствованная методика, автором которой был Володя Денисенко: левую руку надо упереть локтем в стол, кисть её – вывернуть наружу, а большой палец – упереть в край правой глазницы. В этой позе рука никогда не подломится. Правда, сначала кажется не очень удобно, но быстро привыкаешь. Вот так. Век живи – век учишься...

Денисенко у нас вообще был, как сказали бы сейчас, парнем креативным. По утрам, после команды «Подъём!», садился на своей койке, сладко-сладко тянулся, изгибая руки и оттопыривая мизинчики, словно древнеиндийский Шива, и произносил: «Я – божество-о-о...»

Володя окончил педфак академии, преподавал, после увольнения в запас много лет проработал психологом в московском сбербанке. Сейчас принимает самое активное участие в ветеранском движении...

Физически сильных, крепких ребят училось у нас много, но, наверное, самым сильным был курсант Павел Монастырский. Как говорил о нём Витя Лякин: «Здоров до безобразия».

Павел тоже из Белой Церкви, ростом под 190, широк в плечах и с постоянной лёгкой улыбкой на губах. Он серьёзно занимался борьбой и тяжёлой атлетикой. Помню, на шлюпочной практике шестивёсельный ял, на котором загребным¹ был Павел, носил десятый номер и назывался нами «призовой червонец», поскольку соперничать с ним не мог никто. Павел орудовал тяжёлым веслом, как пёрышком, и бывали случаи, что просто ломал его пополам.

Как большинство очень сильных людей, Паша всегда был спокоен и миролюбив. Мы не то чтобы дружили, так как учились в разных ротях, но приятельствовали. Обычно, встретив меня где-нибудь на плацу, он затевал со мной шутивную борьбу, каждый раз сетуя, что я не посещаю секцию: эх, мол, какой костяк пропадает...

Буквально через год после выпуска, через однокурсников, даже и до прибалтийской Лиепай докатились вести, что Монастырский стал весьма известной фигурой и во Владивостоке.

Не могу судить, как обстоит дело сейчас, но в те годы столица Приморья – с точки зрения правопорядка и безопасности – была не самым спокойным городом. Тому, конечно, имелись объективные причины: масса приезжих, гнавшихся за «длинным рублём», огромный порт, близость границы и процветающий «чёрный» рынок, шумные загулы моряков, вернувшихся на берег после нескольких месяцев в море... Тогдашние обыденные явления – вечерние драки у ресторанов и нападения с целью ограбления на одиноких прохожих в тёмных переулках. Случалось, нападали даже на военных.

И вот тут местному хулиганью не повезло: на вечерней, плохо освещённой улице они столкнулись с Монастырским. Его могучая фигура их почему-то не насторожила. Дальнейшее больше смахивало на цирковое представление: хулиганы, а было их человек пятнадцать, залетали по воздуху, выделявая замысловатые кульбиты и оглашая улицу громкими воплями. Одни из них, со звуком, похожим на чмокание, прервав полёт, врезались в стену дома и сползали по ней, образуя живописную кучу-малу. Другие – резким отработанным

¹ Гребец, работающий первой от кормы парой вёсел, где требуется наибольшая сила.

броском Паши припечатывались к земле под хруст собственных рёбер и конечностей. Третьи, получив мощнейший удар, просто падали как подкошенные, а сохранившие при этом сознание – пытались отползти в сторону. Когда приехала милиция, вызванная местными жителями, ей уже и делать было нечего, кроме как вызвать скорую помощь и отправить на длительное лечение переломанную шпану. Так Паша стал во Владивостоке легендой.

Потом судьба свела нас вновь – Монастырский появился в Лиенае. К тому времени его назначили замполитом первого тихоокеанского малого ракетного корабля (МРК), который, если мне не изменяет память, назывался «Тайфун».

На Балтийском же флоте малые ракетные корабли отработывали учебно-боевые задачи уже несколько лет. Я сам два года был замполитом второго корпуса этих кораблей в ВМФ – МРК «Град». А к 1976 году в Лиенае сформировали дивизион МРК, и меня назначили замполитом дивизиона. Нас ещё называли «Дивизион плохой погоды» – из-за имён кораблей: МРК «Град», МРК «Молния», МРК «Шквал», МРК «Шторм»... Был ещё МРК «Радуга», но, как видно, он «погоды» не делал.

Кстати, из квумпарей на дивизионе замполитами МРК служили Николай Егоров, Владимир Горячев, Иван Кизя.

Корабли были небольшими – водоизмещением чуть более 700 тонн, с экипажем в 60 человек. Однако они составляли одну из главных ударных сил флота и являлись носителями ядерного оружия. В связи с этим МРК в те годы были строго засекречены: их не разрешалось фотографировать, допуск на них осуществлялся по специальным пропускам, а для стоянки в базе им предназначался специальный причал за проволочным ограждением и с вооружённым караулом на входе.

Все замполиты МРК в обязательном порядке овладевали специальностью СПС (шифровальное дело), проходили обучение по боевому использованию специального оборудования, разблокирующего пуск ракет со специальной головной частью, оформляли допуски первой степени по работе с секретными документами и материалами.

Возмужание молодых лейтенантов шло здесь быстро, а на их плечи ложилась огромная ответственность. Если к этому добавить ещё и достаточно суровые условия службы и быта на самом корабле – в

первую очередь качку, которая из-за конструктивных особенностей корпуса корабля была исключительно сильной, станет понятно, какую закалку получала молодёжь.

Именно мы, на этих кораблях, в 1975 году перехватили в Ирбенском проливе мятежный БПК «Сторожевой» с печально известным замполитом Валерием Саблиным¹.

Именно такой корабль, МРК «Мираж» Черноморского флота, во время проведения операции в августе 2008-го года показал ВМС Грузии, «где раки зимуют». Но это спустя 30 лет, а первыми-то, кто эти корабли освоил, были мы.

Конечно, решение организовать стажировку первого тихоокеанского МРК на Балтике являлось абсолютно обоснованным и необходимым, несмотря на расстояния и немалые затраты. Стажировка проходила месяца два-три, и мы с Пашей общались почти ежедневно.

В Лиенае случилась забавная история, тоже связанная с незаурядной физической силой Монастырского. В те годы увидеть представление настоящего варьете можно было только в Прибалтике. Варьете в Лиенае давало представления в лучшем ресторане города «Юра» («Море») три раза в неделю вечером.

Тогда восходили звёзды Аллы Пугачёвой и Раймонда Паулса, поэтому чуть ли не весь репертуар состоял из их песен. Правда, и кордебалет с девушками в блестящих стразах бикини присутствовал – «тлетворное», однако столь привлекательное, «влияние Запада».

Чтобы Паша сменил обстановку и немного отвлёкся от службы, я пригласил его в «Юру». Вечер удался. Мы посмотрели шоу, вкусно поужинали, позволив себе и граммов по двести хорошей латышской водки «Кристалл» с рижским чёрным бальзамом. Естественно,

¹ Имеется в виду «Восстание на «Сторожевом»» – вооружённое проявление неподчинения со стороны группы советских военных моряков в 1975 году на большом противолодочном корабле (БПК) ВМФ СССР «Сторожевой». Руководителем восстания стал замполит корабля, капитан 3-го ранга Валерий Михайлович Саблин (1939 – 1976). По официальной версии, он пытался угнать БПК «Сторожевой» в Швецию. По версии самого В. Саблина, он направил корабль в Кронштадт в знак протеста против отхода партии и правительства от ленинских положений в строительстве социализма – с целью выступить по Центральному телевидению с обращением к Л.И. Брежневу и изложением своих взглядов. Военной коллегией Верховного суда СССР, заседавшей с 6-го по 13-е июля 1976-го года, В.М. Саблин признан виновным по пункту «а» статьи 64 УК РСФСР (измена Родине) и приговорён к смертной казни. Расстрелян 3 августа 1976-го в Москве.

танцевали с местными эмансипированными барышнями, одну из которых Павел вызвался проводить до дома.

Проводил, был приглашён на чашку кофе. Уже казалось, что события развиваются по классическому сценарию, как вдруг раздался звонок в дверь, и на пороге возник старший лейтенант милиции – давний, как выяснилось, поклонник хозяйки. Нагнетать обстановку Паша не стал – надел фуражку и, как истинный джентльмен, покинул квартиру.

Герой-любовник в милицейских погонах подкатил к дому своей пассии на персональном автомобиле марки «Запорожец». Сейчас само это название вызывает у многих лёгкую ухмылку: мол, что это за машина – так, детский конструктор. Но в 1970-х личный автомобиль, пусть даже и «Запорожец», имел один из ста советских граждан, и это было, как говорят ныне, круто.

Выйдя из подъезда, Паша увидел «Запорожец», поднял его за бампер, занёс в сторону и установил передними колёсами прямо в цветочную клумбу, возвышавшуюся посреди двора. После чего спокойно пошёл на корабль и лёг спать.

Лиепая – город не очень большой, уже через день мы слушали рассказ, как всё мужское население одного из домов в центре, с возгласами «Эх, ухнем!», стаскивало с клумбы «Запорожец», который очутился на ней самым таинственным образом...

Монастырский, попав по распределению во Владивосток, так и осел там. Женился, родились дети... – всё обычно. После увольнения в запас вроде бы работал в туристическом бизнесе – ездил в Китай старшим групп (наверное – «челноков»). Не так давно нашёл в Сети его фотографию: вместе с нашим выпускником Владиславом Белинским, живущим в Находке, Паша стоит у автобуса и улыбается, подняв руку в приветствии, на лице – густая борода с проседью, да и «военно-морской» животик немаленький, только глаза прежние – молодые и добрые...

В конце весны и, конечно, летом, если мы не находились на корабельной практике и имели возможность получить увольнение в город, был у нас заветный уголок – база яхт и шлюпок на Трухановом острове. От кафедры физподготовки её курировал старший лейтенант Дырдыра – яхтсмен, заслуженный мастер спорта, чемпион

СССР в классе «Финн» и «Темпест», олимпийский чемпион в классе «Темпест». Он привлекал к работе по содержанию базы в надлежащем состоянии нашего однокашника Леонида Малькова и доверял ему ключи.

Леонид родом из Сочи, с детских лет занимался парусным спортом, стал кандидатом в мастера, что, естественно, делало его на кафедре своим человеком. Мы, не афишируя это, в тёплые и солнечные дни, получив увольнение, отправлялись к Малькову «в гости». По пути, если были деньги, покупали какие-нибудь продукты и потом готовили их на костре, а ещё – купались, загорали, ловили рыбу (при хорошем улове – варили ушицу), помогали Лёне поддерживать порядок в ангаре и на территории.

Однако самым интересным было спустить на воду яхту-катамаран и совершить увлекательный круиз вдоль многочисленных пляжей Труханова острова, высматривая симпатичных загорелых девчонок и предлагая им покататься. Кстати, Лёня так встретил свою будущую жену.

Каждый год, в День Победы, в училище проводился легкоатлетический кросс на пять километров. Для участия в нём всех курсантов вывозили на другой конец города – в Голосеевский лес. Время преодоления дистанции каждому шло в зачёт по физподготовке. Наш мудрый и заботливый командир роты, понимая, как трудно бежать ребятам крупным, тяжеловесным, на старте отпускал их из строя со словами: «Только с умом, не наглея...»

Обычно эту группу здоровяков возглавлял киевлянин Слава Мальяр, знавший в Голосеевском лесу каждую тропинку. Он, напрямую через лес, не спеша, со штурманской точностью, выводил курсантов в район финиша, который был за поворотом лесной дороги.

Мы ждали в кустах, когда на дороге покажутся первые бегуны, и начинали разминаться, чтобы не выглядеть совсем уж бодренькими. Важно было не выскочить из укрытия раньше времени, не вызвать сомнений в хорошем результате у встречавших нас на финише с секундомерами преподавателей. Присоединялись к другим, когда по дороге бежал основной поток, или даже пропустив его вперёд. Словно какие-то лесные духи, по одному выскакивали из кустов и прибегали к финишу вместе со всеми. Дальше – дело техники и

артистизма: прерывисто дышать, изобразить усталость, активно махать руками, якобы восстанавливая сбитое дыхание.

Я всю жизнь благодарен нашему Кэпу за такой человеческий подход...

Ать-два, левой...

Ежегодно 7-го ноября на киевском Крещатике проводился торжественный парад войск – главный парад советской Украины. Подготовка к нему начиналась практически с 1-го сентября.

Сначала – строгий ранжир. Понятно, что моим штатным местом в парадном расчёте стало место в первой шеренге – вторым или третьим после направляющего, то есть того, кто в шеренге первый и при прохождении торжественным маршем не поворачивает голову направо, вздёрнув подбородок, а держит её прямо, обеспечивая чёткое направление движения всего строя. Бессменным нашим направляющим все четыре года был Евгений Голубков – единственный на курсе, чей рост превышал 190 сантиметров.

Затем, тоже строго по ранжиру, формировались шеренги парадного расчёта (в каждой – по двенадцать курсантов), а из шеренг – так называемая коробка, размером двенадцать на двенадцать (двенадцать шеренг по двенадцать человек). Каждый курс формировал одну коробку. Таким образом, от училища на параде маршировали четыре коробки плюс знаменная группа и командование.

Первые тренировки парадного расчёта проходили, как правило, перед училищем на Красной площади. Сначала отработывали шеренги, которые должны, сохранив ровный строй, печатать шаг, обеспечивая при этом и подъём ноги на нужную высоту, и оттянутый носок, и прямую ногу в колене, и разворот плеч, и подъём головы, и много чего ещё. Всё это – под бой большого барабана. Затем наступала очередь отработки парадной коробки, маршировавшей уже под оркестр. Занятия проводились с личным оружием – автоматами Калашникова в положении «автомат на грудь». И так – ежедневно, минимум по два часа...

Гоняли нас беспощадно, доводя до автоматизма каждое движение, каждый поворот головы, добиваясь абсолютной слаженности, синхронности.

Следующим этапом отработывали церемонии встречи командующего парадом и приветствий. Только непосвящённому кажется, что набрать в грудь воздуха и выкрикнуть: «Здравия желаем, товарищ

генерал-полковник!», а потом три раза: «Ура!», да так, чтобы оно разнеслось протяжным эхом, легко и просто. Кто так думает, пусть попробует проделать это хотя бы с кем-нибудь вдвоём или втроём. А теперь представьте, что это делают все четыре коробки парадного расчёта – разом, как один человек!

Естественно, мы эти тренировки, скажем мягко, недолюбливали, но деваться некуда – есть слово «надо!» Однако курсантская жизнь устроена так, что в любом, даже самом трудном и малоприятном занятии, можно найти элементы, скрашивающие муштру и серые будни.

Во время тренировок на площади часто собирались зрители – обычные киевляне, проходившие мимо и останавливавшиеся посмотреть, как маршируют военморы. Среди них была одна девица, которая, как по часам, являлась к началу каждой тренировки и выстаивала до её конца. Причём она не просто стояла и смотрела, а комментировала, делала замечания. Борьба с её присутствием было бесполезно, потому что, удалённая с площади даже и милицейским нарядом, она минут через пять возвращалась на прежнее место.

Прозвали эту девицу Шура Подольская. Видимо, она была малость «не в себе», хотя прилично одета и далеко не уродина. Когда строй маршировал мимо неё, обязательно находился курсант, который протяжно выкрикивал:

- Шу-у-ра-а!..
- Что, мальчики?
- А кого ты больше любишь?
- Я вас всех люблю, мальчики!
- Шура, а кому дашь?
- Да я вам всем дам, мальчики!

Парадная коробка взрывалась смехом, и маршировать становилось как-то легче.

С середины октября начинались совместные тренировки всех участников парада, проводившиеся на взлётно-посадочной полосе КБ имени Антонова¹.

---

¹ КБ имени Антонова – ныне Государственный авиастроительный концерн «Антонов» в Киеве. Возникло как Опытно-конструкторское бюро (ОКБ-153) 31-го мая 1946-го года на Новосибирском авиационном заводе. Его главным конструктором являлся Олег Константинович Антонов (1906 – 1984).

Под утро, часа в четыре, когда за окном осенний мрак и спится так сладко, к училищу приезжала длинная колонна автобусов. Разбуженные резкой командой «Подъём!», мы быстро одевались, получали оружие и, громыхая автоматами, садились в машины. По пути к аэродрому большинство, конечно, опять засыпало, уронив головы на плечи товарищей.

К рассвету тысячи человек уже ждали тренировки в составе своих парадных расчётов на продуваемом всеми ветрами аэродроме. И вот:

– Ногу выше!

– Подбородки подняты неправильно!

– Плохое равнение в шеренгах!

– Повторить... Повторить... Повторить...

И наконец:

– Идём на зачёт!..

Таких тренировок было три-четыре. В училище возвращались как раз к завтраку, а после него – пожалуйте на занятия, никаких поблажек. Естественно, в эти дни на лекциях раздавалось не только тихое посапывание, но иногда и лёгкий храп, бороться с которым не имело смысла.

Кульминацией подготовки к параду являлись ночные репетиции на Крещатике. Их – две: первая ночная и генеральная. Здесь уже всё по-взрослому, всерьёз. И форма – парадная с полной выкладкой.

Два часа ночи, вокруг – спящий город, тёмные окна домов, однако Крещатик ярко освещён: блестят начищенные медные трубы сводного оркестра, застыли в строю парадные коробки, а за ними – рокочет двигателями бронетехника...

– Пара-ад, смирна-а-а! Для встречи слева на кра-ул!..

И понеслось...

Замаршировали парадные расчёты училищ: танковое, связи, радиотехническое, авиационное, общевойсковое и, конечно, мы...

И вот на календаре 7-е ноября – день не просто праздничный, а венец всех наших трудов и страданий. С утра в кубрике – лёгкий ажиотаж и мандраж одновременно. Ещё раз – наверное, уже десятый – надраиваешь бляху ремня... Ещё раз проходишь суконкой по и без того сияющим хромовым ботинкам... Придирчиво осматриваешь стрелку наутюженных брюк и смахиваешь одежной щёткой

пылинки с суконной форменки и бескозырки... Заодно утепляешься, как можешь: на дворе – ноябрь, однако несколько часов на морозном воздухе, а то и под снегом, предстоит провести в форме № 3¹, словно ещё тёплый сентябрь. О бушлате или шинели даже и не мечтай – ведь тогда «изюминка» нашего расчёта – полосатые тельняшки и голубые воротники – исчезнет.

Потом всех, в парадной форме, ведут строем в столовую. Завтрак, хоть и праздничный, съедаем молча, как говорится, на автопилоте, все мысли и тревоги об одном – о предстоящем испытании.

Потом – очередное построение, колонна парадного расчёта училища длинной чёрно-голубой змеей начинает выдвигаться в сторону Крещатика. На тёмном фоне строя контрастно выделяются белые парадные ремни и белые перчатки. Впереди на ветру полощется бело-голубой военно-морской флаг...

– Раз, раз, раз-два-три... Запевай!..

И гремит над древним Подолом:

– ...Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!..

Сам же парад проходит как в тумане. Всё точно так, как на многочисленных репетициях, только на тротуарах за оцеплением стоят тысячи зрителей, стрекочут кинокамеры.

На финишной прямой перед правительственной трибуной марширующий впереди нашей коробки Кэп делает едва заметное движение рукой, отдающей честь у козырька фуражки, и откуда-то из глубины строя раздаётся клич:

– Оз-з-верели-и-и!!!

И всё: открывается второе дыхание, нога легко поднимается и впечатывается в асфальт так, что, кажется, чуть-чуть подпрыгивают даже стоящие вдоль улицы громады домов, головы – вправо, подбородки гордо вздёрнуты... С трибун слышны аплодисменты.

А потом... Неужели состоялось?.. Не верится... На немного усталых лицах у всех радостные улыбки... Но как мы прошли? Какая оценка?..

¹ Форма № 3 в ВМФ – чёрные брюки, тёмно-синяя суконная форменка, гюйс, тельник, головной убор – чёрная бескозырка, носится осенью, зимой и весной (с 1-го октября по 30-е апреля) – как под шинелью или бушлатом, так и самостоятельно.

Подходит кто-то из командования училища (сам начальник училища ещё там, у правительственной трибуны) и, сделав ладони рупором, зычно кричит:

– Всем – благодарность! Мы – лучшие! Моряки прошли лучше всех!

Уже без всяких команд раздаётся раскатистое «Ура-а-а!»

Затем коробки перестраиваются в колонну по четыре человека, и теперь обычным шагом, в обход Крещатика, по Андреевскому спуску¹, мы возвращаемся в училище. На празднично украшенных домах полощутся флаги и транспаранты. На тротуарах стоят нарядные горожане: машут руками, флажками, цветами. То здесь, то там слышится: «Молодцы!», «ВМФ слава!», «Орлы!»... Молодые, бойкие киевлянки выскакивают прямо к нам, под ноги, и дарят цветы – много цветов, очень много... Мы втыкаем в дула висящих на груди автоматов по красной гвоздике...

«Хозяин Украины», первый секретарь ЦК КПУ Владимир Васильевич Щербицкий любил военных моряков. К нашему училищу относился не просто хорошо, а отечески заботливо. По его указанию на всех значимых мероприятиях республиканского и городского уровней должны были присутствовать флотские парадные расчёты. Для нас это, конечно, большая честь, но и дополнительная нагрузка тоже.

В училище сформировали так называемый «малый парадный расчёт», в который вошли знаменная группа и человек пятьдесят курсантов. Отбирали в него самых рослых, фотогеничных и имевших хорошую строевую подготовку. Из-за высокого роста «повезло» и мне оказаться в его составе. Что же касается выучки, гоняли нас так, что, наверное, и медведя бы обучили безукоризненно выполнять строевые приёмы.

И где только нам ни пришлось печатать шаг: на съездах КПУ и ЛКСМ Украины, на открытии Дворца «Украина», на съездах шахтёров и хлеборобов, на слётах ветеранов, на открытиях мемориалов, на возложениях венков к памятникам...

Наше училище было единственным, которое привлекали к обеспечению проведения первомайских мероприятий в Киеве. Мы стояли

в оцеплении. Стояли не где-нибудь вдоль Крещатика, запруженного праздничными колоннами демонстрантов, а непосредственно у правительственной трибуны! Думаю, по личному распоряжению В.В. Щербицкого.

Первое мая – это ещё и день перехода на летнюю форму одежды, поэтому мы уже в накрахмаленных белых форменках и в белых бескозырках. Задача – наблюдать за порядком и не допустить прорыва к трибуне чересчур эмоциональных, а в основном – нетрезвых, граждан. Мы стояли у трибуны не сплошным, плечо к плечу, строим, а на расстоянии метр-полтора друг от друга. Службу несли минут по сорок, после чего менялись и шли покурить, попить чаю – за угол, в здание Театра русской драмы, в фойе которого был оборудован временный пункт отдыха.

Если кто-то думает, что ничего сложного и тяжёлого в участии в таком оцеплении нет, он глубоко ошибается. Представьте себе разноцветную ликующую, поющую, танцующую, выкрикивающую лозунги и здравицы массу людей. Их тысячи, десятки тысяч, а может, и сотни... Все они бесконечной лентой проходят перед тобой. Первый час ещё ничего, даже интересно. Потом начинает рябить в глазах, голова становится чугунной; кажется, прямо в ушах всё громче звенит медь оркестров и бьют барабаны: «БУМ-БУМ-БУМ...» Так часов пять-шесть. При этом надо быть начеку, выполнять своё основное предназначение! Ладно, когда из колонны выбежит раскрасневшаяся дивчина в украинском национальном костюме, красных сапожках и с веночком бумажных цветов на голове, радостно поздравит с праздником и на бегу подарит гвоздичку или несколько веточек распустившейся вербы. А вот если это потерявший над собой контроль нетрезвый, а то и не совсем вменяемый человек, тут будь готов к любым неожиданностям и к решительным действиям.

На третьем курсе я стоял в оцеплении у правого края правительственной трибуны. Это была третья или четвёртая смена, мы уже достаточно сильно устали. Вдруг от колонны демонстрантов отделился здоровенный мужчина в возрасте за тридцать и сильно пьяный. Увидев нас, выкрикнул:

– Привет, матросня! А ну, попробуем, какая у вас военно-морская грудь!

¹ Андреевский спуск в Киеве (укр. Андрійвський узвіз) – один из старинных путей, соединяющих Верхний город, его центральную часть, с торговым Подолом.

Он подбежал к оцеплению и со всего маха двинул кулаком в грудь одному из наших, потом – другому... Следующим был я.

От злости и возмущения у меня потемнело в глазах: ну нет, бить себя я не позволю никому! Пока пьяный хулиган, покачиваясь передо мной, заносил руку, я ударил первым. Ударил резко, вложив в удар всю силу и всё негодование. Ударил не кулаком, а торцом ладони.

Нарушитель, оторвавшись от земли, влетел назад, в колонну, чуть не сбив несколько человек, и повис на руках демонстрантов. Через секунду людской поток унёс его вдаль. Кто-то из стоявших на трибуне над моей головой одобрительно хмыкнул, а к моему уху дотянулся один из находившихся за нами крепких мужчин в одинаково строгих костюмах и шепнул:

– Молодец, хлопчик!

... После окончания демонстрации мы возвращались в училище, съедали праздничный обед, получали увольнительные записки в город и... шли в свой кубрик, ложились и спали часа два – так сильно уставали.

«Ридна мати моя...»

Было бы странным, если бы в политическом военном училище не существовало художественной самодеятельности. Талантов у нас водилось немало, и практически все они проявили себя сразу после поступления.

Очень быстро сформировался курсантский вокально-инструментальный ансамбль «Магелланы», функционировавший все годы учёбы и даже выступавший на молодёжных вечерах в городе. Театральная студия сделала несколько постановок, среди которых больше всего запомнилась «Оптимистическая трагедия» Всеволода Вишневского. Был танцевальный коллектив с группой исполнителей классических бальных танцев и её безусловным лидером Славой Гайдаром из нашего класса. Многие владели различными музыкальными инструментами. Прекрасным баянистом был Владимир Бухановский, а курсант Патрикеев играл на рояле и пел: его коронным номером была песня «Комиссары»¹.

Кстати, и сейчас Александр Васильевич Патрикеев – заместитель председателя и ответственный секретарь комиссии по правам

1 «Комиссары» – слова М. Матусовского, музыка – Е. Жарковского.

человека при правительстве Мурманской области – активно занимается творчеством. Он автор музыки и слов гимна Мурманской области.

Хорошо пели многие, к примеру – наш старшина роты главный корабельный старшина Анатолий Борзов, любивший исполнять «Море седое...»¹

Украинские песни лучше всех – пронзительно и нежно – пел курсант Николай Ратушняк. Рождённый в селе где-то на Полтавщине, он с молоком матери впитал всю красоту и мелодичность украинского языка, всё очарование народных мелодий. Когда мягким баритоном он выводил свою любимую «Сорочку мати вышила мини...», на глазах у нас стояли слёзы.

Коля поступил в училище со срочной службы, которую проходил на Черноморском флоте, и не кем-нибудь, а водолазом-глубоководником. Он даже принимал участие в одной сложной спасательной операции по подъёму со дна потерпевшего катастрофу самолёта, за что его наградили именными часами.

Выше среднего роста, крепкий, темноволосый, чернобровый, кареглазый, Коля, с одной стороны, был весельчаком и балагуром с врождённым чувством юмора, что всегда ценится в воинском коллективе, а с другой – пользовался большим авторитетом как честный, принципиальный, готовый прийти на помощь и бескорыстный товарищ. Так сложилось, что в дальнейшем наши жизни довольно тесно переплелись.

По распределению Николай попал на Северный флот, где и прошла вся его офицерская служба. Учитывая уже имевшуюся у него специальность, он попросился на корабль-спасатель. Ведь его мечтой было стать замполитом и, в случае необходимости, одновременно работать квалифицированным водолазом, чего ранее на флоте не встречалось. Но «загад не бывает богат» – никто Колю под воду в качестве водолаза не пустил.

Правда, вскоре его корабль направили с ответственной миссией на Кубу. Задачей являлась помощь в расчистке акваторий крупных кубинских портов, в первую очередь, Гаваны от затонувших кораблей,

1 «Море седое...» – песня «Морская душа» («Пенится вал за кормою...»), слова Марка Лисянского, музыка Александра Долуханяна.

представлявших угрозу судоходству: многие из них лежали на дне ещё со времён бегства с острова диктатора Батисты.

На Кубе Николай служил довольно долго – года полтора. Сносно выучил испанский язык, побывал в разных уголках острова, всей душой полюбил эту страну и её свободолюбивый народ. Посчастливилось лично встретиться с лидером кубинской революции легендарным команданте Фиделем Кастро и его братом Раулем, который был тогда Министром обороны.

Успешно выполнив поставленные задачи, корабль Николая вернулся на Северный флот, а Ратушняк, поняв, что его план совместить должность замполита с работой водолазом неосуществим, попросил о переводе на боевые корабли.

Сначала нам довелось служить вместе на Атлантической эскадре, где Николай был секретарём партийного комитета тяжёлого авианесущего крейсера «Киев» – очень уважаемым на этом первом советском авианосце офицером, руководителем, к которому тянулись люди: требовательным и справедливым, простым и душевным.

Боевую службу на борту «Киева» мы несли и в Средиземном море. По вечерам, особенно если корабль находился на одной из якорных стоянок, я иногда стучал к Ратушняку в каюту. Мы заваривали крепкий чай и долго беседовали «за жизнь». Я дымил походной трубкой, а Коля, чуть прикрыв глаза, вполголоса пел украинские песни: «Ридна мати моя, ты ночей не доспала...», «Несе Галя воду...», «Ой, у вишневого садочку...», «Чорнии брови, карии очи...».

Боже, как он любил родную Украину! Как вспоминал своё село, его обряды и традиции, цветущие вишневые сады! А в это время лётную палубу крейсера и его надстройки потихоньку покрывал мелкий красноватый песок Сахары, который нёс ветер с берега...

Затем мы служили на дивизии морских десантных сил. Николай был замполитом флагманского корабля дивизии – крейсера «Мурманск». Да-да, того самого, проекта 68-бис, в 1994-м году, после практически полного капитального ремонта, проданного за жалкие гроши Индии «на иголки» (то есть на металлолом). Однако крейсер не смирился с такой горькой участью: во время буксировки в штормовую погоду оборвал буксирные тросы и погиб на подводных камнях у норвежского острова Сёрёйя. До сих пор его надстройки

возвышаются над водой – как свидетели совершённого предательства и немой укор...

С каждым годом, чем выше поднимаешься по служебной лестнице, тем больше опыта и профессионализма приобретаешь, а главное – тем выше ответственность и спрос за состояние дел на порученном участке. Когда в твоём непосредственном подчинении уже тысячи человек, не проходит и дня, чтобы чего-нибудь не случилось, чтобы не пришлось заниматься разбирательствами и принимать решения – часто очень непростые.

Каких только происшествий у нас с Николаем не было за период совместной службы! Но одна история совершенно нестандартна и связана, к сожалению, с выпускником нашего училища.

Кто в те годы мог достаточно знать о сексуальных отклонениях, а тем паче – владеть терминологией, которой владеют сейчас даже подростки? Разве что врачи, да и то соответствующего профиля. Правда, что такое гомосексуализм, мы знали, но на кораблях это явление было чрезвычайно редким и при обнаружении каралось быстро и эффективно. Слово же «трансвестит» вообще мало кто слышал и понимал.

Ранней весной 1988-го в мою каюту на штабном БДК¹ постучал Николай. По удручённому выражению лица я понял: что-то случилось.

– Ну давай, рассказывай, что стряслось!

– Я в шоке... Не знаю, с чего начать... Никогда с подобным не сталкивался.

– Мы все когда-нибудь с чем-нибудь сталкиваемся впервые. Рассказывай!

– В августе на корабль назначили выпускника КВВМПУ, коренного киевлянина, лейтенанта Н. – его избрали секретарём комитета комсомола крейсера. Помнишь его?

Я помнил этого высокого, стройного, румяного лейтенанта и то, что он был какой-то замкнутый, не улыбочивый, нелюдимый. Я тогда

¹ Большие десантные корабли (БДК) – класс десантных кораблей в советском ВМФ, в целом, примерно соответствовавший танкодесантным кораблям (LST) стран Запада. Это корабли, предназначенные для высадки морского десанта и переброски морем на большие расстояния войск и грузов. Способны доставлять (перевозить, транспортировать) различные виды бронетехники, включая танки.

ещё подумал, что для комсомольского вожака крейсера, где на учёте почти тысяча комсомольцев, это не очень хорошо.

– Начал Н. служить. В принципе, ничем особенно не выделялся. Но скоро мы стали обращать внимание на некоторые странности в его поведении. Он не женат, но у него нет даже девушки, с которой бы он переписывался или встречался. Все молодые офицеры дорожат сходной сменой на берег, а этот вообще сойти с корабля и где-то побывать, с кем-то познакомиться, отдохнуть, хотя бы среди таких же сверстников-офицеров, не стремится. Офицеры обеспечивающей смены вечером в кают-компаниях «гоняют чай», беседуют, обсуждают что-то. А лейтенант при первой возможности уединяется в своей каюте и запирается на ключ, что, как ты знаешь, на корабле не принято. Первым, кто обнаружил «нечто», стал матрос, делавший приборку в его каюте. Возник нездоровый интерес. Ну, ведь наш матрос, если что-то хочет узнать, обязательно узнает! Матросы просверлили дырочку в металлической переборке лейтенантской каюты и через неё увидели, как их комсомольский лидер, заперев дверь, облачается в женское нижнее бельё, красит губы и извивается перед зеркалом... По кораблю пополз слух, что секретарь комитета комсомола – извращенец. Молва быстро дошла до меня. Вчера я специально отправил Н. на берег – старшим группы матросов, идущих в культпоход, а сам вскрыл дубликатом ключа каюту и досмотрел её. До сих пор нахожусь в шоке... В шкафах – всё забито женской одеждой, преимущественно бельём: пояса с резинками, чёрные ажурные чулочки, бюстгалтеры, трусики разных цветов, комбинации, парики, туфельки. В ящиках стола: помады разных оттенков, тушь, пудра, румяна, лаки для ногтей. Также в столе – целая гора таблеток в упаковках. Врачи крейсера определили их как гормональные. Вот – докладываю, как есть. Что-то делать надо, а что – не знаю...

Через несколько минут, когда и у меня прошёл первый шок и улеглись эмоции от услышанного, мы стали думать, что предпринять.

Я вызвал флагманского врача дивизии – подполковника Лукьянова – и посвятил его в курс дела. Совместно решили: необходимо провести углублённое медицинское обследование Н. в стационаре психиатрического отделения госпиталя в Мурманске. Позвонили туда, объяснили ситуацию, договорились о госпитализации на следующий день.

Теперь требовалось, чтобы Н. добровольно согласился на обследование, а ещё нужно было изъять, пока хотя бы на хранение, его партийный билет.

Наутро Ратушняк доставил Н. ко мне в каюту для беседы. В это время, готовый выехать в Мурманск, у трапа штабного корабля уже ждал служебный УАЗик с подполковником Лукьяновым.

К нашему облегчению, лейтенант ничего не отрицал и не собирался скрывать:

– Да, вообще-то с детских лет я хотел быть девочкой. Мама тоже больше хотела иметь девочку – она одевала меня в платья, повязывала на голову банты. Когда стал старше и учился в школе, переодевался в женское платье и выходил гулять в город...

– И где же ты в городе бывал?

– Чаще всего ходил по женским туалетам и подсматривал. Мечтал попасть в женскую баню, но это было нереально, потому что самому пришлось бы раздеваться догола.

– Ну а как училище?

– А что училище? Никто и ни о чём меня при поступлении не спрашивал, никому ничего я не рассказывал.

– А когда увольнялся и приходил домой, что делал?

– Переодевался в женскую одежду и шёл в город.

– Опять подсматривал по туалетам?

– Да.

– Вы, действительно, оставшись один в каюте, переодеваетесь в женское бельё и наносите на лицо косметику?

– Да.

– Вы понимаете, что такое поведение для офицера флота и, тем более, для комсомольского вожака боевого крейсера, мягко говоря, ненормально?

– Понимаю.

– Мы предлагаем вам пройти медицинское обследование, а пока оно будет проводиться, прошу сдать мне на хранение ваш партбилет. Есть возражения?

– Нет, возражений нет. Я согласен.

Лейтенанта Н. обследовали месяца два. Диагноз был однозначный – «трансвестизм». Его смотрел и беседовал с ним даже главный

психиатр Министерства обороны, приехавший тогда на флот с какой-то проверкой.

В это время самую бурную деятельность развил отец Н. – крупный начальник и известный в Киеве человек. Он написал множество жалоб в ЦК КПСС, комитет партийного контроля и т.д. О том, что его сына якобы преследуют, травят, незаконно ограничивают его свободу.

Медики флота были вынуждены направить лейтенанта на ещё одно медицинское освидетельствование – в Военно-медицинскую академию в Ленинграде. Ранее поставленный диагноз подтвердился, Н. по болезни уволили в запас. Говорят, папа подыскал ему тёпленькое местечко в Киеве, но уже, конечно, не на военной службе.

А теперь спрошу: что это?! Как такой страшный брак могло допустить училище? Брак с далеко идущими социальными последствиями! Ведь «шило в мешке не утаишь», и можно только догадываться, что на этот счёт говорили люди и в кубриках, и в каютах крейсера, да и на других кораблях тоже.

Что касается Николая Ратушняка, в дальнейшем он служил замполитом тяжёлого авианесущего крейсера «Баку». После развала Союза, губительных реформ, распродажи флота «на иголки», как многие, уволился в запас. На большой земле у него никакого собственного жилья не было. Встал в очередь на переселение из районов Крайнего Севера – ждать в ней обычно приходилось не один год... Работал директором средней общеобразовательной школы в посёлке Щук-озеро под Североморском.

В 2003-м Николай Григорьевич Ратушняк скоропостижно скончался от сердечного приступа. Похоронен он в Мурманске. Вечная память!

Сырки

Ежегодно летом у нас проходила корабельная практика. Исключением стал четвёртый курс, на котором предвыпускная стажировка началась сразу после Нового года и продолжалась до конца февраля.

Практика делилась на два вида: по специальности и штурманская. Хорошо запомнилась самая первая – на Черноморском флоте, на бывшем крейсере «Ворошилов», переоборудованном в опытовое судно «ОС-24», на котором испытывались новые образцы оружия. На нём мы совершили штурманский поход: сперва от Севастополя до Одессы,

затем от Одессы через Новороссийск до Поти и, наконец, обратно в Севастополь.

Навигацию нам начали преподавать на первом курсе, полученные теоретические знания закреплялись на практике в этом походе. Конечно, мы отрабатывали самые простые операции: определение места корабля по видимым береговым ориентирам, ведение штурманской прокладки и навигационного журнала, учёт дрейфа от ветра и течения.

На корабле специально оборудовали штурманскую палубу, под навесом которой стояли столы с картами и необходимыми инструментами – штурманской линейкой, транспортиром, циркулем-измерителем, здесь же установлены несколько пеленгаторов¹.

У каждого курсанта были своё рабочее место, своя карта и свой навигационный журнал, систематически проверявшиеся преподавателями кафедры кораблеводства. Рабочих мест оказалось не более пятидесяти, а нас – за двести человек. Поэтому штурманскую вахту несли круглосуточно, по четыре часа, каждый класс заступал на неё в свою смену через двенадцать часов.

Корабль шёл малым или средним ходом в пределах видимости берега, а вахтенные самостоятельно вели счисление и определяли место, беря пеленги² на ориентиры – маяки, знаки, особенности рельефа береговой черты. В ночное время определялись по огням маяков.

Кроме штурманской практики, была и собственно корабельная жизнь в море – учебно-боевые тревоги, приборки и другие работы, наряды, физподготовка... В общем, не соскучишься.

Увольнений на берег, конечно, не давали, но дважды мы ступили на твёрдую землю ради экскурсий и культпоходов. Первый раз – в Одессе, второй – в Новороссийске³.

Надо сказать, что идти летом, в жаркую погоду, вдоль берегов черноморских курортов – достаточно жестокое испытание для молодых

¹ **Пеленгатор** – прибор, применяемый в морской и воздушной навигации для определения угловых направлений на внешние ориентиры (береговые или плавучие объекты, небесные светила и др.).

² **Пеленг** – горизонтальный угол между северной частью меридиана наблюдателя и направлением из точки наблюдения на объект; измеряется по часовой стрелке от нуля (направление на север, N) до полной дуги окружности (360°, или 32 румба).

³ По свидетельству Владимира Тыцких, подтверждённому фотоснимками, сход на берег – возможно, только для части курсантов – осуществлялся и в грузинском Поти (*прим. редактора*).

ребят в состоянии гормонального взрыва. Визир пеленгатора так и норовит предательски замереть не на навигационном знаке, установленном, к примеру, на горе Ахун, а на сочинском городском пляже, где так соблазнительно изгибается в солнечных лучах стройная девичья фигура в бикини...

Забавный эпизод произошёл на одесском рейде, когда вечером на корабль, в порядке проведения культурно-массового мероприятия, привезли с берега... гипнотизёра. Это был совсем ещё молодой – лет двадцати пяти – человек, выпускник Одесского мединститута.

Ничего подобного я никогда потом не видел, хотя неоднократно присутствовал на различных показательных гипнотических сеансах, преимущественно во время отдыха на южных курортах.

Поначалу – всё обычно. Курсанты сцепили пальцы рук за головой, закрыли глаза и слушали счёт до десяти с какими-то убаюкивающими словами. Тех, кто на «десять» не смог расцепить пальцы, отобрали в отдельную группу – как понимаю, в качестве наиболее поддающихся гипнозу. Дальше гипнотизёр работал только с ними. Работал – мягко сказано: наши ребята, находившиеся в трансе, пели и плясали, изображали зверей, катались на машинах... Самый низкорослый на курсе – Шулепов – объявил, что он не кто иной, как Муслим Магомаев. Встал в позу, вытянул руку и запел... «Бухенвальдский набат».

Оказался очень подвержен гипнозу старшина нашего класса Гена Савинцев – справедливый, бесхитростный и открытый парень из многолетней шахтёрской семьи, судя по всему, жившей не слишком богато. (Как я узнал позднее, он только в армии впервые стал спать на белых простынях, которые ещё и меняются еженедельно. Самым заветным лакомством для него были два блюда: салат «Оливье» и селедка «под шубой». Видимо, его семья могла позволить их себе лишь по большим праздникам.)

Гена получил прозвище «Негра» – за то, что в минуты хорошего настроения любил напевать: «Кто же поверит, кто же поверит негру, что белую девушку Кэти я люблю...»¹. Он не обижался на это, да и вообще был спокойным и миролюбивым.

¹ «Кто же поверит, кто же поверит негру, что белую девушку Кэти я люблю...» – сведений об авторах этой песни найти не удалось, но её текст, начинающийся строкой: «Бен родился в Южном Конго...», есть в Интернете.

И чего наш Негра не вытворял под гипнозом! За рулём белой персональной «Чайки» вёз свою девушку в ресторан, угощал любимую сельдью «под шубой» и запивал лакомство шампанским...

Сеанс не прошёл для Гены без последствий: он стал разговаривать по ночам, а точнее – спал с закрытыми глазами, но отвечал на вопросы и мог быть легко «перемещён» в иную реальность. Чем наши шутники, естественно, воспользовались.

Вернувшись с корабельной практики в училище, вечером после отбоя мы только и ждали, когда заснёт Негра и начнётся представление. Особенно усердствовали Макс, Лёня Мальков и Игорь Дворецкий (Карась):

– Геночка, ты меня слышишь? Это я, твоя Леночка...

– Ой, Леночка, как я рад! Я так по тебе соскучился...

– Ага, соскучился он... А сам, небось, в своём Киеве по девкам бегаешь?!

– Нет, что ты. Никаких девок. Я одну тебя люблю!..

– А водку ты пьёшь?

– Ну что ты, Леночка! Какая водка, нам же нельзя. За это исключить могут!

– Всё ты врешь! Кто в прошлое воскресенье пил вино в парке вместе с курсантом Пономарёвым?

– Ой, а как ты узнала?!

– А я про тебя всё знаю! От меня никуда не спрячешься! На дне морском тебя найду, если будет нужно! Ты всё понял, алкаш несчастный?

– Понял, Леночка... Я больше не буду... И зарплату стану тебе отдавать до копеечки.

– Ну, смотри у меня – ты обещал, никто тебя за язык не тянул! Если ещё раз хоть пива выпьешь, потом, как пойдёшь в туалет, так твой член и отвалится!

– Не надо, Леночка!..

Гена начинал хныкать и всхлипывать, шоу заканчивалось. Оно повторялось ещё несколько вечеров подряд – пока Негра с закрытыми глазами ни полез в свою тумбочку, откуда вытащил перочинный нож, раскрыл его и спрятал под подушку. На этом охота к потехе у наших шутников сразу пропала. А через неделю-другую и сам Гена перестал разговаривать во сне.

В настоящее время капитан 1-го ранга в отставке Геннадий Константинович Савинцев живёт в Калининграде, активно участвует в ветеранском движении...

После штурманского похода и возвращения «ОС-24» в Севастополь нам предстояла ещё одна практика – теперь в полку морской пехоты Черноморского флота. Когда мы покидали корабль, произошёл небольшой инцидент. Дело было после обеда, а на котловое довольствие у морских пехотинцев нас могли поставить только следующим утром. Поэтому ужин выдали сухим пайком. Когда положенные каждому военнослужащему граммы суточного продовольственного пайка идут в общий котёл, голодным никто не останется – даже и не всё смогут съесть. А вот сухой паёк – вещь скромная и вряд ли способна насытить молодой организм. Мы получили: четверть буханки белого хлеба на человека, по одному варёному яйцу, по плавленому сырку и банку консервов «Килька в томате» на двоих. Особо не разгуляешься.

Мой друг Питон, имевший опыт нахимовского училища, с консервами поступал так: разминал кильку прямо в банке вместе с соусом, превращая содержимое в жидкую кашу. Кашу мы потом мазали на хлеб, и ни грамма продукта не пропадало.

Сухой паёк на роту выдавали в картонных коробках, а затем, чтобы эти коробки не тащить с собой, каждому на руки. По ошибке одна из коробок, в которой лежали плавленые сырки «Дружба» для второй роты, попала к нам. Старшина, решив, что так и должно быть, раздал все сырки, и, таким образом, каждому досталось по два.

Из-за какого-то технического сбоя за нами не прибыли грузовые машины, предназначенные для переезда в Казачью бухту Севастополя, где базировалась морская пехота, и мы пошли туда пешком, через весь город, по жаре. Шли долго, не менее двух часов. По дороге захотелось есть, и плавленые сырки умяли с большим аппетитом.

Преступление открылось сразу, как только прибыли на место, где нас уже ожидала вторая рота – в надежде получить свой паёк. Невольно нанесённая нами товарищам душевная и физическая травма оказалась настолько глубока, что они ещё года полтора называли нас обидным словом «сырки».

Практика по курсу «тактика морской пехоты» была хоть и нелёгкой, но весьма насыщенной и интересной. Для начала нас ознакомили с разного

вида стрелковым оружием, обучили стрельбе из пулемёта и гранатомёта, затем каждый выполнил боевое гранатометание. Высадка на броне плавающих танков и бронетранспортёров в воду с борта БДК – с последующей атакой на берегу – тоже была.

Совершенно незабываемое по остроте впечатление оставило рытьё окопов. Нам выдали сапёрные лопатки и поставили задачу отрыть окоп для стрельбы лёжа. Это происходило в степи под Севастополем, где проклянная солнцем земля покрыта твёрдым панцирем с кругленькими дырочками – норками скорпионов, между которых очень быстро ползали противные желтобрюхие ящерицы. Земля аж звенела, как железо, при ударах лопатки, в стороны летели мелкие комья и камни, а напуганные скорпионы разбежались, подняв ядовитые хвосты...

Когда и это испытание было позади, и нас поставили в строй – грязных, обожжённых солнцем, пропотевших до белых солевых разводов на робах, с кровавыми мозолями на ладонях, – кто-то сказал:

– Вот теперь я понимаю, почему матросы в Севастополе не отступали и дрались насмерть! Легче вырыть один окоп и в нём умереть, чем отступить и рыть следующий...

Потом состоялась так называемая «обкатка танками». Два человека забиралась в специально отрытый – длинный, узкий и достаточно глубокий – окоп. При приближении рокочущего и лязгающего железом танка метров на десять надо было высунуться и метнуть под гусеницы камень, имитировавший гранату, затем – лечь на дно окопа, дожидаться, когда танк проползёт над тобой, опять вскочить и вновь – уже сзади – бросить камень под гусеницы. В общем-то, ничего сложного и страшного. Хотя, естественно, и ничего приятного нет, когда над тобой с рёвом движется многотонное чудовище, а земля сотрясается вокруг и сыплется со стен окопа на твою голову и спину. Но и не смертельно, главное – психологический настрой.

Обкатка не обошлась без анекдотичного инцидента. Очередь дошла до курсанта Олега Попова: он высунулся из окопа, рванул на груди тельняшку и выкрикнул: «Руссиш матросен не сдаётся! Гитлер капут!», после чего запустил булыжником не под гусеницы, а в башню танка. Олег попал прямо в большую фару, закреплённую на корпусе, и она разлетелась от удара мелкими брызгами. Танк остановился, на башне открылся люк – из него стал выбираться сержант морской пехоты, телосложением напоминавший квадратный шкаф. Сержант был красным от праведного гнева и вполголоса матерился.

Мы поняли, что Попова сейчас начнут бить... Благо наш комроты оказался поблизости и не допустил экзекуции, пусть и вполне заслуженной. Что же касается Олега, потом он неделю по ночам драил полы в казарме.

Может, потому, что мы прошли всю запланированную программу, а может, и по каким-то иным причинам, вскоре всех нас направили на участие в киносъёмках. Снимали двухсерийный фильм «Оборона Севастополя», позднее вышедший в прокат под названием «Море в огне». Своей маской мы изображали морских пехотинцев, ведущих бои с фашистами на подступах к Севастополю. Нас переодели в солдатские, выгоревшие на солнце, гимнастёрки, из-под которых должны быть видны флотские тельняшки. Раздали головные уборы, причём разные: кому досталась каска, кому – старая чёрная бескозырка без пружин с названием корабля на ленточке, кому – армейская пилотка. Выдали и оружие, когда-то бывшее боевым, но приспособленное для стрельбы холостыми патронами. Те, кому повезло, получили автоматы ППШ. Мне досталась древняя трёхлинейка, чей потёртый приклад, казалось, ещё помнил мозолистые ладони красноармейцев, штурмовавших укрепления Перекопа.

Съёмки проходили на степном плато над берегом моря, недалеко от территории, занятой частью морской пехоты. С утра до обеда мы сидели в окопах, а по команде режиссёра бежали в атаку с оружием наперевес, криками «Ура!» и «Полундра!», среди дыма от горящих дымовых шашек и взрывов зарытой в землю пиротехники.

Снова не обошлось без курьёзов. Помрежи назначили «актёров», которым во время атаки надлежало упасть на землю, изображая раненых или убитых. И вот снимают очередной дубль. Курсант Сергей Россинский, картинно взмахнув руками, падает перед камерой. Следом за ним бежит Слава Маляр с ППШ, останавливается, толкает упавшего ногой и выпускает в него очередь.

– Стоп, камера! Ты что творишь, хулиган?!

– А это я его добил, чтобы долго не мучился...

Вообще-то было нелегко. Сильно страдали от жары. Лето, в отдельные дни +37 в тени, а на солнце – под +45. Вокруг – голая степь с жёлтой выжженной травой, ни одного деревца, никакой тени, и от палящих лучей не спрятаться, не скрыться. Мы литрами пили тёплую, отдававшую хлоркой и железом воду, которую подвозили в бочках, а она немедленно выходила из организма потом.

Позади нас, метрах в пятидесяти, плескалось море. Такое голубое, чистое, манящее... Однако купаться было категорически запрещено – из-за угрозы эпидемии холеры. Кто-то где-то обнаружил в воде какие-то палочки. Перед входом в столовую нас даже заставляли перестраиваться в колонну по одному, и врачи строго контролировали, чтобы каждый окунул кисти рук в обрез с концентрированным раствором хлорной извести. Когда садились за столы, казалось, что всё покрыто тонким слоем засохшей хлорки – кружки, миски, ложки...

В один из самых жарких дней мы фактически испеклись на солнце, и сердце командования дрогнуло: нам обещали двадцать минут купания по завершении съёмки. И вот – съёмки окончены, мы выбрались из окопов и живописными группами валяемся на сухой траве, в нескольких метрах от воды, ожидая команды. После киношных атак у многих ещё остались неиспользованные холостые патроны. То в одном конце раздаётся: «Бах!», то в другом: «Бах, бах!..» Большие мальчишки, иначе не скажешь.

Появляется Капитан Чоп (о котором я уже рассказывал выше):

– Прекратить стрельбу, мать вашу!

И тут за его спиной очередное: «Бах, бах!..»

Чоп побагровел, упёр в бока кулаки и изрёк:

– Пыздец купанию!

Не знаю, может, он и не такой уж плохой человек, но этот «пыздец», хоть прошло с той поры более сорока лет, мы ему никогда не забудем!...

1 Из письма Виктора Низина: «Чтобы сменить Телина И.С., у которого вышло звание, а на роте категория каптри, к нам приставили капитана Мартыновича. Это про него пишет Олег Гречко, когда рассказывает о практике на «Ворошилове» и в морской пехоте. Это его фраза: "Пыздец купанию!" Но я не увидел у Олега продолжения. А дело было так: когда Мартынович изрёк эту фразу, мы ещё стояли лицом строя к этой луже. Точно помню, курсант соседней роты по фамилии Чичков крикнул из строя: "Хорэ издеваться!" Реакция Мартыновича: "Кто сказал хорэ? Выйти из строя!" Чичков вышел. Мартынович: "За хорэ пять нарядов! Встать в строй!" Мартынович в ходе той практики получил звание майора, но на «Ворошилове» пришёл себе нарукавные нашивки капитана 3 ранга. Когда кто-то из курсантов обратился к нему "Товарищ майор!", он ответил: "Я не майор!" и на вопрос "Кто же вы?" демонстративно выпятил руку с нашивками, при этом вопрошая: "А это что, хер что ли?" Он надеялся на переаттестацию, потому как "оморячился" на "ОС-24". Но ничего не вышло. После практики дед Слюсаренко Г.К. заставил его срезать нашивки.

Когда с Балтики пришёл командир БТЩ (*базовый тральщик. – Ред.*) капитан-лейтенант Барабаш В.П., Мартыновича перевели в какие-то хозяйственные структуры.

Ивану Степановичу нашли место в учебном отделе училища, где он получил капитана второго ранга. Его сын тоже закончил КВВМПУ, но лет через пять после нас.

Корабельные практики по основной специальности – партийно-политической работе – не были совместными: нас распределяли по разным кораблям и частям флота. Здесь всё во многом зависело оттого, на какой корабль попал, повезло или нет с наставниками. Мне довелось поработать и на десантном корабле, и на морском тральщике, и на сторожевике. Общей же для всего курса была ещё одна практика, тоже штурманская и астрономическая, проходившая летом 1972-го на учебном корабле «Гангут».

Это уже не каботажное плавание вдоль черноморских берегов, а настоящий дальний поход: переход из Таллина в Севастополь через воды Балтики, открытой Атлантики, Средиземного и Чёрного морей. Так же несли штурманские вахты, вели счисление пути корабля – прокладку на морской навигационной карте, определяли место корабля в бескрайнем море по светилам: днём – по солнцу, ночью – по луне и звёздам. Все научились обращаться с морским секстаном и решать непростые, требующие навыков работы со специальными таблицами и длительных математических вычислений, астрономические задачи.

Здесь всё было всерьёз – и хороший суточный шторм в Северном море, и могучая океанская зыбь Бискайского залива, и постоянное сопровождение нашего корабля боевыми кораблями, самолётами и вертолётными НАТО...

Берег, по ориентирам которого можно точно определить место нахождения «Гангута», виднелся только при проходе проливов. Сначала это были берега Датского королевства и ФРГ с проливами, чьи названия звучат очень романтично: Бельт, Зунд, Скагеррак, Каттегат. Затем – знаменитый Ла-Манш (в густом тумане мы, хоть и всюду пытались, так и не смогли разглядеть берега Альбиона). А вот уже и Геркулесовы столбы – Гибралтар, вход в Средиземное море. Когда-то именно это место считалось концом света.

Недели плавания пролетали быстро и интересно, особенно в Средиземном море. Днём – яркое солнце, свежий морской бриз, лазурные волны и стаи дельфинов вокруг корабля, ночью – огромная луна, светлая лунная дорожка на волнах, незнакомые ароматы, приносимые ветром с берега...

Мы мечемся по штурманской палубе от карты с прокладкой к радиопеленгатору, потом на крыло мостика – «покачать секстаном

луну», снять показания, далее – к мореходным астрономическим таблицам, а затем – быстро – считать, считать, считать...

В редкие минуты передышки можно собраться ночью на верхней палубе и даже прилечь на её надраенное до матового блеска деревянное покрытие, закинуть руки за голову и любоваться звёздным небом с падающими метеоритами, оставлявшими за собой яркий след... Тихо и мелодично звенит гитара, друзья поют вполголоса, и так хорошо, что хочется эти минуты продлить... Мы там сочинили песенку, все слова которой, к сожалению, не запомнились, но припев у неё был такой: «Под небом африканским, уже не первый раз, грозит американцам тринадцатый наш класс».

Там, в Средиземном море, многих принимали в партию. Приняли и меня кандидатом в члены КПСС. Собрание проходило прямо на штурманской палубе, и над самыми мачтами нашего корабля летал американский разведывательный самолёт «Орион». Рекомендации для вступления мне дали наш командир роты (Кэп) и мой любимый преподаватель – заместитель начальника кафедры кораблевождения капитан 1-го ранга Киприянов Олег Константинович.

В Эгейском море около суток простояли на якоре. Сделали большую приборку, помылись в бане, провели спортивные состязания и шлюпочные гонки, показали концерт художественной самодеятельности. Затем началось форсирование черноморских проливов.

Вот они – длинные и узкие Дарданеллы, старинные форты и крепости по берегам, крестьяне, пасущие стада коз и овец. Вот небольшое Мраморное море с тёмно-зеленой водой повышенной – из-за обилия растворённых в ней солей – плотности. Наконец – пролив Босфор и древний многоликий Стамбул, раскинувшийся на его берегах. Повсюду острыми пиками устремились в небо бесчисленные минареты. Прямо к воде спускаются беломраморные дворцы знати, а рядом можно разглядеть и такие лачуги, что, думалось, только на старых фотографиях остались. Идёт стройка огромного моста через пролив: он должен соединить азиатский берег с европейским. Высоко наверху – маленькие, как муравьи, фигурки рабочих хлопотливо снуют по стальным натянутым вантам...

Потом, в дальнейшей жизни и службе, много раз пришлось ходить этой морской дорогой, но самый незабываемый – первый.

«Слон»

Почему-то бытует мнение, что политическое училище давало лишь гуманитарное образование. Это совсем не так.

Первый и второй курсы – пожалуй, тяжелее следующих, как, наверное, в любом ВУЗе. Изучается блок общеобразовательных дисциплин, в их числе – высшая математика, физика, теоретическая механика... Ох, и «попили» же они нашей кровушки! Многим эти предметы давались с большим трудом, но в конечном итоге их сдали все, пусть и не с первого захода. Правда, были здесь и рекордсмены.

В нашем классе учился Вячеслав Русанов – высокого роста, широкий в плечах, русоволосый и сероглазый. За свою богатырскую статью и физическую силу он сразу получил прозвище Слон. Слава родом из Севастополя. Его отец служил мичманом в одной из частей Черноморского флота, а мама работала врачом в главном флотском госпитале.

Когда Слон раздевался, было видно, как бугрятся мышцы на его накачанном торсе, а плоский живот – словно выложен кирпичиками. С детских лет он занимался боксом и достиг неплохих результатов: стал мастером спорта, чемпионом Севастополя среди юношей, уже на срочной службе – чемпионом Черноморского флота. Он был очень интересный и своеобразный парень, хороший и верный друг: справедливый и честный, благородный и бескорыстный. Несмотря на свои физические данные и умения, за всё время учёбы Слава – за пределами боксёрского ринга – не тронул пальцем ни одного человека. В училище вообще это было не принято: за четыре года в нашем классе не случилось ни единой драки, хотя все ребята – молодые и горячие, а какие-то конфликты, конечно, происходили.

Слон был весьма сентиментален и временами настроен на поэтический лад. Однажды, поздней осенью, придя из увольнения, достал из-за пазухи разноцветные опавшие листья и начал разбрасывать их по кубрику, пританцовывая и призывая:

– Ребята, смотрите! Какая красота! Как в сказке! Нет, вы только их понюхайте – это же прелесть...

С коек ему возмущённо кричали:

– Слоняра, завязывай! Кто всё это убирать будет? Пушкин?

Славка затихал и говорил:

– Эх, прозаические вы люди, нету в вас романтизма...

Затем вынимал из кармана мороженое, которое он обожал, съедал его и... вынимал из другого кармана второе, потом третье, потом четвертое... Доев последнее, спрашивал:

– Ну, как вы можете спать в таком спёртом воздухе? Ведь совсем дышать нечем! – распахивал настезь окно, у которого стояла его кровать, раздевался до трусов и ложился на койку поверх одеяла:

– Вот так – хорошо! А то ни вздохнуть, ни пукнуть.

Через минуту в кубрике начинался колотун. Между кроватей гулял холодный ноябрьский ветер, за окном мелкой крупной сыпал снег, а Слава посапывал, блаженно вытянувшись во весь рост. Снежинки, залетающие в окно, покрывали его могучий торс.

– Ребята, смотрите, а снежинки-то не тают. Может, он уже того?..

– Рыба, ты там ближе всех, прикрой окно!

Шурик Пономарёв потихоньку сползал с кровати, тянулся к окну, но тут:

– Вот только тронь... Зашибу!

Приходилось терпеть, пока Слон не заснёт окончательно.

Любимым женским именем Русанова было имя Наташа. Как сказали бы сейчас, он от него просто тащился. Как-то на самоподготовке я заметил, что Слон, склонившись над тетрадным листом, явно терзается муками творчества: он сопел, грыз кончик ручки, прикрывал глаза... Но, видимо, ничего не получалось. Глянув через его плечо, я прочитал: «Наташка – белая ромашка, Наташка – тонкий стебелёк, Наташка...».

– Ну что, Слон, с рифмой заело? Ребята, давайте рифмы к имени Наташка!..

– Наташка – замарашка.

– Наташка – Чебурашка.

– Наташка – промокашка...

Слава скомкал листок:

– Эх, жестокие вы люди, любое дело опошлите...

Ещё он любил спорить, но не умел: начинал проигрывать и злился. Когда аргументы у Слона заканчивались, звучала его коронная фраза:

– Ты думаешь, что очень умный, да?! А вот я сейчас два раза тебя о стенку головой стукну, и ты сразу признаешь, что я прав!

Слон никогда не употреблял крепких выражений и матерных слов. Ругательства у него были собственного сочинения: «Ну, ты, фюфонт, нанаец узкоплёночный!». При этом толком объяснить, что означает «фюфонт» и при чём здесь бедные нанайцы, он не мог.

Иногда Слава совершал вроде бы и благородные, но странные поступки. Как-то, вернувшись из городского увольнения, мы обнаружили в кубрике Слона, уже лежавшего на койке. Рядом стояла огромная пальма в деревянном бочонке.

– А что это значит, откуда?..

– Да это я был на вечере в педучилище. У них там целый коридор такими пальмами заставлен. А у нас ни одного цветочка – несправедливо. Вот я и прихватил.

– Слушай, как ты её тащил через весь город? В ней же веса кило пятьдесят, не меньше!

– Да, тяжёлая, зараза, намучился.

Естественно, утром пальму увидел наш комроты, и несчастный Слон поволок её обратно.

Самым уязвимым местом Русанова была учёба. Науки давались ему тяжело, очень тяжело. Мы все за него переживали: старались «засветить» билет на экзамене или передать «шпору», когда видели, что глаз Слона стекленеет, и парень впадает в ступор, глядя на преподавателя, как кролик на удава.

Если сдать экзамен удавалось, он радовался, как ребёнок. А если нет, садился где-нибудь в углу и оттуда смотрел на всех грустными собачьими глазами.

Практически не было сессий, на которых Слава не завалил хотя бы один предмет. После экзаменов мы разъезжались в долгожданный отпуск, а он оставался на пересдачу. Лишь дней через пять, получив выстраданное «удовлетворительно», тоже отправлялся домой. И ведь что примечательно: ровно на это число дней Слон опаздывал из отпуска! Потом приезжал как ни в чём не бывало, радостный и розовощёкий, предъявляя командованию медицинскую справку Севастопольского госпиталя о перенесённой болезни. Конечно, все знали, что в госпитале работает врачом Славина мама, но якобы верили и прощали.

Мы все его любили, без его колоритной фигуры представить наш класс невозможно. С ним было удобно и безопасно выходить в город,

посещать танцплощадки, клубы и тому подобные места. На Подоле курсанты всегда чувствовали себя спокойно. Об этом в своё время позаботились ребята из первого выпуска, раз и навсегда отучившие местных нападать на курсантов. В других же районах города случилось всякое, и тут кулаки Слона были незаменимы. Однако нет правил без исключений.

Как-то, в начале четвёртого курса, вернувшись вечером из увольнения, захожу в наш кубрик и вижу Русанова, который, приложив к правому глазу зеркальце, причитает:

– Это ж надо, вот крысёныш... Наверняка синяк будет! Ходи теперь, оправдывайся.

Под его глазом действительно наливается приличный фингал.

– Кто это тебя так?

– Ты не поверишь... Иду по Подолу, никого не трогаю. Подхожу к Пентагону (ДК «Пищевик»), поворачиваю за угол, а там два наших первокурсника, спина к спине, отмахиваются ремнями от толпы человек в десять, не меньше. Наверно, залётные какие-нибудь – подольские бы не посмели. Ну, меня увидели, двое сразу ко мне бросились. Положил их рядышком отдохнуть на асфальте. Тут ещё один, а в руках – вроде как дубинка или труба какая... Такие вещи надо наказывать! Я его крюком справа! Теперь долго лечиться будет. Остальные видят такое дело – и врассыпную... Появляется милиция, впереди – сержантик с пистолетом в руке. Молоденький такой шибздик. Ну, я думаю: ты в форме – и я в форме, ты сержант – и я старшина. Стою, улыбаюсь. Так этот крысёныш подбегает ко мне – и бац мне рукояткой прямо под глаз! Ну ты подумай, вот гад! Я у него пистолетик-то забрал и кинул через забор, туда, где стройка какая-то. Это чудо в перьях пропищало: «Ой, мне попадёт!» и полезло искать своё оружие. А я в училище вернулся... Синяк сильно видно? Вот же гад!..

После училища Славу Русанова распределили на Тихоокеанский флот. Мы случайно встретились с ним осенью 1988-го, и не где-нибудь, а в фойе Министерства обороны – перед началом работы коллегии, посвящённой ВМФ. Слава был капитаном 2-го ранга, служил где-то на Камчатке, на атомоходах. Толком и поговорить не удалось.

Последние годы я пытался его отыскать, но безуспешно.

Наука и жизнь

Однако продолжу рассказ об учебном процессе.

Все четыре года мы изучали кораблевождение. В принципе, его курс, освоенный нами, абсолютно идентичен учебной программе того же штурманского факультета ВВМУ имени М.В. Фрунзе. Кстати, во время плавания на «Гангуте» вместе с нами проходили практику как раз курсанты этого училища. Мы постоянно были рядом с ними, решали одни задачи и именно тогда воочию убедились, что как штурманов нас готовят ничуть не хуже.

Наиболее сложна была мореходная астрономия, экзамен по которой мы сдавали дважды. Когда перешли на выпускной курс, на третьем этаже учебного корпуса открылся планетарий училища, и мы стали его первыми учениками и посетителями.

В последний год нам преподавали и такие специфические разделы навигации, как боевое маневрирование и ведение штурманской прокладки в боевой обстановке. Был по кораблевождению и государственный экзамен.

Эта базовая подготовка имела важное значение, особенно в первые годы корабельной службы. Приходилось подменять штурмана при длительном нахождении в море, чтобы он немного отдохнул, сдавать зачёты для несения службы вахтенным офицером на якоре и на ходу, стоять вахтенным во время шторма, по 8-10 часов подряд, без смены. У меня даже возникло намерение сдать зачёты на право самостоятельного управления кораблём, что в те годы было возможно, хотя случалось и не часто, но не судьба.

В ноябре 1975-го именно на нашей дивизии произошло трагическое происшествие, связанное с захватом и попыткой угона БПК «Сторожевой» замполитом корабля капитаном 3-го ранга Валерием Саблиным. Мне, кстати, довелось с ним общаться лично, но это совсем другая история. Так вот: Саблин был одним из немногих политработников, получивших допуск к управлению кораблём.

После этого ЧП где-то наверху решили, что политработникам нечего делать на ходовом мостике, а практику сдачи ими зачётов на самостоятельное управление необходимо прекратить. Логика здесь такая: каждый должен заниматься своим делом. Служба приучила не обсуждать приказы вышестоящего командования, но считаю эти действия

неверными. Получилось, как в поговорке: обжѣгшись на молоке, на воду дуют. Между прочим, это решение нанесло довольно сильный удар по авторитету корабельных политработников, поскольку как раз вслед за ним и пошли разговоры «о пассажирах, не несущих никаких корабельных вахт», хотя жить и служить некоторым, конечно, стало легче и проще.

В дипломах первых выпусков училища указана специальность – «Военно-политическая штурманская Военно-Морского Флота». После описанных событий учебные программы пересмотрели, и слово «штурманская» из дипломов исчезло. Зато появилась гражданская специальность – «учитель истории и общественных наук». Без комментариев...

Достаточно основательными были и учебные курсы по боевым средствам флота, тактике ВМФ, защите от оружия массового поражения, радиоэлектронике, ТУЖЭК (теории, устройству, живучести и электрооборудованию корабля), техническим средствам кораблевождения. Интересно проходили занятия по морской практике – изучению огней, знаков, морских узлов, правил предупреждения столкновения судов в море и т.п.

Подготовка по гуманитарному профилю была весьма серьёзной. История СССР, история КПСС, философия, политическая экономия, военное законодательство, военная психология, военная педагогика, история военно-морского искусства, международное рабочее и коммунистическое движение, международные отношения и внешняя политика страны, научный коммунизм, военно-морская и военно-политическая география, история искусства, литература, иностранный язык... Это ещё не полный перечень изучаемых нами дисциплин! Кроме них, были углублённые курсы логики, этики, атеизма (из песни слов не выбросишь)...

Начиная с первого курса, нам подробно преподавали основную для нашей будущей специальности дисциплину – «Партийно-политическая работа». Может, и нельзя её назвать отдельной наукой, ведь она является своеобразным симбиозом многих общественных наук, но именно здесь учили, скажем так, ремеслу. Учили тщательно и вдумчиво, закрепляя знания на семинарах, тренингах и корабельной практике. Причём на занятиях по этому курсу не только разрешались, но

и поощрялись творчество и умение отстаивать и защищать собственное мнение.

Учёба – дело индивидуальное: кому-то она давалась легко, кому-то и не очень. Для меня сложнее прочих были высшая математика и теоретическая механика. Они требовали повышенного внимания, труда и усидчивости.

Вообще, заметил интересную закономерность: тех, кто был во время учёбы круглым отличником, медалистом, получил «красный» диплом и потом сумел сохранить эти лидерские позиции в жизни и на службе, довольно мало. В научной же деятельности и в преподавательской работе такие оказались вполне успешными. Не зря, видно, у военных родилась поговорка: «Не спеши выполнять полученную команду, потому как скоро поступит другая команда, отменяющая первую!»

Отличник корпит над учебниками, выполняет все задания, зубрит... А рядом – его товарищ, который ничуть не глупей и не менее талантлив, но отношение к учёбе у последнего – проще. Ему не нужна во что бы то ни стало отличная оценка – хватит и хорошей («тройку») получать всё-таки стыдно). Он может позволить себе почитать художественную книгу, поспать, если организм требует, смотаться на пляж вместо подготовки к экзамену...

И вот оба попадают на корабль. Тот, кто приучен относиться ко всему более чем серьёзно, выполнять все задания от и до, постоянно ощущать себя лидером, часто не выдерживает флотских будней с их рутиной и неразберихой, отсутствием логики и здравого смысла, а порой и справедливости. Его начинают одолевать сомнения, появляется неуверенность в собственных силах, а в итоге – кризис.

Для «службы в войсках» лучше подходит вчерашний хорошист-среднячок, талантливый, но не надрывавшийся в учёбе, с положительным зарядом и чувством юмора (причём чувство юмора – обязательно!), с устойчивой психикой и с долей, как говорят, пофигизма. Кто-то может со мной не согласиться, но мои наблюдения таковы.

Кстати, гражданские ВУЗы с удовольствием зачисляли к себе тех, кто по уважительным причинам был вынужден покинуть стены училища досрочно. После второго курса по семейным обстоятельствам ушёл из училища Боря Денисов. Его сразу же приняли на второй курс юрфака МГУ, который он успешно окончил. Потом он работал в

органах МВД, стал полковником милиции. А после третьего курса по состоянию здоровья училище покинул Слава Гайдар, и его взяли на третий курс педфака Киевского университета.

Наиболее напряжённые недели у курсантов, как, впрочем, и у всех, – пора экзаменов. Здесь и волнения, и усердное сидение над учебниками и конспектами, и мнимая нехватка времени, и ощущение полного отсутствия знаний по предмету, и чувство необыкновенной лёгкости и радости после пройденного испытания...

Начиная с третьего курса, когда сдали обязательные общеобразовательные предметы, учиться стало и легче, и интереснее: пошло больше «специальности» и военного дела. Теперь, в погожие летние дни, перед экзаменами, не вызывавшими особых опасений, мы уже позволяли себе некоторые вольности и нарушения устава.

Если перемахнуть через забор, граничащий с подольской больницей, и лёгкой трусцой пробежать метров сто переулком, окажешься на днепровской набережной, у маленького причала, к которому швартовался небольшой паром, перевозивший желающих на противоположный берег Днепра. А противоположным берегом был... Труханов остров – основная пляжная зона отдыха Киева. Вдоль реки на многие километры тянулись золотистые песчаные пляжи, метрах в пятидесяти от воды начиналась зелёная лесополоса, за которой – различные аттракционы, кафе и просто укромные уголки.

Конечно, поход на пляж – фактически самоволка, и на это решались не все. Тут важно поставить «дымзавесу», подстраховать себя на случай внезапной проверки.

В период подготовки к экзаменам мы посещали учебные кафедры и получали на них консультации, занимались в методических кабинетах и лабораториях. Поэтому на доске в своём классе обычно делали запись, что такие-то находятся там-то и там-то. А на кафедре ставили отметку в журнале учёта, что посетили её и занимаемся в методическом кабинете таком-то. В методическом же кабинете отмечали, что были в нём и направились туда-то... Так что, при всём желании, отследить наш путь и местонахождение было сложно.

Ну а мы уже минут через пятнадцать плескались в Днепре, играли в пляжный волейбол с девчонками и, нежась под солнечными лучами на песочке, заодно могли полистать и конспекты.

Знали об этом в училище? Думаю, знали. Иначе время от времени не посылали бы на пляж патруль. Однако патруль никогда и никого не поймал, а может, и не хотел поймать. Его было видно за километр медленно перемещавшимся среди обнажённых загорелых тел. Прятаться или убежать не стоило – достаточно быстро зарыть свою робу и ботинки в песок и пойти купаться. Разбери потом, чья голова торчит из воды меж сотен других!

Зато на экзамене становилось ясно, кто, где и как занимался: большая часть курсантов отличалась от бледных усталых «ботаников» ровным загаром и здоровым цветом лица.

Правда, и здесь не обошлось без курьёзов. Как-то один из курсантов додумался явиться на пляж с секретным учебником по тактике ВМФ. Что, конечно, было пределом и наглости, и глупости одновременно. Уходя искупаться, он закопал книгу, но место или не пометил, или плохо запомнил. Выйдя из воды, начал рыть песок, а секретного учебника – нет!.. На помощь пришли другие курсанты. Перерыли и просеяли через пальцы тонны песка, но книгу отыскивали, после чего легкомысленный купальщик схлопотал от товарищей по физиономии для профилактики...

подавляющее большинство наших выпускников направили служить по специальности. Если не брать в расчёт тех, кто снял погоны в связи с состоянием здоровья или из-за недостойного поведения (последних немного, но, к сожалению, нашлись и такие), несколько человек вскоре сменило профессию и вид деятельности по вполне объективной причине: в первые годы офицерской службы их отобрали для поступления в академию Советской Армии.

Среди них был Александр Антропов, учившийся в 14-м классе нашей роты. Саша, ещё курсантом, отличался высокой ответственностью, серьёзным подходом к учёбе, верностью слову, глубокой порядочностью в отношениях с однокашниками. Всегда уравновешенный, тактичный, любознательный, окончив академию и став, как называют её выпускников, «легальным разведчиком», перейдя из кадров политсостава в ГРУ Генерального штаба, он некоторое время работал на североамериканском континенте. Затем его перевели в Великобританию, где он прослужил много лет, в том числе – военно-морским атташе Советского Союза.

После увольнения в запас в начале 1990-х Александр трудился в Федеральной службе налоговой полиции, возглавив департамент международных связей этого ведомства. Здесь получил специальное звание генерал-майора налоговой полиции. Потом перешёл на работу в аппарат Государственной думы РФ и несколько лет был советником председателя Госдумы Геннадия Селезнёва.

Сейчас Александр Иванович Антропов является аудитором крупной международной компании.

Киев, любовь моя

Наверно, у всех квумпарей самые яркие и тёплые воспоминания остались от тех часов отдыха, которые они провели в увольнении на улицах и в парках Киева. Именно тогда мы полюбили этот город крепко и навсегда.

Как немыслимы Москва без Красной площади, Санкт-Петербург без Невского проспекта, Париж без Елисейских полей, так нельзя представить Киев без Крещатика. Сколько раз мне довелось пройти по нему в парадном строю под нашим знаменем, да и просто гулять с товарищами по его мостовым!..

А вот парк Славы. Буйство красок киевской палитры: золотые купола Лавры¹, изумрудная зелень листвы, голубая лента Днепра, ослепительная лазурь неба. Вдали – новостройки Левобережья с кажущимися кукольными домиками, а поезд метро, словно в детской игре «железная дорога», пересекает «игрушечный» мост². Здесь мы принимали военную присягу, здесь после ЗАГСа молодожёнами возлагали цветы к Вечному огню...

¹ **Киево-Печерская Лавра** (укр. *Киево-Печерська Лавра*) – один из первых по времени основания монастырей в Древнерусском государстве. Основан в 1051-м году при Ярославе Мудром монахом Антонием. В настоящее время нижняя Лавра находится в ведении Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата), а верхняя Лавра – в ведении Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника.

² **Русановский метромост** (укр. *Русанівський метроміст*) – мост через Русановский пролив в Киеве, предназначенный для движения автотранспорта и поездов метро. Открыт 5-го ноября 1965-го года как продолжение моста Метро одновременно с открытием третьей очереди Святошинско-Броварской линии Киевского метрополитена от станции «Днепр» до станции «Дарница». Построен на месте моста Н.А. Белелюбского, разрушенного в годы Великой Отечественной войны, соединяет правобережную часть Киева с **Русановкой**, Левобережным массивом, зоной отдыха **Гидропарк**. С 2008-го года имеет статус «Объект культурного наследия».

Дышит стариной и загадочностью Андреевский спуск, где жил и творил великий мастер Михаил Афанасьевич Булгаков: по этим ступеням он ходил, держался за эти поручни. А вот сейчас, кажется, из подворотни тебе навстречу выйдут Свирид Голохвастов и Проня Прокоповна¹...

Софийский собор на Владимирской улице². Помните, как долго мы стояли, не в силах оторвать взгляд от мозаичной иконы Богоматерь Оранта³...

Дом с химерами на Банковой⁴. На его углу было место наших свиданий.

Ах, Гидропарк, Гидропарк! Сколько по твоим аллеям пройдено, сколько пылких признаний произнесено!.. Твои острова – Венецианский и Долобецкий, Русановский пролив и уютное кафе «Мисливец» на самом берегу Днепра...

Лавра, Бессарабка, Дарница, Куренёвка, Шулявка, Батыева горка... – эти названия до сих пор звучат для меня как музыка.

Последний раз довелось побывать в Киеве в октябре 1999-го года – на похоронах тестя, полковника авиации, заслуженного лётчика. С женой вылетели из Москвы ночью, а когда самолёт приземлился в Борисполе, вставало солнце. Автобусом-экспрессом доехали до улицы Тампере и дальше пошли на Русановку пешком. Было раннее и тихое утро, яркое солнце на голубом осеннем небе слепило глаза, а

¹ **Проня Прокоповна и Свирид Голохвастов** – персонажи комедийной пьесы «За двумя зайцами» украинского драматурга **Михаила Петровича Старицкого** (1840 – 1904). В 1999-м году на **Андреевском спуске** открыт памятник Проне Прокоповне и Голохвастову.

² **Собор Святой Софии (Софийский собор)** – храм, построенный в первой половине XI века в центре Киева, согласно летописи – князем Ярославом Мудрым. На рубеже XVII – XVIII веков был внешне перестроен в стиле украинского барокко. Внутри собора сохранились самый полный в мире ансамбль подлинных мозаик и фресок первой половины XI века и значительные фрагменты стенописи XVII – XVIII веков. В 1990-м году Софийский собор, как и Киево-Печерская лавра, стал первым внесённым в список всемирного наследия ЮНЕСКО памятником архитектуры на территории Украины.

³ **Богородица «Нерушимая Стена» (XI век)** – самая известная мозаика Софийского собора. Находится в конхе (сводчатой части) центральной алтарной апсиды.

⁴ **Дом с химерами (укр. Будинок з химерами)** – кирпичное здание в стиле модерн в Печерском районе Киева на **улице Банковой**. Название получил благодаря скульптурным украшениям (расположенным как на фасаде дома, так и внутри его), тематика которых – наземный и подводный животный мир, атрибуты охоты, сказочные существа. Архитектор Владислав Городецкий построил его в 1901-м – 1903-м годах как доходный дом с помещениями для своей семьи. По сообщениям некоторых СМИ, принадлежит ныне супруге «шоколадного» президента Порошенко.

трава на газонах серебрилась от инея. Под ногами шуршали огромные разноцветные листья, в воздухе ощущался запах тления – аромат осени...

Потом – похороны, какие-то хлопоты, немногочисленные седые ветераны у гроба, длинный ряд красных подушечек с орденами...

Даже в страшном сне не смог бы тогда представить, что не пройдёт и месяца, как не станет моей родной киевлянки... И на многие годы погаснет солнце, и весь мир станет чёрным, и ничто не будет радовать...

За организацию культурного досуга в нашем классе отвечали двое – я и Витя Васютенко. Главной задачей являлось налаживание шефских связей со студентками различных ВУЗов, организация вечеров отдыха и «огоньков». При этом у нас существовало разделение обязанностей: в мои входило первое знакомство, умение заговорить и очаровать, Виктор же занимался выбором места встречи, меню, рассадкой за столами, музыкой.

Так вышло, что самые тесные отношения у нас сложились со студентками КТИПП (Киевского технологического института пищевой промышленности): наверное, года два мы регулярно проводили совместные вечера отдыха, были частыми гостями и в студенческом общестии.

Больше всего подружились с группой девчат из Белоруссии: много гуляли по городу, ходили в театр и на концерты. Однажды мне удалось всеми правдами и неправдами раздобыть несколько билетов на концерт легендарного оркестра Дюка Эллингтона, который посмотрели вместе. Целая жизнь прошла с той поры, но недавно, через сайт «Одноклассники», меня отыскали эти белорусские девчонки, теперь уже – седые бабушки, директора и главные технологи крупнейших пищевых производств Беларуси. Они тоже помнят в мельчайших деталях нашу дружбу и свято хранят память о ней. Конечно, первым же их вопросом был: «А как Витюша?..» Пришлось рассказать.

Каперанг Васютенко

Прозвище Виктора – Васька, производное от фамилии. Он высок, черноволос, голубоглаз, крепок физически. Отличительные черты – неиссякаемый оптимизм и врождённое чувство юмора. Он отличный

рассказчик анекдотов, инициатор розыгрышей и всяких весёлых затей. Смеялся он до того громко и заразительно, что было просто невозможно хотя бы не улыбнуться.

Витя хорошо учился, прекрасно играл в баскетбол, которым занимался ещё в школе. Родом он из знаменитой Лиепай, или, как её называют моряки, Либавы, «города под липами», ставшего нашим первым местом службы после выпуска.

В Лиепаяу мы прибыли вместе: Витя – с молодой женой, только что получившей диплом санитарного врача, а я один. Его жена – та самая весёлая симпатичная девушка из Молдавии, которую он отбил у Мишки-никотина, – сразу устроилась на работу в городскую СЭС. Виктора же назначили на должность замполита именного морского тральщика «Комсомолец Латвии», в бригаду ОВРа (охраны водного района).

Первый год они жили вместе с родителями Виктора в небольшой двухкомнатной квартирке в центре Лиепай – на улице Сиена, почти напротив городского рынка. Родители были милейшими людьми, они здорово помогли нам вписаться в своеобразную местную жизнь.

Отец, Василий Иванович, которого Виктор называл «хохол», работал бригадиром металлургов на заводе «Сарканайс металлургс». Мама, Елизавета Гавриловна – прапорщик, служила надзирателем в Лиепайском лечебно-трудовом профилактории для женщин, страдающих алкоголизмом (единственном на всю Прибалтику). Несмотря на характер своей работы, была исключительно добрым и заботливым человеком. Мы общались постоянно, как только выпадали редкие выходные дни.

В начале 1975-го у Вити с Таней родилась дочка – Леночка.

После тральщика Виктор получил назначение на должность помощника начальника политотдела по комсомольской работе нашей бригады эскадренных миноносцев, и с тех пор мы виделись практически ежедневно. Самыми близкими подругами стали тогда и наши жёны, чему способствовали их общая профессия врача, а также и то, что они одновременно окончили Киевский мединститут.

В 1978-м году наши служебные дороги разошлись. В январе меня перевели на Северный флот, в посёлок Гранитный, – заместителем начальника политотдела бригады ракетных катеров. Виктор же,

назначенный замполитом большой дизельной подводной лодки, а вскоре – замполитом атомной подводной лодки, поехал на Дальний Восток.

Связей не теряли: постоянно переписывались. Повидаться удалось в 1980-м, когда Витя со своим экипажем проходил переподготовку в Обнинском учебном центре, а я весь свой длинный северный отпуск стирал и сушил пелёнки новорождённого сына в подмосковном Болшево.

Затем Виктор поступил на военно-морской факультет Военно-политической академии имени Ленина, через три года окончил его и попал на Северный флот – замполитом РПК СН (ракетного подводного крейсера стратегического назначения) в гарнизон Гаджиево. Всей семьей они иногда приезжали к нам в Североморск, ночевали в нашей квартире на улице Сафонова.

В 1989-м Витя поступил в очную адъюнктуру при академии, и семья Васютенко вновь перебралась в Москву. Им выделили небольшую комнату в двухкомнатной квартире гостиничного типа в районе Серебряного Бора. Кто знал тогда, что жить в этой комнатухе придётся ещё долгие годы?!

В конце 1991-го он, уже будучи капитаном 1-го ранга, окончил адъюнктуру и защитил кандидатскую диссертацию. Новое назначение – должность преподавателя общественных дисциплин одного из ленинградских ВМУЗов.

Таня с Леной остались в Москве: у Тани была хорошая работа в Тушинской СЭС, Лена как раз поступила на первый курс Московского института электроники и вычислительной техники. Она подавала большие надежды как талантливый математик. Врозь, довольствуясь редкими свиданиями да отпуском, семья прожила более трёх лет.

В 1995-м Вите удалось добиться перевода в Москву, но не преподавателем, а начальником отдела кадров одного из «закрытых» НИИ ВМФ, расположенного в районе Водного стадиона. Казалось, всё складывается удачно, если бы не проблема с жильём: опять вставай в конец очереди и дожидайся.

Квартиру они получили только в начале 1999-го – в промышленном районе на юге Москвы, но в новом доме и трёхкомнатную. Таким образом, капитан 1-го ранга с женой и взрослой дочерью прожил в четырёхнадцатиметровой комнатухе практически десять лет.

Перед увольнением в запас Виктор лёг на плановое медицинское обследование в госпиталь. У него обнаружили небольшую опухоль в лёгком и рекомендовали хирургическую операцию. В ходе подготовки к операции оказалось, что опухоль носит злокачественный характер. Прооперировали. Вроде бы успешно...

Потом произошли трагические события в моей жизни. Виктор с Таней провожали в последний путь мою жену, и когда после поминок вышли на улицу, Витя неожиданно сказал Татьяне:

– Знаешь, проводить тебя в последний путь, как Олег проводил Людочку, я не смогу. Поэтому из жизни я уйду первым...

Верно подмечено: «Не буди лихо, пока оно тихо!»

Прошло несколько месяцев. Иногда мы созванивались, и из каких-то недомолвок я понял, что живётся ему нелегко. Работу он найти не мог: ведь у нас в пятьдесят лет тебя уже считают древним стариком и, кроме места сторожа на автостоянке или консьержа, ничего не предлагают. Пенсия небольшая. Да и в моральном плане сидеть дома без дела было тяжело.

Я тогда руководил работой двух компаний, входивших в крупный частный клининговый холдинг. Одна компания занималась вывозом и утилизацией ТБО (твёрдых бытовых отходов) на полигонах Московской области. Другая была специализированным предприятием по дезобработке воздушных судов (дезинфекция, дезинсекция, дератизация). Как раз в то время удалось убедить учредителя и фактического хозяина этих фирм в необходимости расширения бизнеса и развития новых перспективных направлений: сортировки отходов, сбора и сдачи на приёмные пункты картона и бумаги, работы с опасными (ртутьсодержащими и нефтешламами) и биологическими отходами.

Вот тут-то я и взял к себе Виктора. Мой друг сразу ожил: глаза горели, инициатива била ключом, в офисных коридорах зазвучал его такой знакомый громкий смех.

Правда, ездить на работу ему было далековато, поскольку фирма размещалась в районе аэропорта Шереметьево, но мы принаоровились: утром я подхватывал его в свою машину на Ленинградском шоссе, а вечером довозил до метро. Заодно и общались.

Но продолжалось это недолго – всего месяца три. Однажды он зашёл ко мне в кабинет, и по выражению лица я сразу понял: что-то случилось. Помолчав, он произнёс:

– Я тебя очень прошу: уволь меня с завтрашнего дня.

– Ты что? С ума сошёл?! Что произошло?! Тебя кто-то так сильно обидел?..

У Вити затряслись губы, он прикрыл их рукой, в глазах стояли слёзы:

– Вчера я был на контрольном медицинском обследовании... Опять обнаружили опухоль – только на другом лёгком и больше первой. Предстоит срочная операция. Уже предупредили, что я вряд ли смогу дальше работать.

Операцию сделали, точнее – разрезали, посмотрели и зашили: неоперабельн, метастазы пошли в позвоночник...

Умирал Витя долго и мучительно. Я несколько раз пытался его навестить, но Танюша не пускала, поскольку он сам не хотел, чтобы его видели в таком состоянии. Да и Таня сказала: «Ты просто этого не выдержишь».

Капитан 1-го ранга Васютенко Виктор Васильевич умер от тяжёлой и продолжительной болезни в начале июня 2002-го.

В день похорон было очень жарко. Почётный караул застрял где-то в московских пробках, мы ждали его почти час у ворот одного из кладбищ на юге Москвы. Из однокашников по училищу смогли приехать лишь Фима и Толя Закревский. Приехала и группа флотских офицеров с последнего места службы Виктора – человек пять, со скромным венком... Танюша, бледная как полотно, в чёрном платочке, повязанном по-старушечьи: «Спасибо, что приехали проводить моего мужа...» Опухшая от слёз Лена...

На небольшом траурном митинге у могилы первым дали слово мне. Я начал рассказывать об училище, приезде в Лиенау, рождении детей – и осёкся: перехватило горло...

Потом были поминки. Фима перебрал, его повёз домой Толя Закревский, я отвёз домой Таню с Леной...

Вскоре Таня поменяла трёхкомнатную квартиру на юге столицы на очень приличную «двушку» в Строгино, рядом с работой, куда и переехала вместе с дочерью.

Мы созваниваемся по несколько раз в году. Таня – истинный доктор – выспрашивает меня о болячках и даёт рекомендации: что принимать, куда втирать и т.п. Она до сих пор работает санитарным врачом. А Лена окончила второй ВУЗ, получила специальность бухгалтера и трудится вместе с матерью. Жаль только, что так и не вышла замуж, и не увидеть Тане внучат...

МЫ – КВУМПАРИ!

Да, законы жизни неумолимы: нас всё меньше и меньше.

За последние годы ушли капитан 1-го ранга Попов Олег Юрьевич и капитан 1-го ранга Фомин Борис Александрович в Москве, капитан 1-го ранга Вячеслав Елистратов в Киеве. Однако в наших сердцах, в душах, в памяти – они живы и остаются, как прежде, молодыми, задорными, красивыми.

Невольно на ум приходит Иосиф Бродский:

*Нет деленья на чуждых.
Есть граница стыда
в виде разницы в чувствах
при словце «никогда».
Так скорбим, но хороним,
переходим к делам,
чтобы смерть, как синоним,
разделить пополам.*

*Распадаются дома,
обрывается нить.
Чем мы были и что мы
не смогли сохранить, –
промолчишь поневоле,
коль с течением дней
лишь подробности боли,
а не счастья видней.*

*Только то и тревожит,
что грядущий режим,*

*не испытан, не прожит,
но умом постижим.
И нехватка боязни –
невесомый балласт –
вознесенья от казни
обособить не даст.*

Переломным этапом в нашей жизни стал август 1991-го года. Тогда каждый принимал для себя решение: как жить дальше?

Мне оно давалось мучительно. Позади – 23 года не самой лёгкой службы в плавсоставе, почти 15 из них – в Заполярье. Я – капитан 1-го ранга на должности со штатной категорией контр-адмирала. Возраст – 40 лет, это зрелость, но учиться чему-то новому и менять профессию, в принципе, поздно. Жене не пошли на пользу годы, проведённые на Крайнем Севере: большое сердце не позволяет работать. Сын – ещё школьник, впереди у него – поступление в институт. Пенсия мной уже заработана, однако достаточно скромная, на содержание семьи её, конечно, не хватит. Сбережения, сделанные на Севере, потрачены на приобретение автомобиля и обустройство в Москве. Машину можно продать, но это проблем не решит. Никакой работы, обеспечивающей хотя бы стабильный средний доход, нет.

А что с другой стороны? Распад великого государства, которому служил всю сознательную жизнь и присягал ещё мальчишкой. Преданная, униженная, втопанная в грязь партия, в которой ты не просто – как многие – состоял, а был её уполномоченным представителем на кораблях и в частях. Рухнувшие общественно-политический строй и та идеология, в которую ты верил, которую тебе прививали с октябрятской звёздочки и пионерского галстука, которым ты так же верно и преданно служил... К власти пришли иные политические силы и люди, именующие себя демократами. Но ты не только не веришь им и не уважаешь их – ты считаешь их жуликами, проходимцами и преступниками, несущими неисчислимы бедо стране и народу. Так что теперь – выполнять их приказы?! Поменять свои взгляды и убеждения?!

Оставаться на службе в такой ситуации для меня было морально неприемлемо. Строевому офицеру, командиру или техническому

специалисту какой-либо инженерной специальности – другое дело. Но кадровому политработнику, более двадцати лет пропагандировавшему ценности, которые сейчас охаивают, руководившему работой партийных организаций и комсомола... Нет! Невозможно переступить через себя! Служить исключительно за зарплату, а жить по принципу «и нашим, и вашим за пятак спляшем» – не для меня...

В октябре 1991-го я подал рапорт на увольнение в запас и в феврале 1992-го был уволен по организационно-штатным мероприятиям, с пенсией и правом ношения военной формы одежды.

Тогда уходили многие. Но кто-то и оставался – это их выбор, их право. Я никого не сужу.

Часть бывших политработников сумела перейти в управления кадров, в ОУС (отделы устройства службы), в ОМУ (организационно-мобилизационные управления), в органы военной контрразведки. Иные стали заместителями по воспитательной работе, а затем по работе с личным составом... Единственное, не могу понять (без всякого желания уколоть): что они говорили людям, своим сослуживцам и подчинённым, в те самые «лихие 1990-е»? Как объясняли распад СССР? Экономические «реформы», приведшие к обнищанию народа? Грабительскую приватизацию, породившую олигархов, паразитирующих на общенародной собственности? Расстрел парламента в 1993-м году? Разгул криминала и бездуховности? Войну на Кавказе? Развал и распродажу Флота?.. Как?.. Ну как?!.. НЕ ПО-НИ-МА-Ю!.. Ведь выступить против, высказать своё мнение, находясь на службе, они не могли...

Сейчас, конечно, работать, служить можно и нужно. Есть что пропагандировать, разъяснять, есть к чему призывать. Слава Богу, опомнились! Униженная и поруганная Держава поднялась с колен: возрождаются национальное самосознание, патриотизм, вера в великое будущее страны, строится и возрождается наш родной Военно-Морской Флот.

Жалко только, что пережитые лихолетье и беспредел прошли по нашим жизням и судьбам стальными катками. А ведь могли мы те годы, которые потратили на борьбу за выживание в новой стране, посвятить службе, могли, максимально используя свои знания и опыт,

принести ещё немало пользы. Увы, история не имеет сослагательного наклонения...

Двое из нашего выпуска дослужились до погон контр-адмирала: А.Г. Дьяконов и А.Г. Мочайкин. Они и сейчас, после увольнения в запас, продолжают активно трудиться. Александр Геннадьевич Дьяконов работает директором филиала АО «Штокман Девелопмент АГ» в Мурманске, Александр Геннадьевич Мочайкин – занимается поставками белорусских автомобилей для нужд транспортных предприятий России.

А вообще – разбросало квумпарей по городам и весям...

Во Владивостоке живёт и работает один из ведущих литераторов Приморья, заслуженный работник культуры Российской Федерации, главный редактор «толстого» журнала «Сихотэ-Алинь» Владимир Михайлович Тыцких.

В Пятигорске – заместитель директора ОАО «Ставропольэнерго-сбыт» Владимир Евгеньевич Горячев.

В Москве – начальник инспекции по личному составу московской таможни, капитан 1-го ранга и полковник таможенной службы Николай Васильевич Лаптев.

В Санкт-Петербурге – генеральный директор агентства «АРЕС» Владислав Иванович Горбенко.

В братской Беларуси – научный сотрудник Калининковского государственного краеведческого музея, автор нескольких книг по истории и краеведению Владимир Александрович Лякин.

В Киеве – заместитель директора департамента безопасности Министерства транспорта и связи Украины Виктор Викторович Пужалов.

Все мы, конечно, очень разные и далёкие от идеала люди. У каждого – своя дорога, свои заботы, даже болячки, и те свои. Роднит и объединяет нас одно – наше училище. КВУМПАРИЯ, давшая путёвку в жизнь, закалившая волю и воспитавшая характер.

Поэтому и вчера, и сегодня, и завтра, и у последней черты МЫ – КВУМПАРИИ!

НА ВОЛНЕ И ПОД ВОЛНОЙ

Зачем?

Отчего человек, независимо от личного понимания свободы (у всех до парадоксальности разное), так много о ней печётся и рассуждает с большим волнением? Не оттого ли, что недостаток, а то и отсутствие свободы – первое, с чем он сталкивается? Сам акт рождения ни с кем из нас не согласован. Время, место нам не подвластны. Такая же история с родителями, национальностью, цветом глаз... А дальше: без забот о близких последствиях и окончательных итогах жизнь, отведя имярек персональный срок, лишь предоставляет шанс узнать, с чем её едят. Особо, как правило, не напрягаясь, предлагает – одному щедро, другому не очень – разные варианты, оставляя выбор за нами. По мелочам (кажущимся?) мы делаем его непрерывно, ежечасно. Куда пойти – не пойти, что творить – не творить, с кем каши поесть из одного котелка, с кем только поздороваться, а кого послать подальше. Несколько раз меж датами прихода и ухода выбор становится, выражаясь красиво, судьбоносным. Когда является нужда думать о профессии, спутнике-спутнице жизни, ПМЖ и прочих фундаментальных вещах, определяющих земные пути-дороги.

Под занавес, пока не почил скоропостижно или «после долгой мучительной», пока (если) из памяти не выжил, интересно оглянуться назад. В теории даже поучительно. По факту – учиться поздно. Ни в себе, ни в судьбе ничего не исправишь. Тогда – зачем? Вспоминать-то вспоминай каждый день, коль хочется и может. А как не спится, и ночами хоть завспоминайся. Да зачем бумагу переводить?

Некто умный проницательно улыбнётся: памятник себе хошь нерукотворный! Не без этого – отвечу. Скажу: нет, не хочу памятника, ни рукотворного, ни нерукотворного, никакого не хочу, – не поверит ведь.

Иной войдёт в сочувствие – изречёт чего-нибудь, допустим, про воспитание поколений, достойных своих отцов. Опять спорить не стану. Оно бы, правда, нелишне. Да вот незадача – тут до родных

деток не докричишься, куда уж нам уж до поколений-то. У них таперица другие авторитеты.

Тогда – всё-таки – зачем?

А нет никакой хитрости. Хочется окликнуть своих. Тех, кто услышит. Юность, молодость свою окликнуть. Помянуть, кого уж нет. Послать сердечный привет дальним, давно не виденным. Поклониться дороге, выпавшей на твою и их долю. Хорошо ли, плохо пройдена – другой не будет.

А ежели ещё хоть кому-то всё это самую малость окажется зачем-нибудь нужно... Да тут как Бог даст. Наперёд столь смелую думу думать – дело пустое.

Чистый эксперимент невозможен

Если у человека куча времени, и он не знает, как пишутся книги, ему ничего не стоит сочинить свою и чужую жизнь, головокружительный роман о пришельцах из несуществующей галактики или о соседях по лестничной клетке, улетевших на метле к Альфе неоткрытого созвездия.

У меня время на книгу кончилось, не начавшись. Как надо писать, не знаю. Но подозреваю, что написанное должно быть хоть кем-то досмотрено до конца. Без насилия, исключительно из внутреннего личного побуждения.

Дальше выстраивается такая логическая цепочка. Читательский интерес держится на доверии. Доверие обеспечивается правдой.

И вот тут возникают проблемы. Первая из них – память. Спустя время никто в точности не воспроизведёт, что и как было. С нами остаётся то и таким, что и каким запомнилось. Второе, пожалуй, более существенно – уже изначально каждый всё и вся видит-помнит по-своему.

Василий Субботин, подаривший мне предисловие к первой московской книжке и рекомендацию в Союз писателей СССР, писал не только замечательные стихи и, во всех смыслах, большую прозу, но и маленькие рассказы. О людях, хорошо ему знакомых, «не меня имён и обстоятельств». И вот Василий Ефимович, уникально уважительный ко всем, органически не способный ущемить чьё-то самолюбие, названный Константином Симоновым «совестью века», признаётся в

неожиданном открытии: «...я пережил довольно сильное разочарование в своём пристрастии к жанру, которому я отдал столько лет. Дело в том, что я, по какой-то наивности, считал, что тем, о ком я пишу, эти мои писания безразличны, что они рады им и даже должны любить меня за это. Это было, конечно, очень наивно с моей стороны и показывает, как мало я знал жизнь... Я забывал, что человек всегда по-другому видит себя, и тем более по прошествии лет».

Ничего с этим не поделаешь. Ситуация патовая. Писать нельзя. Писать необходимо.

Приходится смириться с фактом, что у всякого автора свои тараканы. Впрочем, у каждого читателя – тоже. Так что стороны заранее квиты.

Книга всегда – эксперимент с непредсказуемым результатом. Как всё, что делает человек, начиная, допустим, с табуретки и заканчивая самой, от начала до конца, земной жизнью. Предугадывать, прогнозировать можно. Но реальный итог, окончательные оценки определяются по факту.

У химиков-биологов и прочих ботаников в строгих научных лабораториях полной стерильностью, герметичностью всех наличных мензурок-колбочек должна обеспечиваться абсолютная чистота эксперимента. В литературе, в т.ч. той, которая зовётся документальной, она недостижима в принципе.

Почему появились эти «заметки на полях», конечно, не обязательные? Хочу попросить прощения у однокурсников. У тех, о ком не произнесу ни слова, – за то, что недостаточно знал их, полвека не видел и не услышал чего-нибудь, чем мог бы поделиться. У тех, кто обнаружит несовпадение своих и моих представлений о себе и событиях, которых удастся коснуться, – за эти несовпадения. Они никак не призваны исказить правду истории, тем паче кого-нибудь обидеть, лишь неизбежно отражают непреодолимый феномен, о котором поведал Василий Ефимович Субботин.

Попутное соображение – о нашем, вообще, отношении к написанному и опубликованному. Нас так воспитывали – верить напечатанному слову. Одно из действительных достижений новейшего времени – доказательство правоты родоначальника «всепобеждающего верного учения», рекомендовавшего подвергать всё сомнению, что

мы воспринимали формально-отстранённо, лелея в себе смешную наивность и опасную доверчивость.

Одно дело – реальный факт. Также – конкретный человек. Протокол происшествия, показания очевидцев, изображение, сделанное самым гениальным портретистом, – другое. Более или менее, но всегда и непременно – другое. В устных рассказах и письменных свидетельствах происходит мифологизация всего, о чём повествуют авторы. Место оригинала заступает образ. Дай Бог, чтобы не макет из папье-маше. Образ вполне достоверен лишь для его создателя. Оригинулу рискует не понравиться. Иногда – очень сильно.

Здесь важнейшим становятся осведомлённость и неангажированность пишущего. Как-то усовершенствовать свою осведомлённость не могу из-за отдалённости первоисточников и отсутствия времени на их поиск и исследование. Если ангажирован, то лишь собственными представлениями о добре и зле, мужской и офицерской чести. В любом случае не намерен врать.

Преданные и проданные

2014-й год. Сто лет Первой мировой... И – опять война. Не только в Африке, на Ближнем Востоке, к чему весь мир бесстыдно привык. Ужасающие бои в Донбассе, на Луганщине... На Украине... На Украине, близкой сердцу каждого нормального выпускника КВВМПУ!.. Хотелось бы, чтоб – каждого. Но без определения «нормальный» будет неправдой.

Август, последние дни лета. До начала занятий в Дальневосточной государственной академии искусств меньше недели. Бреду на работу. Навстречу двое. Она – дама в возрасте, а всё ещё вызывающе смазлива. В упаковке, в какой пешком не ходят. Платье Золушки на балу, дорогие цацки, сшибающий с ног парфюм. Он – молодой мужчина, почти ещё парень. Клетчатая на выпуск рубаха, китайские джинсы из простеньких. Лицо не сказать грубоватое, но – обыкновенное. При том своё, открытое, каких теперь всё меньше. Он – взволнован, горячится. Она – гордо холодна, даже презрительна. Невозможно понять, слушает ли.

Успеваю схватить фразу: «...фонд говорит, база данных утеряна... украли десять миллиардов у пенсионеров, и – как будто ничего

не было...» Думаю – зачем ему? До пенсии далековато. Не о себе, значит, переживает. Для неё – вопрос созревший. Да, видать, как-то решён, можно предположить – решён неплохо...

Сбивают с мысли. Шёл – кумекал о своём. Тоже, между прочим, о юбилее. Не сто лет Первой мировой, перевернувшей вселенную, о чём так или иначе говорит сегодня планета. Всего-то – 45 лет со времени поступления в Киевское политехническое училище группы тихоокеанцев, в которую попал неожиданно. Дата никакая, событие для мира и города микроскопическое. Но кому-то перекроило жизнь.

Так совпало – в этом году Светлана Николаевна Кириченко из Севастополя и Олег Яковлевич Гречко из-под Москвы прислали воспоминания для книги о родном морполите. Книга замышлялась с размахом, однако содержание и предполагаемый формат в течение лет не единожды менялись. В финале получилось не то, что планировалось изначально. К теме, отодвинутой другими делами, успел охладеть, участвовать в издании своей писаниной не собирался. Не знаю, что больше повлияло на окончательное решение. Всколыхнувшее душу слово Светланы и Олега, обострившаяся с возрастом память об ушедших товарищах, желание поглубже разобраться во времени и себе? А может, война на Украине, странные до нелепости, невообразимо дикие происшествия на майдане (не могу писать с большой буквы), какие во время учёбы в бесконечно милом Киеве не привиделись и в бреду? Наверное, и то, и другое, и третье. И вопросы, без ответа на которые не будет нам покоя.

Как мы жили, за что боролись? Что обрели, что потеряли? Что после нас останется земле и стране, которым служили, какое будущее ждёт народ, частью которого – плоть от плоти – были и пребудем до смертного часа?

«...база данных утеряна... украли десять миллиардов у пенсионеров...»

45 лет назад такое было невозможно. Невозможны глумления над святой памятью, фашистские шествия в Риге, Вильнюсе, Таллине, невозможен майдан в Киеве, непредставимы резня в Таджикистане, кровавые разборки в Киргизии, вспышки огня и злобы в Молдавии, войны в Чечне, в Грузии... На Украине!!!

45 лет назад третий набор квумпарей выбирал дело жизни. Назначение, суть его заключались в том, чтобы не пустить беду в большой общий дом под названием Союз Советских Социалистических Республик.

Не все, к великому горю, не заставившему себя ждать, но, по крайней мере, самые неглупые и честные из нас понимали слабости и хвори системы, таящие недооценённую угрозу. Притом ясно видели главное, на чём стояла страна, удерживая мир в равновесии и давая надежду одолеть дурное в себе и в этом огромном, противоречивом, взрывоопасном мире – ради будущей, ещё небывалой жизни, пригодной для всех приходящих на грешную землю.

И сегодня умные и честные кое-что понимают. И не только в России.

«С 91-го нам, латышам, усиленно внушали, что всё советское – плохое. Я, признаюсь, сам так думал до тех пор, пока не занял пост советника министра культуры, им тогда был Раймонд Паулс. Я стал знакомиться с учебными пособиями, и оказалось, что за годы независимости Латвия не издала ничего! Все учебники латышского языка, литературы, словари – всё из Советского Союза! Сравнивая с наследием советской Латвии, я увидел, что наши современные лингвисты, фольклористы, культурологи близко не могут подойти к тому, что делали их коллеги в СССР. А ведь это великая ценность. Так я понял, на каком высоком уровне в Союзе была латышская культура, её уважали, давали свободу развития. Сегодня нашей культуры нет, её заменили на евро-американскую. ...Люди тысячами покидают Латвию: дома для них нет, нет работы и веры в будущее. Для нашего маленького народа это трагедия. Когда-то мы летали в космос и пели песни на Лиго¹, теперь мы моем посуду в Лондоне и думаем, сможем ли прокормить хоть одного ребёнка... Мне почти 40, и хочу сказать, что очень плохо – что Союза больше нет. Ренарс Кауперс. Латвия».

И сам министр, уже бывший, сам великий Раймонд Паулс, в прямом и переносном смысле цинично обворованный своей «свободной», «демократической» страной, открыто и бескомпромиссно отмежевался от официальной Риги, отказавшись от сотрудничества с продажной властью, для которой обманый лозунг счастливого

¹ Лиго (латыш. Līgo), Янов день (латыш. Jāņi), Зелёный день – один из самых почитаемых латышских народных праздников (отмечается в ночь с 23 на 24 июня).

европейства оказался важнее насущных интересов собственного народа.

Деидеологизация – под этим, насквозь фальшивым, предательским флагом состоялось саморазрушение жизнеспособного и, по глубинной сути, уникального организма. Ни социум, ни какой-то отдельно взятый индивид, как ни закрывай на это глаза, не существуют вне политики и идеологии. Собственно, политика и есть идеология в действии. Во всех областях человеческой и/или античеловеческой деятельности. Идею, идеологию отменить нельзя – можно лишь поменять на другую. Вплоть до прямо противоположной. Неслучайно смена курса постсоветскими (антисоветскими) реформаторами знаменовалась, в первую очередь, уничтожением идейно-политических институтов, в том числе – изгнанием политработников из Вооруженных сил страны. Неслучайно командующий Тихоокеанским флотом (1993 – 94 гг.) адмирал Георгий Гуринов в пору державного развала признавался – многие командиры боевых кораблей отказывались выходить в море без замполитов. Неслучайно Георгий Николаевич в угаре этого развала не пришёлся ко двору ельцинскому минобру Паше-«мерседесу»...

Ещё в конце 1970 годов на контрольно-пропускном пункте 19 бригады подводных лодок комбриг Семёнов произнёс провидческие слова.

Товарищ капитан 1 ранга не любил политработников. Подводная лодка «Буки-833», где я, старший лейтенант, исполнял должность заместителя командира по политической части, недавно вернулась в Малый Улисс. Семёнов, ходивший с экипажем старшим на борту, совершил небывалый для него поступок: поднялся в политотдел 6 эскадры, в состав которой входило наше соединение, и похвалил замполита за работу в море. Чуть ли не на следующий день мой портрет висел на доске почёта части.

Не помню, нечаянно или по делу мы сошлись с Геннадием Ивановичем возле бригадного КПП. Вдохновлённый подвигом флотоводца, я обнаглел: «Товарищ капитан первого ранга, ходят слухи, что вы нашего брата не очень-то жалуете». «Да, – откровенно ответил будущий адмирал. – Разогнал бы вас всех».

Моя «букашка» вернулась из штормового зимнего моря живой и невредимой благодаря капризу Семёнову. Сначала что-то не шло в глубоководном полигоне. При погружении примерно на половине рабочей

глубины из системы вентиляции вдруг начинала бойко сочиться вода. Подвсплывали – течь закрывалась. Ныряли – появлялась снова.

Вода в прочном корпусе ПЛ – вещь малоприятная, хотя огонь, по большому счёту, страшнее. При прочих равных условиях откачивать воду за борт проще, чем гасить пламя в тесноте отсеков, нафаршированных электрическими кабелями, промасленной техникой, коробками РДУ (регенерационно-дегазационных установок), насыщенных кислородом, да ещё при наличии аккумуляторных ям, способных выделять водород, в соединении с Охугениум – самовоспламеняющийся, самовзрывающийся гремучий газ. Но и вода не подарок. Особенно, когда над головой до поверхности моря под четверть километра.

Она, скорее всего, была дождевая, скопившаяся в какой-то нише при вскрытии лодочной требухи во время заводского ремонта. На глубоководных испытаниях лодка погружалась, давление росло и прессовало воду в систему вентиляции. Это не единственное из возможных, но, кажется, наиболее логичное объяснение физики происшествия, по счастью, закончившегося благополучно. Однако когда случается нештатная ситуация, причины и смысл которой не ясны, а последствия не предсказуемы, не очень-то легко сохранить самообладание, подавить чувство страха и удержаться от паники.

Мы ныряли, выныривали и ныряли вновь, пока поступление воды на глубине полностью не прекратилось. По этой ли, по какой иной ли оказии задержались в полигоне суток на трое. Из-под Находки шли на север сквозь шторм. Лёгкий корпус обледенел, на носовой надстройке единственный леер¹ срезало волнами как бритвой. Глубокой ночью подошли к узкому, сильно вдающемуся в материк заливу. Не скажу, какому. Может быть, Святого Владимира, может, Святой Ольги.

В горле залива, где волна теряла силу, стали на якорь. Экипажу дана команда от мест отойти и разрешено отдыхать. На мостике осталась вахта – офицер и сигнальщик.

С комбригом Семёновым мы поднялись в рубку покурить перед сном. Минуту-другую любовались на створный огонь, мерцающий

¹ Здесь – туго натянутый на уровне бедра тонкий страховочный трос вдоль правого среза верхней палубы подводной лодки, в отличие от надводных кораблей не имеющей ограждающего фальшборта.

издалека сквозь ночную темень. Больше любоваться было нечем. Берегов не видно, звёзды спрятаны за тучами, не различимыми, лишь угадываемыми во мраке.

Вдруг Семёнов рванулся к коробке ГКС (громкоговорящая корабельная связь). В шестой отсек полетела команда на немедленный запуск электромоторов и работу на винт. Как можно быстро дали самый полный.

Рулевой менял курс по приказаниям комбрига. Лодка тяжело заворачивалась, двинулась неохотно, медленно, и тут я увидел то, что очень своевременно разглядел опытный морской волк Геннадий Иванович Семёнов. В нескольких метрах от корпуса корабля кипела вода на камнях прибрежного рифа. Лодку, дрейфующую лагом к подводной скале, едва не швырнуло на неё всем бортом.

Отошли мористее, где сильно качало, зато было безопасней. Осмотрелись в отсеках, разобрались, что к чему. При постановке на якорь, чтобы не подвергать моряков риску на ледяной коросте верхней палубы, лишённой даже штормового леера, отдавали якорь вслепую из первого отсека. За длиной вытравленной цепи следили по приборам. Уверенные, что надёжно зацепились за грунт, дали отбой экипажу и успокоились. А якорь, вмерзший в клюз, остался на месте. Якорь-цепь из цепного ящика попросту стравилась под лёгкий корпус. Лодка оказалась во власти ветра и волн.

Боцман и рулевой-сигнальщик вылезли из рубки, ползком по мокрому льду добрались до лючка около носового шпиля. Я с ними. Обкололи лёд. Моряки протиснулись в люк. В холодном, тёмном, что преисподняя, пространстве места нет, я остался на пляшущей палубе. Дождался, пока ребята вручную вернули цепь в исходное.

На четвереньках – назад, к рубке. Медленно-медленно. Потом – быстро, рывком, дальше, вовнутрь. Моряки нырнули в прочный корпус обсушиться и обогреться. Меня комбриг придержал на мостике, в полную мощь начальственного таланта отругав за то, что все трое работали без страховочных концов. Суровую речь его выслушал с радостью, почти с восторгом. Несгибаемый комбриг, не склонный к излишним эмоциям, оказывается, сделан не из одного железа. Даже намёка не подал, но – волновался, переживал не меньше нас и командира капитана 3 ранга Петра Кондрикова, тоже не вспомнив о

страховке, когда мы надевали спасательные жилеты, бесполезные в ледяном море. Зимой в забортной воде человек выдерживает минут десять, околевая от переохлаждения...

Подработали переменными ходами в нужную точку. Снова, уже настоящему, бросили якорь.

Никто, кроме Господа Бога, не знает, сколько жизней из экипажа ПЛ «Буки-833» спас от мучительного конца капитан 1 ранга Семёнов, поднявшийся на мостик покурить.

После возвращения с моря, встретившись у КПП бригады, мы тоже курили. И я спросил командира соединения, как он относится к политработникам. «Разогнал бы вас всех» – честно ответил он.

Мы досмолили сигаретки, и Семёнов, пожимая руку, кивнул на окружающий береговой пейзаж: «Но если вас разогнать, мы все разбежимся по этим сопкам, и никакая сила нас не соберёт».

Факт, имеющий непреходящее историческое значение, – отменённый после Гражданской войны институт комиссаров спешно восстанавливается в Красной армии и Рабоче-крестьянском красном флоте в тяжелейшие месяцы Великой Отечественной. Показательно – в армии Донецкой народной республики организовано Политическое управление. Симптоматично – Министр обороны, генерал армии, Герой Российской Федерации Сергей Кужугетович Шойгу высказался о необходимости восстановления в Вооружённых силах института офицеров-воспитателей. Поскольку номинально таковые имеются и сейчас, речь, хочется верить, идёт о политсоставе.

Мировая и отечественная история кричат во весь голос: любое государство, каждый народ в многоликом, разнонаправленном мире имеют одну фундаментальную основу выживания, единственную скрепу – объединительную государственную (национальную) идею. «Деидеологизация» возможна и необходима там, где идея антинациональная, заведомо лишена поддержки критического большинства соотечественников. Или подкинута, навязана, «подарена» народу, стране, её правителям извне. Врагом, временно прикинувшимся другом, ради своей выгоды готовым кого угодно не только обмануть, но и съесть заживо.

Именно с такой «идеей» мы и столкнулись лоб в лоб, когда мечту о справедливом для всех, социально обустроенном обществе заместили

интересы избранных, и началась ничем не прикрытая война отнюдь не за свободу, братство и счастье равноправных людей.

Идеология либо рядится под научность для видимости, либо стоит на научном фундаменте. Пытается стоять. Стать объективно научной ей ещё никогда нигде не удавалось. Для этого она слишком зависима от многих и многого, прежде всего – от политической власти. Последняя от сотворения ни дня не находилась в руках учёных, во все века принуждаемых выполнять «социальные заказы» сильных мира сего, больше или меньше, но непременно руководствующихся как непреднамеренными своими заблуждениями, так и хорошо осознанными прихотями и капризами. Какие бы цели власть ни декларировала, она неизбежно гнёт идеологию под себя. И в марксизме-ленинизме, как его нам преподносили, достаточно сомнительных тезисов, вольно или невольно заложенных самими отцами-основателями, и масса вреднейших глупостей, привнесённых «верными ленинцами», непрерывно «развивавшими» «всепобеждающее учение». Наука, призванная не только объективно отражать, трезво и всесторонне осмысливать сложный процесс развития человечества, но и непосредственно влиять на это развитие, не могла быть «окончательной», раз и навсегда застывшей, она была обречена внимательно слушать жизнь, идти в ногу с реальностью, поверяться опытом, коррелировать со всем происшедшим, происходящим и могущим произойти. По факту вышло, что на свой лад её «двигали вперёд» в СССР, Китае, Албании, Камбодже и далее везде, где хотели. Сполна и через край использовался принцип «марксизм не догма, а руководство к действию». И всё-таки в добрые-недобрые старые времена не до конца замороженному уму при определённых усилиях было возможно разобраться и в «руководстве», и в «действии». Как ни покажется кому-то (наверняка, чересчур многим) неожиданным, но противоречия марксизма-ленинизма, роковые несоответствия принципиальных положений научного социализма и практики его строительства в нашем отечестве достаточно внятно и полно выявлял и объяснял... только сам марксизм-ленинизм. Более того, лишь марксизм-ленинизм способен (впрочем, он давно это сделал) доходчиво растолмачить, что происходит с нами сегодня. Да и со всем человечеством – тоже.

Нам интересно, почему миллионы сограждан, *всю жизнь отдавшие работе на государство* и на его защиту, безусловно бедствуют в то время, когда *служащие государственных компаний* получают **в день 1,3 млн.** (г-н В. Якунин, «Российские железные дороги»), **2,2 миллиона** (г-н А. Миллер, «Газпром»), **4,5 млн. рублей** (г-н И. Сечин, «Роснефть»)?

Вот для того, чтобы мы не могли ответить на подобные вопросы (ещё лучше – чтобы их не задавали), в школах и ВУЗах постсоветской России полностью переформатированы программы по гуманитарным дисциплинам; марксизм-ленинизм со всеми тремя составляющими (философия, политэкономия, научный социализм) исчез из образовательного и информационного пространства, а имена его основоположников упоминаются всё реже и почти исключительно в духе отрицания и оскорбительного ёрничанья. Для того на сотнях телеканалов изо дня в день скабрезничают сытомордые смехачи. Для того круглосуточно насилуют эфир блатяки и извращенцы, уколотые и обкуренные. Для того на все стороны света матюгаются «мастера художественного слова», ковыряются в гениталиях и физиологических нечистотах «инженеры человеческих душ»...

Политика – концентрированное выражение экономики; бытие определяет сознание; нет такого преступления, перед которым остановится буржуй-капиталист при высоком проценте прибыли; если мы не победим бюрократию, бюрократия победит нас; ищите, кому это выгодно... Позволить массе людей осмыслить эти простые истины опасно, в перспективе – губительно для устроителей нового-старого порядка жизни-не-жизни, чьи интересы уже нельзя назвать даже мелко или просто буржуазными. Речь идёт об интересах олигархических, интересах монополистического капитала, абсолютно равнодушного ко всем и ко всему, кроме чистогана, безжалостно враждебного к законным чаяниям и честно заслуженным правам большинства народа, своим трудом создающего либо национальное богатство (при социализме), либо частную собственность вечно ненасытных «хозяев». Подчеркнём жизненно важное: социализм не только не отвергает многоукладности экономики и равноправного существования разных форм собственности, а, напротив, лишь при их гармоничном, разумно регулируемом сочетании способен к поступательному развитию.

Как раз этого развития не обеспечил Советский Союз, что и явилось главной причиной его заката и гибели.

Идеология, стремившаяся, при всех своих изъянах, воспитать в человеке человека, сформировать адекватное, пригодное для нормальной жизни общества массовое сознание, отменяется. Как черти из табакерки в немерянном количестве повыскакивали на свет Божий идеологические перебежчики: яковлевы, волкогоновы, бурбулисы, шеваднадзы, кравчуки, гайдары, ландсбергисы... Вслед за ними, шукая свой гешефт, заходясь в криках, ринулись перекраивать мир то ли уродённые глупцы, то ли циничные предатели: немцовы, станкевичи, сванидзы, шустеры, шендеровичи, цапки, ксюши – имя им легион. Под дымовой завесой «деидеологизации» вылезла из подполья и беспрепятственно отомобилизовалась антидержавная, антисоциальная, антинародная идеология. Здесь каждое лыко в строку, каждое слово имеет куда как далеко идущее значение. Вроде бы механическое переназывание имён и понятий, внешне безобидное перенаполнение терминов, запущенные ещё большевиками, становятся минами замедленного действия.

Вот были русские – великороссы, малороссы, белорусы. Тихой сапой их кровное единство похоронено, кажется, одним неприметным филологическим новшеством, в результате которого исчезли русские-малороссы, а появились украинцы. Кто они, на гривнах своих отпечатавшие портреты единых, общих для нас, пращуров Ярослава Мудрого и Владимира Великого – Красное Солнышко, всех нас и крестившего, рождённого, между прочим, под городом Псковом, слава Богу, русским доньне? Кто они, если наравне с русскими и белорусами почитают своим «Слово о полку Игореве сына Святослава внука Олегова»? Остаются они малороссами, стали бы так чураться, а то и ненавидеть русских – чураться и ненавидеть самих себя? И как же глубоко должно извратиться сознание народа, с маниакальным восторгом рушащего памятники Владимиру Ленину, чья национальная политика и заложила основы государственного украинского самоопределения? В обнимочку с этим встаёт на попа и другой смешной вопрос. С чего вдруг всеразличные русофобы воспылали неизлечимой зоологической ненавистью к пролетарскому (никуда всё-таки не денешься) вождю, автору выдающихся работ «О национальной

гордости великороссов», «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение» и др., исполненных великого радения о равноправии всех народов, кроме одного, обвинённого в «великодержавном шовинизме», – народа русского? При его-то открытости миру, при его отзывчивости, бескорыстии и бесконечное количество раз во все времена во всех частях света доказанной жертвенности...

Этой умственной идейно-безыдейной кашей миру и городу можно смертельно подавиться, если не извлечь из неё очень для кого-то наваристую кость. Тут диагностическое значение приобретает всё та же, вроде неприметная, игра слов. Из современного лексикона сильных мира сего и их подпевал исчезли понятия «буржуй», «эксплуататор», «мироед», «классовое капиталистическое общество», их место заступили как будто безобидные «предприниматель», «работодатель», «кредитор», «рыночная экономика»...

В наш дом пришла война, которой мы не знали. Сначала мало кому понятная. Иезуитски продуманная, хладнокровно просчитанная, щедро оплаченная. Нетрадиционная, неконфессиональная. Без выстрелов. Война за умы сограждан, за наши умы. Готовится плацдарм, с которого наступление идёт дальше. И вот уже гремят бои за территории, ресурсы, рынки сбыта, производственные объекты, банковские счета. Что, в общем-то, и имелось в виду ещё на самых дальних подступах.

Простому человеку, если он не поднимется в этой бойне на защиту самого себя, спокойного, комфортного места на родной земле не предусмотрено.

Профессия наша была не просто профессией. Это был фронт. Мы держали его, пока нас не сняли с позиций. Пока не предали и не продали «полководцы». С каждым днём это становится яснее. И всё явственней обозначается цена, которую уже заплатила и ещё заплатит Родина за ловкий поворот к «истинной» свободе, оказавшийся невыгодным, вопиющим предательством в отечественной истории.

Когда бы ни чужой фурункулёз...

Матрос был хороший, замечательный матрос. В зиму 1968 – 69 гг. он служил водителем в отдельном военно-морском радиотехническом дивизионе особого назначения. Водителей у нас было много,

но по краткости пребывания в управлении дивизиона я почти ни с кем не успел сойтись. К тому же вместе с тыловиками имел коечку в «хозобозе» в отдалении от расположения, где размещались настоящие спецы-разведчики и жили – поближе к гаражу – дивизионные шофёры.

Старая, царских времён, казарма – с высоченными потолками в кубрике, с гигантским пустым залом-ангаром на первом этаже – за краснокирпичными крепостными стенами и летом надёжно хранила прохладу, а зимой прогревалась разве для виду. Личной состав круглый год жил как будто в погребе. Не знаю, не помню, тепло или не очень спалось под казёнными одеялами непосредственно в управлении дивизиона, однако и там жилой фонд составляли постройки, по преимуществу, дореволюционные – неоштукатуренные одноэтажки каменной кладки. Были тому причиной спартанские условия обитания, виновата ли зима, малоснежная, но влажно-морозная и ветреная, климат ли дальневосточный не пришёлся матросу, только он, начав с непоздней осени, оставался до весны самым активным посетителем санчасти.

Майор-начмед морячил – болтался на корабле разведки где-то в океане, Индийском или Тихом. Медициной дивизиона умело руководил старшина какой-то статьи по последнему году службы – ветеринарный фельдшер, призванный из Алтайского края, единственный за всю жизнь встретившийся мне классический альбинос, имя которого, как большинство прочих имён сослуживцев, на полвека память сберечь не сподобилась. Приехав с острова Аскольд, с отдалённого поста разведки, где сдал медпункт на попечение коллегисверхсрочницы, жены нового командира поста, я пребывал салагой за штатом.

Обязанности непосредственный начальник распределил справедливо. Сам вёл наиболее важную документацию и осуществлял стратегическое руководство. Остальное доверил подчинённому. Были и дела общие. Периодическая проверка качества спирта из годового запаса медслужбы – пятидесятилитровой бутылки с наляпанной кузбаслаком по стеклу шкалой для строжайшего учёта содержимого. Плюс перекуры. В силу хронического дефицита спичек старшина для добывания огня использовал бумажные кулёчки, смешивая в них

порошок марганцовки с несколькими каплями глицерина, чему бескорыстно обучил и меня...

Матрос-водитель несколько раз проходил в санчасти курс лечения. Его одолевали чирьи, обильно гнездившиеся на спине и в подмышках. На каждый фурункул следовало прилепить вонючую салфетку с мазью Вишневского или ихтиолкой. До меня медицинская помощь больному на этом ограничивалась. Я начал аутогемотерапию. Из вены берётся кровь, в шприц добавляется антибиотик, смесь вводится в ягодицу. Количество крови от укола к уколу увеличивается с двух миллилитров до десяти, потом – в обратном порядке – уменьшается до исходного. Доза антибиотика – постоянная.

К концу курса матрос оживал. Но спустя пару-тройку недель снова появлялся в процедурной.

В начале весны он пришёл в санчасть здоровым. Попросил направление на медицинскую комиссию в связи с поступлением в Киевское высшее военно-морское политическое училище. Так я узнал, что оно существует.

Сразу попытался отговорить сослуживца от неразумного решения. Во-первых, с хроническим, по сути, фурункулёзом обрекать себя на 25-летнюю офицерскую, да ещё и морскую службу весьма рискованно. Было и во-вторых. Мы много общались с парнем, обо всём беседовали и уже неплохо знали друг друга. Мне казалось – для политработы он ни с какого боку не подходит. Простой, открытый, матросик, однако, не удивлял широтой кругозора и глубиной знаний. Но главное – страдал каким-то образцово-показательным косноязычием, то есть, не просто плохо владел речью, но не умел внятно выразить самую незамысловатую мысль.

Теперь знаю, что поступил дурно. И о своих-то возможностях никто не ведаёт наперёд, а загодя оценивать кого-то другого, да ещё и нагло вмешиваться в его судьбу – грех непростительный. Потом жизнь убедила – умение складно говорить не всегда дано хорошему человеку и самому выдающемуся специалисту хоть в каком деле, а первый-то вред всему и вся несут как раз сладкоголосые негодяи. Но тогда был я молод и глуп, а по молодой глупости до безобразия наивен и категоричен. Попёрся к заместителю командира дивизиона по политчасти капитану 2 ранга Ивану Ивановичу Иванову. «Старший

матрос такой-то, разрешите обратиться!» Иванов – фронтовик, мужик мудрый, выслушал до конца и беседовал, как с ровней. Я ему: так, мол, и так, посоветуйте парню в техническое училище поступать, с железом он достойно управляется, а для работы с людьми рождён не каждый, будет всю службу мучиться сам и моряков своих мучить. Он мне: так ведь любой офицер именно и прежде всего с людьми работает, а уж потом с железом. А нам, дивизиону нашему, большой почёт, если кто-то из старшин-матросов станет курсантом Киевского училища. Ему третий год всего, училищу, мало кто о нём знает, а парнишка вот – рапорт написал на учёбу.

Ну, пообещал я товарищу капитану 2 ранга найти желающих поехать в Киев. И нашёл. Пять человек. Оформил им документы, направления на медкомиссию. Пришли все в назначенный день – должен был их сопроводить в гарнизонную поликлинику. А кто-то вдруг: «А ты сам-то? Что ж трюндишь, как хорошо там будет, в Киеве, нас сговорил, а сам, выходит, не в деле?» Что оставалось? Сел за стол, заполнил свою медкнижку. Уверенный, что ничем это не грозит. Не блистал здоровьем, о чём позже расскажу, и рассчитывал – врачи в военное училище не пустят.

Медкомиссия нашла что-то не соответствующее у пятерых из шести. Кто, не исключая, просто решил прогуляться и тут изобразил слабовидящего, кому-то фактически не хватило... зубов. Забраковали всех, кроме... меня. Жаловаться на детские-недетские болячки не стал, думал – анализы покажут. Но анализы правду скрыли.

Абитуриенты из числа военнослужащих Дальневосточного военного округа, Тихоокеанского пограничного и с Тихоокеанского флота держали экзамены и одолевали мандатную комиссию во Владивостоке, в Тихоокеанском высшем военно-морском училище имени адмирала С.О. Макарова.

Абитура делилась на три роты. Одна – в ТОВВМУ, другая – во все, взятые вместе, военные вузы на западе страны, третья – в КВВМПУ. Первые две роты – примерно равные, около полусотни человек в каждой. «Киевлян» оказалось – 96. Под дальневосточников Киев забронировал 20 мест. То есть, стать курсантом мог один из пяти. Попасть в их число я не планировал. Скучал по дому невыносимо, подписывать себе приговор на пожизненную разлуку с родиной не мечтал.

В ТОВВМУ мы оказались не лишними, но чужими. Не лишними, поскольку кому-то надо нести наряды, в отсутствие разлетевшихся на каникулы курсантов поддерживать флотский шик на территории и в могучих многочисленных строениях, осколками стекла зачищать следы нашествия флотских башмаков на квадратных километрах паркета в жилых и учебных корпусах. Чужими потому, что явились людьми временными, по определению не обязанными заставлять хозяев волноваться о наших интересах. Подготовка к экзаменам, естественно, не стала важнейшим делом. Первее – камбуз с варкой харчей на сотни ртов и мытьём посуды, хозработы, приборки, внутренние наряды на службу, патрули...

Собственно пахота на камбузе для меня в новину, на посту разведки и в управлении дивизиона от этого славного дела оберегал фельдшерский диплом. Там были функциональные обязанности: не всегда приятная – проверять чистоту, порядок, закладку продуктов в варочном цехе и приятная – снимать пробу, записью в специальном журнале давая добро на раздачу пищи личному составу. Теперь, изнутри, пищеблок произвёл мощное впечатление. Работа в посудомойке закипала после завтрака, последняя вымытая миска шлёпалась на дюралевый стеллаж незадолго до обеда. Потом был обед, был ужин, был вечерний чай. Странно, есть почему-то хотелось не шибко. Наряд заканчивался не по времени, а после наведения полного ажюра на камбузе. Обычно казарма уже смотрела десятый сон.

И всё-таки памятной вышла курсантская баня за территорией училища. В непросыхающей от духа парных и помывочных архаической двухэтажке пост выставлялся на ночь. Для нормального человека общественная баня – место, скажем так, густонаселённое. Одинокого постового она атаковала пустотой, окружённой лабиринтом тёмных помещений, в гулкой тишине которых каждый собственный шаг заставлял испуганно оглядываться по сторонам, а всеночное безмолвие порождало в полумраке страшных химер.

На охраняемом объекте, единственной ценностью которого являлись реликтовые мраморные скамьи, стоявшие на мраморном полу несокрушимыми рядами, я частенько ночевал в паре с каким-то абордажным штык-ножом. Можно полагать, он участвовал ещё в русско-японской войне. Широкий, плоский, обоюдоострый клинок

в увесистых ножнах, нацепленный рядом с бляхой на флотский ремень, никак не защищал сторожевой пост от ночной нечисти. Но создавал почти непреодолимые неудобства для сна на однотумбовом конторском столе. Иной подходящей мебели в доступных помещениях бани не существовало.

С виду простая, вахта эта преподнесла не вдруг осознанный, но глубокий урок. На службе большую часть времени находишься среди людей, зачастую не имея возможности уединиться даже в интимные моменты. На миру, говорят, и смерть красна. А самое-то сложное, оказывается, сохранять себя один на один с собой. Когда от опасности, реальной или мнимой, от испуга, страха, неверного шага защищаешься сам, когда никто не может помочь, поддержать хотя бы словом. Так, в общем-то, и в жизни. Это закон для всех, только военным он открывается быстрее и полнее. И если не закаляет человека, не воспитывает в нём мужественность и смелость, то, как минимум, учит умению владеть собой или хотя бы скрывать свои слабости от себя и окружающих.

В целом, в ТОВВМУ жилось посложнее, чем в дивизионе разведки. Там был медиком, положение моё во многом отличалось от службы строевых матросов. Здесь стал как все. Однако не видел в происходящем повода для переживаний. А когда залёг в санчасть с удушающей лакунарной ангиной, обрёл полное равновесие души, будучи убеждённым, что после болезни с чистой совестью вернусь в родную часть. Но... Из лазарета выписали слегка недолеченным, дабы успел на очередной экзамен, который уже не рассчитывал сдавать.

Не написать сочинение на литературе позволить себе не мог. Получил пятёрку. И на истории тоже. Оставалась последняя надежда – математика, никак не способная меня подвести. И она не подвела. В билете все три вопроса – тёмный лес, притом один абсолютно шикарный, суший подарок судьбы: ряды Фурье. Единственное, что мог сказать о них, даже и не сказать, а радостно предположить – это элементы высшей математики. А я и с невысшей пребывал в отношениях почти безнадежных.

...Преподаватель – милая, молодая, красивая, – дай ей Бог здоровья, «пожалела». Вместо честно заслуженного кола, на худой конец,

двойка в ведомости нарисовалась тройка. Впрочем, кроме собственно математички, в экзаменационной комиссии были и другие люди, так что вопрос, надо думать, решался коллегиально.

В Киев поехал «первым номером». Как единственному из абитуриентов, отхватившему по двум начальным экзаменам полные десять баллов, мандатка, не советуясь со счастливым обладателем, довела результат до совершенства и по математике. Видимо, с Дальнего Востока полагалось приехать хоть одному «отличнику».

В поредевших письмах домой содержалась деза. В последнем послании из Владивостока ушло сообщение: посылают в командировку куда-то на запад. Правду родные узнали, когда на бескозырке ленточку с надписью «Тихоокеанский флот» сменила другая – «Высшее воен. мор. полит. училище». Но ещё какое-то время я раздумывал, не поторопился ли с этим признанием.

Двадцать плюс один, минус пятнадцать

Главка не давалась. Месяца полтора подступался к ней, начинал так и этак, перечитывал, огорчался, отвергал и в малотворческих муках нащупывал новый зачин. Опять он выходил неудачным, и я уже решил вовсе оставить строптивую тему. В конце концов, никто не страдает, не узнав, как пара десятков парней в военной форме на пике лета 1969-го ехала поездом из Владивостока в Киев. Да вдруг самому стало любопытно: что ж такое – сюжет неприхотливый, а никак не удаётся с ним сладить?

Больше недели – колёсный стук сквозь Евразию, душный плацкартный вагон, дым в тамбуре, чай в подстаканнике – чем тут вдохновиться? Но была в происходящем какая-то тайна, держала, как на привязи. С чего вдруг мгновение жизни, забытое в необходимых для рассказа подробностях, и через полвека живёт в сердце чем-то трудно уловимым, но, можно предположить, наполненным важными смыслами?

История, однако, неожиданно вышла романтической. Двадцать одна девчонка с Шикотана (студотрядовки с путины, с красной икры) – до Самары-Куйбышева. Двадцать один морячок – до Москвы. Позади экзамены, медицинская и мандатная комиссии, а главное – служба. Как минимум, год. Самый трудный – первый.

Совпало. Двадцать одна – двадцать один. Несколько дней и ночей в одном вагоне...

Верхние полки, по преимуществу, пустовали. Попутчики с попутчицами едва ли не круглые сутки ехали сидя, тесно сплотившись в купе, каждой душой выбранном по своей мечте. Компаниям хватало сухого пайка, выданного служивым на путь следования, но не доставало слов и времени для бесед и песен. Спустя десятилетия напишутся строки, немножко передающие атмосферу, в которой осуществлялась передислокация с берега Тихого океана в Матерь городов русских:

*Лишь пару писем в Киев из Самары
Да снимок сохранили мне года.
На снимке я в тельняшке, друг с гитарой,
А в центре Вы – безумно молода.*

*Шёл поезд, и луна бежала следом.
Вы на луну смотрели из окна.
И думал я, с чего начать беседу,
И знали Вы, чем кончится она.*

*И дал мне Бог попутчицу такую!
Вы были словно роза на снегу.
Я тридцать зим без Вас перезимую
И тридцать лет забыть Вас не смогу.*

*Ваш тёплый крестик в вырезе футболки,
Луну в глазах и шёпот до утра...
Но Вы сойдёте с поезда у Волги,
А мне придётся ехать до Днепра.*

*В том поезде мы были лучшей парой,
Но, многие увидев города
И пролетев раз тридцать над Самарой,
Я в ней не побываю никогда...*

*И дал мне Бог попутчицу такую,
Пропавшую иголочкой в стогу...
Я сорок зим без Вас перезимую
И никогда забыть Вас не смогу.*

Капитан-лейтенант, отечески опекавший абитуру в ТОВВМУ имени Макарова, сопровождал завтрашних, как все мы были уверены, курсантов КВВМПУ до победного конца пути¹. Обитал он в вагоне купейном, за всю дорогу заглянув к нам едва ли более двух раз.

Училище, как выше сказано, обязалось зарезервировать для дальневосточников двадцать мест. Толя Бойчук ехал кандидатом сверх выделенной квоты. Его, как никто другой блеснувшего знанием математики, включили в список двадцать первым, надеясь, что один человек проблемой не станет.

У Толи, действительно, обошлось. В 1973 году в числе шести (пяти?) флотских лейтенантов он получит кортик и погоны. Шести (пяти?) – из двадцати одного пассажира поезда дальнего следования, преодолевших на берегу Тихого океана конкурсные испытания. Но на Подоле в 1969 г. на первый курс слегка перебрали, половина из нас оказалась лишней.

Экзамены не сдавали, медкомиссию и мандатку пришлось штурмовать заново. Тринадцать (?) тихоокеанцев отсеялись. Мотивы нашлись разные, вплоть до пикантных.

В команду входила тройка авиаторов-сверхсрочников из отдалённых, даже по дальневосточным меркам, гарнизонов. Возможно, все из Монгохто. Три богатыря после первой сортировки попали в десятку счастливых, одиннадцати прочим выдали проездные документы в обратный путь.

Но не у всех избранных радость длилась долго. Одного из монгохтовцев (монгохтинцев?) после успешной сдачи экзаменов, в самый канун отъезда из города «камней, б... и бескозырок», как широкие матросские массы величали Владивосток, обаяла привокзальная незнакомка. Дорогой, где позволяло время стоянки, пришлось ему бегать в медпункт. Уколы не помогли, медики в Киеве разглядели знаки

¹ Из письма Виктора Низина: «Был тогда такой поезд "Владивосток-Киев". Группу сопровождал инструктор политуправления ТОФ капитан-лейтенант Полозов. Имени и отчества не знаю».

недолеченного удовольствия. Молодого, красивого, испытанного службой на прочность и верность парня отправили туда, откуда приехал.

(Мы какое-то время добросовестно держали связь, я даже побывал у него дома в Москве, возле «Мосфильма», на одноимённой, то бишь Мосфильмовской, улице, где авиатор совершил посадку с юной женой. Но – судьбы разлетелись, экран погас, файл стёрся...)

Все остальные были тоже молоды, испытаны на прочность и верность и хоть немного красивы, однако не имели рядом друга, способного из солидарности с сослуживцем поступиться удачей, а то, может быть, и поломать себе судьбу, отказавшись во имя учёбы в военно-морском ВУЗе расставаться с однополчанином. У нашего товарища такой друг был, и дальневосточный десант на Подоле сократился с десяти (?) до восьми (?) человек. Из оставшихся двое оказались отчислены уже в процессе учёбы.

Окончательный счёт: 96 – 6. А может быть: 96 – 5.

В лето 1969 года 96 молодых питомцев Тихоокеанского флота построились на плацу ТОВВМУ имени Макарова. В 1973-м пятеро или шестеро вышли из ворот КВВМПУ в золотых лейтенантских погонах.

Жить – значит помнить

Книга пишется спустя почти четверть века после того, как с карты мира исчезла страна, которую мы присягнули защищать, не жалея крови и самой жизни. Возможно, это обстоятельство и заставило авторов взяться за перо. Жил бы Советский Союз, стояло бы на киевском Подоле наше родное училище, не было бы оснований беспокоиться, как сохранить память о нём.

Вот что представляется необходимым – сохранить память.

Мысль о создании книги родилась давно, но лично ко мне осознание её значения пришло в году, наверное, 2010-м, после встречи с капитаном 1 ранга Виктором Низинным.

Наши офицерские звания давно помечены уже не словом «запас», а словом «отставка». Однако в отставку можно уйти и находясь в кадрах Вооружённых сил. Но никогда, слава Богу, не переводятся в России люди, остающиеся в строю до конца жизни.

С Виктором Александровичем после выпуска из КВВМПУ мы виделись немного. Он жил-служил под Москвой, в Ватутинках. Там и встречались. До того, как офицер Низин уехал к новому месту службы на Северный флот, и потом, когда вернулся из Заполярья. Начиная с 1984 года, несколько раз в гости к Вите в Ватутинки привозил меня друг детства Олег Шелудько.

Встреча через годы, через десятилетия – всегда оглядывание назад, воспоминание о друзьях, соратниках. И мы, конечно, оглянулись и вспомнили. Оказалось, многих товарищей-киевлян уже нет. Про кого-то из ушедших рассказал Виктору я, о ком-то узнал от него. С горькой болью узнал, что давно нет на свете двух наших друзей, двух Юриев – Филиппова и Лебедева. Оба крепкие, ладненькие, некурящие, спортивные, они ушли необъяснимо, несправедливо рано, ушли незаметно для однокурсников. Как будто отправились в дальний океанский поход, из которого не вернулись. Вдруг обнаружилось, что в выпускном альбоме нет фотографии Юры Филиппова. Все есть, а его – нет. Не знаю этому объяснения. Но теперь в этом мерещится что-то мистическое.

Книга, которая виделась общё и расплывчато, постепенно обретала внятные формы. На дальних подступах она представлялась всеобъемлющей энциклопедией родного военно-морского ВУЗа вкуче с максимально полной биографией выпускников. Стратегический замысел сводился к тому, чтобы через историю КВВМПУ и судьбы квумпарей показать все четыре военных флота СССР в период их наивысшего расцвета. От флотов в былом величии мало чего осталось, Советский Союз перестал существовать. Не хотелось мириться с мыслью, что вместе с нами уйдёт, исчезнет и дорогая для нас память о них.

Однако замысел пугал масштабностью. В одиночку такое дело представлялось непосильным. Обратился за помощью к однокурсникам, чьими адресами располагал. Результат получился, мягко скажем, ниже среднего.

К счастью и в назидание нам, работа, которая не задалась в течение многих лет, уже казавшаяся нереальной, была блестяще сделана Александром Ивановичем Бондаренко. В Коломне, где он живёт, в издательстве «Инлайт» в 2012 году увидела свет книга «Киевский морполит». Книга замечательная. Я бы такую написать не смог.

Приведу пару выдержек из этой работы.

«Киевский морполит – уникальный военный вуз, просуществовавший по историческим меркам совсем недолго, но успевший оставить яркий след в летописи как советского, так и российского Военно-Морского Флота, Вооружённых Сил, да и страны в целом».

«По уровню получаемых знаний, качеству профессиональной подготовки с КВВМПУ могли соперничать только высшие партийные школы. Исторические факультеты государственных университетов и педагогических институтов, также занимавшиеся подготовкой будущих политиков, не давали выпускникам такого объёма практических навыков».

Саше удалось почти невозможное. Собрать, представить значительный ряд квумпарей (из всех 25 выпусков), ставших адмиралами, руководителями самых высоких рангов, заметными, а то и весьма крупными фигурами в разных областях общественно-политической и хозяйственной деятельности в Советском Союзе и в новообразованных государствах, возникших после распада СССР. Среди них немало обнаружилось людей творческих, сказавших своё слово в литературе и искусстве, что может удивить кого угодно, но не бывших курсантов КВВМПУ, хорошо знающих достоинства своей альма-матер.

Однако главное и, по мне, самое трудное – в «Киевском морполите» воссоздана внутренняя структура ВМУЗа, многосторонне показана повседневная жизнь, передана атмосфера, созданная преподавателями, командирами-воспитателями и всеми поколениями курсантов.

Нет оснований думать, что в обозримые времена Россия перестанет нуждаться в мощном военном флоте. Институт замполитов, как их ни назови, будет необходим. Тогда книги, подобные «Киевскому морполиту», неизбежно окажутся востребованы на уровне государственном.

В летописи Александра Бондаренко неожиданны подробности быта на широком историческом фоне, как-то непринуждённо уместившиеся в повествовании, живость изложения фактуры, в значительной части сухо-статистической, изначально как бы формально-казённой.

Привлекательность «Киевского морполита» не только для людей, причастных к КВВМПУ, обеспечена поистине феноменальной

работой над сбором и систематизацией материала. И, как во всяком большом, настоящем деле, здесь не обошлось без большой, настоящей любви. Любви к нашему училищу, к Военно-морскому флоту, к людям, посвятившим жизнь защите родной страны, к самой стране, доверившей нам вместе с кораблями и самолётами, ракетами и пушками бесценное оружие – умы и сердца своих защитников.

Александр Иванович имел право надеяться, что за его книгой «...последует дальнейшая работа по восстановлению если не всех заслуживающих внимание, то хотя бы самых ярких эпизодов в истории КВВМПУ и в делах его воспитанников».

Автор проторил дорогу другим. Идущим вослед всегда легче. Мы можем не тяготиться заботой, которую взвалил на себя Александр Бондаренко. Наша вахта скромнее – попробовать рассказать то, что помним.

«Третий выпуск» становится в ряд с «Киевским морполитом». Думаем, этот ряд будет продолжен. Некоторые выпускники 1973 г. уже включились в дело, кто-то планирует взяться за него в ближайшее время. Контр-адмирал Александр Дьяконов, в 1994 – 2008 гг. заместитель командующего Северным флотом по воспитательной работе, прислал депешку:

«Володя, дорогой, здравствуй! Спасибо за письмо. Сейчас я в отпуске до 7.09 с женой и внуком в Болгарии. Должна на днях подъехать дочь, собираемся все вместе на экскурсию в Румынию, в Бухарест, посетить Трансильванию, замок Дракулы и т.д. Насчёт мемуаров – мысль правильная. Может, подумать о постоянно пополняемом альманахе с воспоминаниями бывших «квумпарей», а не отдельной книге? А после, если пойдёт, само по себе получится обширное произведение, составленное из разных воспоминаний. Конечно, попробую, но ничего не обещаю, чтобы не оказаться болтуном. Пиши, привет родным и общим знакомым. С приветом, А. Дьяконов».

Что ж, даст Бог, всё сложится. Начнём, а там поглядим.

Успел проскочить

В фундаментальной работе Александра Бондаренко нашли место детали, казалось бы, незначительные, без которых, однако, представить КВВМПУ во всей полноте невозможно. В главе «История

училища», в частности, читаем: «Греха таить не надо – среди абитуриентов-военнослужащих немалый процент ехал поступать, имея основной целью лишь отдохнуть месяц-другой от срочной службы под тёплым киевским солнцем. Хотя некоторые из них даже обладали столь крепкой подготовкой или были столь везучи, что легко проходили через сито экзаменов. Они тешили надежду, что могут позволить себе отдохнуть ещё несколько месяцев в училище и осмотреться в стольном граде, а потом в любой момент его быстро покинуть по личному желанию. Но большая часть из этой когорты вскоре втягивалась в учёбу, успешно завершала весь курс обучения, получала офицерские погоны и в дальнейшем достойно служила на кораблях и в частях Военно-Морского Флота. Да и командование училища не стремилось быстро расставаться с достойными молодыми людьми».

С большим основанием могу отнести себя к означенной «когорте». Во Владивостоке не думал добраться до Киева. Моя программа-максимум простиралась до экзамена по математике. И то лишь в том случае, если не придётся проходить проверку по физической подготовке. По свидетельству Александра Ивановича, в Киеве «...абитуриенты сдавали нормативы по спорту. Хотя сдача проходила в форме зачёта, но тот, кто не смог вложиться в нормативы, получал чрезвычайно малую вероятность для поступления».

С нормативами у меня было хуже, чем с математикой. Не вспомню, сдавался ли зачёт по физо в ТОВВМУ. Если да, то не могу объяснить, как через него проскочил. Но, так или иначе, оказался, по определению Саши Бондаренко, «столь везучим».

Везло мне и дальше. Везло невероятно, невысказанно. Это и везением не назовёшь. Скорее – чудом.

Зимняя сессия после первого семестра – два смертельных номера: всё те же любимые физо и математика, теперь уже высшая. Странно, не пришлось даже пересдавать, после экзаменов без задержки поехал-полетел в первый курсантский отпуск (вообще, как-то случайно вышло: ни разу нигде не пересдавал ничего). Конечно, претерпел немалый позор, поскольку с иксами-игреками, дифференциалами-интегралами был явно не на «ты», а подтягивания и подъёмы переводом на перекладине, нисколько в моём исполнении не прибавив в числе, уложили в лазарет. Уложили честно, без симуляции – снопом

рухнул с турника, что-то сдвинулось в поясничных позвонках, на всю дальнейшую службу обеспечив полновесным флотским радикулитом.

Другой сюжет с лёгкой руки (или острого языка) моего командира отделения Саши Долгорукого получил широкую известность и художественное название «Шлёп-нога». Сев в поезд на вокзале во Владивостоке здоровым, в Киев прибыл с распухшими не ногами, а лапами в расчёсах. Флотские бани хороши, как любые прочие, однако подхватить там грибок, выражаясь научно, эпидермофитию – плёвое дело. Нечаянное приобретение обнаружило себя в дальней дороге сколь неожиданно, столь и несвоевременно.

В вагоне и зубы почистить – стой в очереди. В рабочих флотских ботинках, по заслугам прозванных говнодавами, за неделю конечности мои сопрели, потрескались до крови, расквасились, увеличившись на пару размеров. В Киеве на мандатке начмед Небукин¹ доложил: «Этот старший матрос не годен по медпоказаниям. Запущенный грибок. Предлагаю вернуть больного к прежнему месту службы». Спасла начальник лазарета, добрейшая Ленина Михайловна Гензик². «Вылечим, – сказала она. – Он же дипломированный фельдшер с опытом работы и службы по специальности, готовый боевой санитар. И по вступительным – пятнадцать баллов». Мандатная комиссия прислушалась к доктору Гензик, и я проскочил ещё раз.

Кличка «Шлёп-нога» сохранялась за мной несколько дольше, чем изживалась прилипчивая зараза. Освобождённый от строевых занятий, я отсутствовал в коробке первокурсников, украсивших ноябрьский парад войск Киевского гарнизона на Крещатике.

Наглый грибок, между прочим, подарил мне одного из самых дорогих училищных друзей. Не знаю, сошлись бы мы так сердечно со старшиной роты Василием Лысенко, не протяни он руку помощи ущербному однокласснику. В старшинской кладовке (на флоте принято звать каптёркой) я прятался от подначек остроумных товарищей, в течение нескольких месяцев ежевечерне, а когда выпадала возможность, и по утрам паря ступни в обжигающем густом растворе марганцовки. Вася стойчески терпел плохо выветриваемое

¹ В некоторых источниках фамилия написана через «и» – Нибукин.

² Ленину Михайловну Гензик некоторые из выпускников училища зовут Линой.

амбре вонючих мазей, ни взглядом, ни словом ни разу не попрекнув. Впрочем, не я один пользовался старшинской кельей для лечебных процедур. Там же Володя Бердников и кто-то ещё из наших лысых-полулысых (кажется, Боря Мырленко) впоследствии мазались потрясающе духовитой чесночной болтушкой, обещающей возродить к жизни богатую шевелюру. Но вроде бы никто из них не стал Василию близким другом.

Ступни вернулись к природной форме и естественному размеру, грядущие военные парады состоялись с моим участием, а привычка дважды не надевать одни и те же носки и каждый день тщательно мыть ноги с мылом сохранилась на всю жизнь. Правда, давно уж забыл утюжить носки, поскольку из чистого хлопка их теперь практически не делают, а пластик под утюгом плавится.

В сюжете «Шлёп-нога» была, в конце концов, поставлена точка.

Параллельно своим путём двигался и другой сюжет. Подспудный для меня, тайный для большинства моих сослуживцев, лишь узкому кругу неведомых спецов известный во всех деталях, отдельными главами разворачивающийся передо мной в течение десятилетий, во всей полноте, наверное, не открывшийся до сих пор. К нему подходит название «Сын политического преступника».

Прологом стала беседа с начальником политического отдела частей разведки, который вручал мне карточку кандидата в члены КПСС. Документ поспел, когда в ТОВВМУ шли экзамены. Абитура безвылазно сидела за мощным училищным забором, и выписанная старшему матросу такому-то увольнительная записка вызвала у товарищей смешанные чувства.

Своих чувств не помню. Предполагаю глубокую их противоречивость. В партию вступал сознательно, из соображений исключительно идейных. Двадцатилетний матросик, фельдшер, на три года надевший военную форму, я был, как подавляющее большинство сверстников, искренне чужд всему, что считалось недостойным советского человека. На Аскольде разведчики во время ввода войск Варшавского договора в Чехословакию писали рапорты с просьбой отправить на вырчку братьям по социалистическому лагерю. Вместе со всеми писал и я. На следующий год – бои на острове Даманский. Аналогичные рапорты ушли по команде из дивизиона разведки на Шестом километре

во Владивостоке. Возможно, даже скорее всего, это явилось акцией символической, не исключено, пропагандистской. Но в нас жила не просто внутренняя готовность к любому повороту событий, а непреклонное стремление выполнить воинский долг перед Родиной так, как мы его понимали. Не знаю, не хочу думать, хорошо это или плохо, но, если бы история повторилась, сегодня делал бы то же самое.

Вызов в политотдел для получения кандидатской карточки, вне сомнений, воспринимался как событие необыкновенно важное и радостное. С другой стороны, понимал: статус кандидата в члены КПСС повышал шансы на поступление в КВВМПУ, а я отнюдь не горел желанием оставшиеся два года срочной службы заменять четвертьвековой офицерской лямкой. К тому же для этого пришлось бы перейти дорогу кому-то из товарищей, может быть, всю жизнь мечтавшему стать военным. Последнее соображение ныне у многих вызовет, в лучшем случае, недоверчивую ухмылку. Но это – правда. Было время, когда человек думал не только о себе. А флотская служба быстро сплывала, роднила, внушала нам подлинно братские чувства друг к другу...

Начальник политотдела, вручив документ и, как положено, поздравив с «высоким доверием и пополнением рядов нашей родной партии», вдруг задал вопрос, которого я не ждал, но к которому давно был готов:

– Что с твоим отцом происходит?

И тут я соврал. Вот это хорошо помню:

– Товарищ капитан 1 ранга, а что случилось? Я уехал из дому после медучилища в село за триста вёрст, оттуда призвали на флот. В письмах родных всё как обычно. С отцом два года не общался, пишет он редко, давно от него ничего не было. Не знаю, о чём думать.

На самом деле, был в курсе: отец дотошно изучал труды Маркса, Энгельса, Ленина, пришёл к выводу, что социализм в Советском Союзе не согласуется с теоретическими основами, и если КПСС не приведёт свою политику и социально-экономическую практику в соответствие с наукой, страна неизбежно распадётся. Он даже расписал сценарий, как это произойдёт (до мелочей подтвердившийся через пару десятилетий), и пытался довести свои идеи до руководства страны, отправив в Центральный Комитет партии полтора десятка писем, которые писал в течение нескольких лет.

Не знаю, поверил начпо, не поверил, но ответ воспринял с одобрением. И сказал фразу, в которой мне послышались сочувствие и совет:

– Вот и хорошо, что не знаешь. Батя твой находится под следствием. Статья политическая. Имей в виду, ты ведь в политическое училище поступаешь. Желаю тебе удачи.

Вернулся в ТОВВМУ с неостывшими сомнениями насчёт учёбы в Киеве. Но с ощущением – если не поступлю сейчас, не поступлю никогда. Именно с ощущением. Обескураживающим, наполнявшим душу смутной тревогой, но не осмысленным, не понятным до конца. Пройдёт не один десяток лет, прежде чем я соображу, что это было. Чувство несвободы, непреодолимой зависимости от чего-то тайного, скрытого от тебя, играющего человеком, как игрушкой, или разглядывающего его, как охотник в засаде через оптический прицел разглядывает зверя. Лишь теперь на ум пришла догадка, прояснившая суть событий, чьи причины и смыслы не находили своевременного объяснения. Вот, например, совсем простенький, совсем незначительный эпизод, не забытый исключительно из-за своей непонятности. Молодое пополнение, призванное на ТОФ в мае 1968 года, сходу было разобрано представителями (их называли «покупателями») воинских частей и убыло к месту службы, а два фельдшера ещё с месяц болтались во флотском экипаже. Нам с коллегой начало казаться, что мы никому не нужны. Оба устали ждать и гадать о странности происходящего, когда, наконец, за напарником прибыл офицер. Спустя неделю забрали и меня.

Обычно новобранцы сразу, в экипаже, узнавали, кто куда попал – в какой учебный отряд, на какой корабль, в какую часть морской авиации или морской пехоты. Мой товарищ, трамбуя в дорогу матросский вещмешок, на вопрос «Куда?» пожал плечами. И я о своём назначении узнал только по прибытии на место. Почти через год мы нечаянно встретились в гарнизонной поликлинике. Он, уже старшина 2 статьи, привёз на обследование водолазов – боевых пловцов с Русского острова, со сверхсекретного тогда Холуая¹. То есть, мы оба

¹ Холуай (Холулай, Халулай) – элитная часть постоянной готовности, боевая разведка Тихоокеанского флота. Название происходит от старого названия бухты Новый Джигит на Русском острове.

попали в отборные части – он в спецназ, я в осназ, и томительное ожидание «покупателей» во флотском экипаже было связано с тем, что нас проверяли соответствующие «органы». Отец ещё не находился под следствием, претензий ко мне не возникло. В 1969 году всё переменялось. Какое-то время, пока о предстоящем суде над отцом знал ограниченный круг людей, я мог пользоваться статусом благонадёжного человека. Но уже зависел от тех, кто входил в означенный круг. Начальник политотдела, посвящённый в дело моего родителя, мог (возможно, был обязан) перекрыть дорогу в военно-политический ВУЗ. Офицер этого не сделал.

Господь вёл меня за руку. Неверующего вёл. А добрые люди поддерживали за локотки.

Пропавшая тетрадь

Давненько гуляет в Интернете список нашего класса, каким он стал к выпуску, отредактированный приказами об отчислении курсантов, оставивших КВВМПУ по причинам разнообразным, по своему и, чаще, не по своему желанию.

«Выпуск 1973 года – 421 класс:

1. Антонов Юрий Александрович – живет в Мурманской области, учителствует
2. Белокобыльский Сергей Антонович
3. Бердников Владимир Александрович
4. Вихарев¹ Николай Павлович
5. Гомонов Леонид Александрович
6. Долгоруков Александр Андреевич
7. Дьяконов Александр Геннадьевич – ныне контр-адмирал, зам. командующего КСФ по воспитательной работе
8. Егоров Николай Иванович
9. Ермолаев Владимир Викторович
10. Кириченко Николай Иванович
11. Колосов Виктор Николаевич
12. Лебедев Юрий Александрович
13. Лысенко Василий Митрофанович

¹ Подпись под фотографией в выпуском фотоальбоме: «Вихорев Н.П.» Как правильно, авторам книги неизвестно.

14. Моисеенко Анатолий Сергеевич
15. Мушинский Владимир Иронович
16. Нагорнюк Александр Григорьевич
17. Найда Анатолий Александрович
18. Низин Виктор Александрович – живет в Московской области, работает зав орготделом НИИ
19. Тикунов Александр Федорович
20. Тыцких Владимир Михайлович
21. Скрыпник Александр Иванович
22. Степанчук Николай Васильевич
23. Филиппов Юрий Иванович
24. Шаповал Сергей Юнленович – живет в Севастополе, работает снабженцем на заводе
25. Янцовский Валерий Семенович»

Отдельных я представлю в книге. Такими, какими в определённых обстоятельствах видел и запомнил их и сами эти обстоятельства. Но рискну прибавить и сведения о том, чему лично свидетелем не был, в разное время почёрпнутое из рассказов посвящённых. С оговоркой: информация не проверена, за что, как говорится, купил, за то и продаю. Вполне допускаю, правда может быть потеснена легендами, мифами. Ничего не попишешь, в реальности мы все отличаемся от слухов о нас. Порой весьма значительно, вплоть до непохожести. Особенно – те, кого уж нет, кто ни правды о себе не скажет, ни неправды не опровергнет.

Лет пять после выпуска у меня хранилась общая тетрадь, которой я очень дорожил. Кроме довольно подробного изложения книги Августа Бебеля «Женщина и социализм», сильно меня заинтриговавшей, тетрадь берегла великие мысли, достойные бессмертия слова и фразы, звучавшие из уст преподавателей и курсантов. В режиме реального времени они фиксировались на обороте обложки или последней странице конспектов, а потом разборчиво переписывались в эту тетрадь. Бесценный труд бесследно исчез из кабинета замполита родимой дизелюхи, оставив в сердце непреходящую скорбь, но почти ничего не оставив в памяти. На её руинах с трудом отыскиваются жалкие крохи былого богатства.

Наш первый командир роты Иван Степанович Телин отличался образцово-показательной опрятностью формы. Если такое слово применимо к флотской тужурке с кителем, к брюкам и ботинкам, я бы назвал их холёными. К благообразному, гладкому, глянцево выбритому лицу капитана 3 ранга Телина подойдёт слово «лик». Лик был почти всегда удивительно спокоен, что у военных моряков, признаться, большая редкость. В заповедной тетрадке Иван Степанович отметил фразой, сказанной на лекции по уставам Вооружённых сил. Тема выдалась о пожарах, которым ничего невозможно противопоставить, кроме глубокого знания уставных статей, написанных кровью. Справедливый тезис подтверждался примером, когда во время пожара пострадали не знавшие уставов школьники. Я по горячим следам законспектировал слова, полные ненадуманного драматизма: «В школе (название населённого пункта, номер образовательного учреждения) в Новый год на ёлке возгорелись шестнадцать учеников».

Капитан 2 ранга Б.М. Карнос вёл мореходную астрономию. Ему принадлежит выдающееся открытие: «Курсант забывает всё, что сказано на лекции, через полчаса после её окончания. Но если его испугать, забывает мгновенно». Карносу пугать нас нужды не было. С этим блестяще справлялась сама мореходная астрономия.

Наиболее изысканным остроумцем из профессорско-преподавательского состава, на мой взгляд, показал себя капитан 2 ранга Григорьев. Один из пионеров-атомщиков на советском военном флоте, Леонид Серафимович помогал гражданским спецам в монтаже и освоении реактора на первом в мире атомном ледоколе «Ленин». Присутствие Григорьева в воспоминаниях Олега Гречко далеко неслучайно. Повторяться насчёт «Волги» (вероятно, для разнообразия у нас он говорил не о Североморске, а о Петропавловске-Камчатском) не буду, но кое-что добавлю. Не всё, однако, совсем уж шутовское.

У него, действительно, была «Победа» – какого-то бледного, то ли песочного, то ли голубовато-стального цвета. Одна из задних дверок машины закрывалась ненадёжно и имела привычку самовольно распахиваться на ходу. Из этой дверки на повороте при хорошей, надо полагать, скорости, в людном районе украинской столицы вывалилась молодая киевлянка, которая почему-то представляется непременно блондинкой. Событие оказалось резонансным и способствовало

срочной замене «Победы» на «Волгу». Впрочем, за историческую достоверность рассказа не ручаюсь. Не исключено, это одна из легенд, до которых курсанты весьма охочи. Зато далее пойдёт речь о том, что слышал из первых уст.

Григорьев потешался над женатиками, коих курсу к третьему-четвёртому набралось до половины личного состава. Меня это касалось больше других. В нашем классе узами Гименея я, кажется, связал себя первым. «Ничего вы не петрите в настоящей жизни, не дорожите собой, – хитро улыбался Григорьев на фоне (во всю стену) электрической схемы гирокомпаса. – Чего вы добровольно лишаете себя навсегда и сразу?.. Мне под тридцать, лечу в Сочи, иду по пляжу. Здесь топорщится (накрывает ладонью нагрудный карман), здесь (очередь доходит до второго кармана) едва не вываливается, кое-как застегнул! Представляете – северные, атомные, подводные за целый год... Отпуск длинный, двойной, я свободен как птица! Лечу сочинским пляжем, смотрю в высоту небесную и даль морскую, на *них* не гляжу. А *они* валяются под ногами, вслед пялятся, глаз не оторвут, а я перелетаю через *них*, переступаю, перешагиваю... Ради этого стоит жить, а вы... Вам себя не жалко?» Несколько сомнительно, чтобы офицер, хоть и с Севера, стал бы шляться по солнечному берегу Чёрного моря в набитой деньгами форменной рубашке с длинным рукавом (в те поры были только длинные), носившейся, в общем-то, с погонами и галстуком, однако картинка рисовалась живая, выразительная, недаром отменно помнится спустя полвека.

Другая история от Григорьева – как ходил в Большой театр. Перед началом спектакля, перед последним, то есть, звонком в зале транслировалось объявление: «Дорогие гости, уважаемые зрители, внимание, внимание! Сегодня в ложе (такой-то) культурно отдыхает граф Григорьев и сопровождающие его лица. Поприветствуем!» Это значит: старику-билетёру у входа (Григорьев называл его «мЭтр-д-О-тЭль») была вручена банкнота и инструкция с текстом большими буквами. Не дожидаясь антракта, «графа» из ложи забирал офицерский патруль. «Представляете, – беззвучно всхохатывал наш преп, – я был единственным в истории флотским офицером, который как матрос-новобранец ходил строевым во дворе московской гарнизонной комендатуры! Наверняка – единственным!»

Как-то при перегрузке активной зоны реактора то ли что-то не пошло, то ли моряки чего-то сделали не по правилам. «Мы вытащили дозиметры, сложили куда подальше и носили стержни на плечах. Зато теперь я в любое время года на любой срок в любой санаторий Советского Союза...» Чтобы было понятней непосвящённым – дозиметрами на старте «атомного века» служили кусочки фотоплёнки, герметично упрятанные в чёрную светонепроницаемую бумагу. Их *потом* проявляли, по степени засветки определяя дозу облучения.

И заметка на полях: пока Леонид Серафимович читал нам ТУЖЭК, ни в один санаторий он не отлучался. В аудитории не помню его сидящим на стуле. Ходил у доски, разжёвывая тему, для очередной хохмы-байки, давая передохнуть нашим дымящимся мозгам, приседал на стол. Бочком, одна нога свободно качалась. Чуть взъерошенный, как будто вынырнул из прочного корпуса на мостик атомарины, подставив не вчера стриженную шевелюру свежему ветру...

Из курсантов чаще других стенографировался Саша Дьяконов. Не знаю, за какие заслуги типичнейшего крестьянского сына Николая Степанчука он наградил благородным статусом, но мне это необъяснимо нравилось. Коля – сухопарый, вытянутый в одну жилу, с сухопарым, вытянутым сверху вниз лицом, выражавшим удивление окружающим миром, отличался неповторимой способностью: опершись локтем о край верхней кровати, из положения стоя подбрасывал прямое тело до второго яруса и плюхался на своё ложе с лёгкостью, как будто бросал туда карандаш. В моей тетради Коля тоже оставил след. Фразой на семинаре по истории партии: «Если после краткого вступления сделать заключение, то капитализм хуже социализма». Любимый нами преподаватель истории КПСС капитан 2 ранга Александр Васильевич Поляков пытался добиться от курсанта Степанчука более широкого и аргументированного развития темы, но тот не добавил к сказанному ни слова.

Во Владивостоке он мелькнул в качестве пропагандиста матросского клуба, прежде послужив на русскоостровском тральщике. Юрий Антонов, побывавший у меня в гостях, поведал о встрече с однокашником. Юра с экипажем атомарины прибыл на Русский

для послепоходового отдыха и навестил товарища на борту ТЩ. Вот его рассказ:

– Открываю дверь замовской каюты, сидящий за столом Коля резко вздрагивает, отшатывается и закрывает лицо скрещенными руками. Я ему: «Ты чо, Коля?» Он мне: «Ю-ю-юра... Боюсь две вещи на свете. Крыс и личного состава. Думал, ввалился кто-то из матросов».

Полный титул Коли, присвоенный ему будущим адмиралом, – дон Педро Суарес, или Николай Степанчук. Пара случайных бессловесных встреч в столице Тихоокеанского флота в восьмидесятые годы прошлого века – последнее, что помню о доне Педро. Следы его затерялись.

Дьяконов был охотник давать нам экзотические имена и делал это необычайно изобретательно. Одно помню: Бонифаций. С ним (Сашей, не Бонифацием) за сорок с лихвой лет удалось пересечься дватри раза. В Москве, где он служил какое-то время. Во Владивостоке. Есть снимок: два капитана 3 ранга у памятника морякам крейсера «Варяг» на Морском кладбище. Не сказать, что связь между нами была тесной и непрерывной, но сохранилась до сегодня.

Из класса, из роты, из всего нашего курса никто не поднялся по службе так высоко, как Саша. Внушает уважение не только солидный срок нахождения в непростой должности заместителя командующего Северным флотом по воспитательной работе. Служба контр-адмирала Дьяконова пришлось на чёрные годы в истории родного Военно-морского флота. Если самые тяжёлые – годы Великой Отечественной войны, то лихие девяностые – самые чёрные. Те были героическими, овеянными славой Великой Победы. Эти – не менее трагическими, но позорными, унижительными. Саше пришлось отправлять морских пехотинцев СФ в Чечню. И потом – в 2000 году – пережить катастрофу АПЛ «Курск».

В процессе учёбы различия между теми, кто пришёл в училище из Вооружённых сил, и кто поступил со школьной скамьи, стёрлись, многие сошлись и передружились со многими. Но спервоначалу эти различия определяли и атмосферу в кубриках и аудиториях, и характер отношений между курсантами. Саша был из «молодых», то есть, не служивших. Но как-то сразу выделился из своего ряда. Рослый, рассудительный, уверенно успевавший по всем предметам, он

выглядел не по годам солидно, что никак не лишало его ребячливости и весёлого импровизаторства.

После школы Дьяконов год отработал корреспондентом в «Стерлитамакском рабочем» и поступал, как сам признавался, в училище не *политическое*, а *политехническое*. В Киеве, узнав правду, весьма удивился и вроде готовился отработать назад. Окончательно дело устаканилось после того, как на вопрос «А жёлтенькие ленточки на рукавах будут?» ему ответили утвердительно. Тогда Саша сказал: «Я буду адмиралом». Вполне логично – у адмирала золотых шевронов больше.

В тесном кубрике Дьяконов приличное время проводил на... шкафу. Занимался йогой. Возможно, под влиянием Бориса Фёдоровича Воронина, чей призыв и пример, оставленный без внимания, а то и с иронией воспринятый одноклассниками, вдохновил стерлитамакца, что называется, по-взрослому. Не знаю, кто ещё мог так легко и столь надолго заводить руками пятки за затылок. Кто, вообще, это мог, не знаю. Одна нога, вторая... На шкафу в немыслимой позе застывает Будда. Одна нога, вторая... И – всё сначала...

Лекция по политэкономии. Сашин выход.

Политэконом – бывший фронтовик, полковник-авиатор. Рассказывал, как наши ястребки на бреющем полёте «винтами рубили фашистам бошки». Понимание и славу у курсантов добыл выстраданной максимой: «Водку придумали умные люди, но она досталась дуракам».

Полковник был туговат на ухо, а после пятнадцати минут вещания с кафедры мог стать вовсе профнепригодным.

Под настроение, в избранный день Дьяконов занимал позицию за последним столом в глубине аудитории. Командирский поначалу голос преподавателя вдруг садился, скисая почти до шёпота. Тут раздавалось Сашино: «Звук, полковник!» Личный состав, от первого до последнего ряда обладавший проверенным военно-морским слухом, реагировал как должно. Полковник видит: народ ломается, ложится на столы, бьётся в судорогах. Но не понимает причины и не знает, чем помочь слушателям и самому себе...

Помню: это всё было в моей тетрадке. Много чего забыл. А тетрадка пропала.

Три тельняшки на Алтае

Каштаны ещё не собирались желтеть, осень и учёба едва начались, а первокурсники уже «разошлись по секциям». Судя по фото в архиве и тому немногому, что удержалось в слабеющей памяти, с очень и не очень историческими местами несравненного града Киева я начал знакомиться в компании с Витей Низиным, Юрой Филипповым и Сашей Дьяконовым. Список близких по духу, с кем было интересно, постепенно ширился, частично иногда перетасовывался, и в целом круг дружеского общения за всё учебное четырёхлетие обозначился вполне определённо. В этот круг – кто больше, кто меньше, каждый по-своему, на краткое или продолжительное время – вошли Вася Лысенко, два Володи – Мушинский и Ермолаев, Саша Долгоруков и Николай Кириченко. На втором курсе к нам присоединился Юра Лебедев. Долгоруков, живя в Вильнюсе испытывавший просвещающее влияние братского европейского языка, уверял, что Юрий по-польски будет Ежи, и полагал своей заслугой присвоение Лебедеву – по созвучию – клички «Ёжик». Умный Саша не мог удовлетвориться простым происхождением лебедевского позывного. Витя Низин, человек земной, обстоятельный и по-немецки точный, связывает его с Юриной шевелюрой. Пышная рыжая шевелюра не поддавалась гребню, упругие в мелкую кучеряшку волосы упрямо торчали во все стороны, в самом деле заставляя думать о ежиных колючках. Ассоциация с милым шустрым ёжиком усиливалась подвижными Юриными глазами, посаженными необычно близко к переносице.

История Юрия Александровича нестандартна. Он – из первого набора. Отучился почти два курса и был отчислен. Лебедева к нам привёл замкомбата в самом начале второго года учёбы, поскольку при отчислении ему не засчитали не оконченный второй курс. Юра пострадал за «курсантскую солидарность». Стоял дневальным по роте и видел, как двое однокурсников ночью вынесли из баталерки несколько новых бушлатов. Когда кража вскрылась, Юра упорно отрицал, что знает имена похитителей. Следователи, однако, нашли и назвали конкретных виновников, те, в свою очередь, заявили, что Лебедев всё видел и даже пытался препятствовать воровству. Но попытка не пытка, слово к делу не пришьёшь, а сокрытие преступления свидетелем без последствий не осталось.

Из Киева Юра уехал в Москву, прописался в столице как лимитчик, работал на знаменитом в ту пору, ныне не существующем АЗЛК – Автомобильном заводе имени Ленинского комсомола, выпускавшем не менее знаменитую легковушку «Москвич». Пару лет добивался справедливого рассмотрения дела, дошёл до самого верха – председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Арвида Яновича Пельше, восстановился в партии и вернулся в КВВМПУ, продолжив учёбу уже в нашем классе с третьим потоком.

Юра – мой земляк, семипалатинец (русского города, поставленного вместе с Усть-Каменогорском в начале XVIII века посланцами Петра I во главе с майором Иваном Лихарёвым, больше нет – в суверенном Казахстане Семипалатинск переименовали в Семей). Закадычным другом моему земляку стал его тёзка Юра Филиппов. Он с женой Зиной снимал комнатку в подвале или полуподвале прямо за забором жилого корпуса училища, друзья-курсанты с удовольствием туда заходили. Лебедев был самым частым гостем – что называется «своим в доску» – не только в подольской квартире Филипповых, но и в родительском доме Зины. Из села Червоное Андрушевского района Житомирской области, что в 130 километрах от Киева, одноклассники «мобилизовали» на флот трёх офицерских жён. Незадолго до нашего выпуска к Зине Филипповой и Вале Низинной присоединилась Лариса Лебедева. Витя Низин пишет: «Свадьба Ёжика и Ларисы состоялась в мае 1973 года... её отец был руководителем местной администрации. Свадьба проходила в Доме культуры, гостей было более ста человек». Среди них: Филипповы, Низины, Василий Лысенко и Николай Кириченко.

Двух Юр роднили подвижный ум, общительность, компанейский нрав в комбинации с изысканной (иногда) ироничностью. От шуток-розыгрышей весёлой парочки мне регулярно перепало.

Скажу: Юлиан Семёнов или Эрнест Хемингуэй – будет одинаково пальцем в звёздное небо, закрытое полувековыми тучами. Автора, то есть, безнадежно запаматовал. Журнал вроде бы «Юность», а рассказ, кажется, «Наполеон на лопате». Где-то в Сибири то ли геологи, то ли какие строители-первопроходцы, то ли очень дикие туристы загорелись откусать торт «Наполеон» и выпекали его на костре, пользуясь совковую лопату вместо противня или сковородки. Не менее

вероятно, что рассказ (повесть?) был другой. Допустим, «Солёный арбуз». Тоже, если не путаю, Сибирь, а детали и сюжеты здесь значения не имеют. Имеет значение, что где-то там кто-то из героев (или автор в лирическом отступлении) поделился проникновенным, никогда не теряющим свежести, открытием: в любой, пусть самой маленькой и безупречно дружеской компании обязательно назначается дежурный чужак, над которым всем остальным надлежит потешаться.

В компании двух Юр таким чудачком был я. Нижеследующий пример привожу не в силу его особенности (случались покруче), а в силу того, что он выказал мою девственную доверчивость.

Самостоятельная подготовка 1-го класса 2 роты однажды была парализована на весь академический час. Не скажу, что явилось поводом, но такие вещи, вообще-то, в поводе не больно нуждаются.

Едва звонок загнал курсантский взвод в аудиторию, Ёжик начал убеждать, что несколько ночей перед праздничными демонстрациями и военным парадами брусчатку на Красной площади солдаты Кремлёвского полка дряют зубными щётками. Я долго, хотя, может быть, не очень уверенно, поскольку, как всегда, не ждал от друга подвоха, отвечал ироничной улыбкой. И приводил беспорные аргументы. В Москве, значит, бывал не однажды, эту самую брусчатку чуть не руками щупал, она шершавая, ребристая и т.д. Чистить камень хотя бы и сапожными щётками, не говоря о зубных, – полная олигофрения, видеть это моему земляку курсанту Лебедеву ни при какой погоде не доводилось, он либо сам привирает, либо поверил чужому вранью. Ёжик виртуозно гнул своё. 1-й класс 2 роты отодвинул учебники и тетради с конспектами, с величайшей серьёзностью внимая принципиальной полемике. Юра оперировал двумя доказательствами. 1) Да ты понимаешь, что это такое, военный парад и демонстрация трудящихся?!. Смысл политический понима-а-аешь?!! 2) Кто бы сомневался, что ты в своём Казахстане и на своём Тихоокеанском флоте знал, что и как делается в столице Родины, лучше, чем я, два года проживший в Москве!!!

Надо представить неподдельность его возмущения и всю основательность, всю идейную чистоту, с какой он относился к важному вопросу! Это меня и сломало. К концу учебного часа я пролепетал с тихим изумлением: «А что, Юра, это – правда?» Родной курсантский

взвод, затаив дыхание ждавший развязки, облегчённо выдохнул и хором засмеялся. Следом раздался победительный хохот моего земляка. Смеялся Ёжик неподражаемо – смеялся вдребезги, высокочастотным речитативом и каким-то неземным, космическим голосом.

Судьбы наши соприкоснулись во Владивостоке. Лебедев появился неожиданно, как подводная лодка из ночной глубины. Я побывал у него в гостях на улице Борисенко, опубликовал о нём очерк или статью в «Боевой вахте» – кажется, о том, как он работал в море во время длительной боевой службы. Что Юра вскоре перевёлся на ЧФ, узнал спустя десятилетия.

С Филипповым на ТОФе мы не совпали. После выпуска он служил на тральщике на Русском острове. Ходил на боевую службу в Индийский океан. Довольно скоро перевёлся по семейным обстоятельствам во Львов, в знаменитое ЛВВПУ – Львовское высшее военно-политическое училище. Мы обнялись там через семь лет офицерской службы. В 1980 г. я вылез из прочного корпуса подлодки и передислоцировался в кабинет партийной жизни «Боевой вахты». Полный профан в газетном деле, был безотлагательно откомандирован на журналистские курсы во Львов. Пару раз приземлялся на ночь на палубе маленькой комнатки Юры и Зиновки Филипповых. Дочери Оли дома не было, с ней мы познакомились заочно уже в новом веке. Оля – поэт, стихи её печатались в дальневосточном журнале «Сихотэ-Алинь», который чудом удалось выпускать в течение целого десятилетия. С Зиной поддерживаем связь и сегодня. Тоже, к сожалению, заочную. Живут они в Каменске-Шахтинском, родном городе Юры.

Летом 1970-го между экзаменами и практикой на Черноморском флоте Юра летал со мной в Усть-Каменогорск. Третьим был Николай Кириченко.

К концу первого курса я узнал о суде над отцом. По статье, спешно отменённой при Михаиле Горбачёве, батю приговорили к полутора годам заключения. Срок невеликий, особенно, если в зоне сидеть не тебе. Однако это метка на всю жизнь и для осуждённого, и для всех родных-близких.

Узнав новость, первый и последний раз пошёл к училищному особисту. Мысли путались. Думалось даже не о том, как служить дальше. Было непонятно, как жить. Продолжать учёбу

бессмысленно – уважительный повод для приказа об отчислении легко сыщется не завтра, так послезавтра. Самое логичное – написать рапорт на отчисление.

Особиста не помню. Ни лица, ни звания, ни места, где находился кабинет. Помню слова: «Не переживай. У нас сын за отца не отвечает». Забегая вперёд, скажу, что у начальника политотдела Владимира Сергеевича Манькова мнение на сей предмет оказалось иное. В мае 1973-го при обмене партийного билета (кстати, у меня номер в пределах первого миллиона – 00971660, тогда как в КПСС на тот момент было, думаю, миллионов 14-15) капитан 1 ранга Маньков выразился кратко: «Я тебе, сынок, не завидую». Отлично его помню, Манькова. Выражение лица. Притом что очень отстранённое, словно он разговаривал с инопланетянином, всё-таки, кажется, сочувственное. Собственно, для тех времён и порядков я как раз и был настоящим инопланетянином.

Если заглянуть вперёд ещё дальше, придётся признать, что офицер КГБ не угадал. Правда оказалась на стороне начпо. Тем не менее, я благодарен особисту. Он держал мою судьбу в руках. Она в любом варианте уже не могла стать лёгкой, однако не представляю себя вне флотского строя. Как бы трудно и горько ни складывалась служба, это была моя служба, моё, навсегда любимое, дело. Но это другая тема, другая книга. Я вообще не помышлял выходить за пределы четырёх киевских лет, намереваясь ограничить воспоминания исключительно одной учёбой. Но тут не всё во власти автора. Книга в значительной мере растёт из жизни сама по себе, и хотя большая (большая) часть былого-грядущего вынужденно остаётся или сознательно оставляется за кадром, что-то вдруг без спросу ложится в строку, игнорируя хронологию с географией. Иначе не получается хотя бы оконтурить портреты людей и времени.

Особист не вылечил моей позорной тайны, лишь загнал её внутрь души и сознания. Там она тлела пожизненно, время от времени вспыхивая обжигающим ум и сердце огнём. Тем не менее, из особого отдела ушёл, конечно, не окрылённым, но способным устоять на ногах. Главное, опять – в который раз – проскочил! Остаюсь в училище, а там будь что будет.

Всё-таки это была радость. Уже можно и свадьбу играть. Смущало, что отец в тюрьме, однако никак не хотелось длить разлуку с Таней,

перешагнувшую за три с лишком года. В Усть-Каменогорск позвал всех желающих, весь 121-й класс. Поехали Юра Филиппов и Коля Кириченко.

В памяти осталось несколько эпизодов. Счастливых. Смешных. Отчасти драматичных, как без этого.

Мы прокатились в Горную Ульбинку – любимое место отдыха земляков в живописнейших алтайских предгорьях. Товарищи поразились красоте Алтая, на что, собственно, я и рассчитывал. Но случилось и то, что в расчёт не входило.

Отдыхать наладились в тельняшках, из-за жары не надев форменки. В сухопутном Усть-Каменогорске три парня в новеньких тельниках меняли состав атмосферы. Мы, ясное дело, полагали своим долгом привлечь восторженное внимание окружающих, но не ждали побочного эффекта. Вышло не очень удачно из-за повышенного интереса встречных и поперечных. Особенно милицейских патрулей. Время отличалось строгостью, курсантам возбранялось ходить не по форме. А уж с нарушением формы – тем паче. В закрытом для иностранцев Атомогорске, как звался Усть-Камень на враждебном Западе, военных патрулей не водилось, но милиция нас достала. Не однажды пришлось подолгу объяснять бдительным стражам порядка, кто мы, откуда и что намерены делать. Они просто ходили следом, постепенно умножаясь в числе.

Взять с собой документы не догадались, а единообразные башмаки и флотские брюки без ширинок вкупе с пиратски полосатыми торсами в лесу вдали от морей вызвали подозрение. Всякий раз с трудом удавалось уговорить не отвозить нас в участок. Реквизиты альма-матер и ФИО самого начальника КВВМПУ многократно были записаны в служебные кондуиты с обещанием доложить официальным документом о нашем вызывающе антиобщественном поведении и циничном нарушении устава. Никак не предвиденное недоверие к нам (советским военным морякам, подлинным защитникам Родины!) объяснений не имело, казалось полной глупостью и заставляло законно горячиться, что придало общению с блюстителями порядка рискованный характер. От рукопашной, однако (признаться, не без труда), удержались. Тем не менее, несколько последующих дней нас не покидали тревожные мысли, и мы дружно нервничали.

Слегка успокоились, поехав за невестой в Лениногорск. Придорожные пейзажи заворожили моих сослуживцев. Посреди стокилометровой трассы, возле волшебного таёжного села Зимовьё, тормознули зафрахтованный для поездки носатый автобус с клеймом Молотовского автозавода. Ребята сошли с обочины в берендеевский лес размяться и забыли, зачем остановили машину. Запрокинув головы, пытались увидеть небо сквозь исполинские кроны. Перед суровой сказочностью алтайского пихтача слова бессильны – здесь можно только молчать в изумлении.

Коля и Юра молчали долго...

Эпицентр сюжета – Дворец металлургов сильно металлургического города. В поздние времена обветшавший, с рождения долгие годы дворец соответствовал высокому званию, являясь не просто богатым символом областного центра – он был великолепен, был роскошен. К торжественному бракосочетанию через весь Усть-Каменогорск от трамвайного парка нас доставили такси по вызову. Мне с Таней и всё подмечающей её мамой достался совершенно раздолбанный экземпляр, воняющий бензином и преодолевающий пространство как-то боком, пугающе гремя, трясясь и виляя. Из сумасшедшей суеты накануне и в процессе главного события сохранилась в памяти одинокая деталь: не успел в парикмахерскую, драя дома полы и таская столы от соседей. Расписывался, забыв причесать растрёпанные лохмы. Новоиспечённая тёща не преминула заметить – друзья-моряки в парадке при белых ремнях и перчатках гляделись картинно, в отличие от замотанного женишка в цивильном костюмчике, в котором, за два года отвыкнув от рубах, пиджаков и брюк с гудьфиками, я чувствовал себя потерянным. Нетрудно догадаться: будь тёщина воля, она бы с радостью поменяла жениха на любого из друзей.

Свидетелем выступил Коля Кириченко, высокий красавец, североморец с атомной субмарины, славной на весь Советский Союз героическими походами подо льдами Арктики и всплытием на Северном полюсе.

В общем и целом, Юра с Колей произвели на моей малой родине большой фурор. Две семьи остались разбитыми, плюс пара одиноких землячек обречены на тоску и поступки отчаянные – вплоть до поездки в Киев за счастьем, согретым в нежных руках, но улетевшим

на чужих крыльях. Сначала это были крылья самолёта «Ил-18», выполнявшего рейс на Москву. Потом парни разъехались, наверное, по родительским домам. Я догулял отпуск параллельно с медовым месяцем на родине. Встретились все в Киеве перед отправкой на практику в Севастополь.

Страшные угрозы милиционеров последствий не имели. Подозреваю, придирчивое внимание блюстителей порядка объясняется тем, что им попросту запали в душу наши тельняшки. Тогда их было не достать, разве что в далёком от Рудного Алтая флотском военторге. Да и то, чаще всего, по благу.

Красные флажки под Севастополем

Практику после первого курса Олег Гречко живописал в подробностях для меня недоступных. Читая друга, о многом словно узнаю впервые. У Олега удивительно свежая память, у меня такой нет даже близко. Скажем, яркий, вроде бы не могущий стать забытым, эпизод с гипнотизёром на борту «ОС-24» безвозвратно потерялся в закоулках сознания. Нынешней весной картинку реанимировал Валера Кулешов. Мы вышли из тайги, спустились с отвесной сопки, на берегу реки сбросили двадцатикилограммовые рюкзаки с папоротником-орляком и расположились на привал. За трапезой разговор сам собой причалил к будущей книге. Валера, кроме прочего, в деталях воссоздал ангар крейсера-фронтовика «Ворошилов» с сеансом эстрадного гипноза, местами совпав с Олегом, местами увлекательно его дополнив.

У меня от Севастополя и Краснознамённого Черноморского флота лета 1970-го сохранилось несколько фрагментов.

Водолазная станция, первое погружение на морское дно. Плотное обжатое, сдавленное гидрокостюмом тело. Вязнущие, тонущие в иле свинцовые «башмаки» «лёгкого» водолазного снаряжения. Непроглядная муть перед глазами, почему-то запомнившаяся жёлто-коричневым, глинисто-песчаным цветом. Навязчивая мысль – не оторвёшься, не всплывёшь, ни за что уже не поднимаешься на свет Божий. Ощущение нереальности. Смешанное чувство восторга и жути... Опыт, пригодившийся спустя годы, – во время «мокрых» выходов из подводной лодки через трубу торпедного аппарата.

Цемесская бухта или где-то рядом. Справа по борту «Ворошилова»-«ОС-24», стоящего на якоре, спущены шлюпки. Они – вёсла на воду – огородили часть акватории вдоль корабля в районе кормы. Одношереножный строй на палубе, на самой середине. Курсанты в трусах, плечо к плечу. В ногах – аккуратно сложенная форма. По команде строем подступаем к борту и с очень приличной высоты, в основном солдатиком, лишь редчайшие смельчаки ласточкой, летим в море. Тех, кто стопорнулся, начальство с большим достоинством и уверенностью в своей правоте отправляет за борт коленками или пятками. Не исключаю, что сим начальством был один Мартынович, но, сказать честно, персоналии не запомнились. Может потому, что не стал ждать пинка под зад. Это называлось – мы купаемся.

Танки. Морпеховские плавающие танки ПТ-76. Олег Гречко напомнил, как под лязг траков они горячей железной тушей закрывали небо над головой и долго-долго, как бы давая нам возможность успеть прийти в себя и сообразить, что надо бросить вдогон гранату, проползали над окопом, таким маленьким, таким беззащитным перед многотонной громадиной. В одном из недавних писем вспоминает о курьёзе и Витя Низин: «Во время обкатки танками кто-то из нашей роты, не помню кто, поднявшись из окопчика после проезда через него танка, метнул со страху муляж гранаты высоко вверх, и он, падая по отвесной траектории вниз, чуть не влетел в открытый люк танка, изрядно напугав танкистов. После этого командир танка, несмотря на жуткий зной, захлопнул люк, и танк поехал по полигону заметно быстрее, добавив адреналина тем, кому ещё предстояло лежать под стальным брюхом машины».

Было и другое упражнение – в поле, без всякого окопа. Чудовище, грохоча, шло на тебя, одинокого, ты падал, вжимался в землю, умирал между гусеницами, задыхаясь не только от выхлопных газов. Самое трудное – вовремя оторваться потом от земли, подняться, выждать, когда боевая машина отдалится на более-менее безопасное, однако не критическое расстояние, чтобы брошенная граната могла её достать, но не поразила тебя самого.

Окопы. Если не путаю, на подступах к героической 35-й батарее. Возможно, недалеко от Голубой бухты, где снимался великий фильм «Человек-амфибия». Во всяком случае, мы так считали, и всю жизнь

очень хочется в это верить. На самом деле, где что происходило фактически, не скажу. Как происходило, отчасти помню.

Олег Гречко цитирует слова неизвестного о том, почему защитники Севастополя стояли насмерть. Вырыв окоп, отступить, чтобы рыть другой, не захочешь, легче умереть. Всегда считал эти слова своими. Хотя не исключаю, что подобное мог сказать и кто-то другой. Из тех, кто под Севастополем окапывался на клочке целины. Иным, можно считать, многим повезло попасть на окопы, оставшиеся от войны.

Засыпанные пылью времени, заросшие жёсткой, высушенной крымским зноем, травой, они скрыты от самого внимательного взгляда. Тонкий, скрипящий о заступ сапёрной лопатки песком и каменной крошкой, слой гумуса маскирует старые боевые шрамы земли.

Лопатка тупилась, выбивая искры из кремня. Почти сразу стало понятно – этот одиночный окоп едва ли спасёт бойца. Его, окопа, просто не будет. На глубине сантиметров десяти-пятнадцати обнажился скальный грунт. Даже не грунт, а самая настоящая скала.

Я недоумевал и завидовал курсанту Григорьеву. Одноклассник окапывался рядом, в нескольких метрах. Он уже почти скрылся в окопе – над бруствером ритмично взлетал шанцевый инструмент, вместе с ним выныривал и тотчас исчезал запылённый берет.

Не помнится, стал ли к тому времени хозяин берета графом Григорьевым и Гришкой Отрепьевым, или обе клички увязались за ним позднее. Он был одним из семи или восьми дальневосточников, год назад зачисленных в КВВМПУ. Вопреки общему тихоокеанскому прошлому, я испытывал к нему необъяснимую неприязнь, близкую к брезгливости. Мне это не нравилось. До сих пор ничто не поколебало принципа, что не очень хорошее отношение к человеку должно иметь историческое обоснование. Если не знаешь уважительной причины, не имеешь права позволять себе обидные предубеждения.

Некая женоподобность – плавно-покатые плечи, длинная, заставляющая подумать о Нефертити, шея, не мужская манера кокетливым рывком ладони оглаживать волосы от виска, и сама ладонь – узкая, с длинными «музыкальными» пальцами, как-то вызывающе не моряцкая, не казались мне оправданием нерасположенности к Григорьеву.

Вскоре после начала учёбы заставил себя пойти с ним в увольнение, чтобы разобраться в его загадочном облике и странном впечатлении, которое он производил.

Спутник мой неожиданно притормозил на Софийской площади, рядом с памятником Богдану Хмельницкому. Указал на окна второго этажа старинного здания напротив колокольни Софийского собора. Заговорщически, почти шёпотом, произнёс, зацепив своей бескозыркой мою:

– Видишь окна? Это будуар моей бабушки. Моя бабушка – графиня.

Потом один и другой одноклассники поделились свежими сведениями от Григорьева. Будуары бабушки оказались в разных частях Киева. Обо всех не помню, но один был где-то в районе железнодорожного вокзала. В конце концов, курсант Григорьев стал графом. Происхождение титула «Гришка Отрепьев» от моего внимания ускользнуло. Я тихонько, но безотлагательно дистанцировался от «однополчанина», внешне не показывая неприязни к нему.

Прежде чем вернуться в севастопольские окопы, кратко, пожалуй, доскажу историю Григорьева до конца, чтобы больше на неё не оглядываться.

Во время перехода на учебном судне «Гангут» с Балтики на Чёрное море (практика после третьего курса) сиятельный граф отличился тем, что где-то в Бискайском заливе вдруг вытащил невесту откуда толстую пачку порнографических открыток. В кубрике открытки, слегка засаленные и весьма скверного качества, почему-то заинтересовали не всех. Хозяина замечательной коллекции никто не выдал, но второй попытки устроить коллективный просмотр не предпринималось. Или я просто при этом не присутствовал.

На последнем году учёбы Григорьев расположил к себе начальника политотдела училища капитана 1 ранга Манькова, поддержавшего идею, в реалистичность которой верил только сам Григорьев. КВВМПУ для создания театральной студии отвело отдельное помещение – при тогдашней нехватке жилых и учебных площадей дело абсолютно фантастическое.

Курсант, он же граф Григорьев, он же Гришка Отрепьев был, наверное, талантлив. И, очевидно, неплохой организатор. Однако из

училища незадолго до выпуска (редчайший случай) будет исключён. За нетрадиционную ориентацию.

А пока: Севастополь, морская пехота. Копаем окопы.

Григорьев ведёт себя странно. Сапёрную лопатку откинул в сторону. Нырнул в окоп и не показывается. Нельзя не подойти.

Я подошёл. Курсант ковыряется в земле. Я втиснулся рядом. Руками очищаем от грунта шокирующие находки. Поднимаем на поверхность португую с кобурой. Цвет не определить, но кобура – на ремешках – морская. Косточки. Рёбра. Лопатка. Вторая. Эта – левая. В медучилище у меня была пятёрка по анатомии... В лопатке, на внутренней стороне, торчит пуля. Сантиметра два над поверхностью кости. Какой-то большой калибр. Явно не карабин и не автомат. Проекция сердца.

Моряк, судя по амуниции, офицер. Наш, советский. Погиб сразу, поймав пулю грудью...

Подходят ребята. Склоняются. Смотрят. Руками не трогают. Несколько человек. Никого не помню. Помню только Григорьева. И что дальше, не помню тоже. Что стало с окопом, с останками погибшего в нём героя...

Вернулся к своей позиции. Григорьевская находка не выходит из головы. Что-то видится. Было, здесь было... Фоном – подленькая мыслишка: повезло Григорьеву. Зачёт. Мне норматив не выполнить...

Руки в мозолях. Вспухающих пузырями, лопающихся, сочащихся кровью. Кто эту лопату назвал малой?!

И Коля Егоров везучий. Могу ошибиться за давностью, но почему-то уверен: это Коля!. Тоже натакался на старый окоп.

Он невдалеке. Что-то кричит. Радостно бросаю инструмент. Подбегаю первым.

Заглянул в окоп – обомлел. Коля ковыряет заступом землю вокруг снарядов. Их восемь в два ряда по четыре штуки один над другим. Строго. Лежали в ящике. Дерево сгнило, снаряды остались.

---

1 Из письма Виктора Низина: «Можешь не сомневаться, сапёрной лопаткой снаряды долбил именно Николай Егоров. Мы с Колей 4 года сидели за одним столом. Кстати, вдруг вспомнилось, как он сдавал экзамен по общевоинским уставам. О дисциплинарных правах командира отделения он сказал: "Командир отделения имеет право *налаживать* следующие взыскания..." Экзаменатор, наш уважаемый Владислав Петрович Барабаш поправил Колю: "Товарищ Егоров! Не *налаживать*, а *накладывать*!"»

Обращены гильзами внутрь окопа. Вокруг них и шурует малая сапёрная лопатка.

Кричать нет силы. Шепчу:

– Брось... прекрати... вылезь сейчас же... осторожно вылезь, слышишь...

Он послушался.

После выпуска совпадём в Лиенае, на 76 бригаде эскадренных миноносцев. Он – заместитель командира электромеханической боевой части (БЧ-5) по политчасти на эсминце «Степennom». Я в том же качестве – на «Огненном». С эсминца Коля уйдёт на повышение, на самостоятельную, как принято было говорить, должность замполита МРК. Меня определяют в политотдел бригады помощником начпо по комсомольской работе, но через годик из-за отцовской судимости с боевого соединения турнут в 54 бригаду ВС АСС¹ и похоронят на спасателе подводных лодок. Потом оба окажемся на Тихом океане. Он – после Военно-политической академии имени Ленина, куда, говорят, помог поступить земляк лётчик-космонавт Андриан Николаев. Я – в надежде начать службу с чистого листа, в чём подсобят Леонид Леонидович Клименко, к тому времени старший постоянный корреспондент «Красной Звезды» по ТОФу, и Рудольф Никитович Юрасов из военного отдела ЦК КПСС, сослуживец Лёни по северофлотскому подплаву...

Коля вылез. Стоим рядом как замороженные. Подошли офицеры. Отогнали. Обвеховали окоп красными флажками. Послали гонца за сапёрами.

Приказ: всем немедленно прекратить окапываться!

Не знаю, не помню. Занятие это было, учение? Завершилось досрочно. Мою работу никто не проверил.

Если не ошибаюсь, на ЧФ мы практиковались в отдельном полку морской пехоты. Недавно возрождённый легендарный род войск имел за плечами бессмертную историю, и у нашего полка был свой боевой путь, которым гордился личный состав. Наверняка нам, курсантам, о нём рассказывали. Не нахожу объяснения, отчего в памяти, как-то сохранившей военное прошлое крейсера «Ворошилов», о героических делах приютивших нас морпехов ровным счётом ничего

не осталось. Живя одной жизнью с матросами и сержантами, мы повседневно общались с ними больше, чем с экипажем корабля, однако из этого общения я вынес один-единственный сюжет, который сегодня могу пересказать.

Морской пехотинец в увольнении от души отведал крымских вин. Возвращаясь в родное подразделение, дотянул до КПП полка и рухнул наземь. Получил... десять суток отпуска с выездом на родину. Командир по достоинству оценил стремление бойца вовремя вернуться в расположение: парень упал головой в сторону полковых ворот...

P.S. Через полвека нельзя полагаться ни на чью, в том числе собственную, память. Доверять можно только корабельному вахтенному журналу, в режиме реального времени заполненному по принципу: «Пишем то, что видим, чего не видим – не пишем». Такого журнала у нас нет.

Сомневаясь в достоверности изложенного в этой и предыдущих главах, с просьбой помочь восстановить правду обратился к Виктору Низину – единственному из тихоокеанцев, с которым сохранилась связь: *«Дорогой Витя! Заканчиваю готовить книгу о родном КВВМПУ. Материалы к ней прислали Олег Гречко и Светлана Кириченко. Саши Дьяконов считает, что она может стать первой в серии воспоминаний однокурсников. Набор текста по готовности могу прислать. Прошу тебя, во-первых, кое-что уточнить. Имена, фамилии ребят, поступивших с нами с Дальнего Востока через ТОВВМУ. Что известно об их судьбах. Во-вторых, прошу прислать фото курсантских времён, какие есть, и пару-тройку своих в разные годы офицерской службы (отсканированные, в цифре). Биографическую справку о сыне-североморце. К снимкам – развёрнутые подписи. Вале привет! Обнимаю».*

Ответ мало что прояснил, а что-то запутал ещё больше: *«Вовка, привет! Сообщаю по памяти фамилии тех тихоокеанцев, кто вместе с нами поступил в 1969 г. в училище: Михаил Белов, совершил самоубийство. Виктор Литунов, виделся на Севере в начале 90-х гг. Он был начПО соединения кораблей СФ. Васильков, имя не помню, отчислен с 1 курса. Низин В.А. дослужился до зам. начПО тыла Первой флотилии АПЛ СФ».*

¹ ВС – вспомогательные суда, АСС – аварийно-спасательная служба.

Получается 5 человек, а мне всегда казалось, что было 7. Кто эти двое – убей, не помню».

Почесал в затылке и послал Вите новую записку: «Было, по-моему, 8 человек. После того, как одного сверхсрочника браканули по нехорошей болезни, а его друг не захотел оставаться и уехал тоже. Всего везли из Владика 21 человека, один (если не путаю, Толя Бойчук) был взят кандидатом. Сразу на повторе медкомиссии и мандатки в Киеве отсеяли 11. Опять же если не путаю, Бойчук учился в 1 роте. Это – 6-й (или 5-й?) из выпустившихся в третьем наборе тихоокеанцев. Последним из нашей (кажется) группы был отчислен Григорьев («Граф Григорьев» он же «Гришка Отрепьев»). Спасибо тебе за фото и инфо. Я забыл не только имя, но и фамилию Василькова. Спасибо за него! А помнишь лучшего математика 21 класса, который сам ушёл с последнего курса? Дружил с Вихаревым. Не могу вспомнить фамилию и имя. Он есть на фото, которое, возможно, пойдёт в книгу, надо бы назвать парня. Хороший парень, было жалко, когда ушёл. Вале привет! Обнимаю».

Витя ответил сразу: «В первой роте был Толя Бойчук. Но не припоминаю, чтобы он был с ТОФа. Ушёл добровольно из училища со второго курса. Графа Григорьева уволили с четвёртого курса по тихому, через госпиталь. Вряд ли он был из группы дальневосточников. Помню Женьку Смирнова, который попал в отсеб, но на следующий год приехал и поступил. А того тощего математика из нашего класса звали Калининков Владимир Николаевич. Ушёл он добровольно не с последнего, а со второго курса. Обнимаю.

P.S. Юрка Антонов завел себе почтовый ящик: dedantonov@yandex.ru. Я переслал ему твой адрес, т.к. он фразерился, что завалит тебя фотками курсантских времён. Но похоже, что Антонов ничего не прислал, иначе ты сказал бы мне об этом.

Огромный привет от Вали».

Что оказалось в сухом остатке? 1) Калининков, действительно, отчислился из училища раньше, чем я предполагал. Это подтверждается снимком на перроне Елгавы, где Володя уже по «гражданке». Кажется, он ещё курсантом поступил в какой-то престижный технический вуз. В Елгаву (сойдя с поезда «Вильнюс – Рига», группа третьекурсников ждала пересадку на Лиепаяу) прибыл специально для встречи

с одноклассниками, но откуда – не знаю. 2) Возникло сомнение, что Толя Бойчук дошёл до выпуска и стал офицером. Но если был исключён, то это случилось точно не на втором курсе, как пишет Виктор. В выпускном альбоме 1 роты А.М. Бойчук запечатлён на одной странице с В.И. Горбенко, Г.В. Конарёвым и В.В. Пужаловым. Альбом делался на последнем курсе за полгода до госэкзаменов. 3) Самое главное. Точный список квумпарей-тихоокеанцев 1969 – 1973 годов установить не удалось. Не получилось ни опровергнуть, ни подтвердить принадлежность к этой группе Бойчука и Григорьева.

В итоге решил ничего не менять. Остаётся надеяться, что книга попадёт в руки людей, знающих ответы на вопросы, в которых запуталась наша с Витей память.

Эх, мужики!!!

Парт в училище не существовало. Использовались столы. То ли стулья, то ли кресла (правильнее, пожалуй, места – как в старом кинотеатре) в самой большой аудитории имели откидные полочки-столики, площадью незначительно превышавшие стандартную общую тетрадь. По особым случаям в этой аудитории (она же – конференц-зал, она же – клуб) собирались все курсы одновременно. Например, на встречу с членом ЦК КПСС Борисом Патонем, сыном и продолжателем дела знаменитого Евгения Оскаровича Патона, чьим именем назван первый в СССР цельносварной мост через Днепр. После одного из «закрытых» Пленумов ЦК (посвящённого выполнению постановлений Пленумов) Борис Евгеньевич рассказал, о чём не писали газеты. Могучие программные решения партии выполнялись с грехом пополам, а то и не выполнялись вовсе. Скажем, провалилось строительство прокатных станков (кажется, аж трёх) по британским проектам. Где-то на Урале возвели первый лицензионный комбинат по забугорным чертежам, который работать не захотел. Проекты оказались пустышкой. Говоря попросту, англо-саксы задвинули нам стопроцентный брак. Сознательно, нет, не ведаю, но сегодня сильно поучительно и весьма актуально.

Если в клуб звали с ручками-тетрадками для общения с начмедом Небукиным, о причине общего сбора курсанты догадывались без труда. Кто-то попал в кожно-венерологическое отделение окружного

(гарнизонного?) госпиталя, и наш флагманский врач диктовал под запись список ночных профилакториев с адресами и телефонами. Саша Бондаренко в «Киевском морполите» сообщает: заботливый доктор на построении курсантов перед увольнением в город раздавал презервативы. Надо полагать, это предусмотрительное ноу-хау грядущих времён, первые наборы запоздало обеспечивались только адресами профилакториев.

Неподражаемый небукинский перл «курсанты так же, как и люди» вместе с сюжетом «майор-подполковник», о которых вспоминал в своём повествовании Олег Гречко, едва ли забыты кем-нибудь из квумпарей. Перед глазами – как живые – подлинно художественные картины. Не могу, вторя Олегу, не поделиться тем, что видел и слышал лично.

В счастливые моменты службы Небукин смотрелся во глубине начмедовского кабинета сущим генерал-майором. Свободно располагал в кресле плотное тело, беседа с вытянутым по струнке курсантом в неповторимой манере, сочетающей братскую фамильярность и строжайшую воинскую субординацию. Получив на погоны вторую звезду, приятно изменился. При входе посетителя вставал и отвечал на приветствие по уставу. Звонил телефон – опять же вставал и, независимо от статуса звонившего, представлялся в трубку по полной форме: «Подполковник медицинской службы майор Небукин слушает вас!»

На лекциях в разных аудиториях и на самостоятельной подготовке (сампо) в своих классах (у каждого взвода – свой) сидели за столами. Парт, повторяю, не было. Но понятие «соседи по столу» не привилось – все мы традиционно являлись с кем-то «соседями по парте». Первым моим соседом стал Хачик Манукян. Очень возможно, теперь никто, кроме меня, его не вспомнит.

Рост у Хачика средний, а голова большая. Непропорционально большая, с крупными чертами лица. Лицо было бы грубым, но крупный рот смягчала улыбка, временами по-детски застенчивая, а крупные, с подвыкатом, глаза излучали любовь ко всему живому. Кажется, глаза были в тон чёрной оливы. Или синие. В любом случае – очень яркого, перенасыщенного цвета.

Курсанты в только сформированном взводе ещё не пригляделись, не определились с симпатиями-антипатиями. Оказавшись рядом с утра

до вечера, мы с Манукяном, естественно, пошептались о прошлом и настоящем и в одно из первых увольнений пошли вместе. Начали, подозреваю, с кафе «Красный мак» на Крещатике, подле почтамта (близко от нынешнего майдана), где за доступные курсантскому карману монеты наливалось в стаканы красное вино из автоматов наподобие автоматов с газировкой.

Из центра на Подол возвращались трамваем. Ехали стоя, а рядом сидела девушка, хрупкая и изящная. Хачик стал к ней подступаться. Довольно напористо, я так не умел. Девушке его приставания по душе не пришлись. Но Хачик был целеустремлён. Попытал насчёт имени и так далее, она не отвечала и, может быть, начинала бояться нас. Долго молчавший, словно происходящее меня не касалось, я, в конце концов, осмелился что-то сказать, что-то примиряюще-дипломатичное. Мы узнали её имя, но сверх того мне, когда уже выходили на Красной площади из вагона, тихим шёпотом было сказано, что девушка иногда прогуливается у клуба «Пищевик» рядом с училищем.

Я не был женат, но знал, что скоро буду – как только приеду на родину, где ждала Таня. Зиначку Хмельницкую познакомил с Юрой Филипповым и Витей Низиным, первыми моими друзьями по КВВМПУ. Юру узнал в Киеве, а с Виктором, до поступления на учёбу служившим в РТШ¹ на Русском острове, мы начали притираться ещё с Владивостока. Зина, как выше уже сказано, вышла замуж за Юру, а подруга её Валя Выставкина стала супругой Виктора. Низины и сейчас живут в ладу. Сын служит на Северном флоте. Когда мы с Олегом Шелудько последний раз ездили к Виктору, младший Низин носил погоны кавторанга.

Я больше не ходил в увольнение с Манукяном. Вскоре Хачика исключили. Кажется, первым из нашего класса. За пьянку.

Стармос Серёжа Белокобыльский прибыл в Киев с Каспийской военной флотилии. В учебный процесс вписался оригинально. За временем совершенно не вижу его в аудитории на теоретических занятиях, у доски на семинарах. Присутствовал, конечно. Но память не заметила. Бесподобный по сохранности Серёгин образ – ком шинели на последнем столе в часы самоподготовки. Под шинелью спал старший матрос (простите, старший курсант) Белокобыльский. Время от

¹ РТШ – Радиотехническая школа.

времени шинель шевелилась, поднималась над столешницей, широко распахивалась и взмахивала чёрными крыльями. Как правило, молча. Изредка в сопровождении осипшего от протяжного сна баса: «Эх, мужики!!!»

Разнообразие в устоявшийся (улежавшийся) образ каспийца внесли последние недели перед первой экзаменационной сессией. Серёга перестал спать... ночами, встревожив дежурных по училищу, согласно инструкции обходивших кубрики после ноля часов.

Взвод обретался в полуциркульном (Ковнировском) корпусе, на самом верху. Дежурный поднимался по крутой лестнице, входил в спальное помещение роты (до перевода в здание на Волошскую все классы жили вместе), принимал тихий рапорт дневального у тумбочки и немел от неожиданности. В глубине левого ряда двухъярусных кроватей, на нижнем этаже что-то светилось. При должном приближении к необыкновенному объекту выяснялось: старший курсант Белокобыльский в позе роденовского мыслителя сидит на коечке под простышкой и грызёт гранит науки, освещая фонариком конспекты с книжками. Изумлённому офицеру пояснение давалось голосом, из баса превратившимся в жалобный тенор: «Накрылся, чтобы не мешать спящим товарищам. Времени на сампо не хватает. Пока служил на Каспии, школьный курс подзабыл. Нагоняю перед экзаменами».

Дежурный впадал в глубочайшее сочувствие. Серёга с уходом проверяющего гасил свет и возвращался к любимым снам. Он обладал каким-то нечеловеческим слухом и потрясающей бдительностью – следующего проверяющего чуял, когда тот только поднимался по трапу. Фонарь включался вовремя.

Скоро всё Киевское высшее военно-морское политическое училище знало: в 121 классе есть курсант, подрастерявший школьные знания на крутой каспийской волне, но очень старательный, достойный всяческой поддержки. Сессию Серёга сдал без хвостов. С физподготовкой вдохновенно разобрался без посторонней помощи, положительные оценки по остальным предметам получил авансом.

На курсовых экзаменах тактика поменялась, поскольку второй раз фонарик под простыней успеха не гарантировал. Теперь Серёжа находил жалостливого преподавателя, который шёл на экзамен впереди курсанта Белокобыльского и внушал комиссии, что товарищ имел

трудное детство. С каждым семестром, однако, схема работала всё труднее, а на четвёртом курсе откровенно забуксовала. Отзывчивые люди как-то поистожились и стали уклоняться от «случайных» встреч и душевных бесед с соискателем.

На экзамене по мореходной астрономии мы толпились перед дверью, за которой решались наши судьбы. Сергея меж нас не было. Он долго выглядывал на плац из засады за углом учебного корпуса со стороны хозроты, пока не узрел кавторанга Григорьева.

Карнос на уговоры не поддался. Григорьев, полусидя на экзаменационном столе, рассказал коллеге пару занимательных историй из жизни подводников-североморцев, неожиданно рванул к себе экзаменационную ведомость и исправил единицу на приличную оценку. Оторопевший Карнос предотвратить произвол не успел. Но не удержался от справедливых комментариев, и Григорьев официально объявил Белокобыльскому, что это – в последний раз.

Не считая выпускного бала, когда весь курс собрался воедино, но каждый сидел за столиком с самыми близкими друзьями, помню лишь один случай пребывания в общей кампании с Сергеем и его супругой. Заводная хохотушка из того замечательного рода русских женщин, которые живут землёй и на земле, жена Серёжи запомнилась ненарочитой простотой и естественностью.

Где-то в окраинном районе Киева в стороне Бабьего Яра 7 ноября 1972 года нашли пристанище женатики 421 класса. Праздник после военного парада отмечали солидным многосемейным кругом.

На параде мы гордо шагали с жетонами «За дальний поход», увенчавшими переход вокруг Европы на «Гангуте». За столом по традиции обмыли дорогие для любого моряка награды. Обмыли, т.е., в самом прямом смысле. Опустили в стаканы с водкой, которую торжественно употребили под достойный спич. Закусить не успели. Серёга как-то нештатно крякнул и стал синеть. Его жетон устремился из опрокинутого стакана вслед за напитком в горло, перехватив моряку дыхание. Думать было некогда, следовало срочно спасать товарища. На ум ничего не пришло, мы сдвинули в круг табуреты, подняли меж ними пострадавшего за ноги вниз головой и потрясли недолго, но энергично. Жетон выпал на палубу. Следующий тост был за здоровье спасённого...

Говорят, на Тихоокеанском флоте лейтенант Белокобыльский год прослужил в должности замполита роты санинструкторов главного флотского госпиталя. Потом якобы получил назначение на «эску» – среднюю подводную лодку 613 проекта. Проставлялся (по-новому – «накрывал поляну») в кафе дома офицеров в посёлке Тихоокеанском, ещё не превратившемся в город Фокино. Весёлые подробности праздника то ли совсем не сохранила история, то ли остались неизвестны автору этих строк. Подробность печальная: разгулявшийся Серёга зачем-то проткнул перочинным ножом мягкое место молодому парню, оказавшемуся, говорят, сыном секретаря Шкотовского райкома партии. После этого, почему-то не приняв дела на лодке, как будто бы принял под начало взвод морской пехоты.

Возможно, это легенда. Но вот – факт достоверный. Валерий Кулешов, по выпуску из Военно-политической академии имени Ленина квартировавший в Тихоокеанском-Фокино, встретил у центрального гастронома оборванного, источающего тяжёлое амбре бомжа, сшибавшего мелочь у прохожих. Валерий Ермолаевич с трудом узнал в сутулом, скрюченном попрошайке богатыря, известного в Киеве под именем курсанта Сергея Белокобыльского.

Случилось это в 1980-х. Возможно, будущий каперанг и доктор философии Валерий Кулешов стал последним однокурсником, видевшим Сергея Антоновича.

Самый лучший город

С «Красного мака» увольнение начиналось далеко не всегда и далеко не всеми.

Из множества военных ВУЗов украинской столицы КВВМПУ негласно соперничало с КВИРТУ – Киевским высшим инженерным радиотехническим училищем противовоздушной обороны имени Маршала авиации А.И. Покрышкина. Курсанты последнего считались людьми высокоинтеллектуальными, овладевающими сложнейшими современными науками, доступными только выдающимся умам. Квумпари задиристо шутили: «Курсант КВИРТУ – до синевы выбрит и слегка пьян. Курсант КВВМПУ – до синевы пьян и слегка выбрит». Если это не являлось самооговором, то, как минимум, говорилось для красного словца.

Морполит привлекал народ, уже послуживший в армии и на флоте. Сравнимого количества военных абитуриентов нигде больше не встречалось. Армейцы служили два года, моряки – три, к нам поступали и более старшие сверхсрочники. Средний возраст обучающихся в КВВМПУ на годик-другой превосходил таковой во всех прочих училищах. В молодости эта разница очень существенна. Двадцати-двадцатидвухлетний первокурсник КВВМПУ, прошедший, допустим, как Валера Кулешов, через прочный корпус подводной лодки, даже внешне выглядел не так, как вчерашний школьник, в семнадцать лет примеривший курсантскую шинель. Разница в жизненном опыте сказывалась на мышлении, на интересах, на поступках, на определении границ дозволенного. Тем не менее, никто из нас не мог позволить себе оказаться «слегка выбритым и до синевы пьяным». Паиньками мы не были, однако, сознавая недолговечность пребывания в стариннейшем историческом и культурном центре Советского Союза, большинство квумпарей время впустую не тратило.

Если составить список просмотренных спектаклей на многочисленных театральных сценах, названий запомнившихся опер и балетов, имён отечественных и зарубежных знаменитостей, чьи концерты и представления удалось посмотреть, музеев, исторических мест, которые посетил не раз, эта глава увеличится вдвое-втрое. И сейчас, спустя без малого полвека, перед глазами стоят Золотые ворота и следы фундамента Десятиной церкви, разрушенной монголами; пещеры Киево-Печерской лавры и купола Софийского собора; Дом с химерами и неповторимый Крещатик, запечатлённые на фото Олегом Шелудько, приезжавшим в гости из Москвы (своего фотоаппарата у меня не было)... В памяти звучат песни болгар Эмила Димитрова и Людмилы Караклаич, чеха Карела Гота и самых первых, самых популярных советских звёзд эстрады. Сердце хранит впечатления от спектакля «Варшавская мелодия», где Гелену потрясающе играла Ада Роговцева; сцены оперы «Оптимистическая трагедия»; сказочную феерию «Балета на льду» с блистательными Людмилой Белоусовой и Олегом Протопоповым... Знаменитая примадонна, народная артистка СССР, обладательница изумительного колоратурного сопрано Бэла Руденко захаживала в общежитие

ВУЗов искусств, где мы с Таней довольно долго жили, нечаянно пересекаясь с великой певицей в коридорах своей обители.

Сам я, трепеща душой и телом, выходил читать стихи на скромные клубные подмостки и лучшие киевские сцены, вплоть до величественного, недавно возведённого Дворца «Украина». В архиве сберегалась грамота за выступление в главном палате, хотя, возможно, именно на этом концерте я забыл слова, оробев перед полным, почти четырёхтысячным залом.

В «Русском музее» с его бесценной экспозицией Сергей Конёнков потряс деревянной ростовой фигурой «Нике». Эта работа «богатыря русской скульптуры» открыла смысл истинного искусства – всегда национального и непременно философского. Подлинный облик красоты, как он на всю жизнь утвердился в сознании, тоже подарен Сергеем Тимофеевичем Конёнковым. Работая над скульптурным портретом Антона Чехова, художник разглядел, что молодой Чехонте – теряющийся, растворяющийся среди «красавцев»-выюношей «бурсак», а по-настоящему красивым писатель стал с возрастом, когда выросла, созрела душа. После этого открытия для меня перестал существовать вопрос формы и содержания.

Выдающийся русский композитор из Ленинграда-Петербурга Сергей Баневич, говоря о музыкальных произведениях для детей, замечает, что они таят в себе несколько смыслов и уровней восприятия, каждый из которых соответствует определённому возрасту. Сергей Петрович так оценил это удивительное свойство «детского» (только ли «детского»?) искусства – оно дано человеку «на вырост». Квумпарям судьба подарила «на вырост» великое творение Русского мира – город Киев.

Родные мои города – Усть-Каменогорск и Лениногорск-Риддер. Лиепая – по многим обстоятельствам – дорогая. Владивосток – свой по жизни. А Киев – лучший.

Дыхание каштановых аллей и парков кружило голову. Днепровская волна звала в будущее, завораживающее океанским простором, и возвращала в прошлое по пути из варяг в греки, к стенам Царь-града, к полям суровых битв за волю и други своя, за веру отцов. Жизнь в Киеве как-то необъяснимо избегала муравьиной суеты мегаполисов, текла умиротворённо, мелодично, подобно певучей украинской мове. Казалось, время здесь обретает иной ритм, неспешный, исполненный

спокойной провинциальной надёжности. Это чувствовалось даже в стремительном вагоне метро, когда мягкий женский голос объявлял нежно-протяжно: «Шановни кияни, обережно, двери зачиняются. Заступна зупинка “Гидропарк”»¹.

У каждого города, у всякого селеньица обязательно есть, чем гордиться и что любить. Но повсюду обретается очень разный народ, потому отношения меж людьми, восприятие жизни там и тут, и сама жизнь разнообразны до несовместимости. Лицо населённого пункта прежде и более всего формируется среднестатистическим большинством жителей. Характерами, вкусами, привычками, доминирующими настроениями, наконец, мировоззрением массы сограждан, которых принято называть обывателями. Всё это «свой» и «чужой» ощущают на себе.

К военным морякам отношение везде было разным. Во Владивостоке, если не брать во внимание самих флотских и их родню, – прагматичное, без лишнего придыхания. Так относятся к попутчикам в переполненном трамвае. Кондукторы в общественном транспорте, конечно, знавшие о праве военнослужащих срочной службы на бесплатный проезд, могли в грубой, откровенно унижительной форме потребовать с матроса троячок-пятак².

Алма-Ата смотрела на моряков как на экзотическую диковинку. Не знаю, где ещё могла, например, нарисоваться такая картинка. В первом курсантском отпуске, прежде чем прилететь к маме и младшему брату Сергею в Усть-Каменогорск, я приземлился в Алма-Ате – повидаться с отцом и братом Алексеем. Отец находился на освидетельствовании в республиканском психдиспансере, поигрывая в шахматы с главврачом, решавшим государственный вопрос: признать Михаила Тыцких сумасшедшим и обречь на пожизненное заключение в дурдоме, или с диагнозом «здоров» отправить в «места не столь отдалённые» на срок, который назначит ожидающий отца суд. Лёшка учился на первом курсе журфака Казахского госуниверситета.

На привокзальной площади останавливаюсь перед щитом со схемой транспортных маршрутов – выбрать троллейбус до КазГУ. Вдруг

1 «Уважаемые киевляне, осторожно, двери закрываются. Следующая остановка "Водопарк"»

2 Три копейки – стоимость трамвайного билета, пять копеек – цена проезда в городском автобусе.

перед глазами, словно из-под земли – какая-то девчушка. С разгону протянула руку к бескозырке и, ведя пальчиком по ленточке, громко произнесла: «Высшее!» Обернулась к стоявшей в двух шагах подружке, повторила: «Высшее». Пальчик снова заскользил по надписи на бескозырке, девичья головка опять повернулась, и вновь прозвучал удивлённый голосок: «Воен». Так, тыча мне в лоб, незнакомка по слогам читала дальше: «Мор»... «Полит»... «Училище». И подвела общий итог: «Высшее воен. мор. полит. училище».

Едва ли во мне предполагали что-то человеческое. Ни малейших признаков интереса к существу в чёрном бушлате незнакомки не проявили. Я чувствовал себя афишной тумбой. Землячки после изучения надписи чуть отделились, бойко щебеча. Остолбневший, я не запомнил ни слова.

Неприятным открытием стало отношение к морякам обывателей московских. У какого-то гастронома с Олегом Шелудько хотим купить пучок зелёного лука. Вместо пучка торговка протягивает одну лучину. Мы недоумеваем. Выскочившая из гастронома знакомка торговли – продавщица в грязном, когда-то белом, халате кричит во весь рот: «Дармоеды!» Теперь, видя на экране Ксюшу Собчак, вспоминаю грязный халат и этот, мало похожий на нормальный, почти нечеловеческий и уж никак не дамский крик. Почему-то именно в столице всегда было много ксюш, не обязательно процветающих на телевидении. Их отличительная черта – тупая уверенность в собственном превосходстве везде и над всеми: в исключительном праве считать инаких глупцами, недоносками, мелкими сошками, дармоедами и т.п. Основанием для этой «избранности», для этого неадекватного самомнения служит всё, что угодно: материальный либо общественный статус, принадлежность к модной или выгодной профессии, элементарный штамп о прописке. Знаю многих москвичей, заслуживающих неподдельного уважения, которыми может гордиться столица, но речь идёт о тех, кто в глазах отечественной глубинки, кормящей заносчивых ксюш, задёшево позорит главный город России.

В Киеве ни с чем подобным сталкиваться не приходилось.

В знаменитом гастрономе на Крещатике знаменитый торт «Киевский» я покупал редко. И другой торт – «Славутич» – тоже. Чаще приобретал их непосредственно на кондитерской фабрике, в специальном

ларёчке, по талонам, отпечатанным на конфетных фантиках. Талонами в необходимом количестве одаривала секретарь фабричного комитета комсомола, красивая киевляночка, не знакомая мне по фамилии. Сказать попутно, сладкая фабрика носила имя Карла Маркса. Или Клары Цеткин. Допускаю, что фабрик было две: одна им. К. Маркса, другая им. К. Цеткин. Тогда, значит, тортами я загружался на обеих. В отпуск родным и друзьям привозил не меньше полдюжины.

Бывали случаи, когда в столовых, куда забредал подкрепиться, с меня отказывались брать деньги.

В кинотеатре, стоя в хвосте длинной очереди, мы с Таней вдруг из рук в руки получали билеты, без всяких просьб купленные для нас впереди стоящим молодым человеком, которого видели первый и последний раз в жизни.

О том, о чём пишет Олег Гречко, – бесплатном для курсантов колесе обозрения, можно уже не говорить...

Правда, были ещё каневские шествия националистов, брожения «вильных, незалежных» умов в университете, были происшествия с памятниками разным людям, в том числе сразу зацензуренный сюжет с установкой и срочным демонтажом ленинского монумента на Крещатике, напротив нынешнего майдана, называвшегося тогда площадью Калинина. Была прелюбопытная передовая Петра Ефимовича Шелеста в «Коммунисте Украины», после публикации которой первый секретарь ЦК КПУ мигом оказался в Москве, где его с тихим почётом выпроводили на пенсию. Разные, в общем, случались истории. Теперь поздно о них говорить, а тогда они нас почему-то не сильно тревожили.

Мы любили наш Киев. И Киев любил нас.

Думается, во многом дух его определяла Великая Отечественная. Город, побывавший под фашистами, помнил войну лучше, чем, например, далёкий от фронта Владивосток, не успевший оглянуться, как Советский Союз сокрушил Квантунскую армию Японии, ни на шаг не заступившую в наши пределы. На востоке страны не познали войну в той мере, как на западе СССР, и зачастую относились к военным как к людям, которых надо кормить, отрывая от себя, да ещё и работать за них, занятых непроизводительной «игрой в солдатики». На бытовом уровне массовое сознание киевлян и жителей всей

Украины было иным. Фронтовики, гражданский люд, хлебнувший оккупации, большое количество угнанных на работы в Германию, после Победы вернувшихся домой с горячими воспоминаниями о «цивилизованной заграничке», дети их не могли не испытывать благодарности к человеку с ружьём, не могли не понимать важности, необходимости ратного дела. Отчасти этим, наверное, объясняется, что украинцы охотно шли на военную службу. Факт статистический: среди генералов, адмиралов, офицеров, мичманов, прапорщиков и сегодня немало украинцев, а одной из самых известных и живучих поговорок в армии и на флоте стала непечатная фраза, начинавшаяся словами: «Хохол без лычки...» И в КВВМПУ училось много украинских хлопцев.

Киеву обязан я пониманием места художественного и публицистического слова в нашей жизни, оценкой значения литературы для исторического сознания, преемственности основополагающих духовных, нравственных ценностей народа. Произошло это благодаря широко практиковавшимся встречам курсантов морполита с жителями города. Мы выступали перед ними с информацией о текущих событиях, лекциями, беседами на самые разные темы по самым разным поводам. Одна такая встреча в феврале 1973 года, посвящённая Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота, стала для меня событием. С двумя ветеранами Великой Отечественной войны я был приглашён в спецшколу-интернат имени Якова Батюка для незрячих и слабовидящих детей. До этого не знал, кто такой Батюк, хотя в Киеве существовал кинотеатр его имени, а мимо одноимённой остановки трамвая почти три года один и вдвоём с Таней ездил с берега на берег Днепра – от училища к дому, где мы жили. После встречи мальчишка-девятиклассник провёл экскурсию по школьному музею Батюка, оказалось, в своё время учившегося здесь.

Перед войной выпускник интерната Яков Батюк, почти с рождения слепой, наравне со зрячими окончив обычную среднюю школу¹ и юрфак Киевского университета, работал юрисконсультантом в Нежине. С началом гитлеровской оккупации создал и возглавил подпольную

¹ Интернат давал неполное среднее (в 1970-е годы – восьмилетнее) образование. Учились в нём 9 лет. Первый год воспитанники осваивали азбуку Брайля, потом – стандартную школьную программу.

организацию. Меня поразило, что дела, подвиги нежинских подпольщиков, не уступавшие делам и подвигам молодогвардейцев Краснодона, а где-то и превосходившие их уникальностью и эффективностью, были почти никому в СССР неведомы, тогда как о «Молодой гвардии» с детства знал каждый советский человек. Тогда я понял, что значит слово писателя, какую огромную работу оно делает. Александр Фадеев рассказал о героях Краснодона, а Нежин своего летописца не обрёл. Яков Батюк погиб двадцатипятилетним, звание Героя Советского Союза получил посмертно через два десятилетия после Победы и, будучи единственным в мире незрячим, отмеченным высшей наградой своего отечества, остался, по сути, неизвестным в народе, за свободу которого отдал жизнь.

В целом, Киев 1960 – 1970 годов являлся подлинным городом-героем, и в чёрном сне не предвидевшим грядущей «майданутости». Однако на Украине существовало глухое идейное подполье, никуда не делись бывшие полиция, недобитые бандеровцы, и у них росли свои детки. Но не высовывались, вели себя смиренно и, возможно, незаметно бы исчезли, не случись горбачёвской перестройки, справедливо названной пронизательным Александром Зиновьевым «Катастрофкой». Автор «Зияющих высот» в натовских бомбардировках Югославии 1999 года увидел «репетицию сценария для России». Дотянуться до нас Североатлантическому альянсу пока не по зубам, но трагедия Новороссии стала очередным свидетельством правоты великого русского ума. Антирусское-антиукраинское подполье, в 1970 годы помалкивающее в тряпочку, ждало своего часа, и этот чёрный час пришёл. Подтвердились слова Александра Александровича, сказанные почти десять лет назад: «...что делают с нами, с русскими, нас выбрасывают из истории, вычёркивают великие русские открытия, безжалостно вычёркивают... в жестокой, непримиримой борьбе с новым человеком победило другое явление: эгоистичный, расчётливый и жестокий дикарь, современный варвар, обвешанный с головы до ног высокотехнологическими приспособлениями».

Господи, как жалко **наш** Киев, жалко киевлян! Жалко казахстанских мальчишек, граждан суверенной страны, при всём желании лишённых возможности стать моряками, которой могли без непреодолимых препон пользоваться я и мой земляк Юра Лебедев!

Жалко владивостокцев, приморцев, униженных денежными мешками, лишённых свободы жить, служить и трудиться на своей земле, в своих морях так, как они хотят и умеют!

Александр Александрович Зиновьев прав: «Теперь надо всё начинать с нуля – с создания нового человека».

А новый человек начинается не с очередного «чистого листа», а с восстановления исторической памяти.

Князь Долгорукий и Ироныч с Митрофанычем

* * *

Саша Долгоруков получил «княжеское звание» не только по созвучию фамилии с фамилией великого сына русской земли. Что-то в нашем Князе присутствовало такое-этакое, подчёркнуто поднимавшее над простыми смертными. Недаром он стал командиром отделения. При значительном числе среди курсантов людей, послуживших в армии и на флоте, выбор для назначения командирами отделений, взводов и старшинами рот был большой.

Смутно помнится, что на сампо мы сидели за одним столом. Это, наверное, забылось бы насовсем, но держится в памяти из-за картинок в Сашиных тетрадах, до сих пор стоящих перед глазами. Не скажу, не помню, присутствовали ли там Трафальгарское сражение или атака брандера лейтенанта Ильина, уничтожившего турецкой флот в Чесменской бухте. Зато были виктории и конфузы великих Цезаря и Ганнибала, Македонского и Наполеона: галльские, британские, итальянские походы; битвы при Гранике и у Гавгамелы; классические Канны и Карфаген; сражения при Арколе, Риволи, под Лейпцигом и Ватерлоо... Саша знал их, мог начертить диспозиции сторон с привязкой к местности, с подробностями показать в динамике действия армий, легионов, когорт, фаланг, манипул, колонн, корпусов, полков и то, чем в итоге завершились исторические схватки. Думаю, Князь был достоин приёма не в военно-морское политехническое училище, а в Академию Генерального штаба, причём сразу на второй курс.

Не каждый день встречаются, тем более сидят с тобой за одной партией по-настоящему умные и многознающие люди. Не имею намерений причислять к ним себя, но с высоты возраста могу сказать, что

с молодых лет тянулся к таким людям и если сумел сделать в жизни что-нибудь не слишком глупое, то, в первую очередь, благодаря тому, что многие из них одарили бескорыстной отзывчивостью и просвещающим общением.

С Сашей мы дружили. Правда, за пределами училищной ограды пересекались редко: женатый с завзятым холостяком двигались в пространстве разными тропами. Но в знаменитом вильнюсском микрорайоне Лаздинай, в СССР отмеченном как выдающееся достижение отечественного градостроения Ленинской премией, где до службы, кажется, вдвоём с бабушкой, обретался Князь Долгорукий, я по случаю побывал, возможно, единственный из всего класса.

Тут, с учётом глобальной насильственной перелицовки недавнего исторического прошлого, своевременно обратить внимание на обстоятельство, скоростно забытое многими вчерашними братьями по единой семье советских народов. Мой друг Александр Павлович Гельбах, родившийся и проживший большую часть жизни в Вильнюсе, уверяет, что означенную премию вполне мог получить любой микрорайон в любом городе державы, если бы на его строительство ушло средств в три раза больше, чем на все иные подобные микрорайоны. Повезло, однако, только столице Литвы. В те годы об этом любопытном факте я не знал и, вполне допускаю, мог взять его под сомнение. Но Саше верю. Накануне развала страны он редактировал главную республиканскую газету «Советская Литва», отцом-основателем и многолетним главредом которой был его отец, член Союза писателей СССР, орденосец, заслуженный деятель искусств Литовской ССР Павел Александрович Гельбах. Саша знает о малой родине так много, что объявлен на «ставших свободными» берегах Нериса (Няриса) политическим врагом, преступником, подлежащим аресту и суду. Это не фигура речи, а реальность существования славянской страны, бегом убежавшей в «единую» Европу. Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Литвы Миколас Бурокавичюс, близко знакомый отцу и сыну Гельбахам, после развала СССР отсидел в тюрьме от звонка до звонка 12 лет.

Из той же оперы рассказ бывшего декана художественного факультета Дальневосточной государственной академии искусств Виталия Кандыбы. Виталий Ильич родом из Жданова-Мариуполя. Его отец,

классный гидротехник, сразу после войны мобилизованный на восстановление прежде немецкого города Мемеля, занимался строительством портовых сооружений. Мальчишкой Виталий стал свидетелем тому, что не перестаёт его удивлять всю жизнь. Разрушенная, обескровленная страна, отрывая от себя самое необходимое, в приоритетном порядке поднимала Мемель из руин. Никогда, за исключением пары неполных предвоенных десятилетий, не принадлежавший Литве, с лёгкой руки сатрапа и врага гордых свободолюбивых прибалтийцев Иосифа Сталина, Мемель под именем Клайпеда стал третьим по величине городом республики, получившей таким боком выход к Балтийскому морю. А если совсем чуть-чуть копнуть историю, можно сильно засомневаться в литовском происхождении и самого Вильнюса, назначенного столицей Литвы всё тем же ужасным Сталиным.

В курсантские годы об этом не думалось, мы просто многого, очень многого не знали. Теперь появилось немало поводов согласиться с истинами, открытыми задолго до нас: самое опасное для человека – беспамятство, самый страшный людской грех – грех неблагодарности...

Домой к Долгорукову я попал, скорее всего, когда курс ждал рижского поезда на железнодорожном вокзале литовской столицы. Там, до или после поездки в Лаздинай, я по обыкновению влип в историю. Проплывающая мимо шикарная дама несла на грудях по большому кульку баранок. Именно на грудях, водрузив на них кульки, крепко схваченные снизу нежными кулачками. Бюст был пышный, роскошный, но кульки ещё роскошней. Женская головка, увенчанная высокой причёской, гляделась между ними подчёркнуто миниатюрно.

Дама споткнулась, кульки, сломавшись у основания, подались раструбами вперёд-вниз, баранки раскатились по дворцовому высокохудожественному, но изрядно натопанному паркету зала ожидания. Не знаю, зачем я ввязался. Сам есть баранки из-под ног никогда бы не стал и полагал их безвозвратно потерянными для употребления в пищу. Однако – как-то получилось бездумно, автомат какой-то в черепке сработал – устремился помочь собрать их, чтобы водворить обратно в хозяйскую тару. И тут раздался истошный крик: «Нетрош-ш-шь! Эт-то моё!» Впечатлил, навек запомнился милый прибалтийский акцент.

Опять же до или после мы побродили с Сашей по старому Вильнюсу, которым Князь гордился почти так же, как собой. Для меня осталось необъяснимым, что Долгоруков, насколько знаю, в Литву, в Вильнюс не вернулся, а осел, в конце концов, в заштатной, по сравнению с родным его городом, латвийской Лиепе. Там, в Лиепе, мы встречались до того, как оба попали на Тихоокеанский флот – я из Латвии, он из Калининграда.

Дружба наша была слегка с винтом. Ровности отношений препятствовали характеры. Князь, образно говоря, любил чувствовать себя командиром на войне даже в мирное время. Мне свойственно то, о чём в «Каботажном плавании» пишет Жоржи Амаду: высокомерием ничего не стоит обидеть.

Женился мой однокашник уже офицером в Калининграде, сделал сомнительный и рискованный выбор с одного, не вполне, вероятно, трезвого погляда в какой-то не слишком респектабельной забегаловке. Супруга отличалась умом и более чем привлекательными формами в сочетании с привычками вольными и ненасытными. Оба, убегая с Камчатки на запад, не миновали моей владивостокской комнаты в коммуналке на три семьи, но уже поврозь. В Завойко (для незнающих – в Петропавловске-Камчатском) семья распалась. Муж вернулся на малом противолодочном корабле с большой боевой службы и разобрался с грешной женой столь решительно, что командование не сочло возможным оставлять его на флоте.

Наш Князь – это, вообще, не человек. Это – явление. Выдающееся и загадочное. Логикой, доступной среднему уму, постичь его мудрено. В классе (возможно, и во всей 2 роте, не знаю) – лучший курсант, единственный обладатель красного диплома. Первая должность – секретарь комитета комсомола в Калининградском высшем военно-морском училище. С таких должностей перед молодыми политработниками широко распахивались самые заманчивые горизонты...

Учебный корабль с курсантами из Калининграда покидает Севастополь без главного комсомольца КВВМУ. От корабля, отправляющегося домой вокруг Европы, Князь Долгорукий отстал, забывшись усталым сном на Малаховом кургане. Люди баяли – прямо на травке. И вроде – обошлось.

Но после был праздник польско-советской дружбы. Тут лейтенант неожиданно исчез. Искали. Говорят, часа четыре. Не нашли. Участвующие в празднике балтийцы уехали восвояси, не досчитавшись бойца. Офицера чуть ли не на следующий день, словно умирающего Гамлета, принесли жолнежи¹ с той стороны советско-польской границы. Приглашённый на беседу к ЧВС (суровый мужик вице-адмирал Николай Иванович Шабликов, на Балтике о его крутом нраве ходили легенды), Саша, стойко, но слишком долго ждавший в приёмной, не выдержал воспоминаний о встрече с братьями по Варшавскому договору и вытравил интернациональную закуску непосредственно на стол ординарца члена Военного совета – начальника политического управления Дважды Краснознамённой Балтики.

Встреча с адмиралом не состоялась. Состоялся перевод на Камчатку...

Лет, может быть, пять-семь назад Князь объявился в «Одноклассниках» на странице своего, не ведомого мне, липайского друга. Личного компьютера не имел, но обещал вот-вот обзавестись. Несколько месяцев мы обменивались приветами. Исчез Саша так же внезапно, как появился.

Пьяницей он точно не был, его и пьющим не назовёшь. Может, каких-то ферментов не хватало? Как у тех народностей, что по природе не способны к расщеплению спирта. А может, подвела вера в свою исключительность, непотопляемость. Но я больше склоняюсь к тому, что мой друг был просто редким пофигистом.

* * *

О Володе Мушинском в ноябре 2004 г. сложилась главка, начавшая книгу «От всего сердца», двумя тиражами изданную на Дальнем Востоке в 2009 и 2011 гг. Не буду из-за тесноты в отсеке воспроизводить её полностью и немного подрихтую в связи «с открывшимися обстоятельствами».

Из более двух сотен киевских сокурсников мало кого помню так хорошо, как Володю. Он выглядел доходягой из Бухенвальда, и временами вызывало удивление, что Володя не падает в обморок. Выдающиеся части его тела – нос и, особенно, кадык – смотрелись на фоне всего остального Мушинского столь значительно, что почти

¹ Жолнежи – польские солдаты.

можно сказать: он состоял только из носа и кадыка. Но были ещё глаза, полные врождённой печали.

Главный старшина Мушинский, как все курсанты из сверхсрочников, обладал привилегией свободно выходить в город после занятий. Наша рота бессовестно пользовалась этим. Безотказного Володю всё время куда-нибудь за чем-нибудь посылали.

Он принадлежал к редкой породе людей, которые начали вымирать в начале прошлого века, а теперь уж почти исчезли. Всем верил, всему удивлялся и попадал в истории странные до неправдоподобия. Их следовало бы считать выдумкой, если усомниться в том, что выдумать такое нельзя.

Целеустремлённый, нередко жертвенный, путь в моряки у Мушинского начался с драматичной одесской шутки. Володя в Одессе сдал экзамены и приказом был зачислен в высшую мореходку. Пару месяцев носил флотскую робу, старательно мёл территорию и топал по плацу. Едва начались занятия, парня попросили на выход. Не исключено – единственный случай в отечественной истории высшей школы: мальчишка, закончивший сельскую восьмилетку, не имея аттестата, по душевной простоте и великому нетерпению быстрее обрести самостоятельность послал документы в приёмную комиссию, где, похоже, их посмотрели невнимательно. В чью проницательную голову могла прийти мысль, что кто-то пойдёт в ВУЗ без полного среднего образования? Правда открылась, робу пришлось сдать на склад, документы забрать, но домой Володя вернуться не посмел.

Более всего обескураженный тем, что потерял бесценное время, впустую метя одесскую пыль, Мушинский в детском, то есть абсолютном отчаянии метнулся от Чёрного моря к Балтийскому. Не имея средств, осмысленной цели и конкретного плана. Разумеется, в Ленинграде его никто не ждал.

Он впервые ехал в поезде. Жёсткий общий вагон, представший небывалым достижением цивилизации, впечатлил его. Купе, тамбуры, коридоры мнились корабельными отсеками и кубриками, которые Мушинский видел только в кино. Диковинкой показался туалет. Володя подолгу исследовал его, пытаясь разобраться в конструкции, понять, откуда течёт вода в умывальнике и унитазе, с интересом наблюдая, как она, стоит нажать ногой на шершавую металлическую

педаль у пола, низвергается, журча и пенясь, в пахнущую не только хлоркой воронку. Несколько раз собрал за дверью клозета нетерпеливую очередь. Измученный народ, в конце концов, не преминул продемонстрировать своё возмущение...

И в родное КВВМПУ Мушинский прибыл, не имея аттестата на руках. Чудесным образом удалось уговорить училищное командование – до приёмных экзаменов допустили без документа. Бумагу почта доставила с Севера, когда у нас уже вовсю шли занятия.

На третьем или четвёртом курсе Володя женился, вместе с женой, дипломированной связисткой, заполучив выдающуюся тещу. Большая оригиналка, она изящно третировала зятя. К примеру, регулярно требовала врачебную справку о том, что он не заразился дурной болезнью. Чета вынуждена была скитаться по квартирам, но злой рок неотступно преследовал молодых. Первый, давно и навсегда запойный старичок, у которого Мушинские сняли комнату, получив расчёт, быстренько «забывал» об этом и начинал с нуля вымогать деньги. Терпение у супругов иссякло, когда всласть поддавший хозяин в отсутствие постояльцев пару раз уснул и помочился в их постели.

До училища Володя служил на Новой Земле, на том самом полигоне, откуда ударная волна взорванной во времена Никиты Хрущёва пятидесятимегатонной водородной бомбы трижды обогнула земной шарик.

Однажды – ошиблись ли физики в расчётах или допустили промашку строителя, готовя на глубине адское прибежище для очередного «изделия», – в результате подземного взрыва земля на полигоне полопалась. На глазах у личного состава произошёл радиоактивный выброс. Зловещее облако поплыло в сторону вышек и блиндажей. Столичные прикомандированные в больших погонах и местный персонал вплоть до последнего матроса бросились наутёк. Мушинский то ли на командном, то ли на каком-то наблюдательном пункте остался единственным последним, замешкавшись, чтобы прихватить забытый ответственными людьми чемодан с очень секретным содержанием. Для такого «богатыря» как Володя, чемодан оказался почти неподъёмно тяжёл, а снег на острове лежал глубокий, так что не существовало ни малейшей возможности поспеть к вездеходу, подбравшему группу генералов и офицеров в возрасте, которые, проявив

давно забытую прыть, всё-таки слегка отстали от основной массы бегущих.

Володе казалось, что он стоит на месте. Шевелящаяся тень *того*, на что не позволял взглянуть наполнявший душу ужас, с физически ощутимым загробным молчанием ползла, безмолвно, но очень явно сигналила ему... Через секунду-другую *нечто*, породившее эту самую тень, упадёт на плечи, покроет чёрную шинель невесомым, едва видимым слоем белёсой пыли, обрекая живое существо, полагавшее жить долго и счастливо, на близкую мучительную кончину...

Даже не порыв ветра, а лёгкое дуновение воздуха над полигоном сбило с курса падающее наземь облако. Тень от облака качнулась в сторону, скользнула поперёк свежих троп, пробитых в снегу быстрыми ногами исчезнувших впереди защитников отчих просторов, и пропала где-то сбоку... Володя перестал бежать, поставил, не разжимая одеревенело стиснутых пальцев, чемодан, передохнул ровно столько, чтобы можно было двигаться снова, и почувствовал равнодушное, непробиваемое спокойствие. Дальше пошёл не торопясь, влоча по снегу бесценную казённую ношу...

Главный начальник, уже хватившийся заветного чемодана и успевший осознать, чем обернётся пропажа, бросился навстречу. Долго тряс руку, обнимал-целовал, плача совсем по-бабьи, и клятвенно обещал орден.

Товарищ генерал, конечно, погорячился. Нельзя было наградить человека *ни за что*. Но и *нельзя*, чтобы Москва узнала, *что случилось*.

Орден потешил воображение и исчез, не появившись. Володе не выписали даже почётной грамоты. Зато разрешили учиться в школе...

Долго о нём ничего не удавалось услышать. Только в новом веке Витя Низин при встрече в Ватутинках поделился новостью, к тому моменту уже весьма несвежей: в Интернете проскочило сообщение, что Президент России удовлетворил просьбу Владимира Ироновича Мушинского о предоставлении российского гражданства. Это было всё, что Витя знал про Ироныча.

Миновало ещё несколько лет, прежде чем Володя объявился сам. Мы задружили в «Одноклассниках». Во Владивосток пришло несколько писем. Не хочется в этом признаваться, но я плакал над

ними. Даст Бог, в другой какой-нибудь книге их удастся опубликовать. Впрочем, Володя и сам трудится над воспоминаниями. Ему есть что рассказать. В судьбе Ироныча опять была Новая Земля, потом был Черноморский флот, была советская и постсоветская Украина; учительство и директорство в школах и ПТУ, работа в газетах и на телевидении...

Человек не просто мягкий – нежный ко всему и ко всем, в убеждениях своих (наших) Володя оказался настоящий кремень. В самостийной Украине отстаивал эти убеждения публично. Претерпел гонения, подвергся нешуточным угрозам. Это и заставило напрямую обратиться к российскому Президенту, попросить убежища в России.

На связь Ироныч вышел из Каменска-Шахтинского, где, не зная того, землячествовал с Зиной Филлиповой.

Мы почти встретились там, в Каменске-Шахтинском. С Олегом Шелудько, живущим под Сергиевым Посадом, собирались в гости к Иронычу, оставалось только дожидаться отпуска. Володя славно обжился – у него сад-огород, хозяйство живи не тужи – с козочками молочными, с виноградником плодоносным... Но он вдруг сорвался с места. Усадьбу продал, нажитый скарб на грузовике (с приключениями и потерями) вывез на Украину. Перегнал «Волгу», практически безпробегную, на которой планировал скататься во Владивосток. Рванул с супругой под Киев – помочь дочери, живущей так туго, что даже квартирку подремонтировать не на что. И всё как-то там отладалось. Да с новой силой закачалась под ногами земля родная, опять пришлось спасаться в России. Ироныч в очередной раз начинает с нуля, вернувшись в Каменск-Шахтинский с парой чемоданов, куда поместилось всё, что осталось после вдохновенной преданной службы в двух братских государствах... Впрочем, в Каменске-Шахтинском, если верить Интернету, тёзка не задержался. Последнее место жительства он обозначил такое: «Аргентина, Буэнос-Айрес»...

* * *

С Василием Лысенко мы держим связь через его сына Юрия. Виделись в 1985 г. – в Севастополе проходил (кажется, последний) Всесоюзный семинар литераторов Военно-Морского Флота СССР. Юра был тогда мальчишкой. Вася устроил роскошную экскурсию

по городу, провёз на «Жигулёнке» по Крыму. Пообщались с ним дома, куда мы приходили с Борисом Орловым, подводником, военным журналистом, выпускником Литинститута, капитаном первого (тогда – третьего) ранга, ныне руководителем Санкт-Петербургской организации Союза писателей России. Провели вечер в Севастопольском доме офицеров (там, сказать попутно, с участием члена Военного совета – начальника политуправления ЧФ подводились итоги семинара).

Недавно говорили с Василием Митрофановичем по телефону о возможности встречи в Севастополе, о которой оба мечтаем...

По причине уважительной и более чем серьёзной, но неведомой сокурсникам, Митрофаныч ушёл с должности старшины роты, передав её Николаю Кириченко. Славе Митрофаныча, игравшего на трубе в ансамбле «Магелланы», известном далеко за стенами КВВМПУ, это не повредило.

Среди людей, так или иначе знакомых по жизни, далеко не о каждом я мог бы написать отдельную книгу. О Василии Митрофановиче Лысенко – мог бы. Она не обошлась бы без белых пятен, но это была бы очень благодарная книга.

По прошествии многих лет осозналось, что Вася подарил мне пробу пера, предвосхитившую, предопределившую дело, ставшее, в конце концов, пожизненным. Вася – мой первый «литературный герой».

В журналистике есть жанр, называемый «портретной зарисовкой». В ту пору я не имел о нём, равно и обо всех прочих жанрах, ни малейшего представления, но, как могу сейчас судить, нацарапал что-то вроде этой самой зарисовки. «Служба идёт нормально» – так она называлась. Речь в ней шла о курсанте Киевского морполита, поступившем в военно-морское училище из Советской Армии. Служил Митрофаныч в Переяславле-Залесском, а призывался с Украины, из подлинной что ни на есть глубинки. Теперь ещё и выяснилось, что «произведение» открыло в библиографии автора список (почти на том и закончившийся) переводов на иностранные языки. На малой родине героя материал о нём, переложённый на украинскую мову, опубликовала районная газета.

Между прочим, моя первая поэтическая публикация тоже состоялась во время учёбы в КВВМПУ. В наше литобъединение пришла

молоденькая журналистка из республиканской «комсомолки» «Молодёжь Украины» и выбрала у курсантов несколько стихотворений. Среди них оказалось и моё «Родниковый, обветренный край...», навеянное непреходящей тоской по родному Алтаю. За него я получил первый в жизни гонорар в 5 руб. 10 коп., на который, внося разнообразие в серое военно-морское бельё, купил шёлковые белые трусы. Ещё многие годы думать о журналистской, тем более о литературной, работе не решался, однако вышло, что творческий путь мой начался именно в стенах КВВМПУ.

Случайно попавший в военное училище, я мог совершенно неслучайно из него вылететь. В том числе и по причине физической слабости, какую трудно предполагать в существе плечистом и ширококостном. Человек я терпеливый, работать, идти и без привала тащить то, что способен поднять, могу долго. Но медленный и малосильный, изо дня в день живущий на пределе возможностей.

В сохранившейся с 1 класса школьной характеристике печатью и подписью заверены слова, сопровождающие меня донныне: «способный, но болезненный». В 5 классе неожиданно отнялись ноги. Отнялись напрочь, словно их не было вообще. Утром вместо школы сосед отвёз на своей «Побед» в больницу. Доктора насчёт диагноза благообразно промолчали. Но поставили на спецучёт. После госпитализации года два регулярно сдавал кровь. Кровь была нехорошей. Мама плакала. Ей сказали, что до совершеннолетия старший сын не доживёт. Я об этом не знал. Частые кровотечения из носа, постоянное головокружение, многократное ежедневное помутнение сознания постепенно прошли. Однако сравняться с братьями не получилось. И Алёша, и Серёжа занимались спортом по-настоящему, оба играли в детской и юношеской хоккейных командах знаменитого усть-каменогорского клуба «Торпедо». Я пытался приобщиться к бегу на коньках. На память осталось удостоверение общественного инструктора по конькобежному спорту, но обнаружилось, что бегать быстро неспособен. Тренировался в секции классической (греко-римской) борьбы, дошёл до участия в городских соревнованиях и выиграл первую схватку. Спортивную карьеру прервала «скорая помощь» – во втором выходе на ковёр почти сразу взял очко и... потерял сознание. Сюжет повторился на лыжной трассе во время школьных

соревнований: несколько кругов в группе лидеров – внезапно рухнул на снег – медики откачали...

Во дворе и в школе почти ежегодно кто-то из сверстников умирал от лейкемии. В городе думали: это – от Хиросимы и Нагасаки. На «почтовый» завод, отгороженный от жилой зоны бетонным забором, с 1949 года – года моего рождения – выпускавший что-то атомно-космическое, и на ядерный полигон под Семипалатинском почему-то не грешили...

В училище на марш-бросках выручал статус нештатного санитаря. По ночному Киеву (марш-броски обыкновенно начинались по ночам, когда улицы пусты) и по какому-то пригородному (одно название помню – Голосеевский) лесу или парку бежал вне строя позади всех, за спиной катилась только «таблетка» «скорой». Курсантские роты преодолевали расстояние рывками, перемежая бег и ходьбу. Не успевая за бегущими, я то отставал, то нагонял хвост маршевой колонны. Двигался трусцой в постоянном темпе, волоча, как все, автомат, подсумок с двумя магазинами, противогаз и, сверх того, увесистую санитарную сумку. Одиночество обычно длилось недолго. Кто-нибудь из курсантов вываливался из строя, я подхватывал под руку, и дальше в связке телепались вдвоём, а то и троём. После финиша случалось доставать нашатырь. Там и там кто-то травил, успев или не успев отшагнуть на обочину и спрятаться за деревья. Судорожный кашель и хрип, тошнотворный запах рвоты вызывали цепную реакцию. Всякий раз я участвовал в этой процедуре.

Боль души – зачётные кроссы. Требовалось уложиться в норматив, пробежав хотя бы на троечку. Меня вытаскивали одноклассники. Сменяя друг друга, брали на буксир. Сцепкой служил застёгнутый флотский ремень. Жертвуя высоким личным результатом, друзья тащили слабака за собой. Ноги не успевали семенить, в иные моменты волочась по земле сосисками.

Чаще и дольше других выручал главный старшина Василий Лысенко. Как правило, на последнем участке дистанции. То есть, оценка Митрофанюча в зачётной ведомости страдала больше, чем у остальных моих спасителей.

Лейтенантскую службу Вася начинал на ЧФ, кажется, в должности замполита тральщика. Потом перешёл в особисты. Двухминутный

эпизод в Севастополе в 1985 г. – Митрофаныч на маленьком примере показал возможности своей профессии. Не могу раскрывать чекистскую тайну, но выскажу убеждение – это ведомство знает всё, а чего не знает, при желании и необходимости способно узнать очень быстро. Вывод такой – в нашей стране ничто не происходит без участия (вмешательства/невмешательства) и против воли службы безопасности (и тех «больших дядей», которые ею фактически руководят). Так что за всё хорошее и за всё не очень хорошее мы немало обязаны означенному ведомству. А народ в нём, как везде, сильно разнообразный.

Когда моя офицерская карьера совершила болезненный кульбит, Митрофаныч издалека, с другого края большой страны, очень поддерживал морально, помог устоять на ногах так же, как помогал на дистанции страшного кросса.

Трудно сказать, сколько раз в жизни добрые люди самых разных профессий в прямом и переносном смысле вытягивали, вытаскивали, выносили из полной безнадеги. Ещё труднее представить, какой стала бы она, моя жизнь, если бы с удивительной, не обязательно заслуженной, щедростью не дарила этих дорогих сердцу людей всегда, когда без них становилась невозможной.

Иных уж нет, а те далече...

На краткий ли миг, на долгие ли годы судьба сводит людей прихотливо, с не всегда наперёд угадываемым смыслом и никогда не предсказуемым результатом. И поди вызнай, чем руководствуется память, заставляя потом тосковать-печалиться, писать-говорить об одном, а другого забыть, вычеркнув из списка само имя...

* * *

С Колей Кириченко в году, наверное, 1974-м встретимся в Лиенае, куда для ремонта придёт из несуществующей ныне ГДР – Германской Демократической Республики – его МПК. Коля прибудет с семьёй, с женой и сыном. Мы по-братски пообщаемся в каюте на ЭМ «Огненном», у меня дома на Гвардейском и в примыкающем к проспекту ближнем лесу, где на вертеле в жаре углей покроются золотой корочкой справные латвийские куры.

Неожиданно, на всю оставшуюся жизнь, удивит, с каким наслаждением «немцы» будут даже не кушать, а лакомиться обыкновенными отечественными продуктами, начиная с хлеба. Светлана объяснит – в Европе сыры-колбасы-молоко и всё прочее изготавливается с массой искусственных добавок – красителей, ароматизаторов, консервантов. Там и печи-камины топят не природными дровами и углём, а брикетами с какой-то «резиновой» пропиткой. Потому у всего и, кажется, у самой жизни – неестественные, непривычные нам, запах и вкус.

Мы этой беды не ведали. В Советском Союзе существовали строгие ГОСТы (государственные стандарты). Не только в пищевой индустрии. Образно говоря, здоровые, естественно-природные ГОСТы определяли и наше мировоззрение, наше отношение к ближним и дальним. Сегодня стало очевидно, насколько это важно для мира. По сути, от макросреды обитания до биохимического клеточного уровня он стал пластмассово-полиэтиленовым, генно-модифицированным. И вот мы уже едим неизвестно что, учим историю, непонятно кем и с какой целью сочинённую, читаем ядовитые для души книги, смотрим безнравственные, убивающие сердце и растлевающие разум кинофильмы... Идёт планетарное зомбирование, человечеству меняют матрицу. Мир становится с ног на голову. Белое превращается в чёрное. Освободителей зовут оккупантами. Героев выдают за негодяев, предателей и убийц – за героев. Нормальный человек перепрограммируется в ущербного. Урод преподносится в качестве примера для подражания. Добро и зло меняются местами. Люди перестают бояться самого страшного, что есть на этом свете, – греха беспамятства и греха неблагодарности. Забывают о Боге и о своём подобии Создателю. Оскотиниваются.

Лиенае в 1970-х годах жила далеко от грядущей заграничности. В Латвии, во всей Прибалтике, кажется, никому не приходило в голову, что вместо советских моряков-балтийцев по земле, освобождённой Красной Армией от коричневой фашистской чумы, скоро начнут бродить натовские и американские вояки...

Костры и жареные куры в пригородном лесу недалеко от Гвардейского проспекта были настоящими!..

Вскоре Николай получит назначение в родное КВВМПУ, и Кириченко переберутся на Украину. Это единственная семья из

друзей-киевлян, с которой после училища сохранялась связь. Но через несколько лет не очень регулярной переписки она прервётся. Сейчас стало понятно, почему. Наши добрые отношения сберегались благодаря Светлане, держались на её письмах, чаще всего открыточных, не содержащих подробностей, о которых она умалчивала не без оснований. Коля то ли утратил интерес к старинному приятельству, то ли никогда, по серьёзному счёту, его не имел. Такое бывает и, как правило, открывается не вдруг.

Потом и меня крепко закрутило на всех фронтах.

Теперь знаю только, что Николай обретается в Севастополе. А с первой его супругой Светланой уже в новом веке нас объединит дорогая память о прошлом и пожизненная любовь к литературе. Встретиться не доведётся, однако Светлана Николаевна станет одним из ярких авторов журнала «Сихотэ-Алинь». В Приморье посчастливится, хотя, к сожалению, мизерным тиражом, издать и книгу её воспоминаний о 25-й школе города Уссурийска, в которой Света Максимова училась в начале 1950-х годов. Друзья автора проведут в школе презентацию.

В великом ряду преподавателей, командиров и – в широком смысле – учителей, которым я, как маме с папой, обязан всем лучшим в себе, Светлана Николаевна Максимова-Кириченко занимает особое место. И книга эта содержанием своим и самим фактом появления в значительной мере обязана ей, Светлане.

* * *

В Приморском объединённом государственном музее им. Владимира Клавдиевича Арсеньева в фонде изданий с факсимиле авторов и дарителей хранится ЖеЗээЛовский том «Вожаки комсомола» (Москва, «Молодая гвардия», 1974). Книга снабжена автографом редким и неожиданным для Дальнего Востока: «Лейтенанту Вихареву Николаю Павловичу в память о приеме в ЦК ЛКСМ Латвии, посвященному (так в оригинале – В.Т.) 57 годовщине Советской Армии и Военно-Морского Флота. Секретарь ЦК ЛКСМ Латвии ...» Далее – подпись, печать и дата: «21 февраля 1975 г.»

Мы были одноклассниками, не более того. Пройдёт почти сорок лет, я вспомню о нём в книге «От всего сердца».

Дождливой осенью 1975 г. с эстонского острова Сааремаа, из порта Мынту, на буксире возвращалась в Лиенау плавмастерская 76-й бригады эсминцев.

Буксир тащил её по-черепаши. Жался, насколько возможно, к берегу...

Дальше – опять в необходимой мере отредактированный – кусочек из книги.

Караван – на траверзе Вентспилса. Настроение – ниже ватерлинии. Не спасает даже мысль о скором завершении командировки. Не так уж далеко до дома, до знакомых бетонных волноломов аванпорта, до милого сердцу Гвардейского проспекта. Но что-то как будто отодвигает их. Вспоминается другое, давнее. И грустно думается о том, что ещё не случилось. Это, неслучившееся, иногда предощущается невероятно отчётливо. В нём всё то же, что и в прошлом. Встречи и расставания, радости и печали. Их ещё предстоит пережить, они будут волновать и тревожить... Но – разве не они же со временем в большинстве своём забудутся незаметно и просто?

У моряка, говорят, в каждом порту жена. Не знаю. Личный опыт не подтверждает. Что на самом деле верно: у моряка в каждом порту есть хоть одна родная душа.

В Вентспилсе у меня это был Коля Вихарев. В училище у каждого из нас существовал свой круг друзей. А после выпуска, разъехавшись по гарнизонам, мы обнаружили, что круг этот шире, чем думали до разлуки.

Лейтенант Вихарев распределился в Вентспилс, в полк береговых ракетно-артиллерийских войск. Мы мало встречались после Киева. Да и служил он недолго. Уволился из-за астмы, мучившей ещё в курсантах, что он (непостижимо!) сумел скрыть от сокурсников.

С моря я видел его городок десятки раз, а в самом Вентспилсе навестил Вихарева лишь однажды. По городу не ходили. Посидели дома, потом за колючей проволокой военного городка я собирал грибы. Привёз в Лиенау большую плетёную корзину, подаренную хозяином. Из сушёных вентспилских боровиков и шампиньонов получался замечательный суп. Когда он исходил на столе головокружительным ароматом, мне казалось, что Коля рядом. Худощавый, высокий, чуть сутуловатый. Немногословный. В светлых, малосерьёзных усах жила улыбка. Иногда – не очень весёлая.

Как вихаревские «Вожаки комсомола» добрались до Владивостока, ума не приложу. Возможно, он не приехал на встречу в Ригу, и подарок от Центрального Комитета комсомола Латвии я должен был передать ему, но по какой-то причине этого не сделал. Может быть, случайно обменялись книгами, а вернуть каждому свою случая не выдалось. В итоге вышло, что точно такой же экземпляр с точно такой же надписью мне затерялся, а Колин, переехав с Балтики на Тихий океан, до музея В.К. Арсеньева хранился в моей библиотеке. В Риге нам тогда вручили ещё и грамоты ЦК комсомола Латвии. Моя грамота находится поныне у меня, как, полагаю, может находиться у Коли его грамота.

Николай совершал поступки, которые глубоко трогали. У меня украли кортик (из квартиры, вместе с Таниными новенькими зимними сапожками, когда мы с Таней улетели в отпуск), и он отдал мне свой. Я на это не способен. Думаю, как большинство морских офицеров, для которых полученный однажды на всю жизнь кортик – реликвия. Может быть, самая ценная из всех возможных. И лейтенанту Вихареву, уходящему с флота, кортик был дорог. Но он рассудил, что мне – и дорог, и нужен.

После его ухода с флота мы не виделись, больше я о нём ничего не знаю.

* * *

В Арсеньевском музее есть ещё один экспонат, связанный с кумпарём третьего выпуска. История восходит ко времени последнего семинара маринистов на Камчатке, в Паратунке, в 1988 году. Прежде неколебимо строгий режим передвижения на полуострове дал слабину: мне удалось с Сашей Романовым, бывшим боевахтинцем, без должных документов преодолеть все шлагбаумы от Петропавловска-Камчатского до Завойко и Рыбачьего. На базе атомных подводных лодок, где служило немало друзей, мы застали только одного из них – Аркадия Чёрного. В училище Аркаша, прямоплечий, слегка сутуловатый кучерявый брюнет, несмотря на невысокий рост, был фигурой заметной и своей живостью, остроумием своим внушал неподдельную симпатию. Мне кажется, даже почти уверен, что если бы мы учились не в разных классах, стали бы друзьями.

Аркаша устроил набег на кухни сослуживцев, находившихся в море, отпусках и командировках. Но, как писал Евг. Евтушенко, везде приходилось «с грустью некой» убеждаться, что «спирту нету». Это было очень странно для гарнизона подводников и грозило нам с Романовым большим разочарованием, поскольку спирт являлся целью поездки не менее важной, чем возможная встреча с флотскими друзьями. Слава Богу, отзывчивые, всё понимающие жёны подводников чуть ли не по капле собрали из баров и холодильников литра два несравненного флотского «шила».

Операция заняла практически всё время, пока шёл писательский семинар. Оставив Сашу в Завойко, я прибыл в Паратунку 1 октября аккурат к подведению итогов. Маринисты заседали в комнате на втором этаже. Мимо приоткрытой двери я на цыпочках пытался проскользнуть в свой, пустовавший все дни семинара, номер как раз за стенкой этой комнаты. Но был замечен руководителем камчатских писателей Николаем Санеевым и безотлагательно призван пред светлые очи собравшихся. В наличии в моём сидоре спирта, которого явно не хватило бы на всех маринистов, я не признался, несмотря на то, что Николай Васильевич размягчил душу и расслабил бдительность неожиданной радостью. Накануне в Петропавловск пришла телеграмма из Москвы: приёмная комиссия приняла меня в члены Союза писателей СССР.

Избранным кругом отметили членство в моей каюте. Умеренно разбавленное «шило» пришлось по вкусу приглашённым, в том числе известному русскому поэту, историку и педагогу Анатолию Парпаре. Анатолий Анатольевич подписал экземпляр своей новой книжки «Противоборства»: «Каперангу Аркадию Черному с душевной благодарностью Подпись 1 / X 88 г.» Но передать честно заслуженный подарок Аркаше я не смог – с тех пор мы с ним не виделись. Почему-то думалось, что он вернулся в родной Киев, и мы стали иностранцами. Однако через время Аркадий Чёрный появился в друзьях то ли в «Одноклассниках», то ли в «Моём мире». А может, «В контакте» (я теперь ушёл отовсюду, кроме «Одноклассников» – на многое не хватает времени). Успели перекинуться несколькими письмами, и он замолчал. Кто-то из наших сообщил – Аркаши нет. Из Рыбачьего, ныне больше известного как Вилючинск, он так и не уехал. Оттуда,

если верны непроверенные сведения, и ушёл в свой последний поход, увеличив список однокурсников, навсегда оставшихся в дальневосточной земле.

* * *

Первым в скорбном списке стоит Саша Пономарёв.

В годы учёбы курсанты 1 и 2 рот жили-служили несколько параллельно. Лишь отдельных сближали схожие интересы, увлечения – допустим, спортивные, музыкальные, или какие-то особые обстоятельства: землячество, вхождение в общие структуры вроде комитетов комсомола, партийных бюро, научных обществ. Тесно контактировали между собой старшины рот, отчасти – командиры взводов. Командиры отделений, не говоря уже о рядовых курсантах, имели круг общения, редко выходящий за пределы своего подразделения.

С Александром Пономарёвым нас даже не сблизило, а тесно прижало место в строю. В парадном расчёте курсантского батальона мы находились в одной шеренге. Пономарёв – слева от меня. Более ничто нас не связывало, и, скорее всего, со временем бы Саша забылся. Но после трагедии на крейсере «Адмирал Сенявин» это стало невозможно. По долгу службы и по дружбе с погибшим тогда краснозвездцем Леонидом Клименко я участвовал в погребении моряков после взрыва артиллерийской башни «Сенявина». С чёрного дня 13 июня 1978 года прошло немало лет. На братскую могилу в бухте Абрек практически перестали приезжать даже родственники. Из сокурсников навечно старшего лейтенанта Александра Пономарёва, а, возможно, и из всех квумпарей, я единственный ещё бываю в Абреке. И до сих пор чувствую Сашин локоть и приклад его автомата.

Из тихоокеанцев, попавших в 1-ю роту, непреходящее чувство привязанности вызывал Миша Белов. Старший сержант сверхсрочной службы из Монгохто, он, как все сверхсрочники, пользовался особыми правами и ходил дорогами, которые не пересекались с моими. Но Миша как-то всё время оставался на виду и заставлял иногда думать о себе. За всю жизнь не привелось знать другого такого аккуратиста, в хорошем смысле – чистюлю. Немногословный, удивительно ровный в общении, он и в дружбе и в службе представлялся

мне таким же обязательным и педантичным, как мой друг-тихоокеанец Виктор Низин. Но с Витей мы учились в одном классе и до нынешних дней сохранили живые отношения, а с Мишей, после окончания КВВМПУ вернувшимся офицером в морскую авиацию ТОФ, виделись лишь однажды на стыке 70-80 годов прошлого века. Белов на несколько дней прибыл из гарнизона Монгохто, которому остался пожизненно верен, во Владивосток, должно быть, для участия в собрании партийного актива флота. Он и ещё пара-тройка сокурсников, которых не могу сейчас припомнить, навестили мою коммуналку. Таня лежала в больнице, компания никому не мешала, и мы без сна просидели за дружеским столом до утра. Хорошая получилась ночь: впереди – долгая, непременно счастливая жизнь, новые встречи, которые мы, конечно, твёрдо обещали друг другу...

Не помню, кто рассказал... Семья трапезничала на кухне, обедала или ужинала. Белов поднял над столом чайник – разлить кипятком по чашкам. Рука дрогнула, из носка чайника вода плеснула на руку дочери. Жена, говорят, киевская одесситка, всегда чем-нибудь недовольная, без причины унижавшая мужа все года совместной жизни, зашлась в гневном крике. Миша якобы сказал: что ж мне теперь, повеситься? В ответ прозвучало: вот иди и вешайся, никто жалеть не будет. И он ушёл. В ванную. Когда супруга заглянула туда, всё уже случилось.

Вот так просто.

Эх, мы, люди...

Сумка на чердаке

Даже самые близкие знают о нас всё, только пока мы беспомощно маленькие. Потом жизнь становится сравнимой с айсбергом, доступным для обозрения одной верхушкой. Жизнь курсантская, казалось бы, вся на виду, но, может быть, она как никакая другая имеет тайную, скрытую от лишних глаз, «подводную» часть. Межа между видимым и невидимым проходит там, где заканчивается непосредственно служба, необходимо ограничивающая личную свободу, и начинается бунт души и тела, не смиряющихся с пленом казармы и, наплевав на все риски, на все грядущие справедливые кары, при первой возможности рвущихся на волю.

В военной службе нет мелочей, всё учтено до грана, всё предусмотрено. Какую иметь причёску и длину шинели; как заправлять койку, бушлаты с бескозырками на вешалке, носить форму, стоять и двигаться в строю, приветствовать старших, равных и младших по званию-должности; когда чистить зубы и автомат, драить медяшку и паркет, принимать пищу и мыться в бане, смотреть фильм в клубе и телепередачу в ленкомнате¹, ходить в наряд и в увольнение, писать рапорты по команде или письма любимым...

До мельчайших подробностей отшлифованный воинский регламент неусыпно следит за надлежащим исполнением всеобъемлющих предписаний. Курсант пребывает под круглосуточной угрозой возмездия за нарушение формы, дисциплины строя, распорядка дня, недостаточную успеваемость, неосмотрительные знакомства, недуманные поступки, несвоевременный смех, неосторожные слова и т.д., и т.д., и т.д. Меры внушения нерадивых многообразны: от устного замечания, предупреждения до выговоров с записью в служебную карточку, нарядов вне очереди, лишения увольнений и отпусков, отправки на гауптвахту, разного рода комсомольско-партийных взысканий и, наконец, исключения из училища.

Тут мне похвастаться нечем. На «губе» никогда не сидел, дерзким посягательством на фундамент боеготовности – крепкую, значит, воинскую дисциплину – не отметился, известности, тем более славы вольнолюбивого смельчака не добыл. По природе своей, по воспитанию, я остерегался выделяться из ровного ряда середняков и не уставал удивляться тому, что судьба вынесла на профессию заведомо публичную. Перед незнакомыми людьми, перед аудиторией, особенно большой и, не дай Бог, официальной, я и теперь внутренне теряюсь, если не сказать – страшусь их. Как-то научился скрывать это от окружающих, но от себя-то скрыть ничего нельзя, и по сей день у меня частенько пересыхает во рту, дрожат коленки и в самый ответственный момент может заклинить память. А уж тогда... Не помню как втянутый в худсамодеятельность в качестве чтеца-декламатора, я умудрялся читать стихи наполовину короче оригинала, перед лицом

¹ Ленкомната – ленинская комната в воинских подразделениях, ленинская каюта на кораблях, помещение для проведения занятий, в т.ч. политических; культурно-массовых мероприятий, индивидуальной подготовки и отдыха личного состава.

зрительного зала намертво забывая строки и строфы, назубок выученные и несколько раз без запинки повторённые перед выходом на сцену. И тем не менее...

Среди квумпарей не было ни одного оловянного солдатика, в реальности так или иначе каждый из нас на сто процентов заслуживал весь букет наказаний, предусмотренных уставами Вооружённых сил, Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи (ВЛКСМ) и Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). От полного разгрома личный состав спасали круговая курсантская солидарность и здравый смысл командиров, понимавших, из чего скроена жизнь военного и, собственно, жизнь любого человека вообще. Но повсюду хотя бы в самом малом числе водятся соглядатаи и блюстители, которым хорошо, когда кому-нибудь плохо, поэтому главным условием получения офицерских погон являлось искусство избегать «залётов», то есть, говоря попросту, ни на чём запретном не попадаться.

Особо неприемлемыми считались выпивки и самовольные отлучки. Выпивохой я никогда не был, но и никогда не чурался дружеских весёлых компаний, напротив, любил погусарить с доступным размахом. Исключительно, правда, за пределами училищной ограды и на безопасной территории – желательно в закрытом помещении, вдали от патрулей и располагая достаточным временем, чтобы праздник завершился без ненужных последствий. Что касается самоволок, тут, с точки зрения устава, хорошим парнем я был едва ли. Но в грех впал не сразу. Весь первый курс являл собой, что называется, пример и образец. Через забор перемахнул лишь однажды. Вышло это непреднамеренно, по не зависящей от меня причине.

Из Владивостока проездом в родное Запорожье неожиданно-негаданно прикатил на Подол уволенный в запас настоящий разведчик Виталий Кулик. Святое дело – встретиться братишкам-матросам, Виталик не мог не прийти на наш КПП. Вместе мы пытались уговорить Ивана Степановича Телина отпустить меня в увольнение для общения с заслуженным тихоокеанцем. Причин отказа не виделось никаких, кроме, пожалуй, театрально дембельской формы гостя. Ленточки с дополнительно пришитыми несколькими якорями – до поясницы, бескозырочка размером в тюбетейку, клёши, ушитые по моде тех

времен, не говоря о голландке с обшлагами чуть не до локтей, которую, кажется, нельзя надеть без мыла.

Иван Степанович не знал, что Виталик до службы прикоснулся к миру искусств, сыграв то ли в массовке, то ли в микроскопическом эпизоде в каком-то фильме с участием самого Василия Меркурьева, и почувствовал влекущий вкус к внешним эффектам. Это отнюдь не означало, что Кулик вознамерился подвести под монастырь старшего курсанта Тыцких и капитана 3 ранга Телина. Но командир роты, потрясённо оглядев явившееся его уставному взору тихоокеанское чудо в перьях, решил не испытывать судьбу и на корню пресечь потенциальную возможность грубого нарушения воинской дисциплины во вверенном подразделении. В увольнении мне было отказано. Однако не пообщаться с дорогим флотским корешком даже теоретически не считалось допустимым. Пришлось идти в самоволку.

До сих пор помню ужас тогдашних ощущений. Так должен чувствовать себя человек, против воли совершивший преступление, требующее казни через повешение. Некоторое время потом я боялся, что на КПП вдруг снова появится кто-нибудь из бывших сослуживцев. Тем не менее, и здесь пофартило проскочить, а мучительный первый опыт весьма пригодился на втором и третьем курсах, когда я стал, может быть, самым злостным самовольщиком в роте.

Маршрутов было два. Домой (в Киеве мы с Татьяной трижды меняли место жительства), если Таня находилась дома, или в больницу, когда у Тани возникала нужда подлечиться стационарно. В Киеве эта нужда почему-то появлялась часто, нигде никогда больше у Тани уколы инсулина не осложнялись таким количеством абсцессов, долго не заживавших, оставлявших после себя звёздчатые шрамы. Возможно, сказывался климат, не исключено, причиной был протамин-цинк-инсулин, препарат тяжёлый и капризный, на смену которому более мягкий и щадящий «Инсулин-Берлин» появился то ли в Лиенае, то ли во Владивостоке. Навестить в больнице или подсобить прихворнувшей дома, хотя бы приготовить покушать, в чужом городе было некому, кроме мужа.

В одном случае я смывался из кубрика на всю ночь, в другом – на пару-тройку часов, достаточных, чтобы добраться до клиники и вернуться восвояси. Командир взвода (старшина класса) Володя

Ермолаев и старшина роты, пока им был Митрофаныч, относились к происходящему с пониманием. Оповестив их о своём намерении, я мог исчезнуть из расположения вскоре после ужина. Командира отделения Князя Долгорукого поначалу тоже пытался держать в курсе ближайших преступных планов, но, встретив с его стороны препятствие, перестал обсуждать тонкую материю с Сашей, беззастенчиво ставя его перед фактом. Не всегда проявлял снисхождение к моим отлучкам старшина роты Коля Кириченко. В таком случае приходилось терпеть до вечерней поверки, но потом я всё равно уходил. Наглость моя каралась эпизодическими неприятными объяснениями с непосредственными прямыми начальниками, не становясь (спасибо им!) предметом разборок в канцелярии командира роты и тем паче в кабинете комбата.

Впрочем, сменивший Ивана Степановича комроты, капитан-лейтенант, потом капитан 3 ранга Владислав Петрович Барабаш без всяких рапортов знал не только о моих грехах. Среди многих сотен офицеров, встреченных на суше и на море за почти четверть века службы, второго такого единственного и неповторимого повидать не привелось. Для большинства подчинённых квумпарей он остался неразгаданным и неценённым по справедливости. Для типового отца-командира, коим является, по сути, едва ли не каждый первый офицер, одним из главных законов считается недопустимость без крайней нужды «выносить сор из избы». Барабаш – выносил. Не однажды он, по всеобщему расхожему мнению, дискредитировал себя и свою роту, когда уличённого без свидетелей самовольщика на следующее утро приводил к командиру батальона, подвергая нарушителя чувствительным неприятностям и давая соперникам фору в соревновании за высокие показатели в дисциплине. Если к этому прибавить привычку в полночь-за полночь появляться в кубрике и обходить кровати с фонарём, легко обнаруживая все пустые постели, то не будет затруднительно представить, что многие курсанты испытывали к нему неприязнь, близкую к ненависти. По рассказам нескольких выпускников, некий сильно известный наш сокурсник-киевлянин, приехав домой в отпуск, устроил жестокое избиение бывшего командира. Не называю фамилии этого человечка только потому, что не владею бесспорными доказательствами дикого факта.

Но если факт имел место, то организатор расправы – полная сволочь и последний негодяй.

Нетривиальный комроты, могущий показаться чуть ли не мазохистом, на самом-то деле, зрил в корень. «Странный» Барабаш никогда не выводил «на чистую воду» самовольщиков-женатиков, как бы не замечая их проделок. Зная, где они, чем занимаются, полагал излишним беспокоиться и ждать ЧП. Другое дело – холостые. Вот уж чьи пути по-настоящему неисповедимы. Безжённый, никому не подотчётный молодой ухарь в неотразимой флотской форме и сам далеко не всегда ведал, куда приведёт его разгуляйская украинская ночка.

Не сразу и, увы, не до всех дошло: Барабаш не боролся с самовольщиками. Он боролся с неизвестностью, чреватой неожиданными новостями. Никто не знает, кого от какой беды спас он своей бдительностью, докучливым присутствием в роте тогда, когда мог спокойно отдыхать дома; скольких курсачей оградил от происшествий, может быть, непоправимых.

Лично для меня это был урок, стоивший полдюжины лекций по тактике морской пехоты, военно-морской педагогике, психологии, партийно-политической работе и пр. Суть его вроде бы элементарна – для успешного управления воинским коллективом и сколько-нибудь эффективного воспитания подчинённых в первую очередь необходимо владеть обстановкой и, говоря попросту, знать, кто чем дышит. Но вот задача – как это сделать на практике... Всю службу я с благодарностью вспоминал Владислава Петровича, не однажды на опыте убедившись в мудрости и редких профессиональных достоинствах моего отца-командира.

Но тогда, во время учёбы, о столь важных вещах думалось как-то неохотно.

Надо признать: применительно к самовольным отлучкам я выдался малым совершенно бессовестным. В отличие от холостых, женатые курсанты вполне легитимно отпускались в город на ночь. На четвёртом курсе едва ли не ежедневно. Но мне этого было мало. Имевшему уютное гнёздышко в Дарницком районе украинской столицы ночевать на Подоле в душном кубрике, плотно уставленном двухъярусными кроватями, представлялось делом бессмысленным.

В процессе регулярных тренировок маршрут и технология самоволок отработались до совершенства, которое, как известно, сводится к простоте исполнения. Желательно – разнообразной.

Вместо увольнительных записок у нас были билеты с фотографиями, забранные с обеих сторон в пластик. Они выдавались перед выходом в город и после увольнения возвращались в канцелярию. Если нечаянно «потерять» драгоценный документ, после некоторой волокиты и ряда назидательных бесед можно получить дубликат. Можно обходиться без документа, лишь избегать встреч с патрулями. Можно, схоронив в портфеле головной убор, вытащить оттуда тонкий болоньевый плащ, тогда останется прикрыть шарфиком тельняшку в вырезе болоньи. Преодоление оград, контрольно-пропускных пунктов учебного и жилого комплексов – по обстановке. Многое зависит от того, кто несёт службу. Самый несложный вариант отрыва от коллектива – переместиться на шкентель (в хвост) строя, идущего за периметром училища, и в подходящий момент сделать заячий прыжок в сторону.

Однако чаще всего приходится в тёмное время суток, когда товарищи приготавливаются к отбою, через что-то перелезть, перепрыгнуть, а то и переползть. В особых ситуациях, допустим, во время оргпериодов, при введении строгого режима жизни и службы, исключаящего любые увольнения, не обходится без экстрима.

На чердаке спального корпуса на Волошской пряталась моя сумка. В сумке – комплект гражданской одежды.

Лёгкой тенью – на верхний этаж, по вертикальной лестнице – в амбразуру чердака. «Гражданка» извлекается из сумки. Форма аккуратно укладывается в кису (мешок). Далее – через слуховое окно на крышу. Самый сложный участок – по скату доползти до гребня. Самый опасный. Почему-то на здании по краю крыши не было никакого ограждения. Зимой жутковато – обледеневший шифер скользкий, зацепиться практически не за что.

По гребню крыши – ползком на брюхе. Правые рука и нога на правом скате, левые – на левом. Киса – в зубах.

По-пластунски добираться до торца здания, вплотную примыкающего к соседнему жилому дому. Крыша дома плоская, до неё метра три-четыре. Бросаешь поклажу вниз, зависишь на руках,

зажмуриваешься, разжимаешь пальцы. Через чердак проникаешь в подъезд, выходишь на свободу в сторонке от родного КПП. Поутру пораньше возвращаешься переодетым в форму, по-партизански проникаешь в кубрик или пристраиваешься к строю на переходе из корпуса в корпус. На этом этапе самое волнующее и безотлагательное – незаметно водворить на место цивильную амуницию.

Не уверен насчёт «скелета в шкафу», однако предполагаю, что «сумка на чердаке» есть если не у всех, то почти у каждого из нас. Важно, *что* мы в ней прячем.

Мощь и мощи, или Сто жареных кур

Даже у многих тех, о ком никто бы не подумал, имелась своя «сумка» с тайнами, со всей доступной тщательностью хранимая годами, десятилетиями, до смертного, порой, часа, а то и на протяжении жизни нескольких поколений. Она скрывалась не обязательно на чердаке. Может быть, погребалась в пыльную темноту чулана, засыпалась угольной пылью в покосившейся сараюшке, зарывалась в землю в глухом лесу, топилась в реке или колодце; выбрасывалась из памяти и вновь пугающе появлялась невесть откуда; случалось, сгорала в пламени костра или в топке концлагерной печи. Но всё пережитое, всё, к добру или худу сотворённое нами и с нами, никуда не исчезает в бесконечном бессмертном мире, навеки оставаясь если не в людской, то в Божьей памяти.

Иногда в неурочное время в неурочном месте чья-то такая «сумка» ненароком открывалась, из неё выглядывали, а то и вываливались сюжеты, стоящие пера Ги де Мопассана и Артура Дойла, или нар на гарнизонной гауптвахте. «Есть многое на свете, друг Горацио...», однако и сам Уильям Шекспир, учись он в КВВМПУ, едва ли решился бы утверждать, что на свете есть хоть что-нибудь, чего не знал, не видел и не пытался скрыть от любопытствующего мира хотя бы один киевский Подол. Например, ночное, не сразу после рассвета замеченное дежурной службой контрольно-пропускного пункта, явление на чёрном чугунном ажуре главных врат бывшей Киево-Могилянской академии белой простыни, испятнанной кровью, о происхождении которой можно лишь догадываться. Или изящные дамские панталончики в цветочек вместо бесприметных военморских трусищ, вдруг

оказавшиеся на одном из курсантов на шкентеле строя, высыпавшего на Красную площадь для проведения физзарядки. Дюжий барабан, задававший ритм бегу и первому-второму комплексам упражнений, с которых у квумпарей начинался каждый будний день, вдруг нервно зачастил; капитан или майор с кафедры физподготовки, руководивший зарядкой, сорвал голос в крике: «Эй, там, в конце строя!.. Курсант!!! Тот, который... Немедля освободи площадь, бегом в казарму, слышишь,...! Немедля!» «Тот, который» какое-то время продолжал семенить в колонне, приковылая к себе поражённые взоры уже весьма многочисленных прохожих, но ещё ни о чём не догадываясь. Панталоны, выхваченные из-под подушки швеи фабрики им. Смирнова-Ласточкина, вчера жадно обнявшей в ближайшем от нашей казармы жиллом доме самовольщика, вечером примчавшего к зазнобе уже одетым (раздетым) для физзарядки, принадлежали не ему, и хозяйка, обнаружив оплошность своего рыцаря, теперь искренне переживала за него, но ничем не могла помочь...

Подол наверняка помнит столько подобных историй, что их хватило бы не на одну книгу. Но наша книга не об этом. Или не только об этом.

Маринистика последних, свободных от цензуры, десятилетий представлена внушительным рядом новинок, иллюстрирующих известную в профессиональных кругах максиму: «Тем, кто служил на флоте, в цирк ходить незачем». Флот, правда, любит шутку-прибаутку, более того – он в ней нуждается. Но сводить морскую (впрочем, и любую другую) службу к хохмам и анекдотам в высшей степени несправедливо. Проблема не только в физических тяготах и психологическом напряжении, достигающих крайних, нередко опасных, пределов. Главное, что человек в погонах постоянно и надолго вырывается из нормальной жизни с её простыми, вседневными, естественными потребностями.

Для курсантов, особенно молодых, не оморяченных, моментом истины становится первая долгая разлука с берегом. Рассказ Олега Гречко о плавании с Балтийского в Чёрное море – тому подтверждение. Думаю, среди сокурсников, которые, наверное, ещё решат написать воспоминания об альма-матер, не окажется ни одного, кто обойдёт вниманием поход на «Гангуте» вокруг Европы. Упомянула о нём даже Светлана Кириченко, повествуя, как нас в конце лета встречали

в Киеве, когда Таня высказала обиду на то, что я не писал писем. Причина элементарная – учебное судно от Балтийского моря до Севастополя не зашло ни в один порт, и отправить привет и признание в любви можно было разве что в бутылке или с чайками, поскольку на борту не водилось голубиной почты. Такие вещи плохо понимались близкими, что уж говорить о посторонних...

Если для Олега Гречко поход начинался в Таллине, то для меня – в Лиенае, где до выхода в море группа курсантов практиковалась в дивизии подводных лодок. Тем летом практиканты-третьекурсники рассредоточились по разным военно-морским базам, начиная с Кронштадта, Лиена в этом ряду стояла последней за Ленинградом, Таллином и Ригой. Не исключено, что был ещё и Балтийск, но мне заход в главную базу ДКБФ¹ не запомнился.

В книге «Поклон адмиралу», вышедшей в 2014 г. на Дальнем Востоке, я поведал один из памятных эпизодов плавания, когда учебное судно шло мимо Франции и Испании Бискайским заливом, самими испанцами, возможно, вследствие не чтимого ими свободолюбия басков, называемым Кантабрийским морем. Хочу здесь привести маленький отрывок.

«Бискай издавна пользуется дурной славой из-за необъяснимо злого характера волны, способной вымотать душу у самых бывалых мореходов. Мы убедились, что эта слава заслужена сполна. Особенно досталось тем, кто, до последнего пытаюсь вести прокладку, штормовал за штурманскими столами в учебном классе, сооружённом в корме на месте вертолётной площадки. Корма «Гангута» чрезвычайно высокая, а чем выше от поверхности моря, тем качка размашистей и безжалостней.

Незабываемая картина: по обоим бортам «Гангута» из больших квадратных иллюминаторов торчат головы бледно-зелёных квумпарей, а по шаровой² обшивке корпуса, почти не прерываясь, перегоня друг друга, в воды Бискайского залива недавно съеденные корабельные щи и каша стекают, как макароны по-флотски».

¹ ДКБФ – Дважды Краснознамённый Балтийский флот.

² Шаровая обшивка – здесь цвет корпуса судна, покрашенного серо-дымчатой шаровой краской, используемой на военных кораблях, делающей их менее заметными на поверхности моря.

В общем, кому как, а нам жетоны «За дальний поход» достались весьма заслуженно...

С Володей Васильевым неожиданно сошлись в ЗАТО¹ Фокино года два назад. С выпуска ничего ровным счётом я о нём не знал. И вот оказалось – он единственный из очень многих сокурсников, прошедших через крупнейшую на ТОФе военно-морскую базу «Стрелок», после увольнения в запас остался в бывшем посёлке Тихоокеанский. Капитан 1 ранга, возглавлял политотдел 21 дивизии РПК СН (атомные подводные лодки 667-б проекта) – одной из двух таких дивизий во всём советском ВМФ, работал директором школы, где и сейчас ведёт уроки труда и основ безопасности жизнедеятельности. Написал основательную книгу о родном соединении, сегодня собирает историю школы, в которой трудится.

В училище Володя был фигурой выдающейся. Высокий, широкий в кости, боксёр, борец, штангист, правофланговый второй шеренги нашего парадного караула, Васильев принадлежал к числу курсантов, которые во всех смыслах определяли лицо Киевского морполита.

И у него была «сумка на чердаке». У меня есть основание думать, что первым из квумпарей прознал о ней. Совсем недавно, можно сказать – только-только.

Глубоко русский человек, истинный гражданин и патриот, всей офицерской службой, всей жизнью доказавший преданность любимой стране, на старте судьбы был помечен клеймом родственника врагов народа. Оба деда – Фёдор Иванович Демидов и Никита Ильич Шаповалов – раскулачены. Фёдор Иванович расстрелян. Никита Ильич отправлен на «Беломорканал». Погиб под немецкими бомбами в эшелоне, увозящем эвакуированное вглубь страны колхозное стадо.

С супругой Анной Евтевной Никита Ильич нарожал девять девок и двух сыновей. Последняя из дочерей, кубанская казачка из Имеретии Антонина Никитична, вышла замуж за Василия Фёдоровича Васильева, тоже казака, но уральского, уехав с ним на Урал. И у Василия Фёдоровича жизнь – кто бы роман написал! От раны, полученной под Сталинградом, лечился в госпитале в Гаграх, после чего на передовую не взяли – наложили броню и определили бригадиром проходчиков на строительстве фронтовых фортификаций.

¹ ЗАТО – закрытое административно-территориальное образование.

Антонина Никитична и Василий Фёдорович – мать и отец Володи Васильева.

Старший сын Никиты Ильича, родной брат Антонины Никитичны – никто иной, как Иван Никитович Шаповалов, большой чин в Красной Армии, один из ближайших сподвижников самого Маршала Советского Союза Василия Блюхера, вслед за Блюхером объявленный врагом народа и расстрелянный в 1938 году. Дети его – сын Виктор и дочь Алевтина, двоюродные брат и сестра Володи Васильева, пошли, как было принято, по этапу, получив по десять лет, которые перемогли в магаданских и воркутинских лагерях. Как только появилась возможность, вернулись к нормальной жизни: Алевтина Ивановна стала врачом в Москве, Виктор Иванович – геологом в Красноярске.

Двадцатые, тридцатые годы героического, трагического, самим собой до конца не понятого, не полной мерой оплаканного, с неслыханной силой оболганного, справедливо и несправедливо проклятого, умытого реками праведной и неправедной крови столетия... Как мы, послевоенные мальчишки, были далеки от этих двадцатых-тридцатых по времени, по знанию и воспитанию, по убеждениям и делам своим... И – как близки! Уж вроде на государственном, на самом «верхнем» официальном уровне прозвучали слова и отпечатались документы, как будто отпустившие нам реальные и придуманные грехи отцов-дедов и посулившие право быть равными, быть своими среди своих. Вроде уже с великого множества «врагов» сняты нечеловеческие обвинения, герои вновь стали героями, незаслуженно осуждённым возвращены честные имена, а палачи, изверги, пусть не все, далеко не все, но хоть как-то всё же пристыжены...

Правофланговый второй шеренги тихо исчез из курсантского строя. Не знаю, вспомнит ли он за временем и пережитым полвека назад шок детали происшедшего. Срезаны с формы галочки-курсовки, поменялась ленточка на бескозырке на новую – с надписью: «Военно-морской флот», или всё, на первых порах, осталось без внешних изменений? Жил ли он в курсантском кубрике, или уже перекочевал в кадровую роту? Так ли, иначе, но судьба совершила неожиданный кувырок: курсанта, будущего флотского офицера Васильева не стало, появился другой Васильев – матрос хозяйственной роты КВВМПУ, военнослужащий срочной службы...

Матрос написал письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС. Конверт для Леонида Ильича Брежнева тайно доставил в Москву Юра Хохлачёв, поехавший в отпуск к родителям, жившим в подмосковном Алабушево, недалеко от Зеленограда (отец Юры, капитан 1 ранга, служил в одной из военно-морских частей центрального подчинения). Володю вернули в курсантский строй так же тихо, как за пару недель до этого разжаловали из квумпарей. Никто и оглянуться не успел, мало кто и заметил...

Капитан 1 ранга в отставке Владимир Васильевич Васильев по сей день никого не посвящает в эту историю. Что тут скажешь, да и надо ли что-то говорить? Как бы жизнь ни переворачивалась, как бы раз за разом ни вставала с ног на голову, а держится она из века в век не на тех, кто за-ради гешефта спекулирует на пережитом горе. Не важно, своё ли горе, чужое ли, да и не бывает его, чужого-то, для нормального человека. Другой вопрос – сколько же в родном отечестве ненормальных... И в какую силу именно они почему-то входят крутыми временами. Были бы все нормальными, Россия и крутых времён видела бы не столько, и горя у нас было бы поменьше...

По спортивной славе и богатырскому виду с Володей Васильевым на нашем курсе соперничал только Павел Монастырский. Тоже и боксёр, и борец, и штангист – призёр-победитель разных соревнований. И тоже – тихоокеанец, навсегда ставший дальневосточником. Отслужил в дивизии десантных кораблей на Русском острове, там же, на Русском, на берегу залива Новик, в Минке, у Паши уютная, на мой аршин – шикарная фазенда: вокруг – грибной лес, тенистые тропы-просёлки, птички поют, ветер сладко-солono пахнет океаном.

В прошлом году ветерана чувствительно прихватило что-то сердчнососудистое, с Валерой Кулешовым мы повешали его в госпитале и договорились, что Паша напишет воспоминания. Недавно созванивались – обещание своё он помнит и помаленьку работает над мемуарами. Думаю, в следующем морполитовском томе они появятся. Так же, как воспоминания Валерия Ермолаевича, которому пока не удаётся выкроить время для нашего дела.

В приморской столице из третьего выпуска КВВМПУ народу ныне осталось немного. Недавно связались по Интернету с Евгением Кирилловым, но пока не встречались, а до этого я не знал, что он живёт

в наших краях. О других владивостокских «киевлянах» могу сказать: они вполне сносно вписались в формат постсоветской жизни. Козачёк в числе первых местных ризлторов открыл свою контору. Монастырский преуспел, прославившись среди туристов и коллег в качестве гида-экскурсовода по всей Поднебесной от Пекина до северного сухопутного приграничья и восточного морского побережья. Доктор философии профессор Кулешов преподаёт в Тихоокеанском высшем военно-морском училище им. С.О. Макарова, председательствует в государственных аттестационных комиссиях по гуманитарным дисциплинам в дальневосточных вузах, тащит тяжкий воз рецензента, научного руководителя, члена диссертационных советов по присуждению званий кандидатов и докторов политических и прочих очень мудрых наук. Участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей, Валера выпустил в свет три поэтических сборника.

С Козачком, у которого мне с супругой в незабываемые девяностые, а то ещё и в восьмидесятые, привелось гулять на свадьбе, многие годы не встречаемся. С Монастырским меня и Кулешова связывают отношения самые тёплые, а с Валерой мы лет десять-пятнадцать, можно сказать, неразлучны.

В Киеве мы не знали, что судьба сведёт нас на восточном рубеже Отечества. С Валерой признакомились в литературном объединении, но особо не сблизились. Учились в разных ротах, а на лито я ходил редко. Паша – из моей роты – был ближе, так сказать, географически, но мы принадлежали разным компаниям. Однако его колоритный образ сразу и навсегда впечатался в память, уверен, не мне одному. Мошь – это о нём, о Паше. В училище говорили: Павел Монастырский – мошь, Эдуард Какабадзе – мощи нашего флота.

Из однокурсников за пределами родного 21 класса больше других пришлось общаться с Эдиком. Во всяком случае, он лучше запомнился. После 2 курса несколько человек вместо практики на флотах занимались в Лютежском лагере психологическим тестированием и отбором абитуриентов. В этой группе я совпал с Эдуардом Какабадзе. Он выглядел как бы даже не очень по-моряцки, не очень по-флотски: во всех отношениях на редкость утончённым, со всех сторон изысканным. Охотно, с живыми благоухающими красками, рисовал жизнь в Грузии, где папа занимал какие-то высоченные партийно-хозяйственные

должности. То, что было для нас, по меньшей мере, странным, для Эдика являлось нормой, не подлежащей ни сомнению, ни критике. В столичном Киеве, в портовом Владивостоке, в суперпромышленном Усть-Каменогорске – на Украине, в России, в Казахстане – не получить сдачи с рубля при покупке трёхкопеечного стакана воды с сиропом было нельзя даже теоретически. В Грузии, в почти курортном Поти – невозможно эту сдачу получить. Мы, первокурсники, имея денежное довольствие 3 рубля 80¹ копеек в месяц, изнывающие от зноя, готовые потерять сознание от солнечного удара в потийском увольнении, покупали двести миллилитров газировки за рубль только потому, что обладали рублёвой банкнотой. Подай вместо рубля трёшку, сдачи не было бы и в этом случае. В братской республике существовали порядки не советские, бытовала другая, далеко не наша идеология, утверждались чужие нам ценности (так что Грузия, какой она стала после распада СССР, появилась неспроста).

На последнем, кажется, курсе Эдик женился. По горячим восторженным слухам, на свадьбе гуляла сотня гостей, каждому из которых в завершение застолья была подана персональная курица, запечённая по особому рецепту.

Перед выпуском, когда шло распределение по флотам, кавказец сказал (это уже не по слухам – присутствовал лично): «Если бы мне Барабаш утром пообещал, что я остаюсь в Киеве, к вечеру у его подъезда стояла бы принадлежащая ему, с оформленными документами, чёрная “Волга”».

И – снова по слухам – Эдик без проблем поступил в Военно-политическую академию им. Ленина, но, не завершив курса обучения, сменил флотскую форму на зёковскую. Сначала знакомился с одиночками московскими дамами, обаяв, укладывался с ними в постель, рано утром, не тревожа спящих красавиц, смывался, унося деньги и драгоценности, которые смог обнаружить. Потом, войдя во вкус, разнообразил прибыльный промысел, не брезгуя простейшим разбоем – в

---

¹ Кажется, столько получали в месяц матросы. Денежное довольствие на флоте у военнослужащих срочной службы, стоящих на старшинских должностях, и у курсантов военных училищ – командиров отделений и старшин рот, было немного больше. Ни я, ни мои однокашники, с кем имею сегодня связь, не смогли вспомнить, сколько получали рядовые курсанты на первом курсе. На старших курсах денежное довольствие увеличивалось до 15 рублей в месяц (прим. В.Т.).

тёмное время суток в укромных местах грабил встречных модниц. Выходя на «дело», облачался в лёгкую, пехотную и прочую форму товарищей по академии, где учились представители всех родов войск и видов Вооружённых сил. Конечно, хозяевам эдичкиной «спецдежды», данной ему «поносить», видимо, для «разнообразия», в итоге пришлось ответить за потворство преступлению. О дальнейшей судьбе самого Эдуарда Какабадзе до Владивостока слухи не докатились...

Вот пишу и не знаю – надо ли об этом?

Книга, по замыслу, предназначалась людям, стоявшим плечо к плечу в едином ратном строю. Но... Строй-то был единым, а все мы в нём – весьма разные. У нас и форма – бесподобная флотская форма – была единообразной, но не одинаковой. Сразу в глаза не бросалось, однако размер, подгонка, посадка на фигуре у каждого выходили наособицу, и всяк ухаживал за обмундированием и носил его на свой неповторимый манер. Чего уж говорить о том, что таилось за внешностью, в сознании, в сердце. Сегодня, вспоминая о прошлом, невозможно уйти от вопроса, кем мы были и кем стали, как мы жили прежде и так ли, как надо, по совести ли, живём теперь?

Вопрос вечный. В тихие времена представляющийся неважным, почти смехотворным, попросту лишним, в какое-то мгновение он вдруг становится главным, большим, проклятым, заслоня собой всё другое, чем живёт и болеет человек.

Квумпари ответили на этот вопрос – всяк по-своему. Для кого-то он ушёл в прошлое, как будто перестал существовать. Кого-то продолжает волновать, а то и мучить.

А жизнь всё и всех расставила по местам. Не всегда заслуженно, не во всём справедливо, однако высшая, окончательная правда – наши личные судьбы принадлежали нам, а вся их совокупность стала частью истории, поучительным опытом поколения. Последнего послевоенного советского поколения, чьи победы и поражения, может стать, не бесполезно знать и добросовестно осмыслить идущим вослед.

Два Олега

Всякое время воспитывает, отковывает человека под себя, под тот тип, который оно, время, предпочитает всем прочим. На крутых исторических поворотах появляется много людей преждевременных и

ещё больше – устаревших, вчерашних-позавчерашних. Тем и другим приходится несладко, однако и в пору счастливую, и в годину лихую человеку, если он человек, есть на что опереться. Никуда покамест не делись ценности непреходящие, истины вечные, заповеди Божьи.

Младое-незнакомое племя кажется ныне уж больно прагматичным в большинстве своём, заикленным на драгоценном эго, равнодушным ко всему и ко всем, в чём и в ком не видит для себя выгоды.

Обещают ли теперешние девочки и мальчики друг другу дружбу на всю жизнь, клянутся ли в вечной любви? Мы в наше время и обещали, и клялись. Даже, случалось, на крови. Судеб своих не знали, не ведали, что они с нами сделают. Были безнадежно наивными, однако до глубины души искренними. Потому способными и к дружбе, и к любви – *самому*, как давным-давно, со времён ещё доисторических, доказала жизнь, главному, дорогому на земле, в небесах и на море.

С детства, с довоенной юности-молодости, сопровождают меня по жизни два друга-земляка – Юра, Юрий Михайлович, Меньщиков и Олег Андреевич Шелудько. Юра до зрелых теперешних лет остался верен родному Усть-Каменогорску, а Олега немало помотало по городам-вёсям, прежде чем осел он под Сергиевым Посадом, в посёлке Богородском. Тысячи километров отдалили нас ещё в пору несовершеннолетия, но разделить не смогли до самых седин.

С Олегом и Юрием детскими клятвами мы, сколь помню, не обменивались, а вполне, выходит, могли бы. Встречами судьба одаривает редко, но друг друга мы чувствуем непрестанно. Как выпадает удобный случай, я публично-печатно вспоминаю друзей. Правда, окликнув Юру со страниц «Комсомольской правды» ещё в семидесятые годы прошлого века, заслуженных слов о нём не сказал до сих пор. Пытался не раз, да что-то не сложилось. Написал как-то сценарий для телефильма о начальнике Восточно-Казахстанского культбытстроя Юрии Меньщикове, но профессионалы-журналисты забраковали вчистую. О чём писать, о ком – не всегда в воле автора, работа и жизнь диктуют свои сюжеты и темы.

Когда начиналась моя флотская служба на Аскольде, Юра в забайкальской Даурии готовился к дембелю. Много воды утекло с тех лет, и стали мы с другом детства гражданами разных суверенных государств...

С Олегом повезло больше. По роду профессии он оказался причастен к Тихоокеанскому флоту, не однажды приезжал во Владивосток. Потом и не по служебной надобности бывал у меня. А мне неплохо знакомо Богородское с окрестностями дальними и недалёкими. Могу, к примеру, нарисовать, где стоит мангал на даче Олега.

В этой книге Шелудько появился неслучайно. Как неслучайно прилетал (на день, просто повидаться, поговорить) из Москвы в Киев, когда я учился в КВВМПУ. Олег обо мне, о моей «сумке на чердаке» знает то, чего не знают все остальные друзья и знакомые, взятые вместе.

С Олегом в один из недавних моих вояжей в столицу планировали мы подъехать в Химки к другому Олегу – Олегу Гречко. Помешала причина ничтожная, но непреодолимая. Однако надеюсь, в Химки мы ещё нагреем.

Олег Яковлевич – один из немногих однокурсников и единственный из первой роты, кого я могу назвать другом уже с 1970-х. С Валерой Кулешовым мы сблизились на десяток-полтора годов позже, а с Гречко начали приглядываться ещё в училище. Оказываясь без табака (к стыду моему, весьма часто), почему-то на перекурах все четыре курса я не сильно стеснялся стрелять сигаретки только у Олега. Ничто другое нас не связывало, но симпатия, по крайней мере, с моей стороны, отчётливо определилась задолго до выпуска. Притом, что во мне, сыне политического преступника, противно шебаршилось предубеждение против сына адмиральского. Надо отдать должное Олегу – он такого предубеждения поведением своим никак не заслуживал, но факт остаётся фактом.

Однако уже в Лиепайской военно-морской базе, куда попало немало наших сокурсников, именно с Олегом мы общались семейно. Лейтенантская глава очень, что называется, киногенична, хотя и коротка. Есть в ней страницы драматические. У меня – рождение мёртвого мальчика. У Олега – смерть от менингита первого сына. Стоит, наверное, сказать и о нашем с Олегом участии в истории с мятежным БПК «Сторожевой», захваченным замполитом капитаном 3 ранга Валерием Саблиным, приговорённым потом к расстрелу. Когда малый ракетный корабль Гречко выходил в сторону острова Сааремаа на перехват «Сторожевого» с приказом находиться в готовности к уничтожению

надводной цели, мой спасатель «СС-35», отправившийся следом, имел задачу проведения водолазных работ на затонувшем объекте.

Моё, многих сослуживцев сильно от меня отдалившее, снятие с должности в политотделе родной бригады эсминцев, на отношениях с Олегом не сказало. Между прочим, к снятию этому причастен один киевский однокашник, находившийся на побегушках у начальника политотдела 12 дивизии ракетных кораблей, в состав которой входила наша 76 БЭМ.

О самом горьком и трагическом, что связывает нас с Лиепайей, пишет Олег: «Нам, русским, туда въезд запрещён».

Вряд ли ему и мне достанет сил и сроков побывать в местах офицерской молодости. И всё же думка, допустим, о Балтийске, где я перед дипломом стажировался на БДК «Донецкий шахтёр», стоявшем вторым бортом к БДК «Красная Пресня», и куда потом не раз прибывал и сушей, и морем, при всей понятной грусти не так болезненна. Невозможно спокойно забыть о Риге, Клайпеде и, особенно, о Таллине, в котором прожил целый год, когда мой спасатель подводных лодок находился там в ремонте. История историей, эта штука, будь она трижды справедливой и неизбежной, не отменяет жестокого факта: мы не заслужили того, как она обошлась с нами.

Дважды Краснознамённый Балтийский флот вывел нас с Гречко на разные курсы. Олегу предстоял очень достойный путь до Гранитного и Москвы. Мне, изгнанному из боевого соединения, удалось перебраться на Тихий океан и получить назначение на подводную лодку. Надолго потеряв друг друга из виду, мы встретились во Владивостоке лишь после развала СССР. Встретились благодаря Олегу. Приехав в командировку, он, не зная ни адреса, ни места работы, сумел меня разыскать.

Капитан 1 ранга Гречко первым из однокурсников не только чётко откликнулся на предложение собрать книгу о нашем выпуске, но и написал воспоминания, которые нельзя читать без бури в сердце. Однако первой его работой стал не менее волнующий рассказ о службе в гарнизоне «Гранитный» Северного флота, к сожалению, пока не опубликованный. Первая часть «Гранитной баллады» второй год ждёт выхода в свет на страницах журнала «Сихотэ-Алинь», оставшегося без спонсора. Журнал выйдет обязательно, мы не оставляем усилий, чтобы «Гранитная баллада» пришла к читателю.

Мне давно хотелось рассказать, какой он, Олег Гречко. Офицер. Друг. Соотечественник. Но в нашей книге он сделал это лучше меня. Такое верное сердце, такая цельная натура! Настоящий квумпарь.

Білий птах з чорною ознакою

Последнее партийное собрание перед последним курсантским отпуском. Через несколько месяцев мы станем лейтенантами. Если станем...

Комроты Барабаш говорил первым. Почти дословно: я, товарищи курсанты, вас предупреждал – вы вышли на финишную прямую, возьмитесь, наконец, за ум. Необдуманный поступок может быть вашим последним поступком в училище. Особенно для тех, у кого закончился кандидатский стаж и приспел срок вступать в члены партии. Поблажек не будет, вы достаточно злоупотребляли ими в течение четырёх лет, пора и честь знать!

Первый вопрос в повестке собрания – приём в члены КПСС Василия Митрофановича Лысенко.

После слов командира мы с Митрофанычем беспомощно переглянулись...

Миновало меньше недели, как мы вместе ходили в увольнение. Может, каких-нибудь два-три дня... На левом берегу Славутича в кинотеатре «Днипро» шла премьера фильма, уже до выхода на экраны ставшего знаменитым. Насколько помню, ещё не дублированного, на украинском языке, с субтитрами. По-русски фильм назывался «Белая птица с чёрной отметиной».

Лента крутилась с аншлагом, билеты на предпоследний сеанс на лучшие места в центре зала, скорее всего, заранее приобрела Таня. «Днипро» – в Дарнице, по дороге к общежитию вузов искусств, где мы занимали комнату в глубине пустого изолятора¹. К нашему с Васей приходу Таня пожарила курицу и сварила гречку. Быстро, чтобы не опоздать в кинотеатр, поужинали. Таня работала в районной санэпидстанции, дома водился медицинский спирт. Митрофанович его никогда не пробовал. Я, сообразуясь с некоторым опытом,

¹ **Изолятор** – несколько обособленных, с отдельным входом-выходом, специально оборудованных нежилых комнат-палат в общежитии, предназначенных для госпитализации инфекционных больных. При нормальной эпидемиологической обстановке стояли закрытыми.

ограничился парой рюмок и предупредил гостя, что напиток коварный, сразу его не почувствуешь, но потом может подвести. Ничего, сказал старшина, зато в его селе лучшая на всю округу самогонка, спирту рядом с ней делать нечего. И бесстрашно опрокинул на посошок.

Спирт мы приняли неразбавленный, запивая водой. Он обжёг нежные Васиные губы, отшлифованные о мундштук лучшей трубы ВИА «Магелланы», рот мгновенно припух. Пока ехали трамваем до кинотеатра, Митрофаныча сморило. Едва в зале погас свет, ещё на титрах, Лысенко уронил голову на плечо и минут через пятнадцать начал богатырски храпеть. Народ шикал, я толкал друга в бок, он просыпался ненадолго, и сцена многократно повторялась. Неожиданно Вася – фильм ещё не закончился – рванул с места и скрылся в двери фойе. Там уже собрался народ с билетами на последний сеанс – не протолкнуться. Обнаружить беглеца в толпе не удалось.

Не было его и перед входом в кинотеатр. Зато вдоль фасада «Днипро» барражировал военный патруль. Я образцовым строевым шагом устремился навстречу, преданным взглядом вперившись в офицера. «... разрешите обратиться... тут случайно не видели... минут десять назад... в такой же форме, как я...» Начальник патруля понимающе улыбнулся и сделал ладонью змейку, показав извилистую кривую, по которой, как следовало догадаться, десять минут тому на глазах патруля двигался главный корабельный старшина. «Того?» – спросил офицер. «Немножко», – кивнул я и со слабой надеждой в голосе пролепетал: «Можно мне его забрать, всё будет нормально, честное слово». «Ничего себе, немножко, – восхитился начальник под завистливые вздохи патрульных. – Не стали мы его трогать. Он пошёл туда», – офицер махнул в сторону трамвайной остановки.

Но Митрофаныча на остановке не было. Опросом людей, скопившихся на платформе в ожидании трамвая, удалось установить, что транспорт не подходил уже с четверть часа, и за это время чёрная флотская шинель здесь не появлялась.

Всё больше беспокоясь, почти отчаявшись, я не меньше четырёх раз пробежал от остановки до кинотеатра и обратно. Вася как воду канул...

Он появился неожиданно – в свете придорожного фонаря под руку с Таней. Она, стоявшая рядом с патрулём, пока я метался туда-сюда, неспешно двинулась от «Днипро» к трамваю и увидела Митрофанюча. Прижавшись лбом к бетонному столбу, он слился с ночной тьмой. В нескольких метрах раз за разом пробегая мимо, я его не заметил.

Таня поехала домой одна – утром ей надо было на работу. Я, имея увольнение на ночь, сначала сопровождал друга на Подол, довёл до КПШ на Волошской.

Благополучно пройти через дежурного по батальону, принимавшего курсантов из увольнения, Васе не удалось. На следующий день, едва я объявился в кубрике, ещё до начала занятий, подошёл Митрофанюч: «Барабашу доложили. Он сказал, что забирает свою рекомендацию в партию, и вместо приёма меня ждёт персональное дело. Может, поговоришь с командиром?»

«Нет, Вася, – довольно резко ответил я. – Я предупреждал насчёт спирта. Закон знаешь: гуляли вместе, но тот, кто залетел, выкручивается в одиночку».

Митрофанюч ушёл, не сказав больше ни слова, с видом обречённым...

После занятий, проклиная себя за малодушие, я постучался в ротную канцелярию. Всего разговора с Барабашом не помню. Только фрагменты. Я: «Вчера главный старшина Лысенко был у меня в гостях... Предложил ему выпить, он отказался, но я, желая показать гостеприимство, настоял... Если Лысенко заслужил наказание, то первым должен быть наказан я, потому что его вины в выпивке нет, это вина моя». Барабаш: «Ну вот, теперь всё ясно. Вы подвели хорошего человека. Крепко подвели. Отвечать будете вместе, получите по заслугам, командование и партийная организация определят, кому что причитается».

До партийного собрания мы с Митрофанючем, оба как в воду опущенные, не общались, избегали даже глядеть друг на друга. О разговоре с Барабашом я умолчал. Что говорить, если результат всё равно неизбежен? Тем более что Митрофанюч даже в его аховом положении меня не выдал, а я ничем не смог помочь ни ему, ни себе. С каждым часом всё больше тревожило, что дело наше вообще никем

никак не комментировалось. Не приходилось сомневаться, что дело это – труба.

И вот он, час Ч. «...Поблажек не будет, вы достаточно злоупотребляли ими в течение четырёх лет, пора и честь знать!» Лицо Барабаша непроницаемо. Мы с Васей уронили головы...

Командир со всей силой классово-ненавистной ненависти прошёлся по курсантам, которые не вняли его доброму совету и умудрились на ближних подступах к выпуску «допустить грубые нарушения дисциплины и порядка, несовместимые с офицерским званием». И... привёл в пример кандидата в члены КПСС Лысенко Василия Митрофановича, который «знает, как надо служить и с кем дружить», поэтому он, Барабаш, давший Василию Митрофановичу партийную рекомендацию, предлагает сейчас принять его в члены ленинской партии и надеется, что партийное собрание его поддержит...

В первый день после отпуска перед строем батальона был зачитан приказ начальника училища о назначении нештатных заместителей курсантских рот по политической части с присвоением звания «главный корабельный старшина». Замполитом у Барабаша оказался я.

Барабаш улыбался загадочно и лучезарно. Я был ошарашен до потери дара речи. На офицерской, уже скорой, службе нежданная-негаданная должность и новое воинское звание сказаться никак не могли, но, признаюсь, в тот момент это не имело значения. Конечно, как-то я пытался скрыть нахлынувшие чувства. Но кто служил, поймёт: это было мгновение счастья. Не имея звания старшины 1 статьи, не нося лычек главного старшины, вдруг стать сразу главным корабельным! Самое высокое звание, которым может быть отмечен моряк-срочник, самое для меня памятное и как-то особенно дорогое. Хотя бы потому, что начинал служить в должности, по штату соответствующей этому званию, но вышло, что шёл к нему пять лет...

Новый статус давал кое-какие полномочия, вплоть до права самостоятельно увольнять в город курсантов роты. Пользуясь этим правом, я пару раз не нарочно, но чувствительно подвёл командира, вызвав негодование вышестоящего начальства. Барабаш, спокойно объяснив, в чём я неправ, воздержался от честно заслуженного наказания и принял удар на себя. Здесь можно бы вспомнить об этом подробнее, но история моего замполитства в КВВМПУ заслуживает

отдельного повествования. Удивившая примерами непредсказуемого человеческого многообразия, она заняла бы здесь слишком много места.

Был ли мальчик?

На сакраментальный этот вопрос ответ всегда один. Мы его знаем, но, как правило, удобнее в этом не признаваться. А лучше – вообще не думать...

Странно, что при постоянном физическом напряжении и в училище, и непосредственно на флоте, временами казавшемся непреодолимым, я не помню чувства усталости. И чувства голода, с которым у многих связана военная служба, не помню тоже. Чего мне всегда и везде, в том числе и на кораблях, не хватало, так это – сна. А в училище, в своём курсантском классе, возможно, был я рекордсменом по сну на лекциях. Особенно почему-то на международном коммунистическом и рабочем движении. На занятиях по данному предмету преподаватель частенько меня будил и заставлял стоять до перерыва. Олег Гречко с большим знанием дела осветил близкую мне тему, однако я вполне мог бы прибавить к его рассказу кое-что из собственного богатого опыта, да он едва ли кому-то принесёт пользу. Хочу сказать о другом чувстве, сопровождавшем меня всю службу и беспокоящему донныне. Это даже не чувство, а какая-то почти физически ощущаемая тягота, моральная надсада оттого, что ты – меченый, что существуешь словно под колпаком, из-под которого нельзя вырваться.

В училище первым командиром нашего взвода был Виктор Радченко. Один из тех, о ком говорят «золотой парень». Из него получился бы отличный офицер – лучше многих из нас. Залетел Витя по доброте. Девчонки, работавшие на заводе молдавских вин, принесли знакомым курсантам пару бутылок вина. Витя, стоявший помощником дежурного по училищу, пытался доставить подарок по назначению, но был взят с поличным в коридоре у входа в столовую. На старших курсах, скорее всего, этот проступок не повлёк бы за собой исключения. Но мы не очень давно надели курсантскую форму. А главное, наверное, в том, что Виктор не стал спасать себя, принял вину в одиночку, не сдав тех, кому предназначалась передача. Через год-два на характеристику Виктору Радченко пришёл запрос из

Волгограда – Виктор пробовал поступить в Высшую школу милиции. Итог был предreshён. Пойти по пути Юры Лебедева Радченко то ли не имел возможности, то ли не догадался.

Получить смолоду за мимолётную шалость, случайную глупость, вовсе не характеризующие человека, несмываемое клеймо на всю жизнь – трудно придумать что-то более несправедливое и, по большому счёту, незаконное. Обрести не вырубаемую строку в казённой биографии бывает хуже, чем отсидеть срок. К слову сказать, в училище, на нашем курсе, занимался парень, который до поступления в КВВМПУ имел судимость. Как-то он сумел скрыть этот факт и только поэтому поступил, успешно отучился и стал капитаном 1 ранга.

Формальное пожизненное деление граждан на достойных всего и не достойных ничего, на «чистых» и «нечистых», мне кажется, одна из глубочайших причин многих бед, которые и сегодня продолжают мучить нашу страну.

...Он выделялся какой-то тихой добротой и беззащитностью. Запомнился формой. Великоватой, нескладной. Потёртая пилотка, пузырящаяся гимнастёрка, шароваристые штаны, серая, никакой гуталин не возьмёт, кирза сапог – голенища раструбом. Стройбатовец.

«Мальчик» этот не даёт мне покоя. 45 лет – с той поры, когда сдавались экзамены в Киевское политехническое училище.

Он тоже сдавал экзамены. Зря старался. Путь в офицеры был для него закрыт наглухо. Многие другие пути, наверное, – тоже. Об этом знали все. Не знал только он сам.

Он делал третий заход. Два раза поступал в военное училище ещё на «гражданке». Пытался поступать. Может, не прошёл по конкурсу. Это нам было неизвестно. Известно было – у него не получилось. А вот то, почему оказался не где-нибудь, а в стройбате, ни у кого сомнений не вызывало. Мы уже кое-что понимали.

Родители паренька имели судимость. За растрату. Материально ответственные лица. Сами согрешили или кто подставил, мы не ведали. Судимы, значит, есть за что. Так тогда полагалось думать. Пришло время, и нам открылось: могло быть всякое. Но сын-то – причём? Оказалось – очень даже причём. В такую жили эпоху.

Несправедливость вопиющая. Да что там несправедливость? Подлость. Низость. Это трудно с чем-нибудь сравнить. Уж коль скоро

кто-то где-то решил, что за дела родителей, а то и не за дела, а за одно только происхождение, обязаны отвечать дети, – скажите об этом прямо, зачем играть как кошка с мышкой?

Тут можно привести примеров на отдельную книгу, и едва ли она окажется тоненькой. Тема эта обожжёт сердце и моему другу Виктору Низину¹, призванному на ТОФ из глухой сибирской деревушки, где он родился в семье этнических немцев, высланных в сентябре 1941 года с Поволжья. Родители Виктора до 1956 г. не имели паспортов, не имели прав на свободное перемещение по стране, назывались «спецпереселенцами», были обязаны регулярно отмечаться в местной спецкомендатуре.

Когда парень попал в Радиотехническую школу, на него обратил внимание замполит роты капитан-лейтенант Алексей Филиппович Смазной. Офицер сумел разглядеть в подчинённом замечательные качества, которые в полной мере проявились в дальнейшей службе Низина. С доброй руки Алексея Филипповича матроса-первогодка избрали секретарём комсомольской организации роты. Не всё получалось, но рядом всегда был замполит. Он и предложил моряку поступать в Киевское ВВМПУ. А когда Алексей Смазной трагически погиб, Виктор твёрдо решил стать флотским офицером-политработником. Он упорно шёл к цели, преодолевая препятствия, о которых большинство сослуживцев и понятия не имели. На первом курсе КВВМПУ, в самом начале учёбы, в один из поздних часов, после отбоя, сосед по койке Володя Калининков прошептал ему на ухо: «Был сегодня у капитана Бочкова (училищный особист), где увидел на столе твоё досье с жирной надписью на обложке: “Немец?! Как он сюда попал?”» И долго ещё преследовало Виктора его «нерусское происхождение».

Враг внешний и враг внутренний – звучит одиозно, ан попробуй, найди место и время, чтобы не было ни того, ни другого хоть в одной стране мира от самого сотворения! Зато тьма примеров, когда забвение бессмертных помыслов супостата кончалось позором, крахом, мучительной смертью белопушистых, белоперчаточных миротворцев и пацифистов, гибелью безвинных «простых» людей, племён, систем и держав. Не существует и в видимой исторической перспективе не появится государства, не способного стоять за себя, надёжно

¹ Низин – фамилия обрусевшая, когда-то она была немецкой «Низен».

защищать свои владения и интересы. В священном этом деле не обойтись без разведки и контрразведки, не уйти от необходимости знать, кто чем дышит. Да ведь дело-то очень тонкое, тут потребны не только зоркий глаз, острый слух и холодный ум, но желательны ещё совесть, сердце и мера – последний, высший дар богов. После Иисуса Христа меж людей, увы, боги не замечены. Нельзя не видеть, к чему мы шли и пришли, в конце концов. Всё, всё, что с нами происходит сегодня, начиналось вчера. Нами же и начиналось.

Милая Света, дорогая Светлана Николаевна! Святой человек – в нашем возрасте, при нашем всестороннем опыте жизни изумляться вопросом: «Неужели среди курсантов были такие осведомители?»

Мы сильны задним умом. Поздно приходящим.

В Киеве меня одолевал бзик, о котором знали только самые доверенные друзья. Неокрепшее, но уже напуганное мальчишеское сознание сдвинулось на стыке двух вещей, в общем-то, далёких друг от друга: отцовской судимости и «шпионских» кинофильмов. Ответственные, особенно те, что называются злачными, места в моём воображении существовали исключительно ради конспиративных дел. В каждом рестораторе, человеке за кафешной стойкой чудился агент известного ведомства. Было, подвыпив, я неукротимо приставал к бармену с требованием признаться в тайной ипостаси.

Добросовестно следуя атеистическим уставам, в действующие храмы, чудом сохранявшиеся в безбожной стране, я не ходил. Притом не сомневался в обоснованности широко внедрённого в массы сограждан мнения, будто «попы в церквях – сплошь сотрудники КГБ».

Но родненькие курсанты были вне подозрений, мысль о том, что кто-то способен фискалить на своего товарища, просто не могла придти в голову.

Штука эта безнаказанная, общество с этой бедой до сих пор бороться не научилось. А беда, вообще-то, немаленькая. Гнусное явление расцвело теперь пышным цветом, стало вездесущим – от думской трибуны до безбрежных просторов мировой Интернет-паутины, от забрызганного кровью сайта «Миротворец» до господина vip-доносчика Касьянова...

Надо полагать, за сексотство, доносительство, откуда подать рукой до клеветы, отдельных политработников (не скажу многих – это

неправда) нас и не любили на флоте. Бывший командир подводной лодки из 19 бригады ПЛ капитан 1 ранга Игорь Литвиненко вспоминает об одном из своих замполитов: «...проблем по “замовской” линии у меня не возникало, а это дорогого стоило... в политотдел с разного рода информацией мой замполит не бегал, ходил только по вызову». Стало быть, водились, водились такие, кто и не по вызову «бегал» – «по зову сердца». Они, видно, и в Киеве существовали рядом с нами.

Тут опять же нельзя всех – под одну гребёнку. Ответственный человек, столкнувшись с угрозой делу, должен её устранить. Когда сам не может, обязан обратиться за помощью. В реальности – объективно и своевременно доложить другому ответственному, способному решить возникшую проблему. Тут всегда отыщется некто, кому такая позиция не по нутру, однако полемизировать на эту ясную тему – значит, выйти за рамки профессионального разговора.

Нехорошо, позорно наушничать, недаром нормальные дети ябед не любят. А всё-таки «отрапортовать» о чём-то нелицеприятном, что без вреда можно и не афишировать – одно. Другое – подлить маслица в огонь придумочкой малой, «обоснованным» предположением, нехитрой какой-нибудь интерпретацией... Конечно, на практике первое и второе частенько сочетается. Коготок уязнет – и всё.

Это не всегда можно увидеть, не всегда удаётся определить, кто есть кто. Один думает о деле, ради которого готов поступиться и личным интересом. Другой радеет исключительно о себе, для него дело – просто средство достижения персонального блага.

Среди нашего брата были те, кто служил, и те, кто играл. Ставка в игре одна – карьера. Любой ценой. Хотелось бы ошибиться, но, кажется, в начале службы, в Лиенае, я близко столкнулся с этим явлением в кругу своих сослуживцев и даже сокурсников. Переворот в судьбе у меня начался после налёта на 76 бригаду эсминцев помощника начальника политотдела 12 дивизии ракетных кораблей по комсомольской работе лейтенанта (может, уже и старшего) Владимира Коватёва. Бригада моя входила в состав означенной дивизии, стоявшей в Балтийске. Начальник политотдела 76 БЭМ капитан 2 ранга Дехтерев замыкался на начпо 12 ДИРК капраза Медведева, я – соответственно – на Коватёва. Ему, Коватёву, приехавшему в Лиенаю «поработать», не понравился Паша Панасюк, секретарь

комитета комсомола эсминца «Огненный» – добросовестный моряк, на корабле из матросов выросший до офицера. Может, дело было не в симпатиях-антипатиях, просто верхний товарищ не стал утруждаться изучением дел как таковых, а показать свою работу, что-нибудь доложить начальству после командировки – вещь необходимая. Для полноты картины непременно нужны «замечания», не важно, если и высосанные из пальца.

Не помню, съездил ли я в ухо тёзке своему Коватёву (по тогдашнему мальчишескому кодексу мог и съездить), но за Пашу Панасюка сильно заступился, не подбирая выражений. В результате начпо Медведев настоятельно предложил начпо Дехтереву избавиться от помощника по комсомолу Тыцких, представив последнего к назначению замом на подводную лодку. Мой шеф ответил категорическим отказом: «Он мне самому нужен!» «Ну, – заключил Медведев, – не хочешь по-хорошему, будет по-плохому».

Из воспоминаний Олега Гречко я узнал теперь о своём преемнике. Виктор Васютенко прошёл путь, о котором я мечтал. Из политотдела бригады эсминцев получил назначение на подводную лодку, куда меня «по-хорошему» не отпустил капдва Дехтерев. Вышло по-медведевски – «по-плохому».

Формальной причиной ссылки на вспомогательный флот стала судимость отца, которая и раньше не являлась для кадровиков тайной. Так возник прецедент, запустивший алгоритм дальнейшей службы – про папу мне ещё не раз напомнили снятием с должностей и неприсвоением очередного звания уже на Тихом океане.

В Лиенае неизбежность такого хода событий сомнений не вызывала сразу. Я сдался, сдулся – приговорил себя, службу свою и жизнь к крайней мере. Поначалу удерживала мысль о двух самых дорогих людях – маме и жене. Но быстро личная обида, эгоистическое чувство утраты надежд на успех в карьере, смысла жить и бороться взяли верх, лишили разума и воли. В последний момент остановила Таня, как-то очень вовремя почуявшая настроение, догадавшаяся о моём решении. Она сказала: «Да будь ты хоть старшим матросом, я всё равно тебя люблю, разве этого мало, чтобы жить?» И – остался жить... Тани не стало в 1984-м. Несмотря на то, что, по приватному заключению патологоанатома, у неё «было очень грамотное лечение

и идеальный уход». В последнюю нашу встречу, наверное, чтобы посочувствовать и как-то успокоить, прозектор добавила: «С такой болячкой мы гарантированно вскрываем до тридцати лет». Тани было тридцать пять. Из них четырнадцать мы прожили вместе. Не прожили – прослужили. Мне сложно представить, что бы стало со мной без её терпения, мужества, без поддержки, которую трудно ждешь от хрупкой, слабенькой женщины, потерявшей при рождении обоих детей, последние годы незрячей. Она не сдалась до конца, не упала духом. Пока могла – читала книги с огромной лупой, подаренной нашим другом-фотографом Сашей Яковцом. Когда это стало не по силам, когда уже не различала свет и тьму, сказала с улыбкой почти не грустной: «Я стала любить ночь». Я мог потревожить её в любое время, в полночь-за полночь, чтением своих строк, рифмованных и не рифмованных, и слышал оценку, замечания, советы, после которых мог осмысленно работать дальше.

Это стихотворение сложилось, когда Тани уже не было. Я лежал в госпитале. В госпитальной палате удаётся подумать о том, на что служба времени не оставляет.

* * *

*Они уже в пути. Они уже не с нами.
Забывшейся судьбой ниспослан будет срок
для гнева и для слёз. Во тьме воспоминаний
воскреснет прошлый свет. На север и восток
ещё не добрали безмолвные конвои,
но смертной тени их ничто не возвратит.
Кровь стынет, и вослед ночная вьюга воет...
Ты плачешь или нет? Они уже в пути.
Ты деда узнаешь? Он, кажется, смеётся?!
Толкнёт тебя плечом: живи, пока живой!
А с падающих звёзд последний свет прольётся,
и угодит во тьму, и обернётся тьмой.
Они уже в пути. А где-то в отдаленье
маячим мы с тобой. А кто-то вслед глядит...
Ты видишь, как блестит штыками оцепленье?
Живи, пока живой. Они ещё в пути...*

Люди моего поколения жили с этим ощущением. Не утверждаю, что все. Однако «мальчиков» было много. В родной и не очень родной истории, в жизни каждого из нас. Чем осмотрительней мы пытались о них не думать, тем им становилось безнадежней.

Теперь анкету заменил кошелёк.

Жизнь снова с абсолютной бескомпромиссностью возвращает к тому, с чего начались эти воспоминания. К выбору. К свободе. Что она такое, как её понимать, какой свободе присягать и служить? Главная наша наука внушала: свобода есть осознанная необходимость. Мне кажется, Маркс с Лениным не до конца разобрались в этом понятии. Необходимость-то каждый видит по-своему. Для одних это: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Или, ещё глубже, шире, вместе с тем конкретней и строже – наше, православное, завещанное от отчич и дедич: «За други своя».

Для иных – личный комфорт, счёт в банке, замок за высоким забором, желательнее где-нибудь на Рублёвке.

По мне свобода – право делать и думать всё, что считаешь нужным, если слова и дела твои не мешают никому другому. Ни одному человеку на свете. И уж, конечно, не во вред родной земле, не против своего народа. А в идеале – на пользу им. За такую свободу приходится иногда и постоять. Даже, случается, идти в бой.

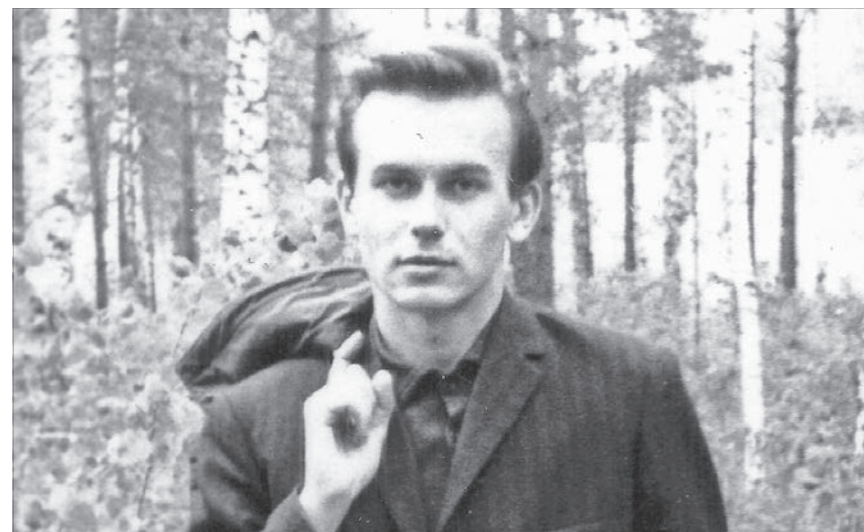
Вот снова явилось время, которое поставило нас перед вечным выбором. Нас всех. Страну. Народ. Каждого человека персонально. И снова, как бывает на смертельно опасных поворотах истории, «ВСЕ» неизбежно делятся на «МЫ» и «ОНИ».

Анкеты об этом могут промолчать. О человеке говорят его поступки. А окончательную правду о нас рассказывает одна только жизнь. Наша жизнь и жизнь наших детей и внуков, которая зависит оттого, как мы проживём свою.

Мы, квумпары, свой выбор сделали. Давно и навсегда.

Мы с Северного флота. Слева – матрос Владимир Васильев. Североморск

Олег Шелудько. Новосибирск, Академгородок, 1968 г.

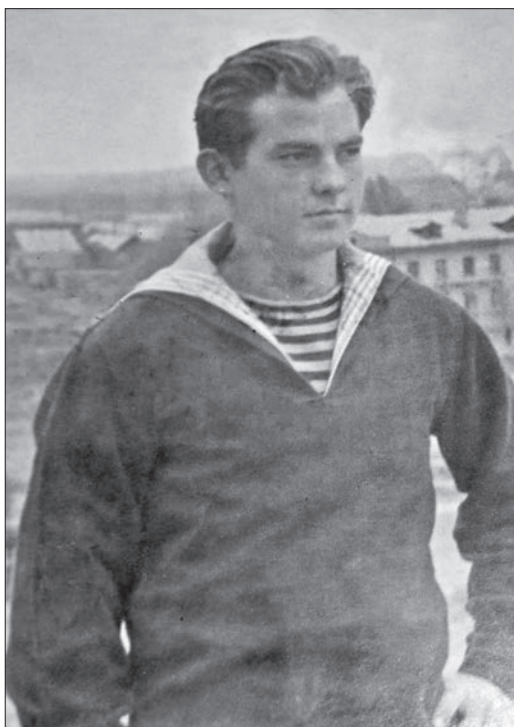
Мы – тихоокеанцы. Справа – старший матрос Владимир Тыцких

*«На память лучшему другу...»
Юрий Меньщиков. Забайкалье, 1968 г.*

*Попутчиці.
Поезд «Владивосток-Киев», 1969 г.*

*Только море и любовь
в сердце мне волнуют кровь!
Николай Шакин, Саратов, 1966 г.*

Киев. Подол. Страна Квумпария

*Стрельбище под Киевом.
Справа – старшина 1 статьи Виктор Радченко*

Перекур

Под надёжной защитой

Первокурсники. Борис Денисов (слева) и Валерий Кулешов

Александр Дьяконов, Виктор Низин, Владимир Тыцких (слева направо)

Во саду ли, в огороде...

Юрий Антонов с антоновками. Слева – Виктор Низин

Володя Васильев, Серёжа Белокобыльский, Слава Рыжков (слева направо)

Крещатик, строевая прогулка

Адмиральский смотр. В центре контр-адмирал А. Стерлядкин

Справа за спиной строя – площадь Калинина, не знающая, что она станет Майданом

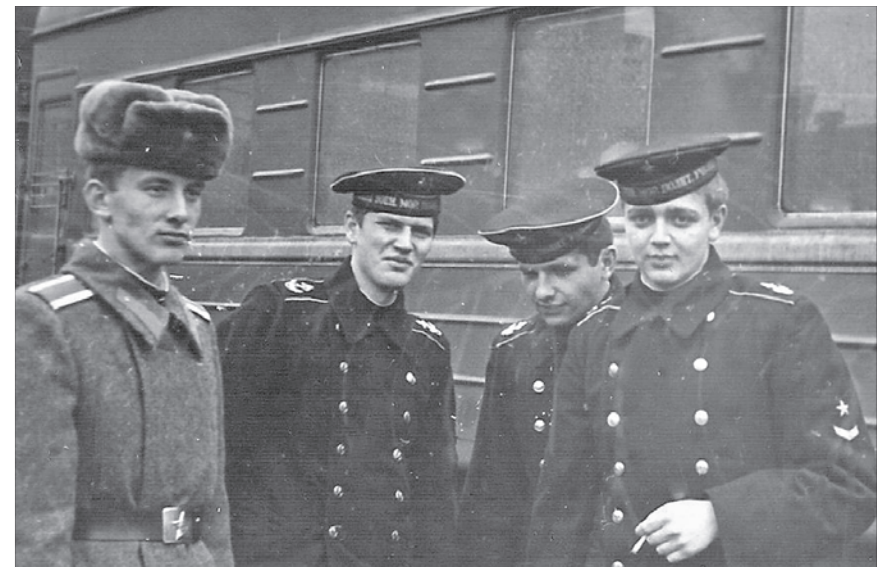
*Лекция по литературе, в перерыве.
Слева Светлана Максимова, справа Юрий Филиппов*

*Этот снимок курсантов 121 класса
был сделан для училищной газеты «Политработник флота»*

Слева направо: Юрий Филиппов, Евгения Макаренко, Владимир Тыцких

В первый отпуск. О. Гречко, Н. Алифанов, М. Филаткин (справа налево)

Николай Егоров с родителями

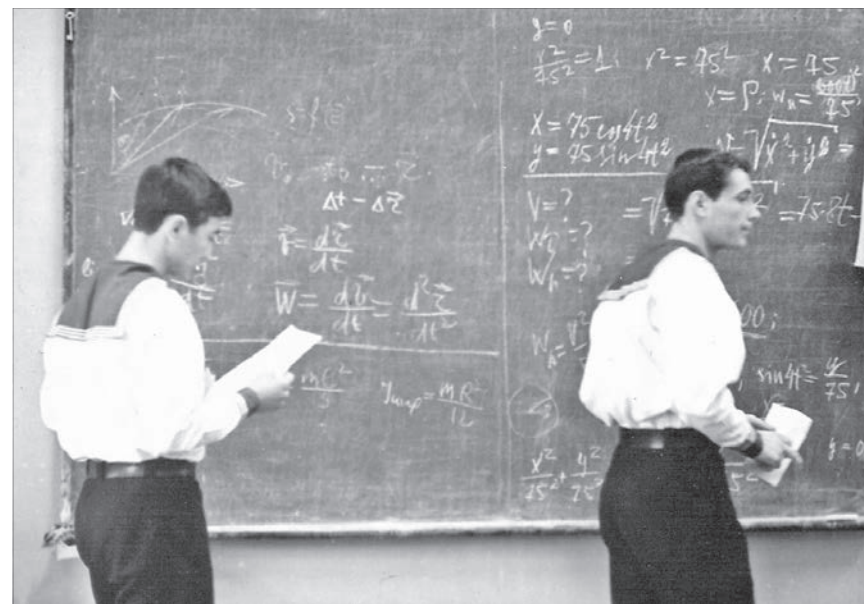
Борцы. Василий Пестонюк, Владимир Васильев, Николай Сулим (слева направо)

Началась летняя экзаменационная сессия. 121 класс

Экзамен по навигации. 113 класс. Справа Олег Гречко

Экзамен по теоретической механике. Юрий Филиппов (слева) и Владимир Тыцких

Экзамен по английскому сдаёт старшина 1 статьи Валерий Кулешов

121 класс после экзамена по теоретической механике

Черноморский флот. ОС-24 (бывший крейсер «Ворошилов»)

А. Гордеев, В. Кулешов, Г. Бурлай (слева направо)

*Севастополь. На борту ОС-24.
Встреча с начальником политотдела соединения капитаном 1 ранга И. Ф. Шимко. 1970 г.*

Г. Семёнов, Н. Вавилов, В. Юдин, Н. Шакин (слева направо)

В музее. Сергей Шаповал (слева) и Владимир Тыцких

Где-то под Севастополем. Опять перекур. Практика в морской пехоте

*Недалеко от мыса Херсонес.
Снимается фильм. За пулемёт главный старшина Н. Безручко*

Ю. Филиппов, А. Дьяконов, В. Тыцких (справа налево)

В Одессе

Севастополь, 1970 г.

Новороссийск, 1970 г.

Новороссийск. 121 класс.

Рядом с Малой землёй

*Поти. Владимир Тыцких, Александр Долгоруков,
Александр Нагорнюк, Юрий Филиппов (слева направо)*

Дома, в Киеве. Справа Сергей Шаповал

Мы – второкурсники! Владимир Чернов, Олег Попов, Валерий Кулешов (слева направо)

Чистота – залог здоровья. Владимир Васильев

Подол, Красная площадь

Начинаем готовиться к параду

Мы в тельняшках!

Пошли коробочки

211 класс на семинаре по философии

*После экзамена по литературе.
В центре Евгения Макаренко (слева) и Светлана Максимова*

221 класс. Перед лекцией по литературе. Слева Светлана Максимова

213 класс. После экзамена по военной психологии, 1971 г.

Куда-то нас опять везут. Владимир Ермолаев, Василий Лысенко, Александр Долгоруков, Виктор Низин, Сергей Шаповал, Виктор Колосов, Юрий Лебедев, Юрий Филиппов (слева направо)

В лесу под Лютежем. Владимир Тыцких (слева) и Юрий Филиппов

Летний лагерь КВВМПУ под Лютежем. В перерыве между занятиями по катерной практике

Практика по военной психологии. С орудием труда Александр Пономарёв. На лобном месте Валерий Кулешов

*Вёсла на воду! И – раз!!! Левый ряд (с кормы в нос): В. Ермолаев, Ю. Лебедев, В. Янцовский.
Правый ряд: лейтенант Мусиенко, за его спиной В. Низин*

Практика на Северном флоте. Николай Кириченко (слева), Юрий Филиппов

*Группа курсантов, занимавшихся психологическим отбором абитуриентов.
Лютетский лагерь, 1971 г. Э. Какабадзе, Н. Царик, А. Бойчук,
В. Тыцких, В. Агеенко (слева направо)*

В КВВМПУ – Главком ВМФ Адмирал флота Советского Союза С.Г. Горшков

*Юрий Лебедев, командир роты капитан 3 ранга В. П. Барабаш
и Юрий Филиппов (слева направо)*

*На марше – третьекурсники!
Впереди строя командир второй роты Владислав Петрович Барабаш*

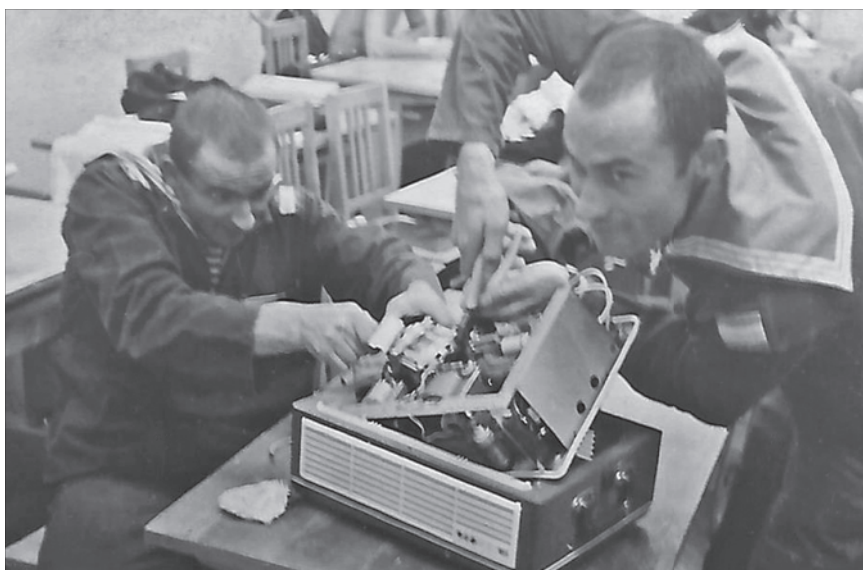
313 класс

У доски будущий адмирал старшина 2 статьи Александр Дьяконов

У снаряда Владимир Васильев

И в этой технике мы тоже волокём! Юрий Антонов (слева) и Николай Кириченко

В бассейне «Динамо». Юрий Антонов (слева), Владимир Васильев

321 класс. Ещё один экзамен сдан!

Юрий и Зиночка Филипповы

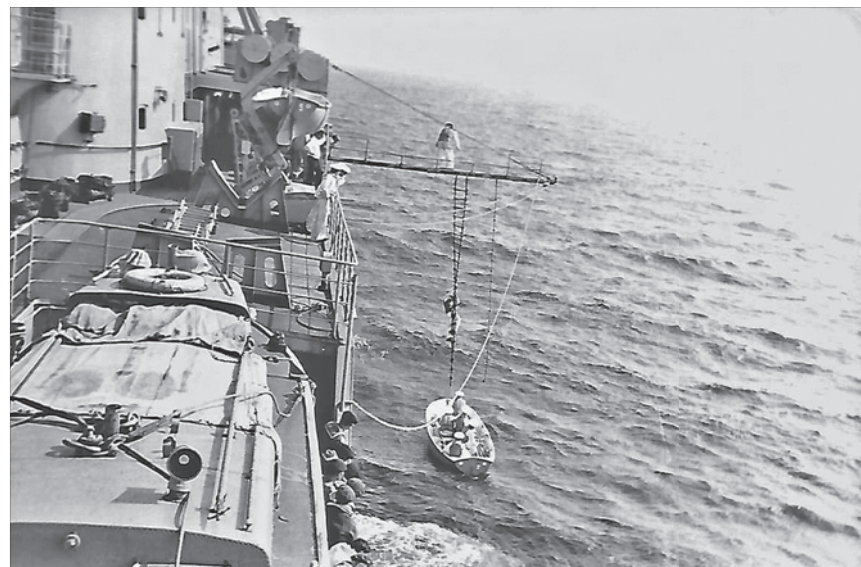
*Ну, за успех! Юрий Лебедев (справа), Александр Долгоруков
в гостях у Юрия Филиппова (за кадром)*

Молодожёны Светлана и Николай Кириченко. Справа Василий Лысенко

Учебный корабль проекта 1886У «Гангут»

Средиземное море. Шлюпочные учения.

У Геракуловых столбов

До Босфора ещё далеко

Князь Долгорукий – у центрального входа с якорем и у заветной черты с курсовками

Скоро выпуск

*Татьяна
и Владимир Тыцких*

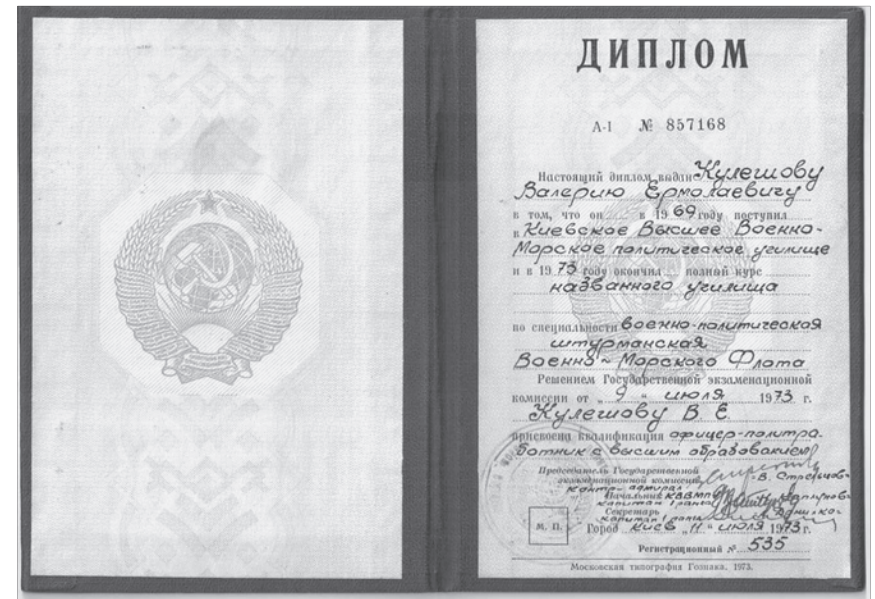
Балтика. Стажировка. Владимир Мушинский

Балтика. На ГКП морского тральщика стажёр Николай Егоров

Черноморский флот. Василий Лысенко на стажировке

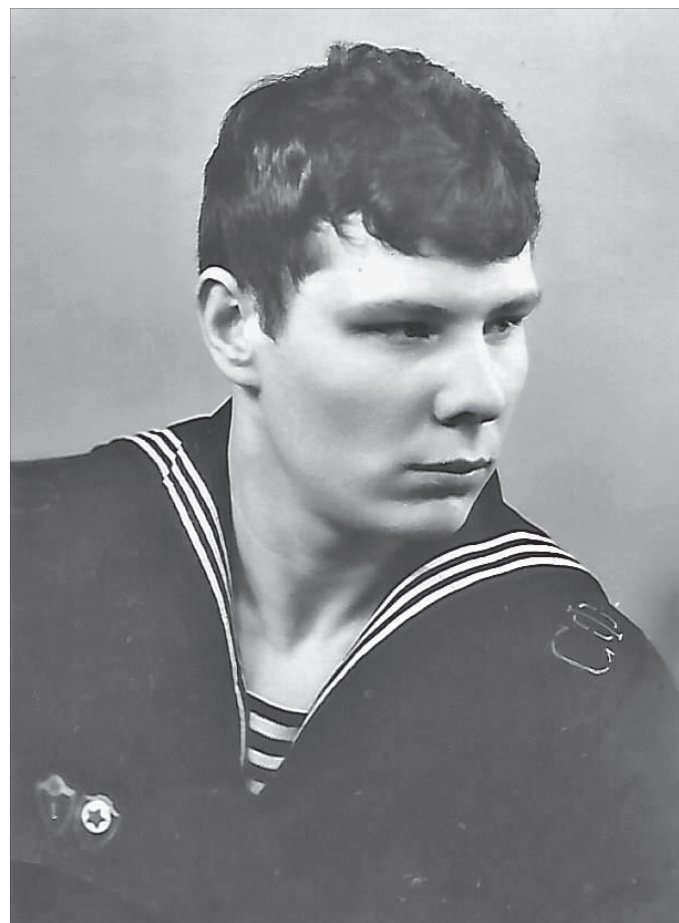

Выпуск 1973 г. Кортик и погоны лейтенанта получает Валерий Кулешов

Последний раз в одном строю

Владимир Васильевич ВАСИЛЬЕВ

Родился в 1948 году в Новом Афоне в Абхазии. В этом же году родители переехали в Пермскую область на Урал. В селе Бизяр окончил школу и поступил в горное училище. В 1967 году призван в Военно-Морской флот. Служил в Североморске. В 1969 году поступил в КВВМПУ. После окончания училища служил на Балтике на МПК-150, МТЩ «Контр-адмирал Першин», ПЛ «С-341». В 1978 году поступил в академию. С 1981 года служил на разных должностях на Тихоокеанском флоте. Прошёл через эскадру Средиземного моря, эскадру Индийского океана, соединение в Камрани. С 1992 года не служу, работаю в общеобразовательной школе. Учитель. Трое детей: дочь Люба, сын Максим, дочь Павла. Две внучки: Софья и Марина. Есть первый внук Денис. День 70-летия Великой Победы встретил в строю. Со мной прошли в бессмертном полку мои отец и мать.

С уважением Владимир Васильев. Город Фокино.

С Дианой Борисовной. Лиепайская военно-морская база. 1973 г.

Начальник политотдела 21 дивизии РПК СН. 1991 г.

Олег Яковлевич ГРЕЧКО

Родился в 1951 г. в г. Красная Поляна Московской области (ныне г. Лобня). В 1968 г. окончил среднюю школу № 1 г. Североморска Мурманской области. Учился в Московском полиграфическом институте, техническом (книготорговом) училище № 97 г. Москвы. Работал в московском «Доме политической книги» экспедитором. Занимался в драматической студии при Московском дворце профтехобразования.

В КВВМПУ – курсант, старшина 2 статьи. Член сборной команды училища по борьбе самбо. Редактор радиогазеты батальона.

1973–1974: старший инструктор по комсомольской работе политотдела Лиепайской ВМБ. 1974–1976: заместитель по полит. части командира МРК «Град» 76 бригады эскадренных миноносцев 12 дивизии ракетных кораблей Дважды Краснознамённого Балтийского флота. 1976–1978: заместитель по полит. части 106 дивизиона малых ракетных кораблей («дивизион плохой погоды») 76 БЭМ 12 ДИРК ДКБФ. 1978–1982: заместитель начальника политотдела 55 бригады ракетных катеров Северного флота (Печенгская Краснознамённая, ордена Ушакова 1 степени бригада ракетных катеров), пос. Гранитный Мурманской области. 1982–1985: начальник политотдела 55 бригады ракетных катеров Северного Флота. 1985–1988: заместитель начальника политотдела 7 оперативной эскадры кораблей СФ (Атлантическая эскадра), г. Североморск. 1988–1990: начальник политотдела 37 дивизии морских десантных сил СФ, г. Североморск. 1990–1991: заместитель начальника политотдела Главного штаба ВМФ и управлений Главкомандующего ВМФ, г. Москва. 1991–1992: первый заместитель секретаря партийного комитета Центрального аппарата ВМФ и частей Центрального подчинения ВМФ (должность выборная на 1 партийной конференции ВМФ, штатная категория контр-адмирал).

В 1977 году поступил и в 1981 году окончил заочный факультет Военно-политической академии им. В.И. Ленина по военно-морской специальности. Все годы учебы был секретарём партийной организации курса. Уволился в запас по орг. штатным мероприятиям в феврале 1992 года. Капитан 1 ранга. 1992–1995: председатель правления Московского делового

На сходе, или лейтенантское счастье. Лиеная

фонда бывших военнослужащих «Марс Меркурий». 1993: руководитель экспедиции в Гоа российско-индийского рыболовецкого СП «Зелёная волна». 1995–1997: работа в Государственном таможенном комитете РФ (ведущий инспектор управления кадров, начальник отдела кадров Управления по борьбе с таможенными правонарушениями, заместитель начальника Управления кадров – начальник инспекции по личному составу). 1997–1999: заместитель генерального ди-

ректора ЗАО «ВИП-интернешнл», Международный аэропорт Шереметьево. 1999–2001: Группа компаний «Москва», заместитель генерального директора ЗАО «ЭкоТехПромотходы» и одновременно директор ООО «Санита». 2001–2003: работа в Федеральном государственном унитарном предприятии «РОСТЭК» (директор по Центральному Федеральному округу, заместитель ген. директора – начальник управления эксплуатации и имущественных отношений, И.О. генерального директора). 2003–2004: директор ЗАО «РОСТЭК – Московский регион». 2005–2009: директор ЗАО «ЭкоТехПромотходы». 2010: директор ФГУП «Курорт-парк «Союз»» МИД РФ. С 2011 г. военный пенсионер, ветеран военной службы.

Награждён орденами Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 3 степени, 12 медалями. Дважды избирался народным депутатом в Североморский городской совет. Участник Всеармейского совещания секретарей комсомольских организаций, Всеармейского совещания отличников боевой и политической подготовки. Делегат Первого Всеармейского офицерского собрания. Член Всеармейского партийного комитета.

Московская область, г. Химки ул. Коммунистическая, д. 4, кв. 8. oleggrechka@yandex.ru

Александр Геннадьевич ДЬЯКОНОВ
Родился в 1951 г. в г. Стерлитамаке Башкирской АССР (ныне республика Башкортостан). Окончил среднюю школу № 3 г. Стерлитамака БАССР. До поступления в Киевское ВВМПУ работал литературным сотрудником (корреспондентом) городской газеты «Стерлитамакский рабочий». До этого, учась в школе, состоял в литературном объединении редакции газеты, был последовательно юнкором и внештатным корреспондентом. В училище был на 1, 2 курсах комсоргом класса, увлекался литературой, йогой, состоял в научном кружке лектора-международника, выступал по указанию руководства перед рабочими молодёжными аудиториями и коллективами ряда предприятий г. Киева.

Северный флот, 1973–1975: секретарь комитета ВЛКСМ ракетного крейсера «Адмирал Зозуля» 120 бригады ракетных кораблей 7 ОПЭСК. 1975–1977: помощник начальника политотдела по комсомольской работе 7 ОПЭСК. 1977–1979: заместитель командира по политчасти эсминца «Спокойный» 170 бригады противолодочных кораблей 7 ОПЭСК. 1979–1980: старший инструктор по организационно-партийной работе политотдела 7 ОПЭСК.

Москва, 1980–1982: старший инструктор, затем заместитель начальника отдела комсомольской работы Политуправления ВМФ. 1982–1984: старший инструктор Главного политуправления СА и ВМФ.

Владивосток, Морское кладбище, памятник героям «Варяга». Капитан 3 ранга А. Дьяконов (справа) и капитан 3 ранга В. Тыцких.

Северный флот, 1984–1987: заместитель начальника политотдела 50 дивизии атомных ракетных подводных лодок 9 ЭСКПЛ. 1987–1991: заместитель командира 7 дивизии атомных ракетных ПЛ 9 ЭСКПЛ по политчасти – начальник политотдела дивизии. 1991–1992: начальник отдела организационно-партийной работы Военно-политического управления СФ, затем начальник отдела социально-правовой работы и воинской дисциплины аппарата по работе с личным составом СФ. 1992–1993: заместитель начальника аппарата, затем управления по работе с л/с флота. С декабря 1995 по май 2008 гг. – заместитель командующего СФ по воспитательной работе – начальник управления воспитательной работы СФ, член Военного совета флота. В мае 1996 г. присвоено звание «контр-адмирал». Уволен в запас по возрасту в 2008 г.

Кандидат исторических наук с 2002 г., член-корреспондент Академии военных

На борту тяжелого атомного ракетного крейсера «Петр Великий» с Министром обороны РФ С.Б. Ивановым, Северный Флот, 2003 г.

наук с 2004 г. В 1985 г. закончил заочно военноморской факультет Военно-политической академии им. В.И. Ленина с дипломом с отличием и золотой медалью. В 2004 г. окончил с отличием спецфакультет Военной академии Генерального штаба. В 2010 г. окончил заочно Северо-Западную Академию государственной службы (г. Санкт-Петербург). С 2008 начальник службы безопасности Мурманского филиала ООО «Севморнефтегаз» ОАО «Газпром», заместитель директора по безопасности и общим вопросам Мурманского филиала АО «Штокман Девелопмент АГ», директор Мурманского и Териберского филиалов АО «Штокман Девелопмент АГ», с 2014 года директор Териберского филиала АО «Штокман Девелопмент АГ». С марта 2015 г. – советник Главного исполнительного директора АО «Штокман Девелопмент АГ» (г. Москва).

Награжден орденами Почёта, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени, орденом РПЦ «Сергия Радонежского» III степени, многими медалями.

Николай Иванович ЕГОРОВ

Родился 12. 04. 1947 г. в г. Канаш Чувашской Республики РСФСР. Окончил Зеленодольский судостроительный техникум (1967), Киевское высшее военно-морское политическое училище (1973), Военно-политическую академию им. В.И. Ленина (1979), академические курсы руководящего состава ВС СССР (1986). Срочная служба в Московском военном округе (1967–1969). Заместитель командира по политической части: БЧ-5 эскадренного миноносца «Степанный» (1973–1974), малого ракетного корабля «Молния» Балтийского флота (1974–1976), атомного подводного ракетного крейсера на Камчатке (1979–1982). Заместитель начальника политического отдела 28 дивизии атомных подводных лодок ТОФ (1982–1985), начальник отделения пропаганды и агитации, заместитель начальника политического отдела Сахалинской флотилии (1985–1990), в распоряжении Главкома ВМФ (1990–1991), начальник политического отдела Первого Краснознамённого ордена Ушакова I степени учебного отряда ВМФ (1991–1993), уволен в запас по сокращению (1993), начальник оперативного отдела Пинской таможни (1993–1996), инспектор, старший инспектор ОТО и К № 2 и № 5 Пинской таможни (1996–2010), вышел в отставку 01.07.2010.

С однокурсником Юрием Павловым.

С Геннадием Зюгановым.

Секретарь комсомольской организации роты, во время срочной службы вступил в Коммунистическую партию в 1968 г., парторг класса в училище, секретарь парторганизации эсминца «Степный», председатель народного контроля 28 дивизии АПЛ, член парткома штаба Сахалинской флотилии, член Советско-Гаванского горкома партии, преподаватель, зав. кафедрой университета марксизма-ленинизма, председатель совета ветеранов Днепровской военной флотилии, член Брестского областного и Республиканского советов ветеранов, член Республиканского совета союза военных моряков. Почётный член Белорусского союза офицеров. Делегат II, III, IV Всебелорусского народного собрания. Делегат учредительного съезда Белорусского общественного объединения «Белая Русь», член Пинского городского совета ОО «Белая Русь». Руководитель предвыборного городского штаба в поддержку А.Г. Лукашенко на выборах Президента Республики Беларусь в 2010 году. Председатель Пинского городского совета ветеранов с 1995 по настоящее время.

Президент Республики Беларусь А. Лукашенко поздравляет с вручением ордена Почёта.

33 года выслуги в Вооружённых Силах СССР и 17 лет в таможенных органах Беларуси. Прошёл 4 океана и более 20 морей, 9 дальних походов. Участвовал в боевых операциях в Красном море и в зоне Персидского залива. В Индийском океане вели слежение за 4 авианосцами США и 2 подводными лодками противника. Находясь под водой и сохраняя скрытность плавания в период войны в Эфиопии, были под авианосцем «Констеллейшен» более 16 суток в готовности применить оружие. Участник «холодной» войны.

После гибели атомной подводной лодки «Курск» создал организацию моряков-подводников в городе, открывших мемориальный комплекс на доме, где проживал у родителей старший помощник командира «Курска» капитан 2 ранга С.В. Дудко.

Награждён: орденом «За службу Родине в ВС СССР» (1982), орденом Почёта (2012), орденом «За заслуги в ветеранском движении» (2014), медалью «За безупречную службу» трёх степеней, медалью «Ветеран ВС СССР» и ещё 16 юбилейными медалями, грамотой Министра обороны ВС СССР, грамотой мэра Москвы, грамотами командующих Тихоокеанского и Балтийского флотов. На Всеармейском совещании в Москве Маршал Советского Союза Д.Т. Язов лично вручил погоны капитана 1 ранга досрочно. Удостоен трёх Благодарственных писем Президента Республики Беларусь (2001, 2006, 2010). Награжден в честь 100-летия подводного флота ценным подарком, позолоченными наручными часами с гравировкой «От Президента Республики Беларусь».

225710 г. Пинск, ул. Днепровской флотилии, д. 21, каб. 6, Совет ветеранов. т. 32-41-71.

Светлана Николаевна КИРИЧЕНКО (МАКСИМОВА)

Родилась в 1945 году в семье военнослужащего в г. Кизеле Пермской области. Детские годы провела на Дальнем Востоке, в г. Уссурийске, училась в школе № 25. Вместе с семьёй жила в Москве, училась в школах № 438, 725, 738, 150. В Киеве окончила школу № 53. Окончила филологический факультет Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (1968), аспирантуру, получила учёную степень кандидата филологических наук, защитив кандидатскую диссертацию по творчеству В.В. Маяковского. Работала в Киевском высшем военно-инженерном артиллерийском училище преподавателем русского языка для вьетнамских военнослужащих, в Киевском высшем военно-морском политическом училище преподавателем русской и зарубежной литературы, в Киевском государственном педагогическом институте иностранных языков преподавателем русской литературы для иностранных студентов. В 1991 году переехала с семьёй в Севастополь, преподавала русскую и зарубежную литературу в средней школе, в филиале Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. В настоящее время занимает должность доцента кафедры журналистики и славянской филологии в Севастопольском государственном университете.

На втором плане Василий Лысенко.

Занимается проблемами современного литературоведения: исследованием жанров массовой литературы, анализом севастопольских текстов, изучением вопросов психологии и психиатрии в художественном творчестве. Имеет более 60 публикаций в научных сборниках и журналах: «Язык и культура», «Культура народов Причерноморья», «Вестник крымских литературных чтений», «Медицина в художественных образах», «Таврический журнал психиатрии». Автор воспоминаний о родителях-фронтовиках, о жизни в Уссурийске (дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь» – 2010, № 7; 2011, № 9), книги «Пока жива память» и др.

Награждена медалью Президиума Верховного Совета СССР «В память 1500-летия Киева» (1984 г.)

299040, г. Севастополь, проспект Генерала Острякова, д. 119, кв.152., Моб. тел. +7 978 005 74 96 (МТС). Svetlanikir@yandex.ru

299040, г. Севастополь, проспект Генерала Острякова, д. 119, кв.152., Моб. тел. +7 978 005 74 96 (МТС). Svetlanikir@yandex.ru

Наши в Германии

*Выпуск внука Андрея в школе.
Дочь Лена, внук Андрей, Светлана Кириченко, её муж Юра. 2014 г.*

Валерий Ермолаевич КУЛЕШОВ

Родился в 1947 г. в деревне Прислон Вилегодского района Архангельской области. В 1964 г. окончил Никольскую среднюю школу (село Никольск). После школы работал в леспромхозе (с. Харитоново) рабочим пути, помощником машиниста паровоза узкоколейной железной дороги (УЖД).

В 1966 г. призван на срочную службу, которую проходил в учебном отряде подводного плавания в Кронштадте по специальности моторист, мотористом на подводной лодке 641 проекта в г. Полярный Мурманской обл. В 1969 г. поступил в КВВМПУ.

После училища в 1973 г. назначен на должность редактора многотиражной газеты крейсера «Дзержинский» (г. Севастополь), через полгода – секретарем комитета ВЛКСМ крейсера; в 1976 г. – помощником начальника политотдела соединения ОЗНАЗ по комсомольской работе; в 1977 г. – заместителем командира малого разведывательного корабля ЧФ; в 1979 г. поступил в ВПА им. В.И. Ленина, после окончания которой в 1982 г. был назначен

заместителем командира по политчасти ракетного подводного крейсера стратегического назначения (Тихоокеанский флот). В 1985 г. назначен старшим инструктором отдела политуправления ТОФ; в 1987 г. – старшим преподавателем кафедры гуманитарных дисциплин ТОВВМУ им. С.О. Макарова; в 1992 г. – доцентом, в 1995 г. – профессором. С этой должности уволился в запас в звании капитана 1 ранга и продолжил работать на кафедре в должности профессора. Во время службы и работы на педагогическом поприще защитил диссертации на соискание ученой степени кандидата (1992 г.), затем доктора философских наук (1998 г.); в 2001 г. присвоено учёное звание профессора по кафедре философии.

Участник VI Всесоюзного совещания молодых писателей Советского Союза. Автор трёх поэтических сборников, научно-популярных книг «Пред жизнью, смертью и любовью» (Владивосток, Дальневосточная государственная академия искусств), «Человек перед лицом вечных проблем» (Германия, Lambert Academic Publishing, 2014 г.), ряда монографий по этико-философским проблемам. Заведующий отделом публицистики дальневосточного журнала «Сихотэ-Алинь». Лауреат премии МО РФ за лучшую научно-исследовательскую работу (2008 г.), победитель международного литературного конкурса «Моё прочтение советской классики» («Литературная Россия», 2001 г.). Адрес: 690062 г. Владивосток, переулок Днепровский, д. 2, кв. 7. Эл. адрес: valkulesh@mail.ru.

Виктор Александрович НИЗИН

Родился в д. Юрки Новосибирской области в 1949 г. Окончил Блюдчанскую среднюю школу в 1966 г. Работал учителем немецкого языка и пения в Юрковской восьмилетней школе. В мае 1968 г. призван на действительную срочную службу, которую проходил в Радиотехнической школе Тихоокеанского флота курсантом, затем инструктором кабинета по боевому использованию гидроакустических станций.

В 1969 году в воинском звании старшина 2 статьи поступил в КВВМПУ. В 1970 году в течение 6 месяцев исполнял обязанности старшины класса. Участвовал в художественной самодеятельности, был членом ВНОК (военно-научного общества курсантов) по истории СССР. По окончании училища в 1973 году направлен служить в военно-морские части Центрального подчинения. Проходил службу в должностях: секретаря комитета ВЛКСМ Центрального морского радиоотряда ОсНаз ВМФ; старшего инструктора по ком-

У Паши Монастырского. Владивосток, госпиталь для ветеранов, 2014 г.

Отец и сын

сомольской работе Политического отдела военно-морских частей и учреждений центрального подчинения; помощника по комсомольской работе начальника политотдела Центрального узла связи ВМФ; пропагандиста Центрального морского радиотехнического отряда ОсНаз ВМФ; заместителя по политчасти командира 7 комплекса ОсНаз ВМФ; заместителя командира береговой базы по политчасти 18 дивизии АПЛ Северного флота; старшего инструктора по пропаганде и агитации политотдела тыла 1 ФЛПЛ Северного флота; старшего помощника начальника отделения по работе с личным составом тыла 1 ФЛПЛ Северного флота.

В 1987 году окончил военно-педагогический факультет ВПА им. В.И. Ленина (заочно). В 1994 году уволен в запас в звании капитан 2 ранга. В 1999 году, после прохождения учебных сборов, приказом Министра обороны РФ присвоено воинское звание капитан 1 ранга.

С декабря 1994 года – заведующий организационным отделом Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн им. Н.В. Пушкова (ИЗМИРАН) в г. Троицке.

Награжден медалью «За боевые заслуги» (1984), знаком «Почётный ветеран Подмосковья» (2011).

Адрес: г. Москва, поселение Десеновское, пос. Ватутинки-1, д. 36, кв. 50.

e-mail: v/nizin@yandex.ru

Встреча однокурсников – североморца, черноморца и тихоокеанца. Западная Лица, 1991 г.

В день принятия присяги

Владимир Михайлович ТЫЦКИХ
Родился в г. Лениногорске (Риддере) в 1949 г. Окончил Усть-Каменогорское медицинское училище по специальности фельдшер, заведовал медицинским пунктом в с. Кок-Терек Больше-Нарымского района в Восточном Казахстане. В 1968 г. призван на действительную военную службу. 1968–1969: Краснознамённый Тихоокеанский флот, отдельный военно-морской радиотехнический дивизион особого назначения, фельдшер – матрос, старший матрос (пост разведки на острове Аскольд, управление дивизиона во Владивостоке). 1969–1973: КВВМПУ. 1973–1977: Дважды Краснознамённый Балтийский флот, 76 бригада эскадренных миноносцев, ЭМ «Огненный» – зам. командира БЧ-5 по политической части, политотдел бригады – помощник начальника политотдела по комсомольской работе; 54 бригада аварийно-спасательных судов, замполит спасателя СС-35 (Латвия, Лиепая). 1977–1990: Краснознамённый Тихоокеанский флот, 6 эскадра подводных лодок, 19 бригада ДИПЛ, подводные лодки «Буки-833», «Буки-90» – заместитель командира по политчасти; редакция газеты «Боевая вахта» – корреспондент-организатор отдела партийной жизни, начальник отдела писем, начальник отдела пропаганды. В звании капитана 2 ранга уволен в запас в связи с избранием на должность ответственного секретаря Приморской краевой организации Союза писателей России. В течение 6 лет возглавлял Приморскую писательскую организацию, являлся членом правления и секретарём правления СП РФ. Затем руководил студией писателей-баталистов и маринистов Тихоокеанского регионального управления Федеральной пограничной службы РФ, департаментом информации и печати Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского. Много лет был членом редколлегии журнала «Дальний Восток», постоянным корреспондентом газеты «Литературная Россия» в Приморье. Организатор Дней славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке, некоммерческой издательской программы «Народная книга», в рамках которой увидели свет более 120 книг российских и зарубежных литераторов, редактор журнала «Сихотэ-Алинь». Автор более трёх десятков книг поэзии, прозы, публицистики, литературной критики, изданных в Арсеньеве, Владивостоке, Норильске, Москве, Усть-Каменогорске. Публиковался более чем в семидесяти антологиях и сборниках в столичных и региональных издательствах; в журналах «Алтай», «Байкал», «Бежин

С Ольгой. Владивосток, 1985 г.

Монголия, Чойбалсан. 1989 г.

луг», «Берега», «День и ночь», «Звезда», «Знамя», «Литературный Владивосток», «Москва», «Московский вестник», «Наш современник», «Огни Кузбасса», «Октябрь», «Простор», «Сибирские огни», «Слово Забайкалья», «Смена», «Советский воин», «Студенческий меридиан», «Юность» и др., в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Советская Россия», «Литературная газета» и др. Отмечен десятью лауреатскими званиями в Москве, Хабаровске, Владивостоке, Нью-Йорке: лауреат премии Приморского комсомола, Международной премии «Пушкинская лира», Всероссийской премии «Твои, Россия, сыновья», лауреат журнала

«Пограничник», журнала «Дальний Восток», газеты «Литературная Россия» и др. Награды: золотая медаль им. Константина Симонова, медаль им. Генералиссимуса Александра Суворова, им. Валентина Пикуля и др., часы от Министра обороны СССР, часы от Главкома ВМФ СССР, часы от Директора Федеральной пограничной службы «Защитнику границы» и др., грамоты ЦК ЛКСМ Латвии, Главкома ВМФ, Архирейская – митрополита Владивостокского и Приморского и др., знаки «Отличник Погранвойск» КГБ СССР, «Отличник погранслужбы» Федеральной пограничной службы РФ и мн. др. Действительный член Русского географического общества. Член Союза журналистов СССР (1983 г.), член Союза писателей СССР (России) с 1988 г. Заслуженный работник культуры России (1998). Работает в Дальневосточной государственной академии искусств. Живёт во Владивостоке. Тел. 891433578819, mail: vladimirkaz@yandex.ru

Черноморский флот. Крейсер «Жданов».

ского дивизиона по политчасти. С ноября 1973 года по ноябрь 1976 года выполнял почётное задание по вводу в строй и передаче в состав Краснознаменного Тихоокеанского флота головного корабля пр. 1135 СКР «Разумный». Получили на заводе «Янтарь» в Калининграде. После сдачи всех курсовых задач – годовая служба и переход из Балтийска в Петропавловск-Камчатский с заходами в Конакри – Гвинея, Порт-Луи – Маврикий, Берберу и Кисимаи – Сомали, Аден, Сингапур, Владивосток. Бригада противолодочных кораблей, бухта «Раковая». 1976–1978: зам. командира МТ-27 по политчасти (бригада ОВРА, бухта Завойко, Петропавловск-Камчатский). 1978–1981: зам. командира ПСКР-498 по полит. части Морчастей Погранвойск КГБ СССР. Николаевск-на-Амуре – Советская Гавань – Корсаков (Сахалин), 9 бригада Краснознаменного Тихоокеанского пограничного округа. Имел допуск к самостоятельному управлению кораблем, выходил в качестве командира корабля на боевую службу. В период службы по охране госграницы и 200-мильной зоны были задержаны десятки японских и корейских промысловых шхун за нарушение нормы рыболовства, на них наложен штраф боле 150000 тысяч долларов. С 1981 – зам. командира ПСКР «Николай Сипягин» 10 бригады Краснознаменного Тихоокеанского

Пограничный столб № 1. Берингов пролиа, о. Ратманова. 1982 г.

Николай Иванович ШАКИН
Родился в 1948 г. в селе Елховка Хвалынского района Саратовской области. 10 лет в ВМФ СССР (1967–1977), 17 лет (1977–1994) в Морских частях Погранвойск КГБ СССР. Призван на службу на КЧФ, на подшефный крейсер «Жданов» по путёвке Саратовского обкома комсомола в мае 1967 г. Служил машинистом-турбинистом. Через 4 месяца стал секретарём комсомольской организации машинной группы, заместителем секретаря комитета ВЛКСМ крейсера. С сентября 1967 до поступления в КВВМПУ – инструктор по комсомольской работе политотдела бригады кораблей. После выпуска по ноябрь 1973 г. с однокурсниками Анатолием Белюком и Александром Пономаревым (старший лейтенант А. Пономарёв погиб в 1 башне крейсера во время стрельб в 1978 году) – на крейсере управления «Адмирал Сенявин» – зам. командира электротехниче-

пограничного округа (г. Владивосток). С 1983 – ПСКР-650, ПСКР «Одесса» 18 бригады Краснознаменного Западного пограничного округа. 1987–1989: зам. командира дивизиона кораблей КЗПО КГБ СССР (г. Одесса). 1985–1988: учёба в Высшей ордена Октябрьской Революции партийной школе при ЦК Компартии Украины. 1989–1994: инструктор политуправления Краснознаменного Западного пограничного округа, заместитель начальника политотдела ОКПП «Киев-Аэропорт» ПВ КГБ СССР.

Все подразделения, корабли, соединения кораблей, где служил, были передовыми или отличными. В 1984 году объявлен лучшим офицером морских частей погранвойск Краснознаменного Западного пограничного округа КГБ СССР. Капитан 3 ранга. Награды: 11 медалей, грамоты ЦК ВЛКСМ и ЦК КПСС. Живёт в Омске.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александр ДЪЯКОНОВ. ВСПОМНИМ, КАКИМИ МЫ БЫЛИ	5
Светлана КИРИЧЕНКО. ВМЕСТЕ С ВАМИ	7
Олег ГРЕЧКО. СТРАНА КВУМПАРИЯ	89
Владимир ТЫЦКИХ. НА ВОЛНЕ И ПОД ВОЛНОЙ	194
ИЗ ФЛОТСКИХ АЛЬБОМОВ	310

С Александром Дьяконовым (слева). Сочи, санаторий «Волна». 2005 г.

Светлана КИРИЧЕНКО
Олег ГРЕЧКО
Владимир ТЫЦКИХ

КИЕВСКИЙ МОРПОЛИТ – ТРЕТИЙ ВЫПУСК
Предисловие: **Александр ДЬЯКОНОВ**

Историко-публицистическое издание

Технический редактор **Иван КОНЧАТНЫЙ**
Сканирование снимков: **Эльвира КОЧЕТКОВА**
Допечатная подготовка: **Владимир КОСТЫЛЕВ**
Обложка: **Владимир КОСТЫЛЕВ**
Корректурa авторская.

Подписано в печать 10.06.2015 г.
Формат 60X84/16. Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 250 экз.

Отпечатано в ЗАО «Полицентр»
г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.
Тел. (42361) 4-45-89